БЫТЬ ГУВЕРНАНТКОЙ

Как воспитать принцессу

КАК ЖИЛИ ЖЕНЩИНЫ РАЗНЫХ ЭПОХ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Быть принцессой — нелегкий труд, вырастить принцессу — практически подвиг. Авторы этой книги — гувернантки августейших семей. Они посвятили свою жизнь тому, чтобы научить маленьких наследниц трона хорошим манерам. Для того, чтобы добиться восхитительного изящества в каждом движении, обучить нескольким языкам и развить такие необходимые королевским особам качества, как: благородство, великодушие и решительность, — требовалось поистине королевское терпение гувернанток. О том, как протекала их жизнь за стенами королевских покоев, как день за днем подрастали под их бдительным присмотром юные принцессы, вы узнаете из этой книги.

- Быть гувернанткой. Как воспитать принцессу
  - Предисловие
  - Часть I
    -
    - Из записок Николая I
    - Из духовного завещания Николая I
    - Из мемуаров великой княгини Ольги Николаевны «Сон юности»[1]
    - Из мемуаров великой княгини Ольги Николаевны «Сон юности»
    - Из мемуаров Александры Осиповны Смирновой-Россет
    - Из мемуаров великой княгини Ольги Николаевны «Сон юности»
    - Окулова Анна Алексеевна
  - Часть II
    -
    - Из воспоминаний Анны Тютчевой[45]
    - Из дневника Анны Тютчевой
    - Из воспоминаний Анны Тютчевой
  - Часть III
    -
    - Из воспоминаний Анны Вырубовой, дочери главноуправляющего собственной Его Императорского Величества канцелярии Александра Сергеевича Танеева, фрейлины Александры Федоровны
    - Из воспоминаний великого князя Александра

Михайловича[143]
- Маргарет Игер
  -
  - Глава I. О моем путешествии
  - Глава II. О Зимнем дворце
  - Глава III. О Санкт-Петербурге
  - Глава IV. О Царском Селе
  - Глава V. О пасхе
  - Глава VI. О Петергофе
  - Глава VII. Об отце Иоанне
  - Глава VIII. Беглый взгляд на Польшу
  - Глава IX. Суровая жизнь российского крестьянства
  - Глава X. В поисках волшебного цветка
  - Глава XI. Российское рождество
  - Глава XII. Жизнь в Кремле
  - Глава XIII. В Беловежье
  - Глава XIV. Молодой офицер и куклы
  - Глава XV. Маленькая освободительница
  - Глава XVI. Моя первая встреча с королем
  - Глава XVII. Заблудившаяся в лесу
  - Глава XVIII. О детях
  - Глава XIX. Херсонес
  - Глава XX. Священник
  - Глава XXI. Принцесса Элла
  - Глава XXII. Начало войны
  - Глава XXIII. Русские солдаты
  - Глава XXIV. Покушение на жизнь царя
  - Глава XXV. Общественная жизнь в России
  - Глава XXVI. Причуды почтовых отделений в России
  - Глава XXVII. Подлинная история погрома в Кишиневе[270]
  - Глава XXVIII. Русское духовенство
  - Глава XXIX. Еще о крестьянах и о детях
  - Глава XXX. Образование в России
  - Глава XXXI. Рождение наследника
- Из дневника Александры Викторовны Богданович — жены генерала от инфантерии писателя Евгения Васильевича Богдановича
  - Литература
  - Иллюстрации
- notes
  - 1

- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45

- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89

- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133

- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177

- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221

- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265

- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291

Быть гувернанткой. Как воспитать принцессу

Предисловие

Быть принцессой — это работа, чем-то похожая на работу актрисы или манекенщицы. Нужно уметь носить очень красивые и дорогие, и одновременно очень неудобные платья, в которых нельзя бегать, прыгать и играть в свое удовольствие. Нужно быть очень элегантной и грациозной и все время улыбаться. Нужно всем говорить любезности и никому не верить.

Нужно выйти замуж за малознакомого человека, уехать с ним в чужую страну и молиться о том, что твои родители не ошиблись с выбором, что твой муж не окажется садистом или извращенцем и, наконец, что ты быстро родишь нужное количество детей нужного пола. Нужно помогать мужу в его государственных трудах, при этом ни в коем случае не показывая, что ты влияешь на политику, иначе тебя возненавидят. Нужно знать, кого можно и нужно вовремя осадить, а с кем ссориться ни в коем случае нельзя. Нужно защищать интересы своей родины, но так, чтобы этого никто не понял, иначе тебя назовут предательницей на твоей новой родине. И наконец, нужно не забывать о своих интересах, потому что больше о них не позаботится никто.

На эту работу не нанимают. Принцессы не подписывают контракта, и никто не обещает им вознаграждения. Они просто рождаются вместе со своими обязанностями, и не в их власти отказаться.

И наконец, если сапожники учатся у сапожников, доктора — у докторов, ученые — у ученых, то принцесс учат простыне смертные: бонны, гувернантки, педагоги. Как правило, у них есть свое представление о том, как должна вести себя настоящая принцесса, чего ждут от нее ее родители и страна, и их мало волнует, чего хочет сама их воспитанница. Они приходят во дворец, преследуя свои цели, желая влияния, славы или денег, и желания их маленькой ученицы волнуют их не больше, чем резчика волнуют желания дерева.

Но все же, если у гувернантки доброе сердце и открытая душа, она может подружиться со своей воспитанницей. Иногда эта дружба может продолжаться всю жизнь, и старая гувернантка будет нянчить детей своей бывшей ученицы. Но бывает и по-другому. Времена меняются, меняются интересы и цели, старые, казалось бы, нерушимые дружбы разрываются, и остается только вспоминать прошлое и писать мемуары.

Но, по правде говоря, гувернантки редко писали мемуары. Может, потому, что во всякой семье неизбежно есть свои маленькие некрасивые тайны, о которых не очень хочется

рассказывать, особенно если это семья венценосная. А может, потому, что гувернантки не привыкли задумываться о себе, о своем месте при дворе. Поэтому эта книга будет не совсем обычной. В первой части воспитанница расскажет о своих педагогах, во второй мы узнаем историю дочери поэта, которая стала придворной дамой, из придворной дамы — гувернанткой, а из гувернантки — политиком. И наконец, в третьей нас ждут мемуары воспитательницы последних русских принцесс. Приятного чтения.

Быть гувернанткой — непростая, но очень важная миссия.

«Воспитание — это то, что остается, когда все остальное потеряно».

(Надин де Ротшильд)

Часть I
Дочери Николая I, или у семи нянек дитя без глазу

Быть воспитательницей царских детей — ответственная работа. Особенно когда император такой строгий, каким был Николай I. Сначала в семье родился наследник, великий князь Александр. Для него был сформирован целый штат нянек, в главе которого стояла директриса Смольного института Юлия Федоровна Адлерберг.

Урожденная Анна Шарлотта Юлиана Багговут, она происходила из Багговутов — дворянского рода выходцев из Норвегии. Родилась Юлия в Ревеле 15 (26) октября 1760 года. Она уже была вдовой полковника Густава-Фридриха (Федора Яковлевича) Адлерберга, когда в 1797 году Мария Федоровна и Павел пригласили ее воспитывать своих младших сыновей Николая и Михаила. Юлия Федоровна подчинялась назначенной еще Екатериной II Шарлотте Карловне Ливен.

Шарлотту Карловну Николай очень уважал и вспоминал о ней как о женщине, «которая была всегда образцом неподкупной правдивости, справедливости и привязанности к своим обязанностям и которую мы страшно любили». При дворе о Шарлотте Карловне рассказывали легенды: говорили, что когда Екатерина пригласила ее для воспитания своих пяти внучек, то Шарлотта Карловна без обиняков высказала ей, что она согласна взяться за эту работу только при том условии, если сможет удержать детей подальше от распущенных нравов двора, и грозная императрица должна была подчиниться скромной провинциалке, вдове лифляндского офицера.

Юлия Федоровна отвечала лично за здоровье Николая, а потом и за здоровье Михаила. Она, как и Шарлотта Ливен, была по-немецки дотошна и рассудительна. Впрочем, не обошлось и без недоброжелателей. Один из них пишет: «Шарлотта Карловна Дивен определила Юлию Федоровну Адлерберг нянюшкой: сперва к великому князю Николаю Павловичу, а потом к великому князю Михаилу Павловичу. Юлия Федоровна усердно мыла и обтирала этих двух индивидуумов, а между тем, будучи женщиной хитрой и ловкой и под личиной холодного добродушия весьма вкрадчивой, втерлась в доверие к императрице Марии Федоровне».

Из записок Николая I

Вскоре после кончины императрицы Екатерины ко мне приставили в виде старшей госпожу Адлерберг. Во время коронования государя и путешествий, как предшествующего, так и последующего, сестра моя Анна и я, так как были слишком малы, чтобы сопутствовать государю, были оставлены в Петербурге, под присмотром обер-шенка Загряжского. Одновременно с сестрою Анною же нам была привита оспа, что по тогдашним временам представлялось событием необычайной важности, как совсем в обиходе не знакомое. Оспа у меня была слабая, у сестры же она была сильнее, но мало оставила следов.

Одновременно с нами также привили оспу сыну и единственной дочери госпожи Адлерберг, сыну Панаева и еще нескольким детям. Это происходило в Зимнем дворце; некоторое время спустя, ввиду того, что в то время переезжали в Павловск, мы были отделены от прочих и помещены с сестрою в доме Плещеева. Михаил, родившийся 28 января 1798 года, находился в то время сперва в Мраморном дворце с Дурновым, а впоследствии в Царском Селе…

В это время я познакомился с детьми госпожи Адлерберг: дочь ее, Юлия, была восемью годами старше меня, а сыну ее, Эдуарду, было тогда пять лет. Я шел по Зимнему дворцу к моей матушке и там увидел маленького мальчика, поднимавшегося по лестнице на антресоли, которые вели из библиотеки. Мне хотелось с ним поиграть, но меня заставили продолжать путь; в слезах пришел я пришел к матушке, которая пожелала узнать причину моего плача; приводят маленького Эдуарда, и наша 25-летняя дружба зародилась в это время. Сестра моя в то же время нашла в лице Юлии подругу, которая, 25 лет спустя, должна была сделаться гувернанткой моей старшей дочери.

Образ нашей детской жизни был довольно схож с жизнью прочих детей, за исключением этикета, которому тогда придавали необычайную важность. С момента рождения каждого ребенка к нему приставляли английскую бонну, двух дам для ночного дежурства, четырех нянек или горничных, кормилицу, двух камердинеров, двух камер-лакеев, восемь лакеев и восемь истопников. Во время церемонии крещения вся женская прислуга была одета в фижмы и платья с корсетами, не исключая даже кормилицы. Представьте себе странную фигуру простой русской крестьянки из окрестностей Петербурга, в фижмах, в высокой прическе, напомаженную, напудренную и затянутую в корсет до удушья. Тем не менее это находили необходимым. Лишь только

отец мой, при рождении Михаила, освободил этих несчастных от этой смешной пытки. Только в течение первого года дежурные дамы находились ночью при детской кровати, чередуясь между собой, — позднее они оставались лишь в течение дня — ночью же присутствовали лишь няньки с одной горничной.

Когда нас возили на прогулку в экипаже, что при жизни императрицы никогда не случалось без предварительного разрешения самой императрицы, после же ее смерти — с дозволения графини Ливен, то мы обыкновенно выезжали в полдень, моя сестра со мною вместе; впоследствии сестра выезжала одна, а Михаил и я катались вдвоем.

То были позолоченные шестиместные кареты, которым предшествовали два гвардейских гусара, позднее впереди ехали два вестовых в сопровождении конюшенного офицера с вестовым; два лакея — сзади за каретой. В праздничные дни карета была в семь стекол, то есть вся прозрачная, кроме спинки. Две англичанки с детьми на коленях занимали заднее сиденье, две дежурные дамы помещались против них. Когда госпожа Адлерберг была приставлена ко мне, то преимущественно она со мною выезжала, и с нею дежурная дама.

Ничто не делалось без разрешения графини Ливен, которая часто нас навещала. Обедали мы, будучи совсем маленькими, каждый отдельно, с нянькой, позднее же я обедал вместе с сестрою. Обыкновенно это давало повод к частым спорам между детьми и даже между англичанками из-за лучшего куска.

Спали мы на железных кроватях, которые были окружены обычной занавеской; занавески эти, так же как и покрышки кроватей, были из белого канифаса и держались на железных треугольниках таким образом, что ребенку, стоя в кровати, едва представлялось возможным из нее выглядывать; два громадных валика из белой тафты лежали по обоим концам кроватей. Два волосяных матраса, обтянутые холстом, и третий матрас, обтянутый кожей, составляли саму постель; две подушки, набитые перьями; одеяло летом было из канифаса, а зимой ватное, из белой тафты. Полагался также белый бумажный ночной колпак, которого мы, однако, никогда не надевали, ненавидя его уже в те времена. Ночной костюм, кроме длинной рубашки, наподобие женской, состоял из платья с полудлинными рукавами, застегивавшегося на спине и доходившего до шеи…

Нас часто посещали доктора: господин Роджерсон, англичанин, доктор императрицы, господин Рюль, доктор моего отца, господин Блок, другой его доктор, господин Росберг, хирург, господин Эйнброт и доктор Голлидей, который нам привил оспу.

Из духовного завещания Николая I

С моего детства два лица были мне друзьями и товарищами: дружба их ко мне никогда не изменялась. Г. А. Адлерберга любил я как родного брата и надеюсь под конец жизни иметь в нем неизменного и правдивого друга. Сестра его, Юлия Федоровна Баранова, воспитала троих моих дочерей, как добрая и рачительная родная… В последний раз благодарю их за братскую любовь.

* * *

12 (24) апреля 1802 года Юлия Федоровна получила должность начальницы Смольного института благородных девиц.

В 1818 году 58-летнюю Юлию Федоровну пригласили для воспитания наследника — Александра Николаевича, старшего сына Николая Павловича, тогда еще великого князя. Ее первой помощницей стала ее дочь, жена небогатого дворянина Трофима Осиповича Баранова — Юлия Федоровна Баранова. Юлия Федоровна — младшая была матерью четырех детей и отличалась мягким и добрым нравом.

За младенцами царской семьи ухаживали надзирательница Н. В. Тауберт, ей подчинялись три бонны-англичанки — А. А. Кристи, Е. И. Кристи и М. В. Касовская.

Юлия Федоровна — старшая в 1824 году была пожалована в статс-дамы, получила орден Святой Екатерины 2-й степени, а затем 1-й степени. Она умерла 20 сентября (2 октября) 1839 года в Санкт-Петербурге и была похоронена на Волховом лютеранском кладбище. После ее кончины Николай I писал И. Ф. Паскевичу: «Лишились мы нашей почтенной генеральши Адлерберг, бывшей моей наставницы, и которую я привык любить, как родную мать, что меня крайне огорчило».

А Юлия Федоровна — младшая стала, как уже было сказано выше, воспитательницей маленького Александра и старшей дочери Николая I, великой княжны Марии Николаевны.

Из мемуаров великой княгини Ольги Николаевны «Сон юности» [1]

Если Мэри плохо училась, несмотря на свои хорошие способности, то помимо ее детского легкомыслия это было виной мадам Барановой, не имевшей и тени авторитета. Очень добрая, очень боязливая, в частной жизни обремененная заботами о большой семье, на службе, кроме воспитания Мэри, еще и ответственная за наши расходы и раздачу пожертвований, она не умела следить за порядком в нашей классной. Каждую минуту открывалась дверь для гостя или лакея, приносившего какую-либо весть, и Мэри пользовалась этим нарушением, чтобы сейчас же вместо работы предаться каким-нибудь играм. Этому недостатку строгости и дисциплины можно, вероятно, приписать то обстоятельство, что Мэри и позднее не имела определенного чувства долга. Мадам Барановой не хватало чуткости, чтобы вести ее. Она только выходила из себя, держала длинные речи, которые Мэри в большинстве случаев прерывала каким-нибудь замечанием. Слишком хорошенькая, слишком остроумная, чтобы вызывать неудовольствие своих учителей, она могла бы, если б с ней правильно обращались, преодолеть все препятствия и быстро наверстать потерянное. Сесиль Фредерикс часто говорила ей: «Мэри, что могло бы из вас получиться, если бы вы только хотели!».

Портрет Николая I. Художник — Франц Крюгер. 1852 г.

Николай I Павлович (1796–1855) — император Всероссийский с 14 (26) декабря 1825 года.

«Лучшая теория права — добрая нравственность, и она должна быть в сердце независимо от этих отвлеченностей и иметь своим основанием религию».

(Николай I)

В ноябре Папа́ привез из Берлина домой Мама́ с Мэри. Мэри получила по возвращении свою собственную квартиру, покинула наш флигель и переехала поблизости к Саше. В Берлине с ней обращались как со взрослой ввиду того, что там принцессы в пятнадцать лет, после конфирмации, переходят из рук воспитательниц в руки придворных дам. Мадам Баранова получила орден Св. Екатерины, и Матвей Виельгорский был

назначен шталмейстером ввиду приемов и представлений, в которых Мэри должна была принимать участие. Она похорошела, бабочка выпорхнула из кокона. Ее сходство с Папа сказывалось теперь особенно, профиль к профилю она казалась его миниатюрой. И она стала его любимицей, веселая, жизнерадостная, обаятельная в своей любезности. Очень естественная, она не выносила никакой позы и никакого насилия. Ее ярко выраженная своеобразность позволяла ей всюду пренебрегать этикетом, но делала она это с такой женской обаятельностью, что ей все прощалось. Переменчивая в своих чувствах, жесткая, но сейчас же могущая стать необыкновенно мягкой, безрассудно следуя порыву, она могла флиртовать до потери сознания и доставляла своим поведением часто страх и заботы Мама. Сама еще молодая, она радовалась успеху дочери, испытывая в то же время страх перед будущностью Мэри, которая объявила, что никогда не покинет Отечества. За кого же она выйдет замуж?

* * *

Не повезло с гувернанткой и младшей дочери Николая — Александре.

Из мемуаров великой княгини Ольги Николаевны «Сон юности»

В то время как Саша отсутствовал, а Мэри была всецело поглощена своим женихом, я снова сблизилась с Адини, которая постепенно превращалась в подростка. Прелестная девочка, беспечная как жаворонок, распространявшая вокруг себя только радость. Ранняя смерть — это привилегия избранных натур. Я вижу Адини не иначе как всю окутанную солнцем.

Совсем еще маленьким ребенком она привлекала к себе прелестью своей болтовни. Она обладала богатой фантазией и прекрасно представляла не только людей, но даже исторические персонажи, словно переселяясь в них. В одиннадцать лет она могла вести за столом разговор, сидя рядом с кем-нибудь незнакомым, как взрослая, и не казаться преждевременно развитой: ее грациозная прелесть и хитрая мордочка говорили за себя. Все в доме любили ее, дети придворных ее возраста просто обожали. Я уже упомянула, что у нее было прекрасное сопрано. Придворные дамы, понимавшие толк в пении, время от времени занимались с ней, отчего она даже была в состоянии, если и не без сердцебиения, петь дуэты со старым певцом Юлиани. Он преподавал пение в Театральном училище, и Адини была очень польщена тем, что он принимал ее всерьез. Грациозность сказывалась во всем, что она делала, играла ли она со своей собакой, влезала ли на горку или же просто надевала перчатки. Ее движения напоминали Мама, от которой она унаследовала гибкую спину и широкие плечи. В семье она называлась всеми «Домовой». Ее английская воспитательница, поставившая себе задачей закалить Адини, выходила с ней на прогулку во всякую погоду, что в один прекрасный день вызвало сильный бронхит, и ее жизнь была в опасности. Благодаря своему прекрасному организму она оправилась совершенно, но с болезнью исчез в ней ребенок. Близость смерти сделала ее совершенно иной. Смысл жизни и мысли о потустороннем стали занимать ее. Вся исполненная особого благоговения, готовилась она к посту, вместе со мной к Причастию. Бажанов, наш духовник, заметил, что она производит впечатление, точно едва ступает по земле. И несмотря на это она отнюдь не была натурой, которые теряются в неведомом, она осталась по-прежнему веселой, стала только более спокойной и гармоничной, чем прежде. Мы много говорили с ней, особенно о будущем, так как мы были еще очень молоды, чтобы говорить о прошлом. Чаще всего речь шла о наших

будущих детях, которых мы уже страстно любили и верили, что внушим им уважение ко всему прекрасному, и прежде всего к предкам и их делам, и привьем им любовь и преданность семье. Наши будущие мужья не занимали нас совершенно, было достаточно, что они представлялись нам безупречными и исполненными благородства.

Когда, с приближением зимы, мой кашель не прервался, а распухшим гландам Адини не стало лучше, доктора предложили отправить нас на морские купанья в Доберан, расположенный в Мекленбурге, где сестра Мама, тетя Александрина смогла нас взять под свое покровительство. Мысль отправиться за границу без родителей нас совершенно не радовала. Нас погрузили на «Ижору», единственное судно Балтийского военного флота, имевшее ход девять узлов. Папа провожал нас до Ревеля. Не доходя до города, нам дали знать, что идет почтовый пароход из Любека. Весть для нас? Да! Мы остановились; Папа открыл депешу и побледнел: холера в Доберане! «Назад!» Возвращение! Какое счастье! Так думали мы. Но нет! Судно берет направление на Ревель, не возвращаясь в Петербург. Папа решил, что мы останемся в Екатеринентале (дворец), где нас устроили наспех.

Потом в этом первом приключении нашей жизни открылась своя прелесть. Папа поспешил возвратиться в Петербург, чтобы успокоить Мама, и передал нас на попечение князя Василия Долгорукого и его адъютанта, который был командиром нашего судна. Его звали Литке, и он только что вернулся из кругосветного путешествия. Нам было ново и интересно наблюдать за тем, как он себя вел, так как он был молчалив и неопытен в придворном быту. Особенно же велико было смущение нашей Юлии Барановой в этих импровизированных обстоятельствах.

В 1834 году нас посетил наш дядя, принц Оранский, со своим старшим сыном (теперешним королем Вильгельмом Нидерландским). Принц, который в свое время был адъютантом герцога Веллингтона, был очень хорош собой, к тому же овеян ореолом военных успехов. Он и его супруга, принцесса Шарлотта (подразумевается великая княгиня Анна Павловна[2]), великосветская дама, говорившая по-французски как парижанка, имели все данные, чтобы понравиться в Петербурге. Сын же, семнадцати лет, был настоящий остолоп. Как кузен и товарищ детских игр, каким он являлся, он проводил многие часы в наших комнатах. Он был влюблен в Мэри. Когда его отсылали под предлогом, что нам надо учиться, он прятался между двойными дверьми наших комнат. После каждого долгого молчания,

позволявшего ему заключить, что урок кончился, он неожиданно у нас появлялся. Только в случаях, когда на урок приходил Батюшка, его удавалось окончательно удалить. Он боялся одежды и бороды последнего. Точно такое же действие производила на него воспитательница Адини мисс Броун, которую он к тому же находил глупой. Однажды он бросил ей в лицо нашу болонку, разозлившись на то, что она выбрала его партнером во время игры в «Молчание». Она должна была это сделать поневоле, оттого что он был последним. Никто не хотел с ним иметь дела, постоянно приходилось его удалять насильно, и когда его воспитатели брали его под руки, он награждал их пинками ног. Я думаю, он царапался бы, если бы это было возможно. История с мисс Броун и болонкой дошла до ушей его отца. Он получил 24 часа домашнего ареста. Когда он вновь появился, он стал еще невыносимее. Во время игры в серсо он втыкал булавки, о которые мы кололись, и когда, утомленные игрой, мы хотели отдышаться, он лил нам воду на затылок. Наконец чаша переполнилась, и мы серьезно пожаловались Папа, который решил, что молодой человек вместо того, чтобы сидеть за детским столом, будет отныне сидеть со взрослыми. Эта честь только разозлила его. Принц Оранский признался, что ничего не понимает в воспитании, но он тем не менее противился всему, что в этом отношении решала его жена. Супруги жили несчастливой семейной жизнью.

* * *

Весной этого года[3] мои родители поехали на короткое время в Москву и навестили окрестное дворянство в их имениях. Они взяли с собой Адини и Кости.

Во время этой поездки Литке влюбился в мисс Броун, на которой он потом и женился. По возвращении Адини рассказывала нам, что это были лучшие дни ее жизни. Она была совершенно предоставлена самой себе ввиду того, что влюбленные никого и ничего, кроме себя самих, не видели.

* * *

Портрет Александры Николаевны. Художник — Кристина

Робертсон. 1840 г.

Александра Николаевна («Адини», 1825–1844) — младшая дочь Николая I и его жены Александры Федоровны, названная в честь своей тетки по отцу Александры Павловны. Была любимицей отца, славилась своей красотой и легким характером.

Год приближался к концу, скоро должен был наступить новый[4], которому суждено было бросить на мою жизнь глубокую тень. В октябре приехала мистрис Робертсон, известная английская художница, чтобы написать с Адини большой портрет в натуральную величину. В розовом платье, с волосами, заплетенными в косы по обе стороны лица, — такой она изображена на нем. Она была немного меньше меня ростом, с не совсем правильными чертами лица и очень хороша своеобразной красотой. Ее лицо всегда сияло весельем; но сейчас же меняло свое выражение, как только начинался разговор о чем-нибудь серьезном. В молитве, когда я закрывала глаза, чтобы сосредоточиться, она, наоборот, широко открывала глаза и поднимала руки, точно желая обнять небо. Она, которая так нетерпеливо ждала момента, когда попадет в общество, уже после одного года, вернее одной зимы, была разочарована той пустотой, которую встретила. «Жизнь только коридор, — говорила она, — только приготовление». Она любила религиозные книги. Ее «Подражание Христу» было совершенно испещрено карандашными пометками, особенно глава о смерти. И несмотря на все это, у нее не было никаких трагических предчувствий, каждый считал ее обладательницей здоровой натуры. Она никогда не садилась во время богослужения, даже если оно продолжалось часами. Когда она бывала в комнатах детей, она всегда поднимала маленьких на воздух, кружилась с ними, шалила с младшими братьями и совершала с ними самые дальние прогулки верхом. Обежать парк в Царском Селе было для нее пустяком, в то время как я считалась хрупкой и была обязана беречься. И все-таки это я должна была ее пережить! С июня этого (1843) года Адини начала кашлять. Мисс Броун, вместо того чтобы обратить на это внимание, заставила ее продолжать принимать морские ванны, которые считала закаливающими, и по ее почину Адини принимала их каждый день. Когда мы поехали поздней осенью в Москву, кашель настолько усилился, что Адини несколько раз просила освободить ее от вечерних приемов. Зимой она снова поправилась и в Рождественский пост могла принимать участие в службах, которым отдавалась с еще большим рвением, ввиду предстоящей разлуки с нами и своим девичеством. Фриц Гессенский приехал в Сочельник к раздаче

подарков. В Концертном зале были расставлены столы, каждому свой. Я получила тогда чудесный рояль фирмы «Вирт», картину, нарядные платья к свадьбе Адини и от Папа браслет с сапфиром — его любимым камнем. Для Двора и светского общества был праздник с лотереей, на которой разыгрывались прекрасные фарфоровые вещи: вазы, лампы, чайные сервизы и т. д.

26 декабря было официальное празднование помолвки Адини, а на следующий день большой прием. Фриц рядом со своей прелестной невестой казался незначительным и без особой выправки. Позднее я вспоминала, как был обеспокоен старый доктор Виллие, лейб-медик дяди Михаила, после того, как, пожав руку Адини, он почувствовал ее влажность. «Она, должно быть, нездорова», — сказал он тогда.

16 (28) января 1844 года Александра Николаевна вышла замуж за Фридриха Вильгельма, принца Гессен-Кассельского. В то время ее легкие уже были серьезно поражены туберкулезом. Течение болезни ускорилось под влиянием наступившей вскоре беременности. Это печальное известие сообщил семье лейб-медик Фридрих Иванович Мандт. Молодая семья осталась в Царском селе, так как Александра не перенесла бы путешествия. За три месяца до срока она родила сына, который умер вскоре после рождения, и в тот же день скончалась сама. Вместе с сыном Вильгельмом она была похоронена в Петропавловском соборе Петропавловской крепости. В память об Александре императорская семья распорядилась поставить в парке Петергофа, рядом с дворцом «Коттедж», бюст (в настоящее время восстановлен), а в Царском Селе — часовню со статуей великой княгини с ребенком на руках (работы И. П. Витали). Сейчас часовня утрачена, статуя хранится в Царскосельском дворце. В Санкт-Петербурге после смерти Александры Николаевны был открыт детский приют ее имени и Александровская женская клиника.

* * *

Воспитательницей великой княжны Ольги Николаевны была шведка Шарлотта Дункер, потом ее сменила Анна Алексеевна Окулова. В своих мемуарах Ольга Николаевна подробно рассказывает о том, как это произошло. Взрослые, знавшие обеих воспитательниц, отзывались о них не очень комплиментарно.

Из мемуаров Александры Осиповны Смирновой-Россет

При великих княжнах была Юлия Федоровна Баранова, дочь графини Адлерберг, очень добрая и честная женщина, но очень ограниченная, притом слабого здоровья. У великой княжны Ольги Николаевны была m-lle Dunker, злое существо с романическими наклонностями; она любила слушать с Мердером[5] пенье соловья по вечерам около дворца в кустах. Система Дункер была совершенно овладеть умом своей воспитанницы и ссорить двух сестер, Марию Николаевну с меньшой сестрой, что ей вполне удалось, и то детское чувство охлаждения осталось на всю жизнь. Сестры любили друг друга, но не ладили.

Швейцарец Жилль и Жуковский были учителями; впоследствии Плетнев заменил Жуковского, когда науки сделались серьезнее. Русскую историю преподавал профессор Арсеньев, скучнейший из смертных. Император ему сказал: «Русскую преподавать до Петра, а с Петра я сам буду учителем». На этих же лекциях никто не присутствовал. Государь знал все двадцать томов Голикова[6]наизусть и питал чувство некоторого обожания к Петру. Образ Петра, с которым он никогда не расставался, был с ним под Полтавой, этот образ был в серебряном окладе, всегда в комнате императора до его смерти. Глядя на него, он отдал богу душу, которая и на земле всегда всецело принадлежала своему Творцу. Надобно сказать, что императрица никогда не была довольна обстановкой своих детей; она очень справедливо говорила, что Юлия Федоровна Баранова была неудовлетворительна как гувернантка такой острой девочки, как великая княжна Мария Николаевна; тогда взяли во фрейлины Наташу Бороздину. Наследник приударил за ней. Мария Николаевна этим забавлялась и сделалась confidente[7] его детских и невинных преследований. К счастью, Наташа была благоразумная девочка и смеялась над его вздохами. Наташа всегда была в большой дружбе с великим князем и пользовалась милостями государя.

Из этой записи видно, что дети волей-неволей вовлекались в дворцовые интриги, которые им были явно «не по возрасту».

Из мемуаров великой княгини Ольги Николаевны «Сон юности»

С некоторых пор я перешла из ведения английской няни на попечение гувернантки Шарлотты Дункер, шведского происхождения и протестантского вероисповедания. Она не знала иной родины, как шведский монастырь в Санкт-Петербурге, в котором она девять лет была ученицей и девять лет учительницей. Образованная и строгая, она внушала мне уважение к работе. В пять лет я могла читать и писать на трех языках. Что же касается музыки, то тут ее строгость не повлияла на успехи. Тетя Мария Павловна Веймарская (сестра Папа), которая присутствовала на уроке, посоветовала оставить рояль: «У нее нет способностей», — сказала она. Я была необычайно горда, доказав ей в 1843 году противоположное, когда уже играла наизусть, что от меня требовалось, и аккомпанировала графине Росси (Зонтаг[8]), когда она пела…

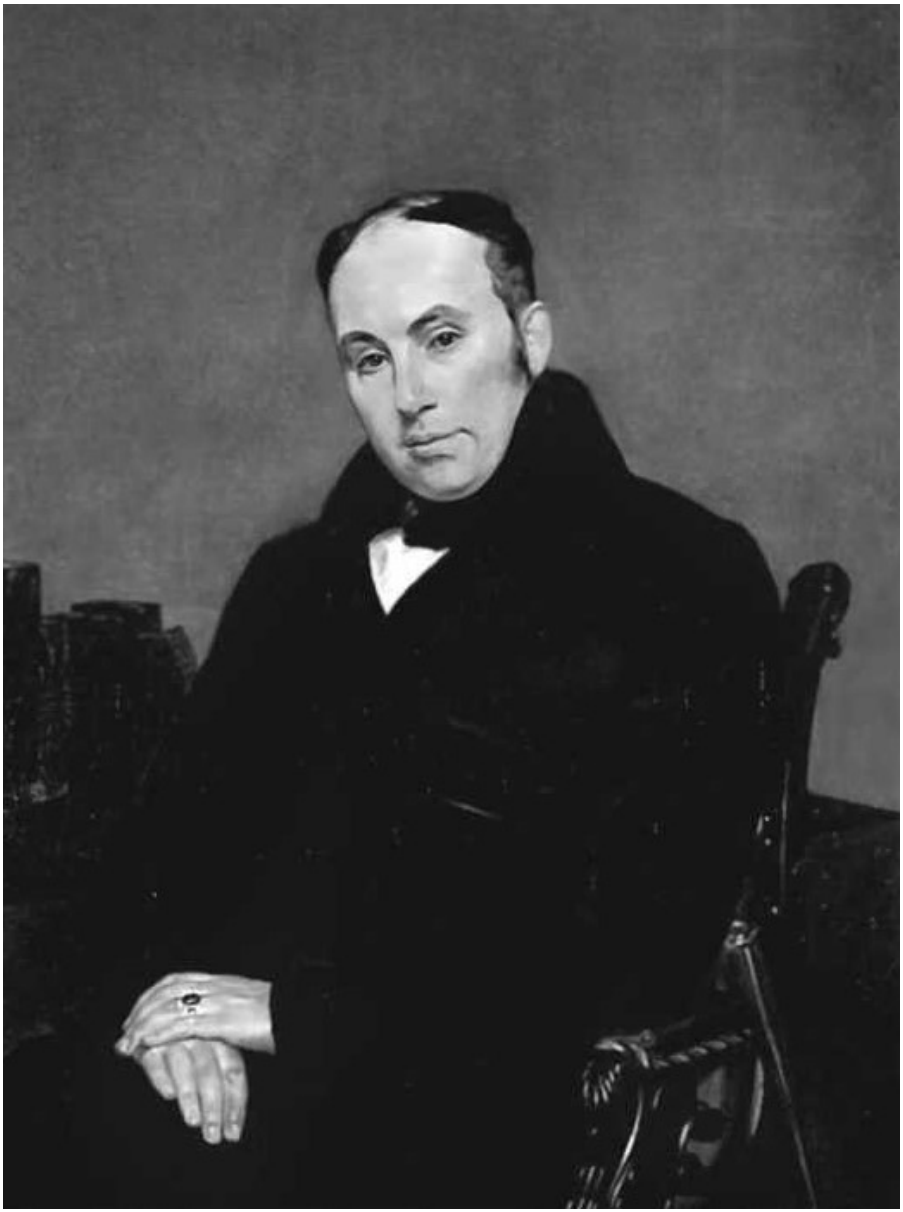
* * *

В июле 1824 года воспитателем Саши был назначен Карл Карлович Мердер. Он был прирожденный педагог, тактичный и внимательный. Правилом его работы было развить хорошие черты ребенка и сделать из него честного человека. И этому правилу он оставался верен совершенно независимо от того, был ли его воспитанник простым смертным или великим князем. Таким образом он завоевал любовь и доверие ребенка. Он не признавал никакой дрессировки, не подлаживался под отца, не докучал матери, он просто принадлежал семье: действительно драгоценный человек! Никто из тех, кто окружал нас, не мог с ним сравниться. Судьбе было угодно, чтобы он не дожил до совершеннолетия Саши. Он умер в Риме в 1834 году.

Карл Карлович очень любил меня, маленькую и застенчивую. Он точно оценил искренность моих побуждений и взглядов: «Что она говорит, то она и делает: человек слова. Это определение принесло мне счастье.

Что же касается Жуковского (крупнейшего русского поэта), Сашиного второго воспитателя, этот был совершенно иным: прекрасные намерения, планы, цели, системы, много слов и абстрактные объяснения. Он был поэт, увлеченный своими идеалами. На его долю выпала незаслуженная слава составления

плана воспитания Наследника престола. Я боялась его, когда он входил во время урока и задавал мне один из своих вопросов, как, например, во время урока Закона Божия: «Что такое символ?». Я молчу. «Знаете ли вы слово «символ»?» — «Да». — «Хорошо, говорите!» — «Я знаю символ веры, верую». — «Хорошо, значит, что обозначает символ веры?» Мне сейчас 59 лет, но этот вопрос привел бы меня и сегодня в смущение. Что могла ответить на это девочка! Жуковский читал выдержки из того, что он написал о воспитании, нашей Мама, которая после таких длинных чтений спрашивала его просто: «Что вы, собственно, хотите?». Теперь был его черед молчать. Я склонна признать за ним красоту чистой души, воображение поэта, человеколюбивые чувства и трогательную веру. Но в детях он ничего не понимал[9].



Портрет Василия Андреевича Жуковского. Художник — Карл Брюллов. 1837 г.

Василий Андреевич Жуковский (1783–1852) — русский поэт, переводчик, критик, наставник императора Александра II.

«Твердость есть сила, основанная на союзе разума с волей. Упрямство есть слабость, имеющая вид силы; она происходит от нарушения равновесия в союзе воли с разумом».

(Василий Жуковский)

При выборе учителей считались с советами пастора

Муральта, возглавлявшего лучшее частное учебное заведение Петербурга. Благодаря прекрасным преподавателям и Мердеру с его практическим умом влияние Жуковского не принесло нам вреда. Потом, после того как он женился на Елизавете Рейтерн[10], я полюбила его. Благодаря ей он встречался со строгим протестантом Рейтерном и пылким католиком Радовицем. Он сам, православного вероисповедания, был малосведущ в делах своей церкви. Он стал изучать православие, чтобы быть достойным противником в дискуссиях с ними.

Опять встают передо мной картины нашей детской жизни. В память моего посещения монастыря в Новгороде игуменья Шишкина подарила мне крестьянскую избу, внутренность которой была из стекла, а мебель расшита цветным бисером. Кукла с десятью платьями, изготовленными монахинями, находилась в ней. Почти одновременно с этим подарком Папа подарил нам двухэтажный домик, который поставили в нашем детском зале. В нем не было крыши, чтобы можно было без опасности зажигать лампы и подсвечники. Этот домик мы любили больше всех остальных игрушек. Это было наше царство, в котором мы, сестры, могли укрываться с подругами. Туда я пряталась, если хотела быть одна, в то время как Мэри упражнялась на рояле, а Адини играла в какую-нибудь мною же придуманную игру. По возрасту я была между ними обеими: на три года моложе Мэри, на три года старше Адини — и часто чувствовала себя немного одинокой. Я начала уже отдаляться от мирка игр Адини, в то время как не могла еще подойти к миру взрослых, к которому в свои четырнадцать лет уже принадлежала Мэри. Мои сестры были жизнерадостными и веселыми, я же — серьезной и замкнутой. От природы уступчивая, я старалась угодить каждому, часто подвергалась насмешкам и нападкам Мэри, не умея защитить себя. Я казалась себе глупой и простоватой, плакала по ночам в подушку и стала представлять себе, что я совсем не настоящая дочь своих родителей, а подменена кормилицей: вместо их ребенка она положила мою молочную сестру. Мадемуазель Дункер только способствовала моему одиночеству. Благодаря своему характеру она мгновенно вспыхивала и сейчас же передавала свое неудовольствие Юлии Барановой, которая в свою очередь тотчас же брала сторону своей воспитанницы Мэри. Вкрадывалась натянутость в отношения, и каждая оставалась со своей ученицей в своей комнате. Воспитатель Саши генерал Мердер, который был в хороших отношениях с Шарлоттой Дункер, умел меня подбодрить и внушить мне доверие к себе, говоря, что ни мое спокойствие и ни моя застенчивость отнюдь не значат, что я неспособная, но

указывают на качества глубокой натуры, которой нужно время, чтобы развиться. Сходство моей натуры с Сашиной сделало то, что он был необычайно чуток и близок со мной.

В детском зале, где стоял наш игрушечный домик, нас учила танцам Роз Колинетт, дебютировавшая в Малом Гатчинском театре. Мы упражнялись в гавоте, менуэте и контрдансе вместе с Сашей и его сверстниками. После этого бывал совместный ужин, и вместо неизменного рыбного блюда с картофелем нам давали суп, мясное блюдо и шоколадное сладкое. Зимой 1833 года эти веселые уроки прекратились, оттого что Мэри исполнилось пятнадцать лет и она переселилась от нас в другие комнаты.

Мадемуазель Дункер вернулась домой[11] довольная и в хорошем настроении: она завела массу знакомств, всюду ее приглашали и прекрасно принимали. В Петербурге она никогда никуда не выезжала. У нее не было даже родных, кроме ее матери, которую она, — я никогда не узнала, из каких соображений, — не смела навещать. Поэтому совершенно не удивительно, что все тепло и вся любовь, к которой было способно ее сердце, направлены были на меня, и она подсознательно отгораживала меня от остальных. Мэри не питала к ней ни малейшей симпатии и неизменно при каждом удобном случае заставляла ее это чувствовать. Юлия Баранова была не в силах что-либо предпринять против этого; за дерзостями следовало то, что каждый оставался в своем углу. В учении я сделала колоссальные успехи: только на полгода я отставала от Мэри, которой было уже шестнадцать лет. Учителям, видимо, доставляло радость подвигать меня так быстро, и чем дальше я шла в ученье, тем усерднее я становилась.

Но я совершенно не чувствовала себя счастливой. Мое существо становилось скорее еще более замкнутым, моя склонность к религии обращалась в мистику. Если бы это продолжалось еще дольше, я совершенно замкнулась бы в своих четырех стенах. Мама первая обратила на это внимание. Она стала расспрашивать. Мэри, как всегда, не жалела жалоб. Пробовали обратиться к Шарлотте Дункер, для чего избрали Баранову, которая была слишком неумна для того, чтобы успешно провести такую роль. Но родители относились к ней очень хорошо благодаря ее приятной незлобивой натуре. Слушали, правда, и нас, но не вникали в мелочи. Таким образом, многое являлось в ложном свете. Шарлотта, которую в свое время поддерживал и которой давал советы генерал Мердер, оставалась теперь совершенно одна, и оттого, что она чувствовала себя отодвинутой на задний план, она стала вспыльчивой и склонной к сценам. Папа услышал об этом и решил, что нужно нас

разъединить. Он не любил половинных мер и считал, что только радикальное решение может восстановить мир в детских. Это решение было вызвано следующим.

Был август 1836 года. Мы возвратились с Елагина в Петергоф. Жюли (Юлия Баранова) оставалась из-за болезни в Смольном. Нас, трех сестер, поручили Шарлотте, и мы все вместе ежедневно предпринимали поездки в фаэтоне. Мэри, которая хорошо знала расположение, давала указания кучеру и направляла экипаж в Новую Деревню, где размещалась гвардейская кавалерия. Как только появлялся царский экипаж, дежурные офицеры должны были его приветствовать. Для нас, детей, это не играло роли; Мэри же не была больше ребенком. Когда мы ездили под присмотром Жюли, Мэри научила нас толкать ее ногой, если издали появлялся кто-нибудь знакомый. В таком случае Мэри сейчас же поворачивала голову в противоположную сторону и обращала внимание Жюли на что-нибудь там, и когда экипаж был достаточно близко от знакомого, ему посылались приветствия и улыбки, в то время как Жюли все еще смотрела в противоположную сторону. Это проделывалось ежедневно, и Жюли не догадывалась об этой шалости. То же самое Мэри попробовала было с Шарлоттой. Но та заявила, что совершенно не нужно ежедневно ездить через Новую Деревню, и запретила нам, младшим сестрам, толкаться ногами в коляске.

Это кончилось сценой и слезами с обеих сторон, Шарлотте не удалось справиться со своим волнением, всем было заметно ее возбуждение. Ночь она провела с нами, но на следующий день, когда я проснулась, она не появилась, как не появилась и к завтраку, и когда ее не оказалось, чтобы идти гулять, меня охватило недоброе предчувствие. Я вихрем взлетела по лестнице в комнату, где она обычно одевалась, и нашла там ее шиньон, ее лорнет, ее шелковое фишю[12] все разбросанным в беспорядке, точно она куда-то торопилась. Тут я разразилась слезами. Мэри стояла подле очень смущенная, Адини же ничего не понимала и была в замешательстве. Я знаю, что в глубине своего сердца Мэри упрекала себя в том, что так меня огорчила. Перед тем как мы должны были выйти, меня позвали к Мама. Увидев мое заплаканное лицо, Мама сказала мне, что эта разлука была необходима. К этой мысли Мама хотела подготовить меня постепенно. И все же никто не сумел понять, насколько я любила свою Шарлотту и насколько была к ней привязана.

Мама оставила меня у себя, окружила вниманием и лаской и ждала, пока я заговорю, чтобы все разъяснить мне. Я обожала свою мать, но в эту минуту мое сердце разрывалось на части и я не смогла ничего сказать. Через несколько дней Мама передала

мне маленькое письмо, благословила меня и сказала нежно: «Прочитай его перед сном!». Я сохранила его в моем молитвеннике. В нем было все, что я уже предчувствовала, что я боялась узнать. Решение родителей мне показалось ужасным; но раз они так постановили, значит, они были правы, и мне не оставалось ничего другого, как покориться. Мама была очень мила ко мне и посвящала мне, ввиду отсутствия Папа, все свое время. Я могла спать с ней, мы вместе гуляли, и в туалетной комнате Папа проходили мои занятия. Мама подарила мне собаку Дэнди, неразлучного со мной вплоть до моего замужества. Как гувернантку взяли на пробу мадам Дудину, начальницу одного приюта. Ослепленная жизнью при Дворе, до сих пор ей непривычной, она спрашивала всех и вся, что это или то обозначает. Ее мещанская манера и ее неразвитость давили меня, и в то время, пока она была у нас, я привязалась к Авроре Шернваль фон Валлен, которая как раз была назначена фрейлиной[13]. Дочь шведа-отца и матери-финляндки из Гельсингфорса, она была необычайной красоты, как физически, так и духовно, что сияло в ее красивых глазах. Когда она говорила о лесах, скалах и озерах своей родины, все в ней светилось. Ее взгляд и осанка говорили о гордости и независимости, она была настоящей скандинавкой. Поль Демидов, богатый, но несимпатичный человек, хотел на ней жениться. Два раза она отказала ему, но это не смущало его и он продолжал добиваться ее руки. Только после того как Мама поговорила с ней, она сдалась. «Подумай, сколько добра ты сможешь делать». Этими словами Мама окончательно убедила ее. В день своей свадьбы она подарила мне «слезу своего сердца», маленькое черное эмалевое сердце с брильянтом, которое я бережно храню. Во втором браке она была замужем за Андреем Карамзиным, на этот раз по любви. Но счастью ее не суждено было долго длиться. В 1854 году Андрей пал смертью храбрых в Силистрии. Оставшись вдовой, она нашла утешение в том, что делала добро где только могла.

Анна Алексеевна Окулова в русском наряде. Художник — Пимен Орлов. 1837 г.

Анна Алексеевна Окулова (1795–1861) — фрейлина двора и воспитательница великой княжны Ольги Николаевны; кавалерственная дама ордена Святой Екатерины (меньшого креста) и камер-фрейлина двора. Оставила памятные «Записки», незначительная часть их напечатана в «Русском Архиве» (1896).

Мадам Дудина оставалась при мне только несколько недель.

Накануне Николина дня, 5 декабря, у меня появилась Анна Алексеевна Окулова, и с ней началась моя новая эра жизни. Выбор Анны Алексеевны был сделан Папа. Когда она была институткой Екатерининского института в Петербурге, ее уже знала Бабушка, очень ценила и оказала ей во время своей поездки в Москву какое-то благодеяние. Папа помнил ее веселое, открытое лицо. Она жила со своей семьей в деревне и ввиду того, что были затруднения денежного характера, заботилась об управлении имением и воспитании своих младших братьев и сестер. Все уважали ее энергию и предприимчивость. Чтобы избежать всяких неожиданностей и неприятностей, ее положение при Дворе, а также ее доходы были с самого начала утверждены. Ее сделали фрейлиной, по рангу она следовала за статс-дамами и получила, как Жюли Баранова, русское платье синего цвета с золотом, собственный выезд и ложу в театре. Я встретила ее впервые на одном музыкальном вечере Мама. Она сейчас же покорила мое сердце. Мне показалось, что повеяло свежим воздухом в до сих пор закрытую комнату. Она совершенно изменила меня. Ей сейчас же бросилось в глаза, какая я замкнутая и насколько лучше я могла писать, чем изъясняться, и она мне предложила вести дневник, чтобы я могла ясно себя увидеть и чувствовать себя свободнее. Она надеялась таким образом уменьшить и мою застенчивость. Я с готовностью приняла ее предложение и настолько привыкла писать дневник, что это стало для меня приятной необходимостью. Успех оправдал ее ожидания, я научилась выражать свои чувства и стала общительней.

Счастливый характер Анны Алексеевны вскоре привлек к ней много друзей, а здравый ум направил правильным путем через лабиринт придворной жизни. Озадаченная непониманием между нами, сестрами, она сейчас же стала искать причину этого. Она никогда не говорила «моя великая княжна», она всегда называла нас вместе и старалась в свободные часы занимать нас всех общим занятием. Мэри она завоевала своей жизнерадостностью, а также рассказами из времен своей юности. В Екатерининском институте[14] она видела Бабушку[15] каждую неделю, когда та посещала девочек, всегда в нарядном платье, чтобы доставить удовольствие детям, которые любовались ее драгоценностями. Она рассказывала о войне, о своем бегстве из Москвы в 1812 году, о своем беженстве в Нижнем Новгороде, о возвращении в родной сожженный город. Она заставляла нас рисовать по оригиналам и читала при этом вслух по-русски. Мама, которая была еще очень слаба после неудачных родов, много бывала у нас, также и Саша, впрочем, тот больше из-за молодых фрейлин. Мы играли, пели и

жили беззаботной жизнью веселой компании. К сожалению, Анна Алексеевна, которая так удачно завоевала наш круг, сделалась вскоре жертвой несчастного случая. Широкий рукав ее муслинового платья загорелся от свечи; я же, вместо того чтобы помочь ей, потеряла голову и стала звать на помощь. Прежде чем вбежавший камердинер смог затушить пожар своими руками, она уже получила ожоги на руке и груди, от которых потом остались рубцы.

Папа распорядился, чтобы на наш стол употреблялись 25 серебряных рублей: одно блюдо на завтрак, четыре блюда в обед в три часа и два на ужин в восемь часов. По воскресеньям на одно блюдо больше, но ни конфет, ни мороженого. Для освещения наших рабочих комнат полагалось каждой по две лампы и шесть свечей, две на рабочий стол, две воспитательнице и две на рояль. Каждая из нас имела камердинера, двух лакеев и двух истопников. Общий гофмейстер следил за служащими, к которым причислялись два верховых для поручений. У мадам Барановой, кроме того, был еще писарь для бухгалтерии. К тому же у каждой из нас был свой кучер. Мой Усачев умер в 1837 году и был заменен Шашиным, который сопровождал меня в Штутгарт. Прекрасный человек, прослуживший мне 37 лет и умерший в 1873 году. Я посещала его во время болезни; ему ампутировали обе ноги, но он все еще был весел и встречал меня всегда своей всегдашней доброй улыбкой и благословлял меня. Никогда и ни в чем я не могла упрекнуть его. Единственное, что ему ставилось в Штутгарте в минус, было то, что он давал слишком много овса своим русским лошадям.

Наши преподаватели получали 300 серебряных рублей в год и должны были получать эту же сумму пожизненно, как пенсию. Для нашего гардероба было ассигновано 300 рублей до нашего пятнадцатилетия, чего нам никогда бы не хватило, если бы Мама не помогала нам подарками на Рождество и в дни рождения.

На милостыню были предназначены 5000 рублей серебром в год. Остальное из наших доходов откладывалось, чтобы создать для нас капитал. Каждый год Папа проверял наши расходы. После его смерти наш капитал стал употребляться для уделов.

Анна Алексеевна очень следила за моими науками: предполагалось, что я выйду замуж в шестнадцать лет. Я начала писать маслом. Наш учитель рисования Зауервейд[16] устроил мне в Сашиной башне ателье, к которому вели сто ступенек. Оттуда можно было наблюдать за облаками и звездами. Он хотел научить меня быстрой и успешной манере писать. Я принялась за это с восторгом и была вскоре в состоянии с успехом копировать некоторые картины в Эрмитаже. Зауервейда в Дрездене

обнаружил Папа. Он писал батальные сцены и копировал художников с таким совершенством, что потом многие эти копии были проданы как оригиналы.

Тут, кстати, хотелось бы коротко описать наших различных преподавателей.

Мосье Жилль, родом из Женевы, наш преподаватель истории, говорил не слишком приятно, зато писал очень отчетливым и ясным языком и требовал от нас, чтобы мы записывали его лекции, чем приучил нас к быстрому писанию. Все, чему он нас учил, было легко понять и хорошо запоминалось. Он обращал наше внимание на достойных примера людей или их поступки, будь то на поприще искусства, науки или исследований. Так, например, мы знали об Александре Гумбольдте[17] и его приезде в Петербург, знали об исследователе Южного полюса капитане Россе[18] и о фон Хаммеле, взошедшем первым на Монблан. Он приносил нам самые лучшие литографии, чтобы пробудить в нас интерес к дальним странам. Папа назначил его потом заведующим библиотекой и хранителем арсенала в Царском Селе. Ввиду того что у него были также и большие познания в истории оружия. Как ученый он заслужил благодаря своим трудам европейскую славу.

Наш преподаватель английского языка Варранд был истинным другом детей: веселый, склонный всегда нас баловать, всегда готовый дать свой урок в саду, он позволял нам в свободное время делать с ним, что нам было угодно. На все случаи жизни у него были свои поговорки. Он был очень чистенький и аккуратный. Так, например, он каждый раз мыл себе голову перед тем, как выйти на прогулку, и случалось не раз, что, возвратясь, он не мог снять шляпы с головы, оттого что она примерзла. У него, прекрасного отца, все его дети вышли отличными существами и преуспевали на своей службе.

Наш немецкий преподаватель назывался Оёртль. Он был очень независим, но в высшей степени небрежен к своей особе. Еще сегодня я вспоминаю рисунок его вышитых подтяжек. Ногти его были всегда грязны, но система занятий — блестящая. Он постоянно заставлял нас не распускаться и вдалбливал в своевольные головы наши ужасно трудные немецкие фразы, в которых до бесконечности нужно ждать глаголов.

Многому учил он нас по цветным картинкам, что нам нравилось и легче запоминалось. Но потом, когда мы перешли к изучению и чтению примеров из классической литературы, мы примирились с немецким языком. Я пробовала даже писать мой дневник по-немецки, но говорить я научилась только после моего замужества.

Курно — наш преподаватель французского языка — появился у нас, когда мне было пятнадцать лет. Анна Алексеевна в своей постоянной заботе о том, чтобы развязать мне язык, обратилась к нему, знаменитому своей системой преподавания, с просьбой научить меня передать экспромтом мною слышанное или сочиненное. Вскоре он должен был отказаться от этого, уж слишком неспособной я оказалась. Тогда он стал заставлять меня писать, считая, что так я скорее могу добиться успеха. После того как я закончила свое учение у него, мы стали истинными друзьями, и читать и разговаривать с ним стало для меня искренним удовольствием. Я вспоминаю, как однажды Папа вошел ко мне и услышал, что мы читаем «Военная служба и ее значение» Альфреда де Виньи[19]. Он слушал некоторое время очень внимательно, затем взял книгу себе и прочел ее с начала до конца. Мысль о воинском долге, которая была заложена в основу этой книги, настолько захватила его, что он был тронут почти до слез.

Наш русский преподаватель, Плетнев[20], был по духу очень тонок, почти женственно чуток и очень ценился современниками как литературный критик, признаться, несколько самоуверенный. В своих суждениях он шел наперекор всем принципам и теориям, опираясь только на чистоту и искренность своего чувства. Все обыденное, плоское было чуждо ему. Его влияние на учащуюся молодежь в Петербурге было очень плодотворно. Он открывал и бережно хранил такие таланты, как Гоголь, Майков и другие. С нами, детьми, он обращался так, как это надлежало педагогу. В Мэри он поддерживал ее воображение, в Саше — доброту сердца и всегда обращался с нами, подрастающими, как со взрослыми, когда надо было указать нам наш долг, наши обязанности как в отношении Бога и людей, так и перед нами самими. Он бывал растроган до слез, когда говорил нам о надеждах, которые возлагает на нас и хотел бы нам помочь их осуществить. Из всех наших преподавателей он был тем, кто особенно глубоко указывал и разъяснял нам цель жизни, к которой мы готовились. Хотя он был очень посредственным педагогом, его влияние на паши души и умы было самым благодатным. Он умер в 1858 году в Париже после долгой и мучительной болезни. Мэри, блиставшая в то время в Париже на празднествах и балах при дворе Наполеона III, успевала навещать нашего старого друга, чтобы отплатить ему той же верностью и добротой, которую он питал к нам, детям.

Портрет Петра Александровича Плетнева. Художник — Алексей Тыранов. 1836 г.

Петр Александрович Плетнев (1791–1865) — критик, поэт пушкинской эпохи, профессор и ректор Императорского Санкт-Петербургского университета.

Я уже упоминала, что он был другом и издателем Пушкина. Его письма, как и статьи, всеми читались, его имя связывали с духовными и политическими сдвигами нашей эпохи. Благодаря ему я поняла, какое направление приняли либеральные идеи декабристов. Папа знал свой народ и Россию, как немногие. «Они должны чувствовать руку, которая ведет их», — были его слова. Управлять собой учатся не по теории. Нужно время, чтобы узнать свободу и суметь ее сохранить!

Однако куда же я отвлеклась?..

Тимаев, наш преподаватель русской истории, инспектор классов в Смольном, был педант и сухарь, каким неминуемо становится каждый, если он изо дня в день без всякого подъема проводит однообразную работу надзора за девятьюстами людьми (включая и педагогов). Он был единственным нашим преподавателем, который экзаменовал нас и наказывал, заставляя переписывать что-либо, за малейший проступок. Нужно было принести в жертву свою любовь к Отечеству, чтобы учить его уроки.

Арифметику нам преподавал Колленс, прекрасный человек, рано умерший и замененный Ленцем, нашим преподавателем физики, профессором Академии наук и множества университетов. В нем соединялись большие знания с добродушием, что можно часто найти в немецких ученых. Я была страстно увлечена химией и следила с большим интересом за опытами, которые производил некто Кеммерер, его помощник. Он показывал нам первые опыты электрической телеграфии, изобретателем которой был Якоби[21]. Опыты эти в 1837 году вызывали глубочайшее изумление и в пользу их верили так же мало, как и в электрическое освещение. Уже в то время мы получили понятие о подводных снарядах, впоследствии торпедах. Папа, интересовавшийся всем, что касалось достижений науки, приказал докладывать ему обо всем. Особо его интересовала техника гальванизации, столь необходимая для промышленности. Мой будущий зять, Макс Лейхтенбергский[22], в 1842 году основал в Петербурге первый завод, строившийся под руководством французских специалистов. Он существует еще и сегодня, под именем завода Шопена.

Все эти преподаватели занимались обучением только нас, четырех старших. Науками Кости ведал Литке. Он выбрал ему в преподаватели некоего Гримма, рациональный метод которого принес очень хорошие плоды. Кости, имевший прекрасную память, вдали от своих летних развлечении на кораблях Балтийского флота приобрел очень большие познания в географии и математике, которые позволяли ему хорошо сдавать все экзамены. Благодаря своему пытливому уму и либеральным взглядам, не совсем обычным для Зимнего дворца, он проявил себя необычайно способным к пониманию всего делового, в то время как в обращении с людьми ему не хватало такта. Он обладал способностями государственного деятеля, и его имя останется связано с реформами, осуществленными в царствование императора Александра II. Литке умел окружить его замечательными людьми. Это он ввел к Кости Головнина,

который в течение тридцати лет был его правой рукой. Ему удалось провести в Морское министерство способных молодых людей, которые, как и он, стремились изгнать оттуда бюрократический дух. Этих молодых людей называли потом «Константиновичами», и все они играли более или менее значительную роль, как, например, Рейтерн в Министерстве финансов, Набоков в управлении Польши, Димитрий Оболенский в Таможенном ведомстве, Димитрий Толстой в Министерстве просвещения. Напомнить обо всем этом я хочу в тот момент, когда Кости, впавший в немилость у императора Александра III, совершенно отошел от дел. Это было тяжелым ударом для всех либерально мыслящих, которые могли бы, опираясь на его помощь, восстановить равновесие между кругами отсталыми и передовыми. Но, видно, было суждено иначе. Кости всегда отличался терпимостью по отношению прессы, относился с презрением ко всем нападкам на свою особу и никогда на них не реагировал. Этим объясняется, что поползли подлые слухи об его причастности к заговорам нигилистов. Слухи эти никем не опровергались. Он считал это ниже своего достоинства. Такой взгляд на вещи, вызванный только его благородством, должен был бы быть понятен не только мне одной. К сожалению, это не так.

* * *

В течение этой зимы я слышала много филармонических концертов в зале Энгельгардта[23], на которых исполнялись симфонии Бетховена, Реквием Моцарта и многое другое. Мне не доставляло это удовольствия. Анна Алексеевна, пытаясь развить мой слух, предложила предоставить мне возможность играть в трио со скрипкой и виолончелью. Она обнаружила Бэлинга, прекрасного музыканта, застенчивость которого до сих пор мешала ему сделаться известным, но его песни были уже довольно хорошо знакомы публике. Он сочинил для меня прелестные вариации на тему Национального Гимна. Я играла их Мама в день ее рождения в апреле.

В театре вызывала восторг Мария Тальони[24] в балетах «Сильфида» и «Дочь Дуная». Она была некрасива, худа, со слишком длинными руками, но в тот момент, как она начинала танцевать, ее захватывающая прелесть заставляла все это забыть. Надо было ее видеть, чтобы понять, что совершенство грации способно вызвать слезы умиления.

Мэри, бывшая в восторге от Тальони, заучила с дядей Карлом

па-де-де, очаровательную и остроумную пантомиму. Они танцевали его на китайском маскараде, третьем и последнем так называемом «бобовом» празднике. Все были в китайских костюмах. Высоко зачесанные и завязанные на голове волосы очень украшали дам, особенно тех, у кого были неправильные, но выразительные черты лица. Папа был одет мандарином, с искусственным толстым животом, в розовой шапочке с висящей косой на голове. Он был совершенно неузнаваем. Бобовой королевой была старая графиня Разумовская, выглядевшая в своем костюме замечательно. Королем был старый граф Пальфи, венгерский магнат, которого в Вене прозвали «Тиннль», очень веселый старик, охотно посещавший бульвары и кулисы театров, всегда с непокрытой головой, в жару, холод и даже в петербургскую зиму. Люди останавливались на улице, чтобы посмотреть вслед этому человечку в мадьярской одежде, с красным лицом и трубообразным носом, с волосами, зачесанными ежом. Его всюду приглашали. Его знакомства сохранились со времен Венского конгресса, так же как его внешность и замашки.

Весной Саша отправился в большое путешествие по России. Через Вятку он хотел добраться до Тобольска. Он первый из великих князей ступил на сибирскую землю. Все, имевшие до него дело или обращавшиеся к его посредничеству, были очень милостиво приняты Папа, который страстно желал, чтобы имя его сына благословлялось, где бы он ни появлялся.

В Новочеркасск Саша торжественно въехал верхом на лошади, с атаманской булавой в руках, окруженный казаками. В то время ему было девятнадцать лет. Он был высок и строен. Лицо его было более красивым, чем повелительным. В нем преобладала мягкость, и в глазах светилась доброта его души. Таким он оставался до конца своих дней, в шестьдесят лет. Неблагодарность людей и разочарования в жизни не смогли изменить его доброту, которой было пропитано все его существо.

11 июля, в день моего Ангела, он находился в Туле, откуда прислал мне икону с изображением Богоматери. Я до сих пор ее храню. Такое исходившее от сердца внимание он оказал мне тогда, когда был завален работой и обязанностями, которые занимали все его время. Оно меня тем более тронуло, что ведь обычно братья не балуют своих сестер. Осенью он встретился с родителями в Вознесенске, чтобы присутствовать на больших кавалерийских маневрах. Множество высочайших особ и принцев из-за границы уже прибыло туда; между ними также и принц Карл Баварский и с ним его племянник, принц Лейхтенбергский. С первого же взгляда Мэри его поразила. И он понравился ей, так

как он был очень красивый мальчик. Но главным образом ей льстило то впечатление, которое она произвела на него, и мысль о том, что он может стать ее мужем, сейчас же пришла ей в голову. Согласится ли он остаться с ней в России? Я повторяю, что ей только пришла эта мысль, ни о каком серьезном чувстве еще не могло быть и речи.

В Москве мне пришлось принять участие в некоторых балах и торжественных обедах, без особой на то охоты: я всегда этого боялась, так как Папа очень следил за тем, чтобы мы все проделывали неспешно, степенно, постоянно показывая нам, как надо ходить, кланяться и делать реверанс. Мы могли танцевать только с генералами и адъютантами. Генералы всегда были немолоды, а адъютанты — прекрасные солдаты, а потому плохие танцоры. Перед мазуркой меня отсылали спать. Об удовольствии не могло быть и речи.

Когда давался торжественный обед за маленьким столом на двенадцать приборов, говорил только один Папа. Он рассказывал о поездках или иных воспоминаниях, был весел, шутил или даже говорил двусмысленности. Когда он говорил о серьезных вещах, его речь захватывала, как это часто бывает у людей, которые живо воспринимают и действительно убеждены в том, что они говорят. После обеда он стоял у камина и разговаривал с генералами о военных делах: вспоминал Бородино, Лейпциг, вступление в Париж. Мама сидела в кругу прочих гостей. Там были очень оживленные разговоры, особенно если при этом был Серж Строганов, скрывавший под серьезной внешностью веселый темперамент и пользовавшийся большим расположением дам. По вечерам занимались музыкой или же смотрели любительские спектакли. Однажды даже давали «Севильского цирюльника», и все очень хорошо играли. Почин исходил по большей части от Мама и тети Елены[25] или от бывших придворных дам, ставших москвичками, но сохранивших еще былую энергию и умевших занимать Папа.

Несмотря на мою светскую жизнь, я все еще оставалась ребенком и сейчас еще вспоминаю те шалости, которые я придумывала тогда. Особенно запомнился мне один случай. Анна Алексеевна обещала своим племянницам привести их во дворец. Немного взволнованные предстоящим представлением великой княжне одного с ними возраста, они воображали себе этот визит очень торжественным. Адини и я сложили целую гору подушек. Задрапированные пестрыми платками и лентами из Торжка, обмотанными вокруг голов, мы сели по-турецки поверх подушек, вооружившись киями от бильярда вместо табачных трубок. Дверь отворилась — полнейший конфуз! Затем взрывы хохота, киданье

подушками — так произошло знакомство. Но Анна Алексеевна была очень долго огорчена таким недостойным представлением.

Занятий в эти недели, кроме музыки и чтения, у нас не было. Вместе с Мэри мы читали вслух книгу мадам де Сталь о Германии. С Кости, который не только имел «Историю России», но и хорошо знал ее, мы посещали Оружейную палату, монастыри и музеи. Он был прекрасным чичероне и поражал всех своими меткими вопросами и замечаниями. При этом он также шалил: примерял сапоги Петра Великого, садился на трон Ивана Грозного и надел бы на себя и шапку Владимира Мономаха, если бы ему не помешал Литке. Мы присутствовали при облачении Макария Булгакова[26], известного знатока церковной истории, митрополита Московского, который был ректором Духовной академии в Петербурге. Филарет[27], который возлагал на него большие надежды, принимал участие в этой церемонии.

Адини не могла сопровождать нас: у нее болела нога, и ей пришлось пролежать все время нашего пребывания в Москве на шезлонге. Днем ее носили по нашей потайной лестнице наверх к Мама, и она принимала участие в разучивании духовных песен, — это выдумал Папа, с тех пор как узнал от Филарета, что Петр Великий пел в хоре. Наша часовня была как раз под комнатами родителей, туалетная Мама даже сообщалась с хорами. Папа, Саша, Мэри и Адини, у которой было прекрасное сопрано, а также Анна Алексеевна и еще некоторые, пели всю обедню. Алексей Львов[28] сочинил для них песнопения, между ними «Отче наш» и чудесную «Херувимскую»[29], специально для Адини. По воскресеньям, перед обедней, все собирались, чтобы прорепетировать, если нужно было петь новые песнопения к празднику, а главное, прокимен[30], который имел на все 52 недели года для каждого воскресенья свое собственное название и молитву. У Папа стало с тех пор привычкой узнавать прокимен для следующего воскресенья заранее. Его глаза встречались с нашими, когда пели очередной прокимен, и Саша потом в память этого делал то же, если присутствовал кто-либо из нас, певцов тогдашнего доброго времени.

* * *

7 декабря, после именин Папа, прекрасным зимним днем, мы покинули Москву. Утром было только 5 градусов мороза, вечером, в Твери, уже 15, а на следующее утро 20 градусов. Люди смазывали лица гусином жиром, чтобы не отморозить нос и уши. Мы были плотно закутаны в шубы, в теплых валенках до колена и

ноги в меховом мешке. Мэри, которой стало дурно от этого закутывания, должна была пересесть в другой возок, где опускались окна. Ее место в возке Мама заняла Анна Алексеевна; мы весь день напролет пели каноны и русские песни, музыкальный репертуар Анны Алексеевны был неисчерпаем.

На станциях крестьяне приносили нам красные яблоки и баранки. Анна Алексеевна разговаривала с ними, зная, благодаря своей долгой жизни в деревне, что их интересовало и заботило. Мама очень одобряла это ввиду того, что сама недостаточно хорошо говорила по-русски.

Москва в середине XIX века

Наша тетя Елена (жена великого князя Михаила Павловича) находила, что мы живем слишком замкнуто среди одинаково мыслящих, ни одна новая идея не проникает к нам и нас нужно бы несколько встряхнуть в нашем девичьем спокойствии. В один прекрасный день она услышала, как мы поем припев одного романса о том, что только озаренный любовью день прекрасен, и спросила нас, понимаем ли мы смысл этих слов. Последовали один за другим вопросы, из которых стало ясно, насколько мы слепы и далеки от жизни. Приобщением к светской жизни, конечно, я обязана ей. Она приезжала за мною, чтобы взять на свои вечера, на которые приглашали массу молодежи; в Михайловском дворце устраивались живые картины, в которых должна была принимать участие и я, и однажды меня пригласили на несколько часов на Елагин остров. Там я произвела, как мне потом говорили, впечатление вспугнутой лани. В фейерверке игривых слов, галантных шуток и ничего не значащей болтовни,

как это принято молодежью в обществе, я чувствовала себя вначале потерянной. Это была атмосфера, полная магнетической силы, свойственной молодежи, и в конце концов и я подпала под ее влияние. Я поймала на себе взгляд, который уже сопровождал меня в обществе тети Елены. Прежде чем я успела что-то понять, этот взгляд уже заглянул в мою душу. Я не могу передать того, что я пережила тогда: сначала испуг, потом удовлетворение и, наконец, радость и веселье. По дороге домой я была очень разговорчива и необычайно откровенна и рассказала Анне Алексеевне обо всех моих впечатлениях. Она стала моей поверенной, и ни одного чувства я не скрыла от нее. Я вспоминаю еще сегодня, как она спросила меня: «Нравится он вам?» — «Я не знаю, — ответила я, — но я нравлюсь ему». — «Что же это значит?» — «Мне это доставляет удовольствие». — «Знаете ли вы, что это ведет к кокетству и что это значит?» — «Нет». — «Из кокетства развивается интерес, из последнего внимание и чувство, с чувством же вся будущность может пошатнуться; вы знаете прекрасно, что замужество с неравным для вас невозможно. Если же вам подобное «доставляет удовольствие», то это опасное удовольствие, которое не может хорошо кончиться. О вас начнут сплетничать, репутация молодой девушки в вашем положении очень чувствительна; не преминут задеть насмешкой и того, кто стоит над вами. Помните это всегда!»

Несколько дней спустя пришло письмо от Саши, которого я так любила и мнение которого для меня значило все. Это письмо оказалось значительным для всей моей последующей жизни, если бы события и повернулись иначе, чем я тогда могла думать. Саша совершенно поправился и, покинув Италию, проводил весну в Вене. Эрцгерцоги Альбрехт, Карл Фердинанд и Стефан, которые были с ним одного возраста, сейчас же подружились со своим гостем. Стефана же, сына венгерского палатина эрцгерцога Иосифа, женатого первым браком на покойной сестре Папа, он любил особенно. Стефан выделялся своими способностями, что предсказывало ему блестящую будущность. Он любил Венгрию и по-венгерски говорил так же свободно, как по-немецки, и в Будапеште в нем видели наследника его отца. Саша, исполненный братской любви ко мне, написал родителям, что Стефан достойнее меня, чем великолепный Макс (кронпринц Баварский, никому в нашей семье не понравившийся). Стефан был приглашен на свадьбу Мэри, назначенную летом, и это приглашение Веной было принято. Я же считала себя уже невестой. Слово, данное мною в глубине сердца совершенно неведомому мне Стефану, уберегло меня от всевозможных неожиданностей чувства. Я придерживалась этого немого

обещания до того дня, как встретилась с Карлом[31] и мое сердце заговорило для него. Но до этого дня еще далеко.

* * *

В конце августа мы уехали в Варшаву; 3 сентября под проливным дождем прибыли с Мари[32] в Царское Село (в народном толковании это значит: богатая жизнь); 8 сентября был въезд в Петербург в сияющий солнечный день. Мама, Мари, Адини и я ехали в золотой карете с восемью зеркальными стеклами, все в русских платьях, мы, сестры, в розовом с серебром. От Чесменской богадельни до Зимнего дворца стояли войска, начиная с инвалидов и кончая кадетами у Александровской колонны. На ступеньках лестницы, ведущей из Большого двора во дворец, стояли по обеим сторонам дворцовые гренадеры. Мы вышли на балкон, чтобы народ мог видеть невесту, затем были церковные службы в храме, молебен и, наконец, большой прием при Дворе. Все городские дамы и их мужья, как и купцы с женами, имели право быть представленными невесте. Все залы были поэтому переполнены.

Для Мари были устроены апартаменты в Зимнем дворце подле моих, красивые, уютные, хотя и расположенные на северной стороне. Осень мы проводили в Царском Селе. Мари учила Закон Божий и русский у Анны Алексеевны, которая сумела не только передать своей ученице прекрасное произношение, но вместе с любовью к языку внушить ей и любовь к народу, которому она теперь принадлежала. Потом говорили, что после императрицы Елизаветы Алексеевны[33] ни одна немецкая принцесса не владела так хорошо нашим языком и не знала так нашу литературу, как знала Мари. Мама много читала по-русски, главным образом стихотворения, но говорить ей было гораздо труднее. В семье мы, четверо старших, говорили между собой, а также с родителями всегда по-французски. Младшие же три брата[34], напротив, говорили только по-русски. Это соответствовало тому национальному движению в царствование Папа, которое постепенно вытесняло все иностранное, до тех пор господствовавшее в России.

5 декабря в церкви Зимнего дворца была пышно отпразднована церемония перехода Мари в лоно православия. С необычайной серьезностью, как все, что она делала, она готовилась к этому дню. Она не только приняла внешнюю форму веры, но старалась вникнуть в правоту этой веры и постигнуть смысл слов, которые она читала всенародно перед дверьми

церкви, в лоно которой должна была вступить. Первые слова «Верую» она произнесла робко и тихо, но по мере того, как она дальше произносила слова молитвы, ее голос креп и звучал увереннее. Во время Таинства подле нее стояла ее восприемница мать Мария, игуменья Бородинской обители, высокая, аскетичная, вся в черном, подле нее особенно трогательной казалась Мари, в белом одеянии, в локонах вокруг головы, украшенная только крестильным крестом на розовой ленте, который надел на нее митрополит после того, как лоб девушки был помазан миром. После Причастия лицо Марии светилось радостью. Во время молебна ее имя было впер вые помянуто как имя православной. На следующий день была отпразднована помолвка и в соответствующем манифесте она названа великой княгиней Марией Александровной. Поздравления и пожелания жениху и невесте, приносимые духовенством, Советом, Сенатом, всем Двором, городскими дамами с мужьями и, наконец, корпусом офицеров, длились часами. Важен был прием дипломатического корпуса, назначенный на следующий день, так как от донесений и впечатлении представителей всех стран своим Дворам зависела репутация юной великой княгини.

Ум, спокойная уверенность и скромность в том высоком положении, которое выпало на ее долю, вызвали всеобщее поклонение. Папа с радостью следил за проявлением силы этого молодого характера и восхищался способностью Мари владеть собой. Это, по его мнению, уравновешивало недостаток энергии в Саше, что его постоянно заботило. В самом деле, Мари оправдала все надежды, которые возлагал на нее Папа, главным образом потому, что никогда не уклонялась ни от каких трудностей и свои личные интересы ставила после интересов страны. Ее любовь к Саше носила отпечаток материнской любви, заботливой и покровительственной, в то время как Саша, как ребенок, относился к ней по-детски доверчиво. Он каялся перед нею в своих маленьких шалостях, в своих увлечениях — и она принимала все с пониманием, без огорчения. Союз, соединявший их, был сильнее всякой чувственности. Их заботы о детях и их воспитании, вопросы государства, необходимость реформ, политика по отношению других стран поглощали их интересы. Они вместе читали все письма, которые приходили из России и из-за границы. Ее влияние на него было несомненно и благотворно. Саша отвечал всеми лучшими качествами своей натуры, всей привязанностью, на какую только был способен. Как возросла его популярность благодаря Мари! Они умели не выпячивать свою личность и быть человечными, что редко встречается у правителей. Как обожали Сашу в кадетских

корпусах и в гвардии, которой он командовал после дяди Михаила! У него была замечательная память на фамилии и лица, и он мог много лет спустя, встретившись с кем-нибудь, назвать его по фамилии или отнестись к нему как к товарищу, что доставляло иногда больше радости, чем всякая награда.

* * *

Весной этого года в Петербург переехала для воспитания своих сыновей лучшая подруга Анны Алексеевны. Это была госпожа Шульц, урожденная Шипова. Я очень полюбила ее, особенно за то, что она долго жила в деревне и прекрасно знала русских крестьян и условия их жизни. Она заботилась главным образом о судьбе деревенских священников, часто очень бедных и к тому же еще неудачно женатых. Они были обязаны жениться на девушках своей среды, таких же бедных и безо всякого образования, так что не годились в помощницы своему мужу. Если же они посещали какое-нибудь учебное заведение, то становились излишне требовательными и отчуждались от своей среды. Потребность в школе только для дочерей священников стала необходимостью. Я попросила госпожу Шульц сделать письменно несколько заметок по этому поводу и передала их Мама, которая мне посоветовала обратиться к Папа. Он сейчас же понял необходимость учреждения таких школ и велел мне обратиться к графу Протасову, который был прокурором Святейшего Синода. Было решено, что эти школы будут содержаться на средства, поступающие от продажи свечей в церквах. 9 мая, в день Св. Николая Мирликийского, Папа подписал этот указ. Осенью должна была открыться первая школа в Царском Селе. Мое сердечное желание исполнилось: наконец-то я смогла, хотя и очень скромным делом, оказаться полезной своей стране[35].

Нашли маленький дом в Царском Селе, который принадлежал бывшему камердинеру Папа, жившему на пенсии. Его немного перестроили, и школа была открыта для двадцати пансионерок. Через два года она увеличилась на двадцать учениц, покуда их не стало шестьдесят. Тогда их разделили на три класса, и они должны были учиться шесть лет. Вторая такая школа для дочерей священников была открыта позднее в Ярославле. Госпожа Шульц стала во главе школы. В течение 34 лет она выпустила 900 молодых девушек, посланных в отдаленные уголки России, и все они были тщательно подготовлены к своему будущему положению. Я часто посещала школу, знала всех учениц по имени

и могла следить за их успехами и ростом их зрелости. Госпожа Шульц, так же как и ее сестра Елизавета, заведовавшая школой в Ярославле, оправдали все возложенные на них надежды.

* * *

Проснувшись в день Нового года, я увидела перед моей постелью ковер, затканный розами. Его приготовила для меня Анна Алексеевна. Только по цветам должны были ходить мои ноги в этом году, так желало мне это любящее сердце. После обедни мы завтракали в саду и там же принимали новогодние поздравления. Потом на прогулке мы спускались вниз к гавани и увидели, как к красивой церкви Мария де Катена[36] причалила шлюпка. Из нее вышли лакеи в ливреях с чемоданами и пальто в руках. Кто был неожиданным гостем? Может быть, он?

Возвратившись домой, мы узнали, что почтовый пароход Неаполь — Палермо, который должен был привезти нам весть, что приезжает Вюртембергский кронпринц, опоздал из-за непогоды на двенадцать часов, из-за чего принц прибыл одновременно с письмом, извещавшим о его визите. Тотчас Кости был отправлен в отель, где остановился гость, чтобы приветствовать его и привезти к нам.

Я была готова с переодеванием еще раньше, чем Мама. В белом парадном платье с кружевами и розовой вышивкой, с косой, заколотой наверх эмалевыми шпильками, прежде чем войти, я подождала минуту перед дверью в приемную. Два голоса слышались за ней: молодой, звонкий голос Кости и другой, мужской, низкий. Что-то неописуемое произошло в тот миг, как я услышала этот голос: я почувствовала и узнала: это он! Несмотря на то, что мое сердце готово было разорваться, я вошла спокойно и без смущения. Он взял мою руку, поцеловал ее и сказал медленно и внятно, голосом, который я тотчас же полюбила за его мягкость: «Мои родители поручили мне передать вам их сердечнейший привет», при этом его глаза смотрели на меня внимательно, точно изучая.

Вечером за столом были только самые близкие. Он был скорее застенчив, мало говорил, но то немногое, что он сказал, было без позы и совершенно естественно. При этом он ел с аппетитом, что не согласуется с законом, говорящим о том, что влюбленный не может есть в присутствии дамы своего сердца. Это обстоятельство было также замечено и отмечено нашим окружением. Перед тем как идти спать, я сказала Анне Алексеевне: «Очень прошу вас: ни слова о сегодняшнем дне; я не

буду в состоянии что-нибудь сказать вам об этом раньше чем, по крайней мере, через неделю».

Прошло четыре дня. Я познакомилась с его свитой, со старым графом Шпитценбергом, адъютантом фон Берлихингеном, врачом Хардеггом и секретарем Хаклендером. Мы гуляли, а по вечерам весело играли в разные игры, но пока еще не нашли случая для разговора с глазу на глаз — наше общество было слишком мало для того, чтобы можно было уединиться. 5 января, в сияющий солнечный день, Мама предложила нам поездку на Монреаль[37]. Мы шли пешком по горной дороге вверх, я опиралась на руку Кости. Он с Мама позади нас. Солнце было близко к закату, и окружающие горы ясно обрисовывались на вечернем небе: темно-синие, в розовом освещении, которое, казалось, заливало весь край, лежавший у наших ног. Простыми, сердечными словами он говорил Мама о том, как счастлив видеть такую красоту. Когда я слушала его голос, во мне развивалось и углублялось чувство доверия, которое я испытала к нему в момент первой встречи.

Праздник Крещения Господня в дореволюционной России

На следующий день было Крещение (в России оно празднуется по старому календарю и связано с водосвятием), и я жарко молилась, чтобы Господь вразумил меня и указал, как мне поступить. Я встретилась с кронпринцем после службы в комнате Мама. По ее предложению мы спустились вниз, в сад. Не помню, как долго мы бродили по отдаленным дорожкам и о чем говорили. Когда снова мы приблизились к дому, подошла молодая крестьянка и с лукавой улыбкой предложила Карлу букетик фиалок «пер ла Донна»[38]. Он подал мне букет, наши

руки встретились. Он пожал мою, я задержала свою в его руке, нежной и горячей.

Когда у дома к нам приблизилась Мама, Карл сейчас же спросил ее: «Смею я написать государю?» — «Как? Так быстро?» — воскликнула она и с поздравлениями и благословениями заключила нас в свои объятия.

Анна Алексеевна была первой, кого мы посвятили в случившееся. Она после первой же встречи поняла, что происходило в моем сердце. Я знала и чувствовала, что все хорошее во мне должно было пробудиться теперь, когда я любила и была любимой, и я молилась о том, чтобы Господь сделал меня достойной Карла.

Со всех сторон посыпались поздравления, — в России слуги принимают участие в семейных событиях, как нигде в другой стране, — я была тронута их радостью, они целовали мне руку, а моему жениху плечо. День прошел за писанием писем; было решено объявить помолвку, как только придет письмо Папа из Петербурга. Кости, который увлекался теперь всем античным, сравнил меня с Пенелопой и ее женихами. «Ну, — говорил он, — наконец появился и Улисс (Одиссей)!»[39].

Как он выглядел? Выше среднего роста, он был выше меня на полголовы. Глаза карие, волосы каштановые, красиво обрамляющие лоб и виски, губы полные, выгнутые, улыбка заразительная. Руки, ноги, вся фигура была безупречна. Таким я вижу его перед собой, с одной только ошибкой: он был на шесть месяцев моложе меня. О, какое счастье любить!

Прошли три безоблачных дня, на четвертый письмо из Штутгарта омрачило нашу радость. С поздравлениями о помолвке пришло известие о том, что король Вильгель (отец Карла) заболел. Старый Шпитценберг[40] считал, что надо сейчас же возвращаться; но Мейендорф[41] сумел убедить его, что даже в том случае, если надо ожидать конца, они не смогут приехать вовремя и лучше поэтому оставаться и ждать дальнейших вестей. Зачем разлучать нас в эти первые дни счастья, которые никогда не повторятся?

Таким образом, нас ожидало еще несколько счастливых дней и первое совместное празднество — на корабле «Ингерманланд» в нашу честь давался бал. Палуба была украшена шатрами из флагов всех стран, играл военный оркестр, и первый танец я танцевала с Карлом. По его просьбе я надела платье, которое было на мне в день помолвки: фиолетовое с жакеткой с жемчужными пуговицами. Я упоминаю эти мелочи, оттого что, когда любишь, каждой мелочи придаешь значение.

Однажды, когда Мама привела его ко мне наверх, в мою

красивую комнатку, он остановился на пороге и поцеловал меня в лоб. С тех пор моя комнатка казалась мне освященной. Идти с ним под руку или, прижавшись головой к его коленям, сидеть у его ног и слушать, как он повторяет: «Оли, я люблю тебя», — все это поднимало меня на небеса. Для невесты дни проходят, как один-единственный сон; она живет в привычной обстановке своего окружения, но поднятая высоко надо всем своей любовью и душевным озарением. Для жениха, конечно, это время более смелых желаний и надежд.

Наш сон продолжался неполные десять дней. Врачи из Штутгарта написали, что непосредственная опасность устранена, но в возрасте короля (ему было шестьдесят четыре года) поправка идет медленно и поэтому было бы желательно, чтобы кронпринц вернулся. В момент, когда звал долг, колебаний уже не было. 16 января он еще раз пришел к любимому нами часу завтрака, мы сошли с ним в сад и обошли все любимые дорожки вдоль стены, которая была покрыта цветущими розами и малиновыми бугенвиллеями. В последний раз мы вместе вдыхали аромат, в котором пробудилась наша любовь. Наконец настал час разлуки, тем более жестокой, что мы не смели писать друг другу, не имея ответа из Петербурга. Две недели нужно было, чтобы письмо дошло в Петербург, и столько же обратно; целый месяц мучительного ожидания стоял перед нами. Из Генуи мы получили несколько строк, написанных его рукой и адресованных Мейендорфу. Затем больше ничего до 5 февраля…

* * *

Что мне еще сказать об этих последних неделях в Палермо? Только половина моего существа была еще там. Мейендорф, который жил некоторое время в Штутгарте, рассказывал мне о городе и стране, которая должна была стать моей новой родиной. Он дал мне книги Уланда, Гауфа и Шваба для чтения и назвал ученых страны. Скоро прибыли письма от короля, — он писал очень сдержанно, — от будущих невесток Мари и Софи, которые писали «дорогая кузина», и от королевы, которая просто и любовно писала мне: «Ты, дорогая дочь». Письмо Карла прибыло, благодаря несчастливому случаю, последним. С момента, как оно было в моих руках, я стала регулярно вести дневник и посылать каждую неделю ему эти листки. Он делал то же самое, и еще теперь, после 36 лет брака, мы придерживаемся этого обычая. Мой ответ королю был написан с помощью Мейендорфа, который, зная его характер, взвешивал каждое слово. В ответном письме

моей свекрови еще непривычный мне немецкий язык также заставил меня хорошенько подумать.

Наше пребывание в Палермо подходило к концу. Цель поездки была достигнута. Мама поправилась так, как давно этого уже не было: она прибавила в весе, плечи и руки стали такими полными, что она снова могла показаться с короткими рукавами. Ее веселость росла вместе с силами, которые позволяли ей снова вести ее обычную деятельность. Как я была счастлива быть при ней, как я наслаждалась каждым моментом, когда она еще принадлежала мне!

Весенним днем, — розы и апельсинные деревья стояли в полном цвету, — мы распрощались с Палермо. Утром я в последний раз стояла у открытого окна, долго смотрела на море, на Монте-Пеллегрино, а затем закрыла глаза, чтобы впитать эту картину.

Улица, ведущая к гавани, была покрыта народом, когда мы по ней спускались. Люди махали с крыш и балконов и показывали таким образом, как они любили Мама, у которой всегда была «широкая рука» для бедных; она была ласкова с детьми и исполнена приветливости к каждому. Со всех сторон слышались прощальные приветствия: «Адио, ностра Императриче!». Тысячи маленьких лодок, шлюпок и пароходиков крутились в гавани, и люди с них долго кричали нам вслед благодарные пожелания. Мы были глубоко тронуты таким сердечным участием чужого нам народа.

В Неаполе был официальный прием Двора. Нас встретили пушечным салютом. Король Фердинанд II с братьями и большой свитой стоял в гавани в парадной форме. Королева встретила нас в замке; это была бывшая эрцгерцогиня Тереза, которая когда-то, будучи девушкой, пленила мое детское сердце в Теплице и Праге. Какая перемена с тех пор! Под влиянием строгого духовника из веселой, любезной девушки она сделалась безжизненной, куклоподобной ханжой. Рассказывали, что этот духовник каждый вечер благословлял супружеское ложе перед тем, как они ложились на него. Королева была крайне озабочена доброй моралью в балете, театрах и моде. Так, она предписывала зеленые трико вместо розовых, картины, на которых были видны большие декольте у дам, по распоряжению цензуры покрывались черной вуалью до подбородка.

С церковных кафедр порицали бесстыдную моду, которая обнажает грудь и руки и только черта тешит. Указывали на закутанную одеждой королеву, которая должна была служить примером для каждой женщины страны.

Меня королева встретила как чужую. Она не протянула мне

руки и не говорила мне «ты», как прежде. Король, который знал о нашем старинном знакомстве, пригласил меня, по своему добродушию, после службы в церкви в интимные покои семьи; там, среди своих шести детей, которые доверчиво со мной играли, королева немного смягчила свою сухость. С легким сердцем я оставила этот Двор в его неподвижности.

Неаполь мы покинули на пароходе и после восьмичасового путешествия прибыли в Ливорно. Там нас встретил русский консул и проводил в отель, где нам сейчас же вручили два письма. Одно извещало Мама о смерти ее горячо любимой тети Марьянны. Это было ужасным для нее ударом. Другое же, — прости мне, Боже, мою радость в такую минуту, — принесло мне неожиданную весть, что мой Карл на следующий день прибудет в Ливорно.

Во время дальнейшего путешествия мы проехали мимо Пизы, мимо кривой башни Кампо-Санто, но я едва смотрела на все это — мой Карл был со мной, и я видела только его. Во Флоренции он жил в том же отеле, что и мы. Отель этот стоял на берегу Арно, против палаццо Липона (собственность бывшей королевы Каролины Мюрат), его сад спускался к самому берегу, и наш балкон отражался в воде. Весна во Флоренции, ее цветение, ее сияющие дни приносили радость за радостью. Наши комнаты были заполнены цветами, и на торжественные вечера великогерцогского Двора в Тоскане я украшала себя живыми цветами. Герцогиня, вторая жена великого герцога Леопольда и сестра короля Неаполитанского, была замечательной женщиной. Она жила только для своего мужа и детей, в почти обывательском счастье. Замечательные сокровища искусства, которые окружали ее и заполняли ее каждодневную жизнь, представляли с этим разительный контраст.

Над постелью герцогини висела Мадонна дель Грандича Рафаэля, на столе во время торжественных приемов лежали ножи, вилки и ложки, а также стояли сосуды из мастерской Бенвенуто Челлини. Когда подымались из-за стола, то шли в салоны галереи Питти, самой прекрасной в Италии, картины которой собирались в течение веков любящими искусство владетелями страны, а основоположниками были Медичи. Я прекрасно запомнила поездку в Поджио-а-Чаяно, загородный дворец Лоренцо Великолепного, примерно в двух часах езды от Флоренции. Серебряный свет Тосканы разливается над зелеными холмами в долину Омброне, восточного притока Арно. Сам замок стоит высоко над берегом реки, смотрит на зеленые купы деревьев, и над ним господствует божественная тишина. Там, у наших любезных хозяев, я впервые поняла тихую радость этого

цветущего уголка, который так хорошо управляется, обложен минимальными налогами, и народ с доверчивостью смотрит на своего государя, совсем по-другому, чем в Неаполе-Сицилии, где его подавляют, угнетают налогами и где царит произвол. Здесь все дышало миром, доверием и прочностью. И все же три года спустя здесь была революция, и семья властелина бежала в изгнание.

Я не буду описывать наши посещения церквей, дворцов и монастырей Флоренции, они все очень хорошо известны, я же сама в то время была еще незрелой и неуверенной в том новом, что мне встречалось, чтобы дать направление моему вкусу. Карл провел целую зиму во Флоренции, благодаря чему его вкусы и взгляды были уже увереннее, он любил предшественников Рафаэля и привел меня к картинам Фра Анджелико, чтобы я тоже полюбила их. Я смотрела на все его глазами и слушала его в упоении; но предстоящая большая перемена в моей жизни слишком занимала меня, чтобы у меня сохранились ясные воспоминания и впечатления. Тогда мне казалось более важным и значительным узнать характер и натуру Карла. Его детство не было счастливым: Родители жили безо всякой внутренней гармонии между собой. Он вырос одиноким, и его потребность в ласке была очень велика. Он любил разговаривать со мной во время прогулок в саду, по берегу Арно. Когда я сидела в комнате с работой в руках, он быстро становился нетерпеливым; это напоминало ему совместные семейные вечера дома, где мать и сестры молча сидели за своей работой, дрожа заранее от придирок короля. Когда он узнал, что день моего рождения по заграничному исчислению приходится на 11 сентября, он воскликнул: «О, он лежит как раз между днями рождений моих родителей! Это может означать, что тебе суждено стать соединяющим звеном между обоими». Он разгадал мою натуру и указал мне таким образом направление моего пути.

21 апреля мы покинули Флоренцию и ехали короткими дневными этапами через Болонью и Падую в Венецию. Там мы провели еще целую неделю, и там же было решено, что наша свадьба состоится 1 июля. Доктор Мандт считал, что здоровье Мама настолько окрепло, что ей незачем ехать в Бад-Эмс или Шлангенбад, а можно возвращаться прямо в Петербург. Перед этим была еще намечена встреча в Зальцбурге с королем и королевой Вюртембергскими. Во время поездки по Ломбардии погода изменилась, начал идти дождь, а когда мы прибыли в Триест, поднялась сильнейшая гроза. В несколько часов ручьи, стекавшие с гор, залили дорогу, и мы не могли проехать дальше. Генерал Врбна, сопровождавший нас через Австрию, поехал

вперед, чтобы устроить нам квартиры. Когда он узнал о наводнении, то пересел из экипажа в лодку, чтобы возвратиться к нам. Мы должны были три дня ожидать в Триесте. Источник многих неприятностей для путешественников, это наводнение только радовало нас, жениха и невесту, и на каждое приключение мы смотрели как на приятное развлечение. Каждое утро во время завтрака Карл читал нам «Лихтенштейна» Гауфа[42], и каждый вечер мы шли в театр, примыкавший непосредственно ко двору нашего отеля. Деревенская публика ела в антрактах апельсины и бросала их корки тут же на пол. Актеры, не менее естественные, чем публика, вызывали у нас своей игрой гомерический хохот.

Суровым показался мне въезд в горы Тироля. Синева Сицилии, серебряный отсвет Тосканы, были ли они наяву? Было ли счастье только сном, а действительность пробуждением, которое разгоняло его? Холод проник в мое сердце. Первую ночь в горах мы провели в монастыре Св. Иоанна, окруженном со всех сторон горами, безо всякого вида на окрестности, а над нами возвышались снежные вершины, освещенные заходящим солнцем. Последние лучи окрасили их розовым пламенем. Красиво, но какой тоской повеяло на меня от этого впервые виденного горения Альп. Момент блеска, триумфа — затем молчание, ночь навеки. Горы и мрачные леса давили на мое сердце, и от этого впечатления я не избавилась на всю жизнь. Дитя равнины, я ношу в себе желание видеть большие пространства; море, зеркало дальних вод дает мне радость и легкое дыхание.

Портрет Ольги Николаевны Романовой. Художник — Франц Винтерхальтер. 1856 г.

«Вторая великая княжна, Ольга Николаевна, любимица русских; действительно, невозможно представить себе более милого лица, на котором выражались бы в такой степени кротость, доброта и снисходительность. Она очень стройна, с прозрачным цветом лица, и в глазах тот необыкновенный блеск, который поэты и влюбленные называют небесным, но который внушает опасение врачам».

(Фридрих Гагерн)

В Зальцбург мы прибыли около полудня. Мама, боясь натянутости официального представления, решила импровизировать встречу с королем и королевой Вюртембергскими. Она приказала экипажу попросту остановиться у отеля, где жила королевская семья. Первая встреча произошла в полутьме вестибюля. Затем сели большим обществом за круглый стол. Я была так взволнована, что боялась задохнуться. Карл пожал мне руку, король смотрел на меня с любопытством своими поблекшими глазами. На следующий день этот взгляд стал более благосклонным. Он был недоволен неожиданностью встречи и винил Карла в том, что он не известил его о намерении Мама. Таким образом, его настроение не было блестящим. Милая, добрая королева, которая знала все выражения его лица, казалось, ожидала грозы и была совершенно сконфужена. Карл скоро вывел меня из этого круга в комнату своей младшей сестры Августы. Как раз в это время она стояла перед зеркалом и прикрепляла брошку к своему лифу. Карл схватил ее за плечи и быстро повернул, так что мы оказались лицом к лицу друг перед другом. Она вскрикнула от неожиданности и бросилась мне на шею. Я облегченно вздохнула — лед растаял.

На следующий день была чудесная погода, и мы поехали на прогулку. Мама с королевой и Августой, я с Карлом и королем в экипаже последнего. Манеры короля напоминали прошлое столетие, тон, которым он обращался ко мне, был скорее галантным, чем сердечным, его разговоры любезны, подчас даже захватывающи, но всегда такие, точно он говорил с какой-либо чужой принцессой, ни слова, могущего прозвучать сердечно или интимно, и ничего о нашем будущем. Казалось, он избегал всего, что могло вызвать атмосферу непринужденной сердечности. Такое поведение казалось мне, с детства привыкшей к свободе и откровенности, совершенно непонятным, и мое сердце сжималось от мысли, что мне придется жить под одним кровом с человеком, который был мне непонятен и чужд. И все же как государь, самый старший среди немецких князей, он считался самым способным. Он был просвещенных либеральных взглядов и дал своей стране конституцию задолго до того, как она была принята в других странах. Он правил страной тридцать лет, и это было счастливым для нее периодом. Все это я уже знала до встречи с ним и старалась теперь думать об атом, чтобы увеличить хотя бы мое уважение к нему, раз сердце для него молчало. И это уважение стало почвой для всех моих последующих с ним отношений. Я ему обязана многим, он научил меня выражаться точно и

вдумчиво, что было необходимо, например, при передаче ему моих бесед с нашим послом в Штутгарте Горчаковым, для которого я служила как бы рупором в его сношениях с королем.

Но вернемся в Зальцбург. Королева расспрашивала обо мне Анну Алексеевну и обещала ей, что будет относиться ко мне как к своей дочери. Она сдержала свое слово и относилась ко мне всегда с большой добротой, несмотря на все старания, которые делались, чтобы поссорить нас. Ее лицо носило следы былой красоты, щеки были розовыми и свежими, и когда она улыбалась, были видны два ряда белоснежных безупречных зубов, которые она сохранила до глубокой старости. Ее волосы в то время тоже были еще совсем темными. Но фигура у нее была тяжеловатой, без грации и гибкости, хотя вся внешность ее не была лишена спокойной величавости. Разговоры на балах и приемах она вела несколько однообразные и не скрывала равнодушия к своим собеседникам. Распорядок дня ее был строго урегулирован, она боялась движений и перемен и была бы для человека с обывательскими привычками идеальной женой. Она была полной противоположностью второй жены короля Вильгельма Вюртембергского, королевы Екатерины Павловны[43], сестры Папа, женщины во всех отношениях недюжинной, что невольно раздражало короля, и он часто бывал несправедлив и придирался к ней. Она же, будучи по природе безобидной и доброй, не могла играть никакой роли в политике. Она была прекрасной рукодельницей, но совсем не могла отражать насмешек или понимать иронию и сейчас же, как улитка, уходила в свой домик, откуда потом с трудом выбиралась. Ко мне она относилась прекрасно, и я не могу себе представить лучшую свекровь. Она никогда не вмешивалась в нашу жизнь и порядок нашего Двора. Она не знала ревности и не ставила никаких требований. Мне она была благодарна за каждую мелочь и внимание, которое я ей оказывала.

* * *

25 июня была торжественная помолвка в петергофской церкви, а свадьба была назначена на 1 июля, день рождения Мама и одновременно день свадьбы родителей. Это число должно было принести нам счастье! Последние дни перед этим торжественным днем были заполнены суетой. Я проводила их в примерках платьев, в выборе и раздаче сувениров и подарков, в упаковке и прощальных аудиенциях, я не принадлежала больше самой себе. С трудом мне удалось выбрать день для поста и молитвы, чтобы

пойти к исповеди и причаститься в церкви Св. Петра и Павла 29 июня. Там я просила Господа только об одном: сделать меня достойной того, с кем я буду делить свою жизнь и выполнять обязанности, которые ждали меня. Родители и братья были в церкви при этом моем последнем Причастии девушкой и, конечно, также и Карл, присутствие которого еще больше углубило мое благоговение. В моей комнате Карл встретился потом с моим духовником отцом Бажановым и попросил его объяснить ему обычаи нашей церкви. 30 июня, согласно своему обещанию присутствовать на моей свадьбе, прибыл дядя Вильгельм, принц Прусский. Наша дружба относилась еще к совместному пребыванию в Эмсе в 1840 году Так же дружественно он относился и к Карлу; с 1840-го по 1842 год Карл учился в университете в Берлине и часто посещал то общество, которое собирала вокруг себя принцесса Августа. К ее кругу принадлежали в то время такие умы, как Ранке. Савиньи, Курциус и другие.

Когда я вечером 30 июня поднялась в последний раз в свою комнатку, я долго не могла заснуть. Я позвала Анну Алексеевну, и мы долго говорили на моем балконе.

После полуночи Папа постучался в мою дверь: «Как, вы все еще не спите?». Он обнял меня, мы вместе опустились на колени, чтобы помолиться, и потом он благословил меня. Как он был нежен ко мне! Какой бесконечной любовью звучали его слова! Потом он поблагодарил Анну Алексеевну за все, что она сделала для меня во время нашего десятилетнего совместного пребывания. В дверях он еще раз повернулся ко мне и сказал: «Будь Карлу тем же, чем все эти годы была для меня Мама!».

Наступил торжественный день. Уже рано утром нас разбудили трубачи под окнами. Я поспешила к Мама, чтобы поздравить ее и передать мои подарки. Я подарила ей медальон с моей миниатюрой и маленький секретер из орехового дерева с сиреневым бархатом. Она пользовалась им до самой смерти и держала в нем свои частные бумаги; после ее смерти там нашли ее духовное завещание.

У Мама собралась вся семья, не хватало только Карла, которого, по русскому обычаю, я не могла видеть в день своей свадьбы до церкви. Богослужение было назначено на утро, затем меня должны были одеть в Большом дворце в наряд невесты, и в час дня начинались свадебные церемонии. Утром я должна была подписать Отречение[44], как это полагается в нашем законе. Его подписывает каждая великая княжна перед своим браком. Затем Адлерберг, который в то время был министром Двора, поднес Анне Алексеевне розетку ордена Св. Екатерины. В Орлином

салоне Большого дворца меня ждал наряд. Я действовала как в тумане, я не помню больше ничего до момента, как в салон вошел Карл и Папа сказал ему: «Дай ей руку!».

Все вышли, мы опустились на колени перед иконой, которой нас благословили родители. Затем на мои плечи прикололи тяжелую великокняжескую мантию, которую несли восемь камергеров, но конец шлейфа подхватил мой гофмаршал граф Бобринский и, шепнув мне тихо: «С Богом!», отечески тепло посмотрел на меня. Шествие тронулось. Сначала шли камер-юнкеры, затем камергеры, за ними статские сановники и наконец обер-гофмаршал граф Шувалов, предшествовавший императорской чете и всему семейству. Прошли шестнадцать зал и галерей дворца. В церкви собрался весь дипломатический корпус. При входе Мама обменяла наши обручальные кольца, которые мы носили уже с помолвки; после этого Папа подвел нас к алтарю. Чудесные песнопения нашей церкви точно созданы для того, чтобы пробудить в сердце чувства счастья и благодарной радости, и заставляют забыть всю грусть и заботы. Потом мне говорили, что редко видели невесту такой сияющей.

После православной свадьбы мы тем же порядком проследовали в лютеранскую часовню, которая была устроена в одной из дворцовых комнат. Мы стали на колени на скамейку, и пастор произнес короткую, но очень чувствительную речь. Принц Гогенлоэ-Эринген стоял, как представитель короля, подле нас.

Весь этот день, заполненный церемониями, казался мне бесконечным. Наконец вечером нас торжественно отвели в наши будущие апартаменты, где нас встретили Саша и Мари с хлебом-солью. Тяжелое серебряное парчовое платье, а также корону и ожерелье сняли с меня, и я надела легкое шелковое платье с кружевной мантильей, а также чепчик с розовыми лентами, оттого что теперь я была замужем!

Анна Алексеевна даже удостоилась упоминания в знаменитом биографическом словаре А. А. Половцова. Вот статья, посвященная ей.

Окулова Анна Алексеевна

Окулова, Анна Алексеевна, камер-фрейлина Высочайшего Двора, по происхождению своему принадлежала к старинной дворянской фамилии. Она родилась 3 сентября 1794 года и была дочерью Алексея Матвеевича и Прасковьи Семеновны Окуловых. Ее родители — коренные москвичи — были в близких отношениях с лучшим московским обществом; в доме их часто бывал князь П. А. Вяземский, воспевший в своих стихах жену и одну из дочерей Окулова. А. А. Окулова получила воспитание в Смольном Институте в Петербурге. Далеко уже не в молодом возрасте, 6 декабря 1836 года, она была определена фрейлиной и воспитательницей к великой княгине Ольге Николаевне. Женщина недюжинного ума с французским воспитанием, но с чисто русской душой, Окулова на первых же порах заявила себя при Дворе ярой поборницей всего национального, русского и своей августейшей питомице старалась внушить любовь ко всему родному. Эту черту в характере Окуловой очень метко охарактеризовал П. А. Плетнев в письме к Я. К. Гроту в 1841 году: «Окулова, — писал он, — старая русская барышня, да еще и московка. Следовательно, она защищает на французском диалекте все русское, особенно язык, на котором не может сказать фразы без грамматической ошибки». Почти никогда не расставаясь с великой княжной, Окулова ездила с ней несколько раз за границу, неусыпно наблюдая за развитием и образованием своей питомицы. Окулова дружила с учителями, преимущественно профессорами, дававшими уроки великой княжне, — Плетневым, Шевыревым, а также и с поэтами Жуковским и кн. Вяземским. В 1845 году Анна Алексеевна сопровождала великую княжну Ольгу Николаевну за границу в Геную, а затем в Палермо. Закончив дело воспитания великой княжны, Окулова осталась при дворе в качестве фрейлины государыни. 26 августа 1856 года Окулова была пожалована в камер-фрейлины. Живя на покое в Зимнем дворце, она не переставала интересоваться всем окружающим и писала записки. Незначительная часть их напечатана в «Русском архиве»; записки эти более касаются ее воспитанницы и тогдашней придворной жизни, чем самой Окуловой, которая была вполне поглощена порученным ей делом, о чем свидетельствуют и ее мемуары. Окулова была кавалерственной дамой ордена св. Екатерины. Она скончалась 13 февраля 1861 года и была погребена на кладбище Донского монастыря в Москве.

О печальной участи Александры Николаевны было

рассказано выше. Теперь осталось рассказать лишь о том, как сложились судьба двух оставшихся дочерей Николая.

Мария была общепризнанной красавицей, обладала непобедимым обаянием, держалась уверенно, умела настаивать на своем. Когда ей исполнилось 16 лет, она в свой день рождения попросила у отца особый подарок: позволить ей не покидать Россию. Николай вскоре сосватал ей принца Максимилиана Евгения Иосифа Наполеона Лейхтенбергского — сына вице-короля Италии Евгения Богарне и Амалии Августы, дочери короля Баварии. У Максимилиана была слава не только одного из красивейших мужчин в Европе, но и одного из самых просвещенных и образованных.

2 июня 1839 года в Зимнем дворце состоялась свадьба герцога Максимилиана Лейхтенбергского с Марией Николаевной. «Церемониал венчания по греческому обряду был продолжителен и величественен, — писал очевидец события, Астольф де Кюстин. — Герцог Лейхтенбергский — высокий, сильный, хорошо сложенный молодой человек; черты его лица вполне заурядны, глаза красивы, а рот чересчур велик, да к тому же неправильной формы; герцог строен, но в осанке его нет благородства; ему удается скрыть природный недостаток изящества с помощью мундира, который ему очень идет, но делает его больше похожим на статного младшего лейтенанта, нежели на принца».

Портрет Максимилиана Лейхтенбергского. Художник — Эдуард Гау. 1840-е гг.

Максимилиан Иосиф Евгений Август Наполеон Богарне (1817–1852) — член русской императорской фамилии, 3-й герцог Лейхтенбергский, президент Императорской академии художеств (с 1843) и главноуправляющий Горным институтом.

О том, что было дальше, рассказала великая княжна Ольга Николаевна: «Приданое Мэри было выставлено в трех залах Зимнего дворца: целые батареи фарфора, стекла, серебра, столовое белье, словом, все, что нужно для стола, в одном зале; в другом — серебряные и золотые принадлежности туалета, белье,

шубы, кружева, платья, и в третьем зале — русские костюмы, в количестве двенадцати, и между ними — подвенечное платье, воскресный туалет, так же как и парадные платья со всеми к ним полагающимися драгоценностями, которые были выставлены в стеклянных шкафах: ожерелья из сапфиров и изумрудов, драгоценности из бирюзы и рубинов. От Макса она получила шесть рядов самого отборного жемчуга. Кроме этого приданого, Мэри получила от Папа дворец (который был освящен только в 1844 году) и прелестную усадьбу Сергиевское, лежавшую по Петергофскому шоссе и купленную у Нарышкиных».

Но далеко не все при дворе были в таком же восторге от этой свадьбы, как Ольга Николаевна. Анна Тютчева, в ту пору только ставшая фрейлиной, писала: «Это была, несомненно, богатая и щедро одаренная натура, соединявшая с поразительной красотой тонкий ум, приветливый характер и превосходное сердце, но ей недоставало возвышенных идеалов, духовных и умственных интересов. К несчастью, она была выдана замуж в возрасте 17 лет за принца Лейхтенбергского, сына Евгения Богарне, красивого малого, кутилу и игрока, который, чтобы пользоваться большей свободой в собственном разврате, постарался деморализовать свою молодую жену… Не без неприятного изумления можно было открыть в ней наряду с блестящим умом и чрезвычайно художественными вкусами глупый и вульгарный цинизм».

Молодые поселились в новом дворце на Исаакиевской площади, срочно переделанном из здания Школы юнкеров и гвардейских прапорщиков. Перестройку Николай получил архитектору Андрею Ивановичу Штакеншнейдеру Вот как описывает этот дворец Анна Тютчева: «Я отравилась к великой княгине Марии Николаевне, которой была обязана своим назначением ко двору. Я застала ее в роскошном зимнем саду, окруженной экзотическими растениями, фонтанами, водопадами и птицами, настоящим миражем весны среди январских морозов. Дворец великой княгини Марии Николаевны был поистине волшебным замком благодаря щедрости императора Николая к своей любимой дочери и вкусу самой великой княгини, сумевшей подчинить богатство и роскошь, которыми она была окружена, разнообразию своего художественного воображения».

А вот писатель Владимир Соллогуб, считал эту пару достойной всяческих похвал. «Герцог Лейхтенбергский был не только одним из красивейших мужчин в Европе, но также одним из просвещенных и образованнейших принцев, — писал он. — Он всегда относился ко мне с самою благосклонною дружбой, и я могу сказать, что мне не приходилось встретить человека с таким обширным и тонким чутьем всего благородного и прекрасного.

Супруга герцога Лейхтенбергского великая княжна Мария Николаевна хотя гораздо ниже ростом, чем августейшая ее сестра, ныне королева Вюртембергская, была тем не менее красоты замечательной. Она более всех детей походила лицом на своего царственного родителя Николая Павловича. Одаренная умом замечательным и необыкновенно тонким пониманием в живописи и скульптуре, она много содействовала процветанию родного искусства. В ее роскошном дворце строгий этикет соблюдался только во время балов и официальных приемов; в остальное же время великая княгиня являлась скорее радушной хозяйкой, остроумной и благосклонной, в среде лиц, наиболее ей приближенных, а также талантливых артистов, всегда имевших к ней доступ и находивших в ней просвещенную покровительницу».

У Марии и Максимилиана было семеро детей: три дочери и четыре сына. Старшая дочь, Александра, умерла в детстве. Остальные девочки — Мария (которую в семье звали принцесса Маруся) и Евгения — получили титулы княжон Романовских и позже вышли замуж за немецких принцев. Сыновья Николай, Евгений, Сергей и Георгий — герцоги Лейхтенбергские — женились на русских дворянках. «Мэри была идеальной матерью, — вспоминает Ольга Николаевна, — нежная, исполненная заботы и очень ловкая. Она не только сумела добиться от своих детей послушания — они любили ее и уважали, и ее авторитет все увеличивался с годами. Ее дети были для нее также оплотом и защитой от всех жизненных разочарований, вытекавших из непостоянства ее натуры. Как я любила потом прелестную картину, когда она в детской, окруженная всей своей румянощекой детворой, с новорожденным на руках, сидела с ними на полу».

Максимилиан умер совсем молодым, в возрасте всего 35 лет. Через год Мария Николаевна тайно обвенчалась в церкви Мариинского дворца с графом Григорием Александровичем Строгановым. Анна Тютчева записала в своем дневнике: «Мне кажется, однако, что, несмотря на сплетни, которые она вызывала, цинизм ее проявлялся скорее в словах и манерах, чем в поведении. Доказательством служит настойчивость, с которой она стремилась урегулировать браком свои отношения к гр. Строганову, с которым она тайно повенчалась тотчас после смерти герцога Лейхтенбергского, хотя этот брак подвергал ее настоящей опасности, если бы он стал известен ее отцу. Император Николай имел достаточно высокое представление о своем самодержавии, чтобы в подобном случае насильственно расторгнуть брак, послать гр. Строганова на верную смерть на Кавказ и заточить свою дочь в монастырь. К счастью, он никогда

не подозревал о событии, которое навсегда оттолкнуло бы его не только от любимой дочери, но также и от наследника и наследницы, которые содействовали этому браку».

О свадьбе стало известно только после смерти Николая I. Анна Тютчева пишет по этому поводу: «Говорят также много о браке великой княгини Марии Николаевны и уверяют, что он скоро будет объявлен. Будет очень досадно, если эти слухи оправдаются: это произведет дурное впечатление. Говорят, что Строганов объявил, что никогда не вернется в Петербург, если его положение не будет оформлено, что ему надоело видеться со своей женой по спартанской манере. Тем не менее я надеюсь, что в этом случае государь не уступит».

Во втором браке у Марии Николаевны было двое детей, но до совершеннолетия дожила только дочь Елена. Мария Николаевна с детьми долго жили в Италии, на вилле близ Флоренции. Но умерла она в Петербурге 21 февраля 1876 года, в возрасте 56 лет.

* * *

К несчастью, брак младшей сестры Марии Ольги Николаевны оказался неудачным. Супруги не ладили, дети так и не родились. В 1863 году Ольга Николаевна удочерила свою племянницу Веру, дочь великого князя Константина Николаевича.

В 1864 году умер король Вильгельм I, трон наследовал Карл I, и Ольга Николаевна стала королевой Вюртемберга. Она нашла утешение в благотворительной деятельности: организовала Попечительское общество имени Николая, которое помогало слепым детям, а также основала «Госпиталь Ольги» — первую педиатрическую клинику в Штутгарте.

Во время франко-прусской войны (1870–1871 годы) королева Ольга возглавила организацию в помощь раненым, а позже создала организацию «Сестры Ольги». Она основала в столице королевства первую женскую гимназию. Король Карл I, отмечая заслуги своей супруги, в 1871 году учредил орден Ольги как награду за благотворительность и помощь раненым и больным.

Анна Тютчева вспоминает, как видела Ольгу во время приездов той в Россию. Ольга приезжала на Рождество и 2 января послала записку к великой княжне Марии Александровне и пригласила ее и ее фрейлин к себе. «Мы занялись гаданиями, — рассказывает Анна, — давали петуху клевать овес, топили воск».

Ольга, одна во всей семье, поддерживала брата Александра, когда тот после смерти своей первой жены решил жениться на Екатерине Михайловне Долгорукой. Анна Тютчева, всегда

восхищавшаяся Марией Александровой, записывает в своем дневнике: «Только в ноябре великая княгиня получила письмо от самого государя, в котором он объявлял ей о браке со своей прежней любовницей, опираясь, в виде оправдания, на полное одобрение сестры своей Ольги, королевы Вюртембергской, которая, оставаясь верной своему низкому и льстивому характеру, приняла сделанное ей сообщение об этом недостойном браке выражениями самой восторженной симпатии».

Ольга Николаевна скончалась в возрасте 70 лет в Вюртемберге, в королевском замке Фридрихсхафен.

Часть II
Великая княжна Мария Александровна и Анна Тютчева, или Политика воспитания

У Александра II родились две дочери. Старшая, очень любимая Александра (она была первым ребенком в семье) умерла в семилетием возрасте от кори. С тех пор в среде Романовых ни одной принцессе не давали это имя. Вторая, Мария, появилась на свет спустя почти десять лет (до этого в семье родились четыре мальчика). Можно представить себе, как любили и оберегали ее родители! Ее воспитательницей была назначена фрейлина императрицы Марии Александровны — Анна Тютчева, дочь великого поэта Федора Тютчева.

О Тютчевой при дворе говорили разное. Граф С. Д. Шереметев писал: «Она играла роль, изрекала, критиковала, направляла и всего больше надоела всем и каждому. Мало-помалу она теряла свое значение по мере усиления ее соперницы А. Н. Мальцевой. Двор ей стал невыносим, и она вышла замуж».

А княгиня Черкасская признавалась: «Чем более я вижу Тютчеву, тем более люблю, у нее возвышенная душа, и образ мыслей, как несправедливо к ней здесь общество».

Анна Федоровна родилась у первой жены Федора Ивановича, графини Элеоноры Федоровны Ботмер, дочери немецкого дипломата. Она появилась на свет за границей и провела свои детские годы в Мюнхене. Здесь она училась в Мюнхенском королевском институте и приехала в Россию уже восемнадцатилетней девушкой, вместе отцом и со своими младшими сестрами Дарьей и Екатериной, с которыми была очень дружна. Девочек отдали учиться в Институт благородных девиц, а Анна стала фрейлиной тогда еще цесаревны Марии Александровны, супруги великого князя Александра Николаевича.

Элеонора Карловна, о которой муж писал: «Никогда человек не стал бы столь любим другим человеком, сколь я любим ею, в течение одиннадцати лет не было ни одного дня в ее жизни, когда, дабы упрочить мое счастье, она не согласилась бы, не колеблясь ни мгновенья, умереть за меня», скончалась очень рано — в возрасте всего 38 лет. Она была матерью семи детей (в первом браке у нее родилось четыре сына). Здоровье ее подорвал несчастный случай, который произошел на корабле, когда

Элеонора с дочерьми плыла к мужу в Любек. На пароходе вспыхнул пожар, и Элеоноре удалось спасти троих малюток (им было девять, четыре и три года), но это стоило ей здоровья. Кроме того, состояние Тютчева было расстроено, семья постоянно нуждалась. Элеонора скончалась в том же 1838 году, через три месяца после рокового плаванья.

Второй женой поэта стала красавица баронесса Эрнестина фон Пфеффель. Федор Иванович, однако, не скрывал, что женился на ней прежде всего из-за ее денег. У него был долгий и страстный роман с Еленой Денисьевой, учившейся в Смольном институте вместе с младшими сестрами Анны — Дарьей и Екатериной.

Мачеха и падчерица, Анна и Эрнестина, подружились. Девушка была, как сама она позже напишет о себе, «неимоверно наивна, и одно только что можно сказать в мое оправдание, что недостатки моей головы не отражались на моем сердце».

И эта наивная юная девушка всем сердцем полюбила столь же юную цесаревну, казавшуюся ей идеалом женщины.

Анна Федоровна Тютчева (1829–1889) — дочь поэта Ф. И. Тютчева, фрейлина Высочайшего двора, жена И. С. Аксакова, мемуаристка; разделяла взгляды славянофилов.

Как и ее отец, Анна Федоровна симпатизировала славянофилам. Это была не столько политическая партия, сколько общественное и культурное течение, члены которого считали, что российский общественный уклад должен не

копировать западный, а опираться на те основы, на которых издавна строилась русская государственность. Прежде всего на христианскую крестьянскую общину. Но — общину не крепостных, а вольных крестьян. Поэтому Тютчева приветствовала крестьянскую реформу Александра II.

В день публикации Манифеста об освобождении крестьян Тютчева сделала в своем дневнике такую запись: «В два часа пришел государь взять малышку на прогулку… Государь так и сиял, он сказал мне: «Не правда ли, такое чувство, будто сегодня пасхальное воскресенье». Меня поразило, что радость государя от свершившегося была чистой и, смею сказать, искреннею, без всякой примеси личного чувства, без гордыни и самодовольства. Государь сказал мне: «Запишите все, что сегодня произошло, чтобы, когда Мари вырастет, она знала, как прошел самый счастливый день в моей жизни»».

Славянофилы также поддерживали идею панславизма, «естественного» союза России со всеми православными, славянскими государствами. Именно об этом писал кода-то, еще при Николае I, Тютчев:

Не гул молвы прошел в народе,
Весть родилась не в нашем роде —
То древний глас, то свыше глас:
«Четвертый век уж на исходе, —
Свершится он — и грянет час!
И своды древние Софии,
В возобновленной Византии,
Вновь осенят Христов алтарь».
Пади пред ним, о царь России, —
И встань как всеславянский царь!

И в дневнике Анны Тютчевой вы найдете развитие этих взглядов. Она писала: «Моя душа и мое сердце сроднились с Россией благодаря тем людям, которых наше глупое общество иронически прозвало славянофилами. Они первыми поняли, что Россия не есть лишь бесформенная и инертная масса, пригодная исключительно к тому, чтобы быть влитой в любую форму европейской цивилизации. Россия есть живой организм, который в глубине существа таит свой нравственный закон, свой умственный и духовный уклад, и задача русского духа состоит в том, чтобы выявить эту идею». Как и ее отец, она мечтала о кресте над Святой Софией и о едином панславянском государстве.

Бесспорно одно: Анна Тютчева была интереснейшей личностью, но дружить с ней было не просто. Даже если ты —

императрица.

Из воспоминаний Анны Тютчевой [45]

Великой княгине, когда я впервые увидела ее, было двадцать восемь лет. Она вышла замуж шестнадцати лет, и у нее уже было пятеро детей: дочь Александра, умершая в семилетием возрасте, и четыре сына: Николай, Александр, Владимир и Алексей; последнему в то время было три года. Цесаревна была принцессой Дармштадтской, младшим ребенком и единственной дочерью правящего герцога. Потеряв в девятилетием возрасте мать, принадлежавшую к княжескому дому Бадена, она была воспитана m-lle де-Грансе, эльзаской по происхождению. Почти все детство она провела в небольшом загородном замке в окрестностях Дармштадта, живописно расположенном на Бергштрассе. Брат ее Александр воспитывался вместе с ней. Когда наследник русского престола путешествовал по Германии для выбора невесты, она не была даже включена в список имевшихся для него в виду принцесс, так как в то время ей было всего четырнадцать лет. Наследник совершенно случайно остановился в Дармштадте на один день и вечером поехал в театр. Он был так тронут скромной прелестью молодой принцессы, почти ребенка, скрывавшейся в глубине ложи, что, вернувшись домой, объявил своему наставнику Жуковскому, Кавелину и графу Орлову, сопровождавшим его, что он нашел жену, которая ему нужна, и что дальше он никуда не поедет. Орлов написал об этом императору Николаю, который не возражал против выбора сына. Год спустя молодая принцесса была привезена в Россию, где, будучи наставлена в вероучении нашей церкви, приняла православие и венчалась, когда наследнику исполнилось 21–22 года, а ей еще не было 17 лет.

Она мне рассказывала, что, скромная и в высшей степени сдержанная, она вначале испытывала только ужас перед той блестящей судьбой, которая столь неожиданно открывалась перед ней. Выросшая в уединении и даже в некотором небрежении в маленьком замке Югендгейм, где ей даже редко приходилось видеть отца, она была более испугана, чем ослеплена, когда внезапно была перенесена ко двору, самому пышному, самому блестящему и самому светскому из всех европейских дворов, и в семью, все члены которой старались наперерыв друг перед другом оказать самый горячий прием молодой иностранке, предназначенной занять среди них такое высокое положение. Она мне говорила, что много раз после долгих усилий преодолеть застенчивость и смущение она ночью в уединении своей спальни предавалась слезам и долго сдерживаемым рыданиям. Затем,

чтобы устранить следы своих слез, она открывала форточку и выставляла свои покрасневшие глаза на холодный воздух зимней ночи. Вследствие такой неосторожности у нее на лице появилась сыпь, от которой чуть не навсегда пострадала изумительная белизна ее цвета лица. Эта болезнь, затянувшаяся довольно долго, заставила ее безвыходно просидеть в своей комнате в течение нескольких недель и дала ей возможность постепенно освоиться с членами своей новой семьи и особенно привязаться к своему царственному жениху, который не только не отдалился от молодой невесты вследствие болезни, одно время угрожавшей ей потерей красоты, но, наоборот, удвоил свои заботы и проявления нежной внимательности и этим привязал к себе ее сердце, еще слишком юное, чтобы испытывать более страстные чувства.

Я сказала, что, когда я впервые увидела великую княгиню, ей было уже 28 лет. Тем не менее она выглядела еще очень молодой. Она всю жизнь сохранила эту молодую наружность, так что в сорок лет ее можно было принять за женщину лет тридцати. Несмотря на высокий рост и стройность, она была такая худенькая и хрупкая, что не производила на первый взгляд впечатление belle femme[46]; но она была необычайно изящна, тем совершенно особым изяществом, какое можно найти на старых немецких картинах, в мадоннах Альбрехта Дюрера, соединяющих некоторую строгость и сухость форм со своеобразной грацией в движении и позе, благодаря чему во всем их существе чувствуется неуловимая прелесть и как бы проблеск души сквозь оболочку тела. Ни в ком никогда не наблюдала я в большей мере, чем в цесаревне, это одухотворенное и целомудренное изящество идеальной отвлеченности. Черты ее не были правильны. Прекрасны были ее чудные волосы, ее нежный цвет лица, ее большие голубые, немного навыкат, глаза, смотревшие кротко и проникновенно. Профиль ее не был красив, так как нос не отличался правильностью, а подбородок несколько отступал назад. Рот был тонкий, со сжатыми губами, свидетельствовавший о сдержанности, без малейших признаков способности к воодушевлению или порывам, а едва заметная ироническая улыбка представляла странный контраст к выражению ее глаз. Я настаиваю на всех этих подробностях потому, что я редко видала человека, лицо и наружность которого лучше выражали оттенки и контрасты его внутреннего чрезвычайно сложного «я».

Мне бы хотелось суметь изобразить эту натуру, как я ее понимаю, со всеми теми качествами и недостатками, которые составляли ее прелесть и в то же время делали ее слабость. Это прежде всего была душа чрезвычайно искренняя и глубоко религиозная, но эта душа, как и ее телесная оболочка, казалось,

вышла из рамки средневековой картины. Религия различно отражается на душе человека: для одних она — борьба, активность, милосердие, отзывчивость, для других — безмолвие, созерцание, сосредоточенность, самоистязание. Первым — место на поприще жизни, вторым — в монастыре. Душа великой княгини была из тех, которые принадлежат монастырю. Ее хорошо можно было себе представить под монашеским покрывалом, коленопреклоненной под сенью высоких готических сводов, объятую безмолвием, изнуренную постом, долгими созерцательными бдениями и продолжительными церковными службами, пышною торжественностью которых она бы с любовью руководила. Вот подходящая обстановка для этой души, чистой, сосредоточенной, неизменно устремленной ко всему божественному и священному, но не умевшей проявить себя с той горячей и живой отзывчивостью, которая сама и дает и получает радость от соприкосновения с людьми.

В своем окружении матери, жены, государыни она казалась как бы чужой и не освоившейся. Она была нежно привязана к мужу и к детям и добросовестно исполняла обязанности, которые налагали на нее семья и ее высокий сан; она, по крайней мере, всеми силами старалась их исполнять, но в самом этом усилии чувствовалось отсутствие непосредственности в этих отношениях; она искала и находила власяницу там, где характер более открытый нашел бы удовлетворение интимных стремлений и применение природных способностей. Какая тайна вообще в судьбе человеческой — тайна неиспользованных способностей! Сколько людей призвано с трудом выполнять дело, к которому они совершенно неспособны, тогда как рядом с ними другие с таким же трудом выполняют дело, которое вызвало бы проявление всех лучших способностей первых! Итак, цесаревна, вскоре после того сделавшаяся императрицей, не была призвана по своей натуре, совершенно лишенной темперамента, к тому положению, которое ей предназначила судьба. Все в ней было одно методическое усилие, все для нее было предлогом для самоистязания, и такое постоянное нравственное напряжение привело ее в конце концов к тому, что в этой робкой пассивной натуре иссяк последний источник энергии. Ее много судили и много осуждали, часто не без основания, за отсутствие инициативы, интереса и активности во всех областях, куда она могла бы внести жизнь и движение; и те, кто ее близко знал и любил, не могут ее защищать, но они знают, что ее неспособность к выполнению тяжелой задачи, к которой призвала ее судьба, зависела скорей от ее природы, чем от воли. И, несмотря на все это, во всем ее существе была какая-то интимная прелесть, тем

более обаятельная, что она не обладала даром широко расточаться, — прелесть, благодаря которой к ней можно было глубоко и серьезно привязаться. Жизнь, обстоятельства и различие характеров нас давно разъединили, и все-таки я понимаю, почему я ее так сильно любила. Ум цесаревны был подобен ее душе: тонкий, изящный, проницательный, очень иронический, но лишенный горячности, широты и инициативы. Многие обвиняли ее в слабости характера, а между тем она не была лишена силы воли, но весь запас этой воли был направлен внутрь, против нее самой, против всякого непосредственного импульса. Она так научилась остерегаться первого своего движения, что создала себе в конце концов как бы вторую, совершенно условную натуру. Она была осторожна до крайности, и эта осторожность делала ее слабой в жизни, которая так сложна, что всегда выходит за пределы наших расчетов и требует порыва, решительности, непосредственности, инстинкта от тех, кто хочет ею овладеть и над нею властвовать. Из этой осторожности вытекала большая нерешительность, которая делала в конце концов отношения с ней утомительными и тягостными.

Понятно, что характер ее выяснился для меня таким, как я его здесь описываю, далеко не сразу, а лишь через много лет. Очень долго я находилась исключительно под впечатлением того, что было чарующего и интимного в этой натуре, самая сдержанность которой меня привлекала своей таинственностью. Ее кротость, доброжелательность и ровность настроения, ее слегка насмешливый ум таили в себе тысячу чар. В эпоху, когда я ее узнала, жестокие жизненные испытания еще не коснулись ее. Она жила исключительно своей семейной жизнью; счастливая жена, счастливая мать, боготворимая своим свекром, императором Николаем, создавшим своего рода культ своей невестки, она была окружена как золотым ореолом великим престижем императорской власти, который был так высоко поднят личностью императора Николая, но должен был скоро поблекнуть среди катастрофы конца его царствования. Она знала тогда только радости и величие своего положения, но не вкусила еще ни горечи его, ни тяготы.

* * *

Родилась маленькая великая княжна. Княгиня Салтыкова[47] зашла ко мне около трех часов очень взволнованная и объявила, что у цесаревны родилась дочь. Эта маленькая девочка —

большая радость в императорской семье, ее очень ждали и желали, так как после великой княжны Лины, которая не дожила до семи лет, у цесаревны были только сыновья. Этой новой пришелице предназначили имя Веры, но старая кн. Горчакова написала императрице, что она видела сон, будто у цесаревны родится дочь, если она обещает назвать ее Марией. Итак, назовут ее Марией…

* * *

Портрет императрицы Марии Александровны, жены Александра II. Художник — Иван Макаров. 1866 г.

Мария Александровна (1824–1880) — принцесса Гессенского дома, российская императрица, супруга императора Александра II и мать императора Александра III.

«Мари завоевала сердца всех тех русских, которые могли познакомиться с ней…»

(Ольга Николаевна Романова «Сон юности»)

Сегодня состоялось крещение великой княжны Марии

Александровны. Все было обставлено с величайшей помпой и торжественностью. На императрице был трен[48], осыпанный бриллиантами и драгоценными каменьями. Августейшего младенца, покрытого императорской мантией из сукна, отороченного горностаем, держала на руках княгиня Салтыкова. Восприемниками были император Николай и великая княгиня Мария Николаевна[49]. Служба была чудная. Великолепный хор пел sotto voce[50]для того, чтобы сильные голоса не испугали ребенка. Пение тихое и заглушенное, как отдаленная мелодия, наполняло душу умилением грустным и торжественным. В этих наполовину светских, наполовину религиозных придворных торжествах есть какая-то странная смесь божественного и мирского. Совершаются самые священные церковные таинства, и нужно сказать, что члены царской семьи всегда присутствуют на них с видом глубочайшего благоговения, многие из них молятся с искренним благочестием, и все строго соблюдают приличие, внушаемое святостью места. Нельзя того же сказать о придворных: из них каждый, по-видимому, чувствует себя скорее в театре, нежели в церкви, и многие прекрасные люди, которые наедине усердно молятся богу, в дворцовой церкви считают себя совершенно свободными от всяких обязательств по отношению к нему. Для всех них церковь является как бы местом светских собраний; считается совершенно ненужным ни молиться, ни даже держать себя прилично. Болтают, шепчутся, смеются. Иногда, когда разговор становится слишком громким, император Николай поворачивает голову и обводит взором Юпитера-громовержца эту стрекочущую толпу. Мгновенно наступает тишина, но ненадолго, и очень скоро разговоры возобновляются. Церемония продолжалась очень долго, так как обедне предшествовал еще молебен, сопровождаемый залпами из пушек. Когда я пошла поздравить цесаревну, она показала мне великолепные украшения из драгоценных камней, которые ей подарили государь, государыня и наследник цесаревич: диадему из рубиновых звезд с расходящимися бриллиантовыми лучами и такую же парюру[51] на корсаж. Цесаревна подарила мне красивую брошку из жемчугов с бриллиантами.

* * *

Мне сегодня минуло 25 лет. Я была у обедни в дворцовой церкви, где происходила заупокойная служба по дочери императора Николая, Александре, умершей после года брака с герцогом Гессен-Дармштадским, и по дочери цесаревича, также

носившей имя Александры и умершей в возрасте семи лет от последствий кори. Это был первый ребенок от брака цесаревича и цесаревны, и цесаревич исключительно любил ее, она также страстно была к нему привязана, так что, будучи еще совсем маленькой, горько плакала, когда отец ее был в отсутствии. Цесаревна говорила мне, что никогда великий князь так не играл с другими детьми, как с этим ребенком. Он был ей товарищем и постоянно носил ее на руках. Привязался он к ней еще сильнее потому, что ее рождение было некоторым разочарованием для остальных членов семьи, особенно для императора Николая, рассчитывавшего сразу иметь наследника престола и потому оставшегося недовольным рождением девочки. Доброе и нежное отцовское сердце чувствовало потребность вознаградить усиленной лаской за холодность, проявлявшуюся вначале к новорожденной, за которой, впрочем, через год явился наследник.

* * *

Сегодня молебен в память злосчастного события 1825 года, о котором хорошо было бы позабыть[52].

Императрица так быстро поправляется после возвращения сыновей[53], что начинают говорить о переезде в город. Сегодня вечером я была у маленькой великой княжны. Она резвилась со своими братьями и с левреткой и была очень мила. Император пришел кормить ее супом, как он это делает почти каждый вечер.

Вот сюжет для исторической картины: румяный улыбающийся ребенок в ленах и кружевах на высоком стульчике и рядом самодержец, с суровым строгим профилем вливающий золотой ложкой суп в этот розовый улыбающийся ротик. Император сказал мне: «Я почти каждый вечер прихожу кормить супом этого херувимчика — это единственная хорошая минута во весь день, единственное время, когда я забываю подавлявшие меня заботы».

* * *

17 февраля я, по своему обыкновению, к девяти часам утра спустилась к цесаревне, чтобы присутствовать на сеансе пассивной гимнастики, которой она ежедневно занималась с Derond. Я ее застала очень озабоченной — император неделю как болен гриппом, не представлявшим вначале никаких серьезных симптомов; но, чувствуя себя уже нездоровым, он вопреки совету доктора Мандта настоял на том, чтобы поехать в манеж

произвести смотр полку, отъезжавшему на войну, и проститься с ним. Мандт сказал ему: «Ваше величество, мой долг предупредить вас, что вы очень сильно рискуете, подвергая себя холоду в том состоянии, в каком находятся ваши легкие». «Дорогой Мандт, — возразил государь, — вы исполнили ваш долг, предупредив меня, а я исполню свой и прощусь с этими доблестными солдатами, которые уезжают, чтобы защищать нас».

Он отправился в манеж и, вернувшись оттуда, слег. До сих пор болезнь государя держали в тайне. До 17-го даже петербургское общество ничего о ней не знало, а во дворце ею были мало обеспокоены, считая лишь легким нездоровьем. Поэтому беспокойство великой княгини удивило меня. Она мне сказала, что уже накануне Мандт объявил положение императора серьезным. В эту минуту вошел цесаревич и сказал великой княгине, что доктор Каррель сильно встревожен, Мандт же, наоборот, не допускает непосредственной опасности. «Тем не менее, — добавил великий князь, — нужно будет позаботиться об опубликовании бюллетеней, чтобы публика была осведомлена о положении…»

В ту минуту, когда я пишу эти строки, с тех пор прошло только два дня, но мне кажется, что за эти два дня рухнул мир — столько важных и страшных событий произошло за этот короткий срок. 17-го, вернувшись с обеда у моих родителей, я пошла переодеться к вечеру у цесаревны; но пробило десять часов, никто меня не позвал, и я спустилась в дежурную комнату, чтобы узнать в чем дело. Камеристка сказала мне, что состояние здоровья императора, по-видимому, ухудшилось, что цесаревна, вернувшись от него, удалилась в свой кабинет и что великая княгиня Мария Николаевна, которая проводит ночь при отце, каждый час присылает бюллетени о здоровье императора.

Я отправилась к Александре Долгорукой[54]. M-elles Фредерикс[55] и Гудович[56], только что вернувшиеся от императрицы, сказали нам, что они издали слышали, как Мандт говорил о поднимающейся подагре, о воспалении в легком. Эти дамы были чрезвычайно встревожены и умоляли нас пойти к цесаревне, чтобы получить точные сведения. Никто ничего не знал, а может быть, никто не смел высказывать вслух своих мыслей или своих опасений по поводу происходящего. Видны были только смущенные и объятые ужасом лица. Александра и я вторично спустились в дежурную комнату, где нам сказали, что цесаревну только что вызвали к императору. Мы решили дождаться ее возвращения в спальне и в томительном ожидании провели целый час; эта большая комната, еле освещенная свечою, стоявшей на камине, и лампадкой, теплившейся перед образами,

имела мрачный вид. Нам пришли сказать, что цесаревна вернулась с великой княгиней Александрой Иосифовной[57], которая должна была провести ночь во дворце, чтобы быть поблизости на случай каких-либо событий. Вошел цесаревич со смертельно бледным и изменившимся лицом. Он пожал нам руку, сказал: «Дела плохи» — и быстро удалился. Убедившись, что ничего больше мы не узнаем, мы поднялись наверх. Мария Фредерикс получила более подробные сведения в дежурной комнате императрицы. Подагра поднималась, паралич легких был неминуем. Императрица робко предложила императору причаститься. Он ответил, что причастится, когда ему будет лучше и он в состоянии будет принять святые тайны стоя. Императрица не решилась настаивать, чтобы не встревожить его. Она стала читать возле него «Отче наш», и, когда она произнесла слова: «Да будет воля твоя», он горячо сказал: «Всегда, всегда».

Ночь уже была поздняя, но тревога не давала нам спать. С несколькими фрейлинами я пошла в дворцовую церковь, слабо освещенную немногими свечами, горевшими перед иконостасом. Но душа моя была объята ужасом, и сердце не могло молиться, хотя уста и произносили привычные слова…

Вернувшись к себе, я нашла записку от графини Антонины Блудовой[58], писавшей цесаревне от имени своего отца о необходимости немедленно распорядиться служить во всех церквах молебны, чтобы народ был оповещен об опасности, угрожающей жизни императора.

Я понесла эту записку цесаревне. Мне сказали, что она только что легла. Тогда я попросила передать записку цесаревичу, который находился при императоре. Поднявшись к себе, я, не раздеваясь, прилегла на кровать и слегка задремала, но сильный шум шагов по коридору вскоре разбудил меня. Вся дрожа, я вышла из комнаты и встретила Екатерину Тизенгаузен[59], которая куда-то бежала с другой фрейлиной императрицы. Они мне сказали, что к императору только что позвали Баженова (духовника императорской фамилии). С ними вместе я спустилась вниз.

Было часа два или три ночи, но во дворце никто уже не спал. В коридорах, на лестницах — всюду встречались лица испуганные, встревоженные, расстроенные, люди куда-то бежали, куда-то бросались, не зная в сущности куда и зачем. Шепотом передавали друг другу страшную весть, старались заглушить шум своих шагов, и эта безмолвная тревога в мрачной полутьме дворца, слабо освещенного немногими стенными лампами, еще усиливала впечатление испытываемого ужаса.

Умирающий император лежал в своем маленьком кабинете в

нижнем этаже дворца. Большой вестибюль со сводами рядом с его комнатами был полон придворными: статс-дамы и фрейлины, высокие чины двора, министры, генералы, адъютанты ходили взад и вперед или стояли группами, безмолвные и убитые, словно тени, движущиеся в полумраке этого обширного помещения. Среди томительной тишины слышно было только завывание ветра, который порывами врывался в огромный дворцовый двор. Казалось, что сама природа присоединяется к чувствам ужаса и страха, вызываемым в наших душах страшной и великой тайной смерти, совершающейся над тем человеком, сильным и мощным, который в течение более четверти века был в глазах нашей великой страны олицетворением могущества и жизни. Неужели исчезнет эта величавая фигура, которая как в отвлеченном, так и в реальном смысле была самым полным, самым ярким воплощением самодержавной власти со всем ее обаянием и всеми ее недостатками. И дыхание смерти пронесется над ней столь же равнодушно, как над былинкой в поле, превратит ее в прах и смешает с землей! За всю мою жизнь мне не приходилось видеть смерти, и она впервые предстала предо мной внезапная, неожиданная, во всем своем неумолимом противоречии с полнотой жизни; это приводило меня в такой ужас, воспоминание о котором никогда не изгладится из моей души. Ежеминутно из комнаты умирающего нам сообщали новые подробности. Несколько лиц из самых близких к императрице, чаще всего Мария Фредерикс, ходили взад и вперед из вестибюля в дежурную комнату, где находились врачи и дежурные и через которую беспрестанно проходили члены императорской семьи. От них мы были осведомлены с часа на час о том, что происходило.

Император после исповеди громким и твердым голосом произнес молитву перед причастием: «Верую, господи, и исповедую» и т. д. и причастился с величайшим благоговением. По его желанию вся императорская семья собралась вокруг его кровати. Великие княгини всю ночь провели, не раздеваясь, в Зимнем дворце; они отдыхали в ту минуту, когда их позвали. Камеристка цесаревны говорила мне, что никогда еще она не видела ее такой взволнованной и потрясенной. Император благословил всех своих детей и внуков и говорил отдельно с каждым из них, несмотря на свою слабость. Благословляя цесаревну, он продолжительным взглядом, казалось, особенно поручил ей императрицу, как будто более всего он полагался на ее любовь и на ее заботу. Благословив всех, он сказал, обращаясь ко всем вместе: «Напоминаю вам о том, о чем я так часто просил вас в жизни: оставайтесь дружны».

Вся семья теснилась у его изголовья, но он сказал: «Теперь

мне нужно остаться одному, чтобы подготовиться к последней минуте. Я вас позову, когда наступит время».

Семья удалилась в соседнюю комнату. При умирающем императоре остались только императрица, цесаревич и Мандт. Император настоятельно просил императрицу отдохнуть, хотя бы ненадолго. Она сказала ему:

— Оставь меня подле себя; я бы хотела уйти с тобою вместе. Как радостно было бы вместе умереть!

— Не греши, — ответил император, — ты должна сохранить себя ради детей, отныне ты будешь для них центром. Пойди, соберись с силами, я тебя позову, когда придет время.

Императрица прилегла на кушетке в соседней комнате. Часов в пять приехала великая княгиня Елена Павловна[60], которую вызвали из Михайловского дворца. Умирающий привычным движением провел рукой по ее лицу и сказал шутливым тоном, который с ней часто принимал: «Bonjour, madame Michel».

Страдания усиливались, но ясность и сознание духа ни на минуту не покидали умирающего. Он позвал к своему изголовью князя Орлова[61], графа Адлерберга[62] и князя Василия Долгорукова[63], чтобы проститься с ними, велел позвать несколько гренадеров и поручил им передать его прощальный привет их товарищам. Цесаревичу он поручил проститься за него с гвардией, со всей армией, и особенно с геройскими защитниками Севастополя. «Скажи им, что я и там буду продолжать молиться за них, что я всегда старался работать на благо им. В тех случаях, где это мне не удалось, это случилось не от недостатка доброй воли, а от недостатка знания и умения. Я прошу их простить меня». В пять часов он сам продиктовал депешу в Москву, в которой сообщал, что умирает, и прощался со своей старой столицей. В стране не знали даже, что он болен. Он велел еще телеграфировать в Варшаву и послать депешу к прусскому королю, в которой он просил его всегда помнить завещание своего отца и никогда не изменять союзу с Россией. Несколько часов спустя после смерти императора Николая император Александр II получил от прусского короля депешу в следующих словах: «Я никогда не забуду завета твоего покойного отца». Эти подробности я имею от цесаревны. Император приказал собрать в залах дворца все гвардейские полки с тем, чтобы присяга могла быть принесена немедленно после его последнего вздоха. Он велел также позвать madame Рорбек[64], любимую камер-фрау императрицы, которая удивительно хорошо ухаживала за ней во время ее последней болезни в Гатчине. Император с горячностью благодарил ее за ее преданность императрице, просил ее продолжать заботиться о ней и прибавил:

«Передайте еще мой привет моему милому Петергофу».

Александр II Николаевич (1818–1881) — Император Всероссийский, Царь Польский и Великий князь Финляндский (1855–1881) из династии Романовых. Старший сын сначала великокняжеской, а с 1825 года императорской четы Николая Павловича и Александры Федоровны.

«Россия государство не торговое и не земледельческое, а военное, и призвание его быть грозою света».

(Александр II)

Длинная ночь уже приходила к концу, когда приехал курьер из Севастополя — Меншиков-сын[65]. Об этом еще доложили императору, который сказал: «Эти вещи меня уже не касаются. Пусть он передаст депеши моему сыну». В то время как мы шаг за шагом следили за драмой этой ночи агонии, я вдруг увидела, что в вестибюле появилась несчастная Нелидова[66]. Трудно передать выражение ужаса и глубокого отчаяния, отразившихся в ее растерянных глазах и в красивых чертах, застывших и белых, как мрамор. Проходя, она задела меня, схватила за руку и судорожно потрясла. «Une belle nuit m-lle Tutcheff, une belle nuit»[67], — сказала она хриплым голосом. Видно было, что она не сознает своих слов, что безумие отчаяния овладело ее бедной головой. Только теперь, при виде ее, я поняла смысл неопределенных слухов, ходивших во дворце по поводу отношений, существовавших между императором и этой красивой женщиной, — отношений, которые особенно для нас, молодых девушек, были прикрыты с внешней стороны самыми строгими приличиями и полной тайной. В глазах человеческой, если не божеской, морали эти отношения находили себе некоторое оправдание, с одной стороны, в состоянии здоровья императрицы, с другой — в глубоком, бескорыстном и искреннем чувстве Нелидовой к императору. Никогда она не пользовалась своим положением ради честолюбия или тщеславия, и скромностью своего поведения она умела затушевать милость, из которой другая создала бы себе печальную славу. Императрица с той ангельской добротой, которая является отличительной чертой ее характера, вспомнила в эту минуту про бедное женское сердце, страдавшее если не так законно, то не менее жестоко, чем она, и с той изумительной чуткостью, которой она отличается, сказала императору: «Некоторые из наших старых друзей хотели бы проститься с тобой: Юлия Баранова, Екатерина Тизенгаузен и Варенька Нелидова». Император понял и сказал: «Нет, дорогая, я не должен больше ее видеть, ты ей скажешь, что я прошу ее меня простить, что я за нее молился и прошу ее молиться за меня». Само собой разумеется, я все эти подробности узнала позднее, но из уст, гарантирующих их достоверность.

Ночь кончалась. Бледный свет петербургского зимнего утра понемногу проникал в вестибюль, в котором мы находились. Приток народа и волнение все возрастали около комнаты, где император в тяжелых страданиях, но в полной ясности ума боролся с надвигавшейся на него смертью. Наступил паралич легких, и, по мере того как он усиливался, дыхание становилось более стесненным и более хриплым. Император спросил Мандта: «Долго ли еще продлится эта отвратительная музыка?». Затем он

прибавил: «Если это начало конца, это очень тяжело. Я не думал, что так трудно умирать». В восемь часов пришел Баженов и стал читать отходную. Император со вниманием слушал и все время крестился. Когда Баженов благословил его, осенив крестом, он сказал: «Мне кажется, я никогда не делал зла сознательно». Он сделал знак Баженову тем же крестом благословить императрицу и цесаревича. До самого последнего вздоха он был озабочен тем, чтобы выказать им свою нежность. После причастия он сказал: «Господи, прими меня с миром» и, указывая на императрицу, сказал Баженову: «Поручаю ее вам», и ей самой: «Ты всегда была моим ангелом-хранителем с того мгновения, когда я увидел тебя в первый раз и до этой последней минуты». Во время агонии он держал еще в своих руках руки супруги и сына и, уже не будучи в состоянии говорить, прощался с ними взглядом. Императрица держалась с изумительным спокойствием и стойкостью до той минуты, когда собственными руками закрыла ему глаза. В десять часов нам сказали, что император потерял способность речи. До тех пор он говорил голосом твердым и громким и с полной ясностью ума.

Я была в комнате графини Барановой, окна которой выходят на улицу. Утренний туман рассеялся. Под ослепительным солнцем сверкал снег и иней на деревьях Адмиралтейского бульвара. Проехали несколько мужиков, равнодушно лежа в своих розвальнях. Жизнь текла обычным порядком, беззаботно и бессознательно в двух шагах от комнаты, где умирал император! Контраст так поразил меня, что я поспешила уйти в церковь, где шла прежде освященная обедня, так как была пятница. В последний раз я слышала, как провозгласили имя императора среди живых. Еще молились о его здравии.

Что касается меня, я не знаю, было ли молитвой то, что во мне происходило. Всякое человеческое чувство было как бы уничтожено во мне перед лицом великой тайны смерти, совершавшейся на моих глазах в обстановке такой величавой и потрясающей. Мне бы казалось кощунством даже в глубине своей души молиться о выздоровлении императора или о продлении его дней. Рядом с этим смертным одром Бог, вечность представлялись мне единственной подлинной действительностью, смерть — переходом к этой великой реальности, а земная жизнь — сновидением или призраком, не достойным ни наших молитв, ни сожалений.

Император скончался, по-видимому, в ту минуту, когда завершалась обедня. Выйдя из церкви, я вернулась в вестибюль, где уже толпился народ. Генерал-адъютант Огарев вышел из комнат императора и сказал: «Все кончено». Наступила жуткая

тишина, прерываемая глухими рыданиями. Двери из императорских покоев распахнулись, и нам сказали, что мы можем подойти к покойному и проститься с ним. Толпа бросилась в комнату умершего императора. Это был антресоль нижнего этажа, довольно низкий, очень просто обставленный, который император предпочитал занимать в последние годы своей жизни во избежание высоких лестниц, так как его парадные покои были на самом верху, над покоями императрицы. Император лежал поперек комнаты на очень простой железной кровати. Голова покоилась на зеленой кожаной подушке, а вместо одеяла на нем лежала солдатская шинель. Казалось, что смерть настигла его среди лишений военного лагеря, а не в роскоши пышного дворца. Все, что окружало его, дышало самой строгой простотой, начиная от обстановки и кончая дырявыми туфлями у подножия кровати. Руки были скрещены на груди, лицо обвязано белой повязкой. В эту минуту, когда смерть возвратила мягкость прекрасным чертам его лица, которые за последнее время так сильно изменились благодаря страданиям, подтачивавшим императора и преждевременно сокрушившим его, — в эту минуту его лицо было красоты поистине сверхъестественной. Черты казались высеченными из белого мрамора, тем не менее сохранился еще остаток жизни в очертаниях рта, глаз и лба, в том неземном выражении покоя и завершенности, которое, казалось, говорило: «я знаю, я вижу, я обладаю», в том выражении, которое бывает только у покойников и которое дает нам понять, что они уже далеки от нас и что им открылась полнота истины. Я видела смерть вблизи первый раз, но она не устрашила меня; наоборот, я почувствовала к ней тяготение. Я поцеловала руки императора, еще теплые и влажные, и не ушла, а встала около стены у изголовья и оставалась тут, пока проходила толпа, прощаясь с покойником. Я долго, долго смотрела на него, не сводя глаз, словно прикованная тайной, которую излучало это красивое и спокойное лицо, и с грустью оторвалась от этого созерцания.

Я добавлю здесь еще некоторые подробности о последних минутах императора, которые передала мне великая княгиня. Незадолго перед концом императору вернулась речь, которая, казалось, совершенно покинула его, и одна из его последних фраз, обращенных к наследнику, была: «Держи все — держи все». Эти слова сопровождались энергичным жестом руки, обозначавшим, что держать нужно крепко.

Вся императорская семья стояла на коленях вокруг кровати. Император сделал цесаревичу знак поднять цесаревну, зная, что ей вредно стоять на коленях. Таким образом, даже в эти последние минуты его сердце было полно той нежной

заботливости, которую он всегда проявлял по отношению к своим. Предсмертное хрипение становилось все сильнее, дыхание с минуту на минуту делалось все труднее и прерывистее. Наконец по лицу пробежала судорога, голова откинулась назад. Думали, что это конец, и крик отчаяния вырвался у присутствующих. Но император открыл глаза, поднял их к небу, улыбнулся, и все было кончено! При виде этой смерти, стойкой, благоговейной, можно было думать, что император давно предвидел ее и к ней готовился. Отнюдь нет. До часа ночи того дня, когда он скончался, он не сознавал опасности и так же, как и все окружающие, смотрел на свою болезнь как на преходящее нездоровье. Вот еще некоторые подробности (имею их от графини Блудовой, которая сама слышала их от Мандта).

Вечером 17-го графиня пошла к Юлии Федоровне Барановой, чтобы от нее узнать о состоянии здоровья государя. В это время уже начинали говорить об опасности его положения и о том, что следовало бы ему причаститься. Графиня Блудова написала Мандту, напоминая ему, что он дал слово государю предупредить его и предложить причаститься, как только он заметит, что жизни его грозит опасность. Так было условлено между императором и его врачом уже много лет назад. Графиня Блудова это знала. В час ночи она сама отнесла записку к двери Мандта, который только что на минуту прилег отдохнуть, но в два часа должен был вернуться к августейшему больному. Он потом рассказал графине Блудовой, что, войдя к императору, он сказал:

— Ваше величество, я только что встретил своего старого друга, и он меня просил повергнуть к стопам вашего величества его почтительнейшую просьбу.

— Кто это? — спросил император.

— Баженов, — ответил врач.

— Ваш друг? — спросил государь. — С каких пор?

— Со смерти великой княжны Александры, — сказал Мандт, думая этими словами направить мысли государя к смерти. Но император молчал.

— Не желаете ли вы, ваше величество, чтобы Баженов пришел помолиться с вами?

Император не отвечал. Мандт приложил стетоскоп к его груди и стал выслушивать.

— Плохо, ваше величество, — сказал врач.

— В чем же дело, — спросил государь, — образовывается новая каверна?

— Хуже, ваше величество.

— Что же?

— Начинается паралич.

При этих словах государь вдруг выпрямился, уставил на Мандта взгляд властный и проницательный и сказал твердым голосом:

— Так это смерть?

Мандт рассказывает, что несколько мгновений он не мог произнести ни слова, потом сказал:

— Ваше величество, вы имеете перед собой только несколько часов.

Император откинул назад голову, повернулся к стене и, казалось, глубоко сосредоточился. После чего сказал:

— Пусть позовут Баженова.

Когда вошел наследник:

— Я велел позвать Баженова, — сказал он, — но, главное, не испугайте императрицу.

Некогда через несколько минут появилась императрица.

— А она все-таки пришла, — сказал государь.

Большинство этих подробностей я узнала от самой цесаревны, от цесаревны, которая с сегодняшнего утра уже императрица. Хотя она больна и очень удручена, она сегодня разрешила мне войти к ней. Из комнаты, в которой умер государь, я прямо прошла к маленькой великой княжне Марии, которой теперь полтора года. Она как будто понимает, что произошло что-то важное, и усиленной ласковостью хочет утешить тех, кто плачет кругом нее. Мать обещала поручить мне воспитание этого дорогого ребенка, и главным образом ради нее я записываю все подробности этой кончины, которые когда-нибудь будут для нее очень ценны…

Несмотря на крайнюю усталость после ночи, проведенной без сна, и после стольких потрясений, я не могла найти покоя. Я прошла в церковь, где без перерыва проходили войска, вызванные с утра еще распоряжением императора Николая, и приносили присягу новому императору.

Оттуда я отправилась к молодой императрице. Мне сказали, что она вернулась, но что у нее сильная мигрень, сопровождавшаяся рвотой, и что теперь она прилегла отдохнуть на кушетку. Камеристка сказала ей, что я здесь; она позвала меня, протянула мне руку и нежно обняла. Я была поражена выражением ее лица. Она была очень бледна, и в ее чертах было что-то такое сосредоточенное, такое глубокое, такое просветленное, что ее душа, казалось, принадлежала тоже потустороннему миру. Она мне сказала: «Сегодня ночью мне раскрылась тайна вечности, и я молю бога, чтобы он дал мне никогда этого не забыть». Потом она подробно говорила со мной о последних столь высоких минутах жизни императора Николая,

его характере, его любви к своим, о его большой привязанности к ней и своем чувстве к нему. «Несомненно, — сказала она, — это тот человек, которого я больше всех любила после моего мужа и который больше всех других любил меня».

Я поехала обедать к своим родителям и застала их под очень сильным впечатлением. «Как будто вам объявили, что умер бог», — сказал отец со свойственной ему яркостью речи.

Вечером императрица прислала мне записку с просьбой подробно написать m-lle Трансе о происшедшем событии.

В восемь часов вечера была панихида у постели покойного. Семья присутствовала в самой комнате, свита — в соседней.

Поздно вечером я отнесла свое письмо к молодой императрице. Я застала ее за письмом все еще бледной и удрученной, но для меня было утешением поцеловать ее руку, прежде чем лечь спать.

У меня уже есть чувство, что я разделена с ней; ее новое положение создает как бы стену между мною и прошлым, когда я была так счастлива около моей дорогой цесаревны.

Император Александр II (1818–1881) с августейшей семьей. 1870 г.

В тот же день.

Я присутствовала на первой обедне, на которой были провозглашены имена моего императора и моей императрицы, и горячо молилась за них…

Молебен по случаю восшествия на престол должен был состояться в час дня, а затем высочайший выход в залы со

стороны Дворцовой площади. В Белом зале собрался официальный мир. Император и императрица вышли под руку в сопровождении великого князя Константина Николаевича и его супруги, великих княгинь Марии Николаевны и Елены Павловны и царских детей. На императрице и на великих княгинях были трены из белого крепа без всяких украшений. Император был очень бледен, но никогда я не видала его таким красивым. На его лице отпечатлелось горе, наполнявшее его сердце, и сознание великой ответственности, на него возложенной, и это придавало его чертам выражение твердое и проникновенное, которого вообще у него не хватает. Вид его и мысль о том, при каких тяжелых условиях он вступает на престол и какая трудная борьба ему предстоит, волновала сердце. Это чувство было общее у всех присутствующих, и в приветствиях, которыми была встречена молодая и красивая императорская чета, проходившая с таким грустным и сосредоточенным видом, звучала искренняя и глубоко прочувствованная нота.

В церкви был прочтен манифест о восшествии на престол. Великий князь Константин произнес присягу громким и энергичным голосом. Он после спрашивал одно лицо, которое это мне передало, хорошо ли его было слышно. «Я хочу, — сказал он, — чтобы знали, что я первый и самый верный из подданных императора». Он, очевидно, намекал этими словами на те разговоры, которые шли по поводу его нежелания будто бы подчиняться брату, что, как говорят, возбуждало неудовольствие покойного императора и беспокоило его. Во время молебна император стоял на коленях и молился с выражением глубокого благоговения. Он приложился к кресту и поцеловал членов семьи, но за этим не последовало ни церемонии целования руки, ни принесения поздравлений. Императрица запросто приняла в своих покоях лиц свиты. Меня при этом не было, так как я сошла к детям, и, когда я спросила, могу ли я ее видеть, она уже переоделась и лежала на кушетке бледная и усталая. Я выразила ей свои пожелания и просила ее принять от меня маленькую икону Св. Троицы, которая перешла ко мне от бабушки. Она очень сердечно приняла этот мой подарок и сказала мне, что это первая икона, которую она получает как императрица.

Вошел император. Я ему сказала: «Да благословит господь ваше величество». Он ответил мне: «Не называйте меня так: это мне слишком больно». При этом он был так грустен! Видно, что он испытывает только горе от потери отца, а корона не имеет для него никакой цены.

Вечером я пошла на панихиду. Тело государя лежит все еще на кровати, но уже одето в кавалергардский мундир. Черты

застыли, лицо имеет свинцовый оттенок. Прекрасное и мягкое выражение первой минуты исчезло. Это поистине смерть со всем ужасом разрушения, смерть, неумолимо провозглашающая ничтожество и непрочность всего земного. Я уже не нахожу в себе никаких следов экзальтации первых минут, ощущаю только ужас и отчаяние. Как! Это величавое существование, занимавшее так много места в мире, казавшееся таким твердым, таким могущественным, разрушено в несколько часов! От него не остается ничего, кроме щепотки праха, вокруг которого еще немного пошумят, но вскоре и над этой могилой повеет тишиной и одиночеством. Возобновится жизнь, более оживленная, чем когда-либо; появятся другие люди с другими интересами, полные иллюзорного сознания своей силы, своего значения, своей прочности до той минуты, когда невидимое дыхание пронесется над ними и в свою очередь поглотит их…

Сегодня была обедня в маленькой церкви и читались молитвы о даровании победы. В час состоялась панихида в комнате, где лежит покойный император. Тело уже набальзамировано, и лицо его страшно изменилось. Он сам сделал все распоряжения на случай своей смерти и пожелал, чтобы его бальзамировали по системе Ганоло[68], заключающейся в том, что делается простой надрез в артерии шеи и впускается туда электрический ток. Он пожелал также, чтобы тело его стояло в одной из зал нижнего этажа, чтобы не омрачать грустными воспоминаниями покоев императрицы. Он запретил затягивать черным залу, где он будет стоять, а также церковь в крепости, и потребовал, чтобы тело его было выставлено для прощания в течение только трех недель, вместо шести, как это было принято раньше, чтобы дать возможность приехать из отдаленных мест поклониться праху покойного государя. Траур тоже должен быть ограничен шестью неделями.

В этом заключается ошибка. Престиж власти в значительной степени поддерживается окружающими ее этикетом и церемониалом, сильно действующими на воображение масс. Опасно лишать власть этого ореола. Было особое величие в том, что из Сибири, с берегов Каспийского моря приезжали люди отдать последний долг своему государю. Такое проявление чувств служит могучей связью между государем и его подданными. Теперь, когда они приедут, то найдут уже закрытую могилу.

Сегодня тело покойного императора перенесли в Белую залу, в ту половину дворца, в которой дочери императора жили перед замужеством. Эта зала невелика, а толпа была огромная, и жара почти нестерпимая. Во время этой душераздирающей церемонии перенесения тела с бедной императрицей-матерью два раза

сделалось дурно. Я вышла оттуда в ужасающем нервном состоянии и встретила добрейшего Олсуфьева[69]. Мы вместе плакали, вспоминая доброе старое время, которое должно кончиться…

Антонина[70] прислала проект адреса императору от московского дворянства, составленный Хомяковым[71], с тем, чтобы я показала его императрице. Но я мало вижу императрицу: она принимает много народа, и у нас не хватало времени. Она, по-видимому, тоже не очень довольна своим новым ремеслом императрицы. Она говорила мне, что жалеет о своем красивом титуле цесаревны[72], который для нее создал император Николай. Я была вечером у нее, когда принесли маленькую Марию Александровну, щебетавшую, как птичка. Вошел император, малютка протянула к нему ручки, он взял ее на руки с порывом нежности. Приятно их видеть добрыми и любящими, как обыкновенные добрые люди, созданные из того же теста, как и простые смертные…

* * *

Маленькие великие князья, Николай и Александр, меня очень позабавили. Маленький великий князь Николай говорил с важным видом: «Папа теперь так занят, что он совершенно болен от усталости. Когда дедушка был жив, папа ему помогал, а папе помогать некому: дядя Константин[73] слишком занят в своем департаменте, а дяди Никс и Миша[74] слишком молоды, а я слишком еще мал, чтобы помогать ему». На что его брат Александр с живостью ответил: «Дело совсем не в том, что ты слишком мал, ты просто слишком глуп». «Это неправда, что я глуп, — возразил наследник с сердцем, — я только слишком мал». — «Нет, нет, ты просто слишком глуп». Наследник престола, выведенный из терпения этим непочтительным утверждением, схватил подушку и бросил ее в спину своего брата. Великий князь Алексей счел уместным принять сторону оппозиции и в свою очередь стал кричать во все горло: «Ты глуп и просто глуп». Возникла драка, и няням пришлось вмешаться, чтобы восстановить мир, и наследник удалился, сильно обиженный недостатком доверия со стороны братьев к его способностям к управлению…

* * *

Сегодня, в двадцатый день смерти императора, была заупокойная обедня в крепости.

Вечером, после обеда, я имела небольшую аудиенцию у императрицы. Она лежала на кушетке, но имела хороший вид.

Я рассказала ей сценку, имевшую место между маленькими великими князьями; императрица со своей стороны рассказала мне слова наследника, которые произвели на нее тяжелое впечатление. Дети играли, и императрица услыхала, как великий князь Николай говорил своему брату Владимиру: «Когда ты будешь императором…» Мать ему сказала: «Ты ведь хорошо знаешь, что Владимир никогда не будет императором». «Нет, будет, — отвечал ребенок, — его имя означает «владетель мира»». — «Но ты же знаешь, что не имя, а очередь рождения дает право на престол». «Да, — сказал мальчик, — но дедушка был третьим сыном, а он царствовал. Я умру — тогда царем будет Саша, но и Саша умрет, тогда им будет Владимир». Императрица сказала мне, что эти слова в устах ребенка, которому было тогда пять лет, ее поразили прямо в сердце.

Я спросила императрицу, не переменила ли она намерение доверить мне воспитание своей дочери. Она, смеясь, ответила мне, что это зависит от меня, стану ли я достаточно рассудительной, чтобы исполнять роль гувернантки. Она произнесла это своим прежним ласковым и шутливым тоном, что немного утешило меня. Я сказала императрице, как трагично я переживаю прекращение наших вечеров, на что она мне ответила, что вечера возобновятся. Может быть, они и возобновятся, но уже никогда это не будет то, что прежде.

В десять часов действительно пришли к Лизе Толстой[75], где я находилась, сказать мне, что императрица меня зовет. Я вернулась во дворец, и вместе с Александрой мы стали ждать возвращения их величеств от императрицы-матери, где они проводят в семейном кругу ранние часы вечера. Я была очень счастлива и очень довольна вновь сидеть за чайным столом в кабинете императора совершенно так же, как три недели тому назад, когда и он, и императрица были до известной степени простыми смертными. Я всматривалась в них с некоторым недоверием, но у них был тот же добрый и ласковый вид, как и прежде. Императрица, смеясь, сказала: «Они притворяются, что боятся нас». Возобновились наши беседы, как в былое время; я приготовила суп для Мока, любимой левретки императора. Когда я брала сухарь, чтобы помочить его в молоке, император подал мне другое печенье, говоря: «Нет, вы всегда вот это брали для Мока; ради бога, не меняйте ничего в наших добрых привычках». Он имел вид такой ласковый и, казалось, был так доволен быть

среди нас, что мое сердце, удрученное все время мыслью о разлуке с ними, совершенно расцвело.

Император, говоря о Людовике Бонапарте[76], сказал, что он делается любезным, идет нам навстречу, что и предложил безо всяких условий отдать нам русских пленных-калек. Император и императрица говорили о Петергофе, о наших летних воспоминаниях, которые кажутся так далеки, хотя в то же время так близки. Но между этим вчерашним прошлым и настоящим сегодняшнего дня стоит ужасная ночь 18 февраля, которая для меня, по крайней мере, навсегда разрушила чувство прочности в жизни. Эти несколько часов тоски и ужаса, когда на моих глазах вместе с жизнью одного человека рухнул целый порядок вещей, который я считала таким реальным и неизменным, когда я в первый раз поняла реальность смерти, — эти несколько часов изменили все мое внутреннее существо…

Таким образом, на этом вечере, хотя по видимости ничего не изменилось в наших добрых привычках, одного мне недоставало, — и я знала, что это никогда ко мне не вернется, — это беспечности, житейской неопытности, навеки мной утраченных.

* * *

Сегодня праздновали день рождения императрицы. Ей минул 31 год. Среди многочисленных и великолепных подарков, полученных ею от государя, есть, между прочим, браслет, в который вправлена большая жемчужина с портретом императора Николая, затем довольно удачный портрет масляными красками маленькой великой княжны, написанный Макаровым[77]. Малютка выучила наизусть маленькое четверостишие по-английски и очень мило произнесла его. По-моему, злоупотребляют впечатлительностью этого ребенка: ей только год и восемь месяцев, а ее превращают в предмет забавы для отца, который в ней души не чает.

Обедню служили в большой домовой церкви Петергофского дворца, а затем состоялся парадный выход и принесение поздравлений. Я была шокирована тем, как в этом случае держали себя фрейлины. Надин Бартенева[78]сидела на столике, смеялась и шутила с группою мужчин, ее окружавших, остальные дамы в непринужденных позах сидели в одном конце залы, тогда как в другом конце императрица стоя принимала поздравления. По-видимому, государь также обратил на это внимание. Он подошел к дамам и строго сказал им: «Mesdames, когда ее

величество императрица стоит, самое меньшее, что вы со своей стороны можете сделать, это тоже стоять». Они встали весьма сконфуженные. К несчастью, этот дурной тон распущенности и излишней непринужденности все больше и больше распространяется со времени смерти императора Николая, строгий взгляд которого внушал уважение к дисциплине и выдержке дамам и кавалерам свиты не менее, чем солдатам его полков. Наше общество очень нуждается во внешней сдержке, так как оно утратило инстинктивное чувство декорума, которым отличаются примитивные расы, и не достигло еще той степени культуры, при которой вежливость и хороший тон вытекают из утонченной душевной жизни как из естественного источника. Эти мысли пришли мне в голову в то время, как я наблюдала величественную внешность кн. Чавчавадзе[79], которая только что провела несколько лет в плену у Шамиля. Она принадлежит к кавказскому дворянскому роду и обладает самыми аристократическими манерами, какие только можно себе представить. Старая княгиня Воронцова[80] также отличается умением себя держать. Она принадлежит к тому поколению, в котором еще живы традиции этикета старого двора. Но в настоящее время наши элегантные дамы стараются подражать тону гризеток с подмостков французского театра. Меня буквально тошнит, когда, как сегодня, я попадаю в общество великих князей — младших братьев государя и молодых фрейлин императрицы-матери. Со стороны молодых великих князей — крики, жестикуляция, пошлые, хотя и невинные шутки, а со стороны дам — смешки и жеманство субреток, фамильярная распущенность, наполовину бессознательная, от которой делается прямо-таки тошно. Мое лицо, боюсь, слишком часто выдает испытываемое мною впечатление, так как я чувствую, что меня неохотно принимают в этом кружке, в котором я сама чувствую себя неловко и в который мое присутствие вносит также невольно неловкость.

Портрет Екатерины Чавчавадзе Дадиани. Художник — Франц Винтерхальтер. 1864 г.

Княгиня Екатерина Александровна Дадиани (урожд. Чавчавадзе, 1816–1882) — правительница Самэгрэло (Мегрелии)

(при несовершеннолетнем сыне Николозе (Николае), 1853–1866), вдова владетельного князя Мегрелии Давида I Дадиани

* * *

В семь часов Александра и я поднялись вверх, чтобы поздравить маленькую великую княжну с именинами, так как завтра великой княжне будет два года. Мы застали ее за маленьким столиком у подножия огромного Baumkuchen[81] с двумя свечками с каждой стороны и Lebenslicht — свечой жизни — посередине; она с большой серьезностью была поглощена своими игрушками и делала вид, что наливает чай своей матери в маленьком сервизе, ей подаренном; ее братья столпились кругом нее, не менее ее заинтересованные ее игрушками. Императрица сидела на полу рядом с маленькой девочкой. Она смотрела на ее игру и улыбалась, глядя на нее, но в то же время у нее было такое грустное и озабоченное выражение лица, что было больно на нее смотреть. Великие князья бегали и играли кругом…

* * *

Сегодня была обедня по случаю дня рождения великой княжны. Присутствовали императрица и все великие князья, но маленькую великую княжну в церковь не брали, так как вследствие ее нервности вид священников и церковное пение приводят ее в слезы.

Год тому назад была такая же обедня, но поздравления не принимались, так как первый год рождения не празднуется. В этот день мы после обедни уехали в Гатчину. Цесаревна плохо себя чувствовала; вечер она проводила у себя; она хотела нас отпустить в Арсенал, но я так умоляла ее оставить нас при себе, что она согласилась.

Сегодня в три часа я поднялась к великой княжне, чтобы поздравить ее: ее высочество сидела за своим детским обедом; она не была любезна со мной. Но немного спустя вошла великая княгиня Мария Николаевна[82], и девочка была ей очень рада. Великая княгиня поощряла ее повторять грубые выражения, как: Aunt Piggy[83], скверная тетка. Девочка смеялась и поглядывала на няню, чтобы увидеть, одобряет ли она это. Но так как у няни был очень скандализованный вид, девочка не решалась следовать урокам своей тетки. Великая княгиня Екатерина Михайловна[84]

также приехала поздравить свою августейшую племянницу, и я удалилась.

В шесть часов я отправилась к императрице. Она задержала меня около получаса, затем было доложено о приходе военного министра, и меня отпустили. Я пошла играть с маленькой великой княжной. Эта маленькая женщина очень любит дразнить. Я просила ее налить мне чаю.

— Мари не хочет.

Я сделала вид, что ухожу. Она побежала за мной. Я ей сказала:

— Теперь я не хочу, подите прочь.

Это ее очень возмутило:

— Как, «Мари, подите прочь!» — повторяла она негодующим тоном и бегала за мной со своей чашкой и чайником, чтобы заставить меня играть с ней.

Вечером императрица позвала нас к чаю. Она была очень грустна. Возобновилась бомбардировка Кинбурна[85], сильней, чем третьего дня. Нечего и думать о возвращении императора. Пока эта крепость будет под угрозой, он не захочет и не сможет уехать из Николаева. К довершению несчастья, погода великолепная и благоприятствует действиям неприятеля…

Общественное мнение теперь чрезвычайно строго в отношении памяти императора Николая. Всякая новая неудача — горький упрек, бросаемый на его могилу. Обвиняют его в чисто личной политике, которая ради удовлетворения его собственного самолюбия, ради достижения европейской славы отказалась от исторических традиций России, предала наших братьев, православных славян, и превратила в полицеймейстера Европы государя, который мог и должен был возродить Восток и церковь. Винят его гордыню, которая внушила ему ненависть ко всему, что было мыслящего и, до известной степени, независимого. Обвиняют в том, что он воображал, что, поручая человеку известную должность, он самым своим выбором делал его способным выполнять лежащие на нем обязанности, что благодаря плохому выбору своих министров и почти сознательному ослеплению относительно злоупотреблений своих чиновников он внес дезорганизацию во все отрасли администрации. Россия в его руках напоминала некоторые товары наших фабрикантов: предмет хорошо лакированный и полированный, красивый по внешнему виду, но рассыпающийся при первом употреблении. И тем не менее, несмотря на столько — увы — вполне заслуженных упреков, нельзя отказать этому человеку в истинном величии души. Восстание 14 декабря, бунт на Сенной, его величавая смерть показали, что это была натура,

стоявшая выше толпы. Ему недоставало известной глубины понимания, знания людей и оценки исторических событий. Он считал себя призванным подавить революцию. Ее он преследовал всегда и во всех видах. И действительно, в этом есть историческое призвание православного царя. Но он ошибался относительно средств, которые нужно было применять. Он пытался гальванизировать тело, находившееся уже в состоянии разложения — еретический и революционный Запад, — вместо того, чтобы дать свободу прикованному цепями, но живому рабу — славянскому и православному Востоку, который, сохранив истинные традиции веры и социального строя, призван внести в мир живительное искупительное начало. Дело в том, что вся Россия сбилась с истинного пути; она поддалась соблазну чисто земной славы, человеческой и скептической мудрости, столь противоположной духу истинной веры, религиозной и общественной. Будем надеяться, что яд не проник до жизненных органов, что Россия вернется назад и вновь обретет, хотя бы ценою крови и страданий, свой подлинный лик.

* * *

После молебна состоялся завтрак. Случайно я оказалась по соседству с великим князем Михаилом, который уселся рядом с m-elle Гудович. На меня произвел неприятное впечатление обмен ничтожными суждениями между ними и их бессмысленное хихиканье. После такого интересного путешествия, которое только что совершил великий князь, могло бы возникнуть много интересных вопросов и ответов. Как жаль, что великие князья, очень милые по существу и далеко не глупые молодые люди, попали в исключительное общество молодых девушек, глупых и невоспитанных, которые могут оказать на них только очень дурное влияние своей глупой сентиментальностью и полным отсутствием умственных интересов. Нет ничего дурного в том, чтобы молодые люди имели дело с кокетливыми девушками, если только это кокетство остроумное и хорошего тона, но существует кокетство девичьей, совершенно нестерпимое.

* * *

Сегодня, в сочельник, у императрицы была елка. Это происходило так же, как и в предыдущие годы, когда государь был еще великим князем, — в малых покоях. Не было никого

приглашенных; по обыкновению, присутствовали Александра Долгорукая[86] и я; мы получили очень красивые подарки. Была особая елка для императрицы, елка для императора, елка для каждого из детей императора и елка для каждого из детей великого князя Константина. Словом, целый лес елок. Вся большая Золотая зала была превращена в выставку игрушек и всевозможных прелестных вещиц. Императрица получила бесконечное количество браслетов, старый Saxe, образа, платья и т. д. Император получил от императрицы несколько дюжин рубашек и платков, мундир, картины и рисунки. Впрочем, я должна сознаться, что вся эта выставка роскоши вызывает во мне скорее чувство пресыщения и печали, чем обратное. То, что так легко дается, не может уже доставить удовольствия, и когда обладаешь таким количеством вещей, уже не можешь испытывать по отношению к ним чувства собственности. Не знаю, почему в этот рождественский вечер я уже не чувствовала себя свободной, может быть, потому, что там собралась вся императорская фамилия, и у меня было чувство, что я чужая среди этого блистательного общества. Императрица к нам очень добра, но остальные члены семьи совсем нет, и у меня такое чувство, что они с недоброжелательством смотрят на все те милости, которыми нас осыпают император и императрица. Когда они были великим князем и великой княгиней, на них гораздо меньше обращали внимания, а на нас поэтому никакого; но теперь их милость чрезвычайно высоко ценится. Великий князь Константин, который по природе чрезвычайно неучтив, мимоходом сказал нам очень нелюбезную вещь, сделавшую на меня особенно неприятное впечатление вследствие состояния духа, в котором я уже находилась. Я с трудом удержалась, чтобы не расплакаться там же, и расплакалась, вернувшись к себе…

* * *

Император и императрица переезжают сегодня в город. Они очень недовольны этим, так как жизнь в Царском им очень нравится. Императрице особенно будет недоставать близости ее детей, которые здесь живут около нее, а в городе — в другом этаже. Здесь маленькая великая княжна каждую минуту прибегает к императрице, постоянно слышны ее детские шажки, ежеминутно в двери появляется ее улыбающееся личико. В городе все это изменится, они будут гораздо более отделены друг от друга, благодаря помещению, во-первых, а также занятиям императрицы. Они так счастливы в семье, что, естественно, им

хочется быть вместе. Я всегда огорчаюсь тем, что огорчает императрицу, и это мешает мне радоваться отъезду отсюда, хотя я здесь очень скучала и была очень грустна.

* * *

Я печальна, печальна, печальна. В обществе все то же брожение. Здесь уже успели ободриться, успокоиться, привыкнуть к невероятному настоящему положению. Вечером государь рассказывал, что он получил письмо от одного бельгийца, в котором тот поздравляет его с тем, что он последовал его советам и заключил мир. Государь прочел это письмо Нессельроде[87] и Орлову, находившимся в его кабинете, говоря им: «Господа, вы, может быть, не знаете, кто убедил меня принять мое решение. Это — автор вот этого письма». Эта шутка заставила сжаться мое сердце, как будто я видела перед собой ребенка, играющего с оружием. Мне невыразимо жаль его, когда я вижу, что, сам того не ведая, он вовлечен в борьбу с могучими силами и страшными стихиями, которых он не понимает. Прежде у меня были иллюзии, которых теперь у меня больше уже нет, но я их люблю не меньше, и это наполняет мне душу горестною печалью. Они не знают, куда идут. Прощаясь с ними вечером и целуя руку императрицы, я невольно произнесла в сердце своем: «Господи, огради их и спаси и сохрани среди тех опасностей, которых они сами не сумеют избежать»…

Маленькая великая княжна была больна; она даже лежала в постели и не выходила из комнаты в течение нескольких дней, но всегда весела, и, когда приходишь к ней, застаешь ее со шпагой на боку, знаменем в руке и военной фуражкой на голове, с самым воинственным видом. Она говорит, что она «большой солдат, и у нее большая шпага».

* * *

Для масленицы маленькие великие князья устроили у себя небольшой любительский спектакль. Они разыграли очень забавную русскую пьесу «Allegri», и разыграли ее очень хорошо. Наследник был очень смешон в роли старого чиновника, в седом парике с бакенбардами до самого носа и в длинном коричневом сюртуке с золотыми пуговицами. Великий князь Владимир представлял молодую барышню и был красив, как амур. Участвовали некоторые товарищи великих князей: Никс

Адлерберг[88] играл старую кумушку, Мейендорф[89] — чиновника-щеголя и Олсуфьев[90] — толстую русскую служанку; он в совершенстве исполнял свою роль и внешностью необычайно к ней подходил. По окончании пьесы были поставлены три живые картины, изображавшие черты храбрости наших солдат во время настоящей войны; все это было очень мило представлено. Привели посмотреть маленькую великую княжну Марию, но весь этот шум и движение подействовали ей на нервы. Она не переносит музыки и скоро расплакалась и просила ее увести, повторяя: «Mary is very tired, Mary will go away, Mary wants to go to bed»[91].

Царская семья начала говеть с первого дня поста. Молитвы читаются в Малахитовом зале[92], как и прежде. Туда приводят маленькую великую княжну, которая боится священника, певчих и церковного пения. Хотят ее приучить, чтобы она могла причаститься вместе с императором и императрицей. Вчера она плакала, и ее пришлось унести. Сегодня она была умница и даже позволила своему отцу по окончании службы поднести ее к певчим и дала им поцеловать свою ручонку. Однако, уходя, она с облегченным вздохом сказала: «Кончено». Вся семья обожает этого ребенка, государь и государыня покрывают ее поцелуями и ласками, точно так же тети и дяди. Да будет ее жизнь всегда такой же счастливой…

* * *

Наследник был восприемником от крещения своего маленького брата[93] и с большим достоинством и уменьем выполнял роль крестного отца. Восприемницей была великая княгиня Екатерина Михайловна. Было еще множество крестных матерей и крестных отцов, но они не присутствовали. Младенец очень кричал, когда его погружали в воду, мазали мирром и остригали. Эти крики вполне могли успокоить императрицу, и, как только церемония закончилась, я побежала сказать императрице, что ее августейший сын чувствует себя отлично. Орлов пришел на пять минут после меня. Я попала в глупое положение, опередив это важное лицо. Очень неуместно испытывать живое чувство по отношению к императрице, это вовлекает вас в целый ряд неловких поступков.

Будущий император Александр III. 1860-е гг.

«Выслушивай всех, в этом нет ничего позорного, но слушайся только самого себя и своей совести».

(Александр III)

Состоялся большой обед на восемьсот человек. По случаю этого торжества была проявлена роскошь в подарках и расходах, совершенно неуместная в такое время, когда все жалуются на дурное состояние финансов, когда в мелочах обрезают расходы на армию и несчастных чиновников. Говорят, что в обществе очень много неудовольствия. Я ничего не понимаю в делах, не могу судить ни о чем, но я слышу мнение многих серьезных людей и боюсь, что государь поступает не так, как следует. Он замыкается в себе, отдаляется от всех, живет только для своей семьи и своих фаворитов. Дела идут плохо, реформы сопряжены с большими трудностями, государь должен был бы лично приобрести любовь народа, чтобы пережить это критическое время; наоборот, он уединяется, сколько может, и подает повод для самой нелепой клеветы. Он прекраснейший отец и муж, а его представляют развратником. Он работает день и ночь с рвением, может быть, большим, чем понимание дела, а его обвиняют в том, что он проводит ночи в пьянстве. Вот слухи, которые доходят до меня и от которых сжимается мое сердце, тем более что я знаю, что невозможно заставить их изменить свое окружение и свой образ жизни, дискредитирующий их в глазах общества. Императрица показала мне в день крестин великолепные сапфиры, подаренные ей императором. Она сказала мне: ««Дон-Карлосу» пришлось продать эти камни от бедности. Кто знает, не придет ли моя очередь продавать их?». Мне хочется верить, что с ее стороны это были слова, сказанные на воздух. Религиозное и монархическое чувства имеют у нас слишком глубокие и слишком прочные корни, чтобы они могли быть расшатаны революционным духом. У нас могут быть дворцовые перевороты, но никогда не может быть революции против династии.

Наши государи сами не подозревают, на каких непоколебимых основах покоится их власть. Легкомысленное общество, которое образует поверхностный слой русского народа, заслоняет от них подлинную физиономию этого народа, который находится еще в детском возрасте, но в который заложены поразительные задатки жизни и славного будущего.

Императрица была очень огорчена необходимостью оставить здесь няню великой княжны, которая должна состоять при маленьком Сергее. Ее величество сказала мне, что она мне доверит свою дочь на это лето. Это будет первый опыт моей будущей профессии гувернантки. Мне, конечно, доставит удовольствие активно служить императрице и заботиться о ее дочери, которую она так любит, но в то же время меня пугает ответственность этой должности, особенно ответственность перед богом, и, кроме того, я знаю, что в конце концов ничего не будет,

кроме разочарований. Гувернантка — орудие, которое употребляют и которое затем бросают, когда цель достигнута. Как бы она ни отдавала свою жизнь и свое сердце ребенку, она есть и всегда останется для него чужой…

Дружбы между Тютчевой и великой княгиней, а позже императрицей, не получилось. Возможно, Тютчева пала жертвой интриг недоброжелателей, возможно, слишком увлеклась своей проповеднической миссией, за которую в свете ее прозвали «Ершом». Известно, что взрослые люди, а особенно цари и царицы, очень не любят, когда их поучают.

И Тютчеву отставили от двора, но отставили почетно, поручив ей воспитание великой княжны Марии Александровны.

«Маленькой великой княжне», как зовет ее Анна, было тогда пять лет. Она находилась под опекой Екатерины (Китти) Стуттон — личности в своем роде замечательной. Она прожила при семье Александра II 25 лет, воспитывая его сыновей и дочерей. Позже великий князь Сергей Александрович, уже двадцатилетний юноша, отправится на фронт русско-турецкой войны и запишет в своем дневнике: «Китти, милая, со слезами прощалась со мной, добрая Китти».

А для маленькой девочки разлука с ее няней была настоящей трагедией.

Из дневника Анны Тютчевой

Мы покинули Петергоф, и я вступила в должность гувернантки при маленькой великой княжне. Государь и государыня присутствовали утром в восемь часов у обедни и на благодарственном молебне по случаю рождения у великого князя Константина[94] — второго сына, которому дали имя отца. Великая княгиня накануне еще была на вечере у императрицы-матери, красивая и свежая, а в шесть часов утра она родила. Мы уехали по железной дороге в Петербург, где должны были сесть на поезд в Москву. Мою маленькую воспитанницу привели всю в слезах после расставания с английскими боннами. Мне самой хотелось плакать не меньше, чем ей, ибо, хотя я сама желала иметь должность более серьезную, чем должность фрейлины, сама искала работы и известных обязанностей, тем не менее нельзя без сожаления навсегда лишиться свободы. Уже давно я простилась с надеждой на личное счастье, такое, какое я бы желала, но сегодня я как бы подписала свое полное отречение. Отныне я уже не буду принадлежать самой себе, я буду отдавать всю свою жизнь и свои силы другим, которые, вероятно, за это ничего мне не дадут и даже не будут знать, что я чем-нибудь для них жертвую. Но пусть — лишь бы я наконец обрела на этом пути мир и внутреннее удовлетворение, которых я так давно желала.

10-го мы доехали до Твери, где мы должны были ночевать. Государь и государыня взяли с собой в это путешествие только маленькую великую княжну[95]. Великие князья остались в Петергофе. Сопровождают государя: граф Шувалов, графы Адлерберг, отец и сын, князь Василий Долгорукий, Чевкин, пруссак Боёп, адъютант Рылеев. Принц Вюртембергский присоединится к нам в Ярославле вместе с гг. Вимпфен, Бетанкур и Слепцовым. Поездка была довольно скучная и утомительная. Быстрое движение железной дороги имеет всегда дурное влияние на нервы. Это сильно отразилось на моей маленькой великой княжне, она была плаксива и взволнованна. Я чувствовала себя немногим лучше ее и была рада очутиться в темном вагоне, в котором вечером уложили малютку, чтобы поплакать на свободе. Я думала, что девочка спит, но я ошиблась, она заметила, что я плачу, и это вызвало во мне угрызения совести. Мы очень поздно приехали в Тверь. Долго устраивали кроватку великой княжны, так что было уже 11 часов, когда я ее уложила. Она очень боялась своей новой камер-фрау, m-elle Тизенгаузен[96], и требовала, чтобы я ни на минуту не отходила от нее. Я опасалась, что во время укладывания ко сну будут слезы, вызванные

воспоминаниями об английских боннах, но девочке показался так забавен мой вид в ночном чепце, и она так смеялась, что все остальное было забыто. Она часто просыпалась ночью и всякий раз в очень хорошем настроении. Я почти не спала, так меня волновала близость этого маленького существа.

* * *

Тверь. Императрица в течение всего дня была занята приемом тверских дам, посещением церквей и монастырей и учреждений этого города. Ее величеству был дан большой обед. Я же провела день со своей маленькой воспитанницей среди гораздо более идиллической обстановки в дворцовом саду. Великая княжна сделала целый сбор картофеля и тыкв, которых очень много в этом царском саду, почти совершенно превращенном в огород; мы играли в лошадки, ездили кататься в коляске, и я повезла ее приложиться к мощам св. Михаила Тверского и св. Иллариона в Отрочь-монастырь. Само собой разумеется, что она не может сделать шагу без того, чтобы толпа не окружила нас. Она очень хорошо ведет себя в таких случаях: кланяется с большим достоинством; но при этом у нее делается грустное личико, которое показывает, до какой степени ее беспокоят эти почести. После обеда с великой княжной пришли поиграть дети тверского губернатора князя Баранова: две девочки и один мальчик — очень милые. Бегали, играя в лошадки, и очень разгорячились, вследствие чего девочка очень плохо спала ночью. Я должна была провести вечер у императрицы, но великая княжна объявила мне, что она заснет, только когда я лягу. Тем не менее она очень настаивала на том, чтобы я пошла к ее маме. Я вернулась через полчаса, девочка еще не спала; тогда я уже не пошла на вечер и легла спать. Как только я была в кровати, девочка заснула.

* * *

Мы покинули Тверь. Государь должен был оставаться там до вечера и ночью присоединиться к нам у Троицы, где нам предстояло провести ночь. В Клину мы покинули поезд и взяли дорогу, ведущую прямо в монастырь. Пыль была ужасная. Великая княжна ехала в карете императрицы. У нее был сильный насморк, и от пыли она все время чихала. Обедали в Дмитрове, в доме одного помещика при самом въезде в город. За одну станцию не доезжая Троицы императрица отправила великую

княжну в ее собственную карету, чтобы не подвергать ее холодному вечернему воздуху во время торжественного приема. Было совсем темно, когда мы подъехали к Троице, но монастырь, весь иллюминованный, выделялся огненными арабесками на темном небе. Мы еще не видали его, как нас издали приветствовал гармоничный звон колоколов, всегда вызывающий во мне особенное чувство радости, смешанной с печалью. Подъезжая к монастырю, я заставила великую княжну прочесть молитву и рассказала из жизни преподобного Сергия то, что было доступно ее детскому уму. Нас повезли в карете до покоев, приготовленных для императрицы, между тем как ее величество пошла пешком в церковь приложиться к мощам. Было довольно поздно; прошло много времени, пока было приготовлено все необходимое для сна девочки; она устала, стала капризничать и плакать, и императрице долго не удавалось ее успокоить…

Девочка провела утро, играя с игрушками, которые в огромном количестве выделывают у Троицы.

Мы выехали из монастыря в 11 часов после обедни. Митрополит Филарет был очень болен, он не только не мог служить, но даже не был в силах принять императрицу. Государь зашел к нему на минуту. Местность между Троицей и Ярославлем очень хороша и даже живописна; здесь видно богатство и благосостояние, каких вообще мы не привыкли видеть в России. Во всех деревнях, через которые мы проезжали, перед каждой избой стоял убранный стол, на нем хлеб-соль и вокруг него вся семья. В Переславле-Залесском государь и государыня ходили осматривать старый ботик, построенный Петром Великим. Они взяли с собой великую княжну, и, хотя их сопровождала свита, мне не дали знать, чтобы следовать за ними; это мне очень не понравилось, так как я имею претензию, чтобы со мной обращались как с гувернанткой, а не держали на одной ноге с бонной, вообще с тех пор, как я вступила в свою должность, я имею основание быть недовольной тем, как со мной обращаются. В Ростове, где мы остановились для обеда, я высказала императрице свое отношение к этому, но, к несчастью, я сделала это с сердцем, что со мной часто бывает и что весьма мало совместимо с моими обязанностями. Императрица рассердилась не без основания. После обеда их величества должны были посетить ростовские церкви, и так как было поздно, то мне пришлось поехать вперед с великой княжной. Девочка заснула у меня на коленях. От времени до времени она просыпалась, просила меня рассказать ей сказку и затем снова засыпала под звуки моего голоса. Было одиннадцать часов, когда мы приехали в Ярославль. Девочку вынесли из кареты совершенно заспанную,

она проснулась среди официальной толпы в орденах и лентах, собравшейся для встречи государя, и потребовала сказку о козочке, которую мирно выслушала, пока пила чай. Затем она улеглась и спокойно заснула.

Дом Бутурлина, ярославского губернатора, просторный и удобный. Уверяют, что он разваливался, но его очень хорошо ремонтировали к нашему приезду. На другой день императрица принимала дам и посетила монастыри, церкви и учебные заведения…

Ярославль чрезвычайно красиво расположен, и дома на набережной смотрят так весело, вид из них так красив, что кажется, там могут жить только счастливые люди. Следующий день был 15-е, Успеньев день. Их величества были у обедни в соборе, и после обедни мы сели на пароход, чтобы по Волге спуститься до Костромы. Дул ледяной ветер, и я чувствовала себя очень дурно от сильных болей в груди. Мы высадились у Бабаева монастыря, который осмотрели наспех по обычаю августейших путешественников. Долго обедали на пароходе, а выйдя из-за стола, увидели Кострому, также очень живописно расположенную на берегу Волги. Их величества были встречены огромной толпой. Они поехали в собор, а я повезла великую княжну прямо в дом губернатора Романуса, лица совершенно неизвестного. Нас сопровождало человек двадцать бородачей, которые бежали за нашей коляской и не отставали от лошадей, что очень забавляло маленькую княжну. И здесь дом губернатора был убран с большим изяществом, но полон клопов. Императрица посетила собор, в котором находится образ Феодоровской богородицы, которым был благословлен Михаил Федорович при восшествии на престол, и Ипатьевский монастырь, в котором он жил в уединении с матерью, когда был избран в цари гласом народа. Я повезла туда великую княжну…

При доме губернатора мы нашли большой сад, в котором великая княжна могла играть весь день. Бабы влезали на забор, чтобы посмотреть, как она играет, и кричали мне: «Нянюшка, приведи ее сюда, покажи нам ее царское лицо». Девочка здоровалась с ними, и они по-своему осыпали ее выражениями нежности и похвалы, а обо мне говорили: «Какая маленькая нянюшка, какая молоденькая». Я совершенно не соответствовала их представлению о «царской мамушке».

Ярославль в конце XIX века

Вечером имел место бал, данный костромским дворянством, на который привели очень много детей. Я туда не поехала, так как очень страдала от болей в груди, которые еще усиливались необходимостью целый день быть в движении и говорить. Государь и государыня принимали утром депутацию от крестьян деревни, где живут потомки Сусанина. Со времени Михаила Федоровича все жители этой деревни пользуются полной свободой от всяких налогов, но эта привилегия не только не принесла им никакой пользы; наоборот, вследствие лености они впали в нищету и в состояние почти полного варварства. Несколько лет тому назад туда послали священника, чтобы вывести их из этого состояния отупения. Это очень развитой человек, который пишет умные, но чересчур патетические реляции о прогрессе и усовершенствованиях в его приходе. Он и находился во главе депутации и держал речь, очень вычурную, с театральными жестами, заставив этих добрых людей в определенный момент пасть на колени. Эти показные выходки меня мало трогают; я чувствую, что я в таких случаях принимаю выражение, совершенно не соответствующее минуте.

На следующий день после обедни мы уехали из Костромы. Ветер был так силен, что невозможно было оставаться на палубе. Я почувствовала себя ужасно дурно и спустилась в каюту с великой княжной, так что не могла насладиться красотой волжских берегов. Около трех часов государь и государыня сошли

с парохода и поехали в экипаже в деревню Сусанина. Я оставалась на пароходе с великой княжной, которую не хотели утомлять этой поездкой. Наследный принц Вюртембергский, присоединившийся к их величествам в Ярославле, с тем чтобы принять участие в дальнейшем путешествии, оставался с нами. Он не любезнее во время путешествия, и настроение его не лучше, чем на месте. Он имеет несчастную привычку стараться быть глубокомысленным в своих разговорах. Если он вас поймает на лестнице, на подножке вашей кареты, в какой бы то ни было момент вашего бренного существования, когда голова ваша занята чем-нибудь другим, он с места в карьер вступает с вами в обсуждение одного из великих моральных или социальных вопросов, и вы принуждены разделять с ним его глубокомыслие или чувствительность. Это очень несчастная наклонность в принце, так как строгость этикета заставляет нас сносить эти разговоры с таким же терпением, с каким мы бы сносили его фразы. В этом случае я предпочитаю принцев старого закала, которые не брали на себя роли умных людей и довольствовались тем, что двадцать раз сряду надоедали вам одним и тем же вопросом.

Я была очень счастлива, когда наступил вечер и я могла удалиться в каюту великой княжны, как только она легла, так как я чувствовала себя все более и более больной. Волга очень обмелела; пароход не мог двигаться ночью вследствие мелей, и нам пришлось простоять на месте целых восемь часов. На другой день ветер не прекратился. Я чувствовала себя все так же плохо и не могла подняться на палубу с моей маленькой великой княжной, которую я с трудом занимала, так как, совершенно потеряв голос, не могла рассказывать ей сказок, а это в дороге главный ресурс для развлечения маленьких детей. Няня Тизенгаузен делала все, что только могла, чтобы развлечь ее. Я очень довольна сделанным мною выбором. Она хорошо умеет ходить за детьми, любит их, умеет с ними говорить, мягка и терпелива, аккуратна, усердна и очень ко мне привязана. Я знаю, что могу на нее положиться, а это редко можно сказать о служащих при дворе: большей частью это алчное и подлое отродье.

* * *

После обеда (на другой день) мы приехали в Нижний. Расположение города на довольно значительных высотах при впадении Оки в Волгу поистине восхитительно.

Оживление, которое ярмарка придает городу и пристани,

представляет большой контраст с обычным видом провинциальных городов в России. Здесь толпа была так густа и так теснилась вокруг нас, что разбила окна кареты, в которой я находилась с великой княжной; по этому поводу она высказала мало либеральное пожелание: ей хотелось сорвать прутик с дерева и прогнать народ. Три женщины были раздавлены в толпе. По обыкновению, мы расположились в губернаторском доме. Это — дворец, расположенный на вершине высокого холма, откуда открывается прелестный вид на город, на обе реки и на простирающуюся бесконечно далеко равнину по ту сторону Волги.

Губернатором здесь Александр Муравьев[97], прекрасный человек, весьма деятельный и усердный, очень любимый ярмарочным купечеством и очень нелюбимый дворянством, потому что он открыто выступает за эмансипацию крестьян, а дворянство здесь более цепко и упорно держится крепостного права, чем где бы то ни было. Во главе оппозиции стоят Шереметев и некий Стремоухое. Шереметев, вернувшись из Петербурга, уверял дворянство и даже убедил его, что в уме государя произошел резкий поворот в вопросе об эмансипации, что он больше не стоит за нее и что в конце концов уступит; это сильно приободрило непримиримых и утвердило их в фрондирующем настроении.

Говорят, что государь произнес по этому поводу очень строгую речь, в которой весьма определенно им высказал свою твердую волю, чтобы меры к эмансипации были приняты в течение самого короткого срока, так что на другой день на балу дворянства Стремоухов сказал одному из своих друзей: «Ах, мой друг, никакой больше надежды. Государь — красный». Я узнала эти подробности от одной из моих кузин, баронессы Розен, муж которой служит в Нижнем. Сама я не имею возможности никуда выходить — ни посмотреть город, ни присутствовать на балах, из которых один дается дворянством, другой купечеством. Мой грипп принял такой неприятный характер, что мне пришлось даже пролежать целый день в постели, и, не будь моей добрейшей Тизенгаузен, я была бы очень озабочена своей маленькой воспитанницей, так как императрица, будучи целый день занята своими поездками и приемами, не могла много времени отдавать малютке. К счастью, я нашла для нее здесь двух товарок для игр, маленьких Арсеньевых, внучатых племянниц губернатора; они приходили к великой княжне проводить с ней день в сопровождении своего кота, общество которого приводило ее в восторг еще больше, чем общество девочек, так что эти последние были очень обеспокоены, как бы великая княжна не присвоила

себе над этим котом право собственности, и постоянно повторяли ей: «Ты не увезешь нашего кота!». Отсюда споры, окончившиеся раз даже дракой. Вообще маленькие Арсеньевы очень независимые и властные девочки, а великая княжна, привыкшая быть центром мира и чтобы все ей уступали, чувствовала себя очень не по себе. Что касается меня, то я в восторге, когда она встречает противоречие, так как боюсь, что заботы и восхищение, предметом которых она всегда является, в конце концов сделают ее эгоистичной и нервной, и я не знаю, где найти силу, способную оказать этому противодействие. Большинство детей нашего времени уже от рождения настолько благовоспитанны, что сейчас же уступают великой княжне…

Нижегородский губернатор вдов, но он живет с целым табором невесток и племянниц. Это старые княжны Шаховские, очень некрасивые и очень экзальтированные, но прекрасные существа. У одной из них, княжны Клеопатры, умной, но больной женщины, парализованы левый глаз и щека, что не мешает ей разговаривать с необычайным оживлением. Они все принадлежат к учению Сведенборга[98] и горячо привержены той фантастической религии, которую сами себе создали. Сам Муравьев перевел библию с еврейского языка. Так как эти княжны Шаховские всегда были в дружеских отношениях с моей семьей, они считали своим долгом занимать меня в те редкие часы, когда уходит моя маленькая великая княжна, так что мне не оставалось даже это время, чтобы дать покой своей бедной груди, от которой я очень страдала. Поэтому Нижний, с его армией старых дев, произвел на меня кошмарное впечатление. Моя маленькая великая княжна очень там веселилась; она принимала депутацию от купечества, которая поднесла ей самые великолепные игрушки, между прочим, часы с тремя обезьянами, играющими на разных инструментах. Часы заводятся, и тогда эти три маленькие фигурки приходят в движение: двигают ртом, глазами, руками и ногами с таким искусством, точно живые.

Императрица, которой пришлось присутствовать на двух балах, так устала, что не была в состоянии уехать 21-го, как это было назначено по маршруту. Мы выехали из Нижнего только 22-го. Садясь в карету, я издали увидела Александра Карамзина, который находился тут среди предводителей дворянства губернии. Я очень пожалела, что не видела его во время моего пребывания в Нижнем. Он, наверное, сообщил бы мне интересные подробности по вопросу об эмансипации крестьян в их губернии, так как он очень интересуется этим вопросом и относится к нему очень умно. Мы обедали в этот день в Красносельске на скверненькой почтовой станции, а вечером ночевали в Вязниках у

богатого фабриканта полотей. Ввиду посещения государя он совершенно заново меблировал свой дом мебелью, привезенной из Москвы. Один кабинет государя стоил ему 4000 руб. Впрочем, он говорил об этом совершенно просто, как о самой естественной вещи и, конечно, чувствовал себя вполне вознагражденным за весь свой труд теми несколькими ласковыми словами, с которыми государь и государыня обратились к нему при отъезде…

Вечером мы приехали во Владимир. Следующий день был воскресенье. Государь был у обедни в Дмитриевском соборе. Императрица чувствовала себя не совсем хорошо и не поехала к обедне, но позднее посетила собор, очень интересный по своей древности…

Их величествам был предложен парадный обед, но бала не было. Выехали 25-го довольно рано утром. Государь делал смотр в Покрове. В ту минуту, когда мы садились в карету, я так удачно попала в толпу, что меня чуть-чуть не раздавили. Нет ничего более ужасного, как состоять в свите их величеств во время путешествий. Всюду там, где они проезжают, толпа похожа на разбушевавшееся море; она расступается только для того, чтобы пропустить их, и вслед за ними немедленно смыкается перед теми несчастными людьми, которые следуют сзади. С Александры Долгорукой однажды было совершенно сорвано платье, что касается меня, то, помню, меня однажды так помяли, что целые сутки после того у меня болела грудь. Маленькая великая княжна большей частью забавляется этими шумными проявлениями восторга, ей нравится, «что народ ее знает».

После обеда мы уехали с великой княжной вперед, чтобы приехать пораньше. Во время путешествия она обыкновенно по утрам сидит в карете императрицы, а по вечерам со мной в своей собственной карете. Я рассказывала ей разные истории, она делала предположения о том, чем могут быть заняты волки в лесу во время тумана, и затем обычно засыпала у меня на коленях. На этот раз ожидание приезда в Москву не давало ей спать. Мы были в Кремле в девять часов. Я застала там свою сестру, которая меня ждала в помещении, приготовленном для меня рядом с моей маленькой великой княжной…

* * *

Годовщина коронации. Был молебен в Успенском соборе. После обеда государь и государыня отправились в Останкино, которое им предоставил Шереметев. Я раньше поехала туда с

великой княжной. Мы сделали большую прогулку в парке; когда мы возвращались домой, день уже склонялся к вечеру, девочка прижималась ко мне, поглядывала на кусты и ставила бесконечные вопросы о том, что делают в этот час медведи и волки и где они гуляют. Вечером у императрицы было общество: г. Исаков[99], граф Бобринский[100] — наши обычные летние гости. Они воспользовались отсутствием государя и ездили в свои именья. Граф Бобринский, один из фанатиков эмансипации, сообщил нам подробности о настроении крестьян. Он уже много лет занят тем, что старается обеспечить им свободу и улучшить их быт. Несмотря на это, он встретил с их стороны большое недоверие. Чего же могут ожидать помещики, крестьяне которых имеют основание быть недовольными?..

Мы провели 27-е и 28-е в Останкино. Погода была отвратительная; дождь не переставал лить ни на одну минуту; в доме построенном на низком месте, было сыро и холодно. Я все время чувствовала себя больной, и это недомогание в связи с постоянным утомлением и невозможностью отдохнуть и набраться сил заставляло меня видеть вещи в очень мрачном свете. Сестра Китти[101] проводила со мною дни. Она была в восторге от моей маленькой воспитанницы, которая в свою очередь пристрастилась к ней. Глядя, как она играет с этим ребенком, я жалела, что у нее нет своих детей. Из нее бы вышла прекрасная мать. Самое приятное событие в Останкино была встреча с маленькой серой кошечкой, которая стала бегать за великой княжной, проводила ее домой и больше с ней не расставалась. Надо сказать, что это действительно очаровательная кошечка, которая по своим качествам во всех отношениях заслуживает быть придворной кошкой.

* * *

Состоялась обедня в выход. Маленькая великая княжна, которая еще не появляется в торжественных случаях, присутствовала у обедни со мной в церкви Рождества Богородицы. Затем, чтобы провести утро, я повела ее на выставку кур и других птиц, устроенную Московским обществом сельского хозяйства. Ее очень торжественно встретили директор и служащие, и она большую часть, любуясь курами, гусями и голубями, с очень серьезным лицом ставила самые наивные вопросы этим важным чиновникам. В ней очаровательно то, что она совершенно естественна и никогда не меняется при чужих. Она обращалась в этим господам с такой же простотой, с какой

обратилась бы ко мне. В ней нет ни излишней смелости, ни застенчивости, но доброжелательство и природная учтивость сделают из нее очень милую принцессу…

Усадьба Останкино в конце XIX века

31-го мы должны были посетить Бородино, но так как дорога слишком испортилась, от нескольких дней дождя, императрице пришлось отказаться от этой поездки, и было решено, что мы останемся в Москве до 2 сентября. Утро я провела в Александрии вместе с моей великой княжной и с Китти. День был прекрасный. Солнце сияло, цветы благоухали. Девочка была очень мила с Китти, которая обладает талантом ее особенно оживлять…

* * *

Сегодня утром я водила маленькую великую княжну гулять[102] в парк и показала ей оленей и ланей, а затем мы ходили осматривать конюшню для ослов. Олени и ослы не оказали нам никакого внимания, к великому разочарованию девочки, которая взяла с собой хлеба, чтобы накормить их, но мы нашли у сторожа американскую козочку, очень хорошенькую и ручную, приветливо принявшую авансы великой княжны. Было прелестно видеть миленькую девочку и хорошенькую козочку скачущими вместе. До сих пор моя девочка испытывает живую симпатию только к животным; с ними она чувствует себя совершенно свободно; о них она всегда вспоминает, их касаются все ее проекты; все ее разговоры вращаются вокруг этого

предмета неиссякаемого для нее интереса. Ребенок похож на первого человека в раю, первоначальное общество которого составляли животные и который только впоследствии испытал потребность в подруге, равной ему.

Вечером, уложив великую княжну, я пошла в Арсенал. Там была музыка. Играл Рубинштейн[103], пела некая m-elle Штубе, обладающая прекрасным голосом, которую великая княгиня Елена Павловна[104] привезла из Германии. К несчастью, императрица-мать, которая любит оживление, пожелала, чтобы молодежь бегала в горелки в одном конце Арсенала, в то время как в другом конце происходила музыка. Это и делалось с ужасным гвалтом. Я краснела, глядя на лицо Рубинштейна; он совершенно не старался скрывать впечатления, которое производил на него этот шум. В настоящее время это первый пианист в Европе, всюду его слушают с восторгом и благоговением, а здесь он принужден играть перед двумя русскими императрицами под крики и шум веселящейся молодежи. Присутствие артистов в императорских салонах причиняет мне всегда страдание. Я так живо представляю себе впечатление этих чутких натур, я так хорошо понимаю то, что они думают и чувствуют. Их талант сам по себе ставит их выше всех этих титулованных ничтожеств, которые считают своим правом и даже своим долгом обращаться с ними с покровительственным доброжелательством. В предупредительности и любезности, которая им оказывается, есть что-то унизительное. Мы должны представляться им такими смешными и такими ненавистными. Если с ними не разговариваешь и оставляешь их в одиночестве, — это неловко как по отношению к ним, так и к самим себе; если с ними заговариваешь первая, это имеет часто вид, будто для них делаешь любезность, которой не сделал бы для равного себе. Прибавить к этому, что артисты, как все избранные натуры, обидчивы и дики. Поэтому, как только в комнате есть хотя один из них, я уже не чувствую себя свободно. Можно представить себе, что я испытала вчера. Я не могла не подойти к Рубинштейну и не принести ему смиренно самых формальных извинений. Мы вместе ужинали. Это очень умный человек, простой и естественный и не слишком надменный для артиста. Он умеет вести беседу обо всем и обладает хорошим тоном человека вполне культурного, который так редко встречается в нашем петербургском свете.

* * *

Была обедня, затем охота с гончими. Моя маленькая княжна и я пошли навестить свою козочку, затем мы делали пирожки из песка и предавались другим детским занятиям. Вечером состоялся спектакль и танцы в Арсенале. Великая княжна, увидя меня в туалете, когда я пришла за ней к императрице, чтобы уложить ее спать, спросила меня, иду ли я в церковь. Вот верные представления, которые двор внушает детям: они привыкли видеть, что дамы декольтируются и надевают цветы, чтобы идти в церковь, и выводят из этого…

К счастью, дети выводов не делают…

* * *

Общество в Арсенале было очень оживленное. Ставились шарады и представлялись пародии на сцены из опер. Мирбах[105] представлял Амура, а Кавелин[106] — Норму. Вся постановка была импровизована в один день Огаревым[107]и графом Кушелевым[108]; они составили комическую театральную афишу, которую написали на плакате гигантского размера, служившем занавесом. Рубинштейн играл на рояле. Ему положительно не везет при дворе, где никак не могут отнестись к нему серьезно. Первый попавшийся тапер был бы все, что нужно, за исключением исполнения фуги Баха, которую он сыграл в заключение мирбаховской шарады. После спектакля были танцы. Императрица удалилась к себе около часа. Проходя через комнату великой княжны, государь и государыня всегда так крепко ее целуют, что будят ее, и нередко при ее большой нервности она после этого засыпает лишь с большим трудом. Я протестую, но все напрасно, меня не слушают.

* * *

Утром Тизенгаузен показывала мне покупки, сделанные ею, и много, по своему обыкновению, говорила. Девочка хотела во что бы то ни стало завладеть моим вниманием и со своей стороны пищала. Это вывело меня из терпения, и я ей так резко сказала, чтобы она не прерывала, когда говорят взрослые, что бедная девочка горько заплакала. Виновата была я: не было никакого основания ни сердиться на нее, ни особенно строго выговаривать ей за такую вещь. Мне было очень стыдно и очень грустно, когда девочка, которая всегда считает, что виновата, когда я ее браню, пришла просить у меня прощения и поцеловала меня. Для

облегчения совести я рассказала императрице о том, что случилось. Она была очень добра ко мне, как всегда, но если бы она сделала мне упреки, они не могли быть для меня такими тяжелыми, как те, которые я сама себе делала. Нет ничего ужаснее, как несправедливость и вспыльчивость по отношению к ребенку, не умеющему еще даже различать добро и зло достаточно для того, чтобы понимать, что вы несправедливы, и страдающему, но не обвиняющему вас. Хватит несколько раз так вспылить, чтобы сделаться дурным, это до крайней степени отнимает уважение к самой себе, что уже не имеешь больше сил к тому, чтобы поступать правильно.

Вчера у великой княжны были гости: трое Вяземских, Мария Адельберг, три девочки Шуваловы, двое маленьких Бобринских — сыновья Александра Бобринского, женатого на Соне Шуваловой. Это два очаровательных существа: хорошенькие и очень умненькие. Они пошли оба в отца и честолюбивы, как все Бобринские. Когда вошел государь, старший, которому шесть лет, сказал: «Я хочу быть твоим адъютантом», и младший, которому четыре года, тут же закричал: «И я тоже, я тоже!». Вся эта детвора бегала вразброд, невозможно было показать им даже «горелки». Мария все время бегала с мальчиками, и вечером, когда я ее спросила, кто ей больше всего понравился, она без колебаний ответила: «Мальчики».

* * *

Сегодня маленькая княжна задала мне много забавных вопросов. Она меня спрашивала, будет ли ее муж ее бранить и вообще бранят ли мужья своих жен. Затем она меня спросила, будут ли у нее дети, когда она будет большой…

Императрица вчера была нездорова и не появлялась в Арсенале. Вечером состоялся русский спектакль и затем бал. Я не присутствовала на представлении пьесы, написанной Львовым[109] и вызвавшей много шума, так как это пьеса, якобы изображающая современные нравы.

Я воспользовалась всеобщим отсутствием, чтобы провести полчаса вдвоем со своей императрицей — счастье, для меня теперь очень редкое…

* * *

Мне нездоровилось эту неделю, и я не могла делать записи

каждый день.

Моя маленькая княжна продолжает жить своей растительной жизнью. Она здорова, хорошо кушает, правильно гуляет и почти хорошо спит, хотя иногда бывает нервна по ночам. Доктор Шольц[110] вернулся из-за границы, где он провел лето для восстановления здоровья. Я была этим не очень довольна; он стар и отстал от науки. Кроме того, в нем мало благородства, он лжет и льстит; это большой царедворец, а врач прежде всего должен быть честным и независимым. Императрица из деликатности не хочет удалять его, хотя у нее нет к нему ни доверия, ни уважения. Мы часто наблюдаем подобное при дворе. Великие мира сего дурно окружены не по недостатку проницательности, но по слабости характера. Часто они допускают большое зло по отношению к людям, совершенно того не заслуживающим, чтобы избежать меньшего зла по отношению к людям, вполне того заслуживающим. Конечно, нужно внушать государям доброту, но еще больше справедливость.

На этой неделе во вторник был вечер у императрицы Марии Александровны. Присутствовали: барон Дивен, супруги Адлерберг, князь Горчаков и граф Бобринский. Говорили о привидениях, о магнетизме — всегда любимая тема разговора в присутствии Бобринского. Возвратился Юм[111] со своими вертящимися столами и стучащими духами. Бобринский присутствовал на одном из его сеансов, где он ввел его в общение с Монго-Столыпиным[112], только что умершим. Дух схватил Бобринского за правую ногу и заставил его вертеться вместе со стулом, на котором он сидел. Чрезвычайно игриво для духа! Хотелось бы представить себе другой мир несколько серьезнее нашего, но те, кто возвращаются из него, кажется, очень шаловливы. Все эти руки, прохаживающиеся по вашим ногам и щекочущие их, все эти пустые ответы на пустые вопросы кажутся мне очень мало достойными духов, освобожденных от плоти. Страшнее всего то, что при самом скептическом уме тот, кто присутствовал на сеансах, не может отрицать чего-то действительно сверхъестественного, так как шарлатанство здесь исключено. Нет ни приготовлений, ни приспособлений — все на виду и все открыто.

Юм держится совершенно в стороне. Он сам так прост, так естественен, можно сказать, даже немножко глуп для человека, всегда находящегося в общении с духами. Он ничего не объясняет, не старается убеждать; он только констатирует факт, причина которого ему неизвестна. Он относит его к душам умерших, а я отношу скорее к душам элементарным, к тем, которых блаженный Августин в своем «Граде божием» называет

духами лжи, — к тщеславным, любопытным, лукавым, пустым, всегда пребывающим в заблуждении и старающимся завлечь с собой и человека, обитающим в самых низких слоях земной атмосферы, к духам воздуха, о которых говорит апостол Павел. В древности они выдавали себя за богов, в средние века проявляли себя как колдуны, а в наше время превратились в стучащих духов и в невидимые руки. Я думаю, что иметь с ними дело — грех, а еще более безумие, потому что они хотят отвлечь нас от бога; с этой целью они пользуются языком религии. Несмотря на такое мое убеждение, мне очень трудно не поддаться любопытству, которое мне внушают этого рода опыты. К счастью, во время сеанса Юма у императрицы сами духи просили, чтобы меня удалили…

* * *

Императрица ездила сегодня в город навестить великую княгиню Елену Павловну и детей великого князя Константина, которые после отъезда родителей остались одни с своей гувернанткой.

Вечером у государя состоялся сеанс с Юмом. Императрица, не желая на нем присутствовать, поехала к императрице-матери на чтение Гримма[113]. На сеансе присутствовали Александр Адлерберг, Иван Толстой, адъютант Горчаков и графы Владимир и Алексей Бобринские. Государь и государыня рассказали мне подробности о сеансе. Стол поднялся, завертелся и застучал, выбивая такт гимна «Боже, царя храни». Слышны были удары стучащего духа, три раза для «да», один раз для «нет», пять раз для алфавита. Все присутствующие, даже скептики Горчаков и Владимир Бобринский, чувствовали прикосновение таинственных рук и видели, как они быстро перебегали под скатертью. Государь говорит, что он видел пальцы руки, прозрачные и светящиеся пальцы. Ливен утверждает, что прикосновение их — нечто среднее между материальным прикосновением и толчком электрического тока. Только государь и Алексей Бобринский получили откровение присутствующих духов: как и во время первого сеанса в Петергофе, это были якобы дух императора Николая и дух маленькой великой княжны Лиины, оба они отвечали на вопросы государя, указывая стуками буквы алфавита, по мере того как государь отмечал их карандашом на бумаге, лежавшей перед ним.

Во всем этом есть странная смесь глупости и чего-то сверхъестественного. Нельзя отрицать явлений прикосновения и

стуков (скептики объясняют их магнетической силой, до сих пор неизвестной); но зачем духам проявлять себя этими глупыми прикосновениями, щипанием, поглаживанием, похлопыванием, наконец, своими ответами, такими глупыми, банальными, плоскими, что умный человек с плотью и с кровью никогда бы себе их не позволил? Хотелось бы представить себе мир духов несколько более серьезным, более глубоким. Я со своей стороны все больше прихожу к тому убеждению, что это низкие духи, духи воздуха, которые стремятся обмануть и провести людей, нетвердых в вере. Я не поверю, что душа, искупленная Спасителем после своей смерти, может возиться со столами и щипать людей, чтобы убедить их в бессмертии души.

Дэниел Данглас Юм (1833–1886) — шотландский медиум-спиритуалист, прославившийся феноменальными способностями к ясновидению, левитации и демонстрации других проявлений так называемого «психического феномена».

Сегодня ночью со мной случилась очень странная вещь. В комнате великой княжны есть часы с механизмом и тремя обезьянами, играющими на разных инструментах. Эти часы

заводятся довольно туго большим ключом, и, как только они заведены, обезьяны начинают играть. Уже несколько дней, как мы не заводили эту игрушку. Ночью я просыпаюсь от сильного шума, в причине которого я себе сначала не могу дать отчета; постепенно я понимаю, что он происходит от колес механизма и что все обезьяны находятся в движении. Шум был так силен, что он разбудил великую княжну и камер-фрау в соседней комнате. Я была несколько удивлена этим фактом, так как с вечера камер-фрау запирает двери, и никто не мог проникнуть через них, чтобы завести машину; впрочем, никому бы это и не пришло в голову. Юм сказал вечером во время сеанса, что духи будут продолжать проявлять себя ночью, и это и есть форма проявления, достойная таких глупых духов, каковы его духи.

* * *

Очень печальный день. Мне пришлось лишить великую княжну сладкого, от чего у меня самой разрывалось сердце. Уже давно она отказывается есть всякого рода овощи, хотя кушает страшно много мяса; я считаю необходимым изменить эту наклонность исключительно к мясной пище. Поэтому вчера, когда она с большим упрямством отказывалась есть земляную грушу, я объявила, что сладкое блюдо не появится на столе. Бедная девочка заплакала, и, когда она бросилась мне на шею, прося прощения, мне трудно было не счесть себя жестоким чудовищем и не велеть подать сладкого, а это подорвало бы мой авторитет…

Сегодня вечером государыня была опять у императрицы-матери, где Гримм читал свой бесконечный роман[114]. Этому интересному занятию посвящаются три вечера в неделю, которые можно было бы употребить на то, чтобы многое прочесть из русской литературы или повидать умных людей. Я знаю, что императрица смертельно скучает на этом чтении, но она делает это из принципа и из чувства долга, как она вообще употребляет всю свою силу воли и свою энергию на то, чтобы снизить себя до ничтожества окружающего ее уровня. Это, может быть, очень возвышенно, но до сих пор я не вижу, чтобы это принесло пользу обществу и стране. Императрица удивительно заботлива, полна уважения и почтения к своей belle-mere[115], но я иногда спрашиваю себя, не лучше ли она сделала, если бы противопоставила свои серьезные вкусы и умственные интересы фривольным и рутинным обычаям старого двора и настояла на своем: имеет ли она право, будучи женщиной выдающейся, постоянно позволять себя затирать тем, кто ее совершенно не

стоит?..

* * *

Моя маленькая великая княжна обогатилась сегодня новым познанием по естественной истории. Она меня вдруг спросила, без малейшего повода, несут ли свиньи яйца, как куры. Я ответила, что нет. «Откуда же выходят их маленькие?» — спросила она. Я ей тогда ответила: «Они приходят к ним без яиц так же, как к курам — в яйцах». Я не считаю нужным делать для детей тайну из того, что естественно, особенно если они, так сказать, сами попадают на суть вопроса.

* * *

Ничего особенно интересного. Маленькая великая княжна просила купить ей сетку, чтобы поймать солнечные лучи, проникающие в комнату сквозь окно. Она очень настойчиво добивалась исполнения этого желания. Ей сделали маленькую сетку из тюля. Боюсь, что охота ее будет неудачна.

* * *

Сегодня моя воспитанница вела себя отвратительно. Я ей показывала гравюры; она играла ножницами, я их у нее отняла, опасаясь, как бы она себя не поранила. Она надулась и не захотела больше смотреть картинки. Я, ни слова не говоря, оставила ее и взяла книжку. Тогда она подошла и ударила меня. Я приняла ужасно разгневанный вид. Она просила прощенья, но продолжала дуться и хныкать. Я выдержала характер и сидела за книгой, пока она сама не пришла ко мне с гравюрами, с улыбающимся личиком. Мне всегда трудно не рассмеяться и не уступить.

* * *

Я ничего не записывала в свой дневник все эти дни, потому что положительно ничего нет нового. Серое небо, оттепель, гнилой воздух. Я очень рада, что у меня есть дело, и рядом со мной живая весна; без этого я бы впала в меланхолию. Девочка

весела, как зяблик, и румяна, как цветок яблони. Она развивается с каждым днем и необычайно мила. Наши разговоры всегда вращаются вокруг всяких зверей и растений. Естественная история — действительно естественная история детства, прекрасная сказка, которую им рассказывает Господь Бог. Сегодня мы беседовали о кукушке и о ее дурной привычке навязывать своих птенцов другим птичкам, которые бывают принуждены кормить и воспитывать этих больших нахлебников. Вдруг девочка спросила меня совершенно серьезно: «Когда я буду большой, кукушка меня тоже обманет?».

* * *

Я надолго прервала свой дневник. По возвращении в город я так плохо себя чувствовала, что с большим трудом исполняла свои обязанности и всегда приходила в свою комнату такой усталой и разбитой, что совершенно была не способна ни к чему. Мы возвратились в город 23 ноября в три часа дня. Государь и государыня спустились в новые покои великой княжны, где священник уже ждал царскую семью, чтобы отслужить молебен по случаю переезда. В этот час было почти темно, день был пасмурный и дождливый и бросал мрачную тень на все предметы. Мое первое впечатление при входе в новое помещение — было чувство грусти и сжимание сердца, не покидавшие меня в течение многих дней. Это первое впечатление было так сильно, что я приняла бы его за дурное предзнаменование, если бы я не знала, до какой степени обманчивы подобные впечатления…

* * *

Для императрицы с великой княжны пишут портрет, и сеансы очень ей надоедают; в этом случае единственное средство заставить ее сидеть смирно и сохранять оживленное и веселое лицо — это задавать ей арифметические задачи. Все ее вопросы вращаются вокруг чисел, цифр, мер, весов, и для нее нет более строгого наказания, как запрещение считать орехи. Вчера, ложась спать, она спрашивала меня по поводу своего брата Владимира, которому двенадцать лет, очень ли большая цифра двенадцать. Я ей ответила, что нет. «Но вспомните, — сказала она, — как Иисус говорил Петру вложить свой меч в ножны и что, если он попросит у бога, бог пришлет ему двенадцать легионов ангелов. Вы мне тогда сказали, что это много». Я была очень поражена той

сообразительностью, которую обнаруживает это замечание со стороны такого маленького ребенка. Сегодня, когда пришел художник для сеанса, меня в комнате не было. Она заупрямилась и не хотела позировать, пока я не вернулась. Я сделала ей замечание, но так как я не хотела, чтобы она плакала, то сказала, что я еще поговорю с ней об этом после. Когда художник ушел, она сказала: «Теперь вы хотите меня бранить». Я очень мягко стала выговаривать ей, говоря, что маленькая девочка не должна быть капризной и что она должна слушать m-lle Тизенгаузен, когда меня нет. На это она мне очень забавно ответила: «Это не называется бранить, это называется баловать».

* * *

Я получила сегодня отчет о расходах великого князя Сергея и великой княжны Марии за прошлый 58-й год. Я с удовольствием заметила, что ввела значительные улучшения. До 1 августа, когда я стала вести расходы, на туалеты великой княжны было израсходовано 2405 руб., а на великого князя 2411 руб.; с того же момента, как я взяла ведение расходов на себя, и до 1 января для великого князя истрачено было 482 руб., а для великой княжны 909 руб. До меня расходы на извозчиков доходили до 150–180 руб. за треть года, а теперь тоже за треть тратится около 16 руб. И то же самое для мелких расходов. Я наслаждаюсь при мысли о том, что таким образом мешаю моим подчиненным красть. Я не понимаю того, что господа министры не доставляют себе того же удовольствия в своих департаментах. Это такое наслаждение искоренять злоупотребление и заставлять людей быть честными. Я очень довольна m-elle Тизенгаузен. Она — сама честность и толковость. Я установила все расходы, просматриваю их каждый месяц и нахожусь в курсе того, что у нас есть, и всего того, что покупается, но не вмешиваюсь в мелкие детали, не экономлю на огарках; великая княжна одета лучше, чем прежде; тем не менее расход сокращен наполовину, потому что на этом деле у меня человек деятельный, толковый, и во всем порядок…

* * *

Вчера, поднявшись к императрице после ее обеда за маленькой великой княжной, я застала девочку в слезах. Императрица сказала мне, что государь рассердился на наследника и бранил его за то, что он в то утро дурно выполнил

какое-то упражнение при верховой езде. Девочка пришла в такое огорчение, что заплакала, и целый час не могла утешиться. Как только государь остался один, она пошла к нему и просила его простить брата, что он ей обещал, только тогда прекратились и слезы. Вообще она не может выносить, чтобы бранили кого-нибудь из ее братьев. Это приводит ее в состояние настоящего отчаяния; иначе она никогда не выказывает особенных чувств к ним. Сегодня утром она спросила меня, хорошо ли то, что она плакала, потому что бранили ее брата. В этом наивном вопросе я нашла зародыш тщеславия, которое мы черпаем из нашей сострадательности и добрых чувств. У меня сжалось сердце. Увы! Добро так близко от зла, даже в этих чистых дорогих маленьких душах. Я сказала, что лучше плакать из-за этого, чем из-за каприза, и что очень естественно, что она огорчилась от того, что бранили брата.

* * *

Злосчастный день. Я повела великую княжну к императрице-матери в Аничков дворец. Сначала она была мила и вежлива, но после того, как императрица увела ее одну в свой кабинет, я, придя за ней через четверть часа, застала ее в слезах. Она с отчаянием повторяла: «Мне скучно здесь, я хочу уйти». Императрица имела вид не очень довольный этим слишком чистосердечным признанием. Я сочла нужным применить большую строгость, чтобы избежать повторения подобных сцен. Я сказала великой княжне, что не повезу ее на вербное гуляние, которое только что открылось и от которого она ожидала много удовольствия. Когда мы вернулись домой, она стала просить у меня прощения и очень плакала. Мне очень хотелось ее поцеловать, но я осталась тверда и сказала ей, что когда государь и государыня вернутся, она сама должна им рассказать, как она вела себя, и что я ее прощу только после того, как они ее простят. Она меня спросила, сколько часов я буду еще на нее сердиться, с таким комическим отчаянием, что мне трудно было удержаться от смеха. Затем, несмотря на все свое горе, она мне сказала: «А если я еще раз сделаю то же самое, вы не простите меня никогда?». Вообще в критические минуты она любит предполагать самое худшее. Когда государь и государыня вернулись, она со слезами рассказала им свой большой грех: «Мне всегда скучно у бабушки, и мне хочется плакать, даже когда там мама; только я удерживаюсь, но сегодня я была одна и не могла удержаться»…

В пятницу и субботу маленькая великая княжна была больна. В пасхальное воскресение пришлось позвать доктора и дать ей слабительное. Однако она не лежала и принимала поздравления своих домашних и раздавала им яйца. Очень забавно видеть серьезность и важность, с которыми она выполняет свои обязанности по представительству, с каким жестом маленькой императрицы она дает яйцо и подносит руку для поцелуя. Это у ребенка врожденное, этому невозможно научить. Здесь говорит кровь. Эту неделю я окружила ее детьми, чтобы она играла с ними и немножко поглупела. Я боюсь ее слишком быстро развивать, давая ей чересчур много серьезных впечатлений. Она все еще не совсем здорова, довольно капризна и плаксива. В ней начинает развиваться большое самолюбие, и она больше всего боится, чтобы с ней не обращались как с маленьким ребенком. Недавно она не хотела идти в церковь, потому что императрица сказала, что ее надо посадить, чтобы она не слишком устала. В один из праздников она не хотела обедать у государя, потому что должны были подать ей ее собственный обед, а не давали обеда больших. Упорство ее кроткое, но настойчивое, она никогда не забывает того, что решила, и с ней не помогает время, как с другими детьми, так как она всегда возвращается к своим мыслям.

Портрет Франца Иосифа I. Художник — Юлиус де Блаас. 1923 г.

Франц Иосиф I (1830–1916) — император Австрийской империи и король Богемии со 2 декабря 1848 года, апостолический король Венгрии со 2 декабря 1848 по 14 апреля 1849 года (1-й раз) и с 13 августа 1849 (2-й раз).

С 15 марта 1867 года — глава двуединого государства —

Австро-Венгерской монархии.

Правил 68 лет, его царствование стало эпохой в истории народов, входивших в Дунайскую монархию.

Сегодня вечером за чаем государь рассказал нам, что он получил письмо от австрийского императора, который снова взывает к великодушию России. Государь сказал, что он ответил Карольи[116], привезшему письмо, что есть оскорбления, которые он как человек мог бы, быть может, забыть, но как русский император — никогда. Когда государь говорит об Австрии, его лицо принимает прекрасное выражение ненависти, радующее сердце; это лучшая гарантия, что мы не впадем больше в глупые ошибки, так дорого стоившие России. Императрица рассказывала мне, что недавно на танцевальном вечере у Ольденбургских добрейший принц Петр[117] затеял с ней политический разговор с тем, чтобы доказать ей, что Австрия совершенно права и что не подобает быть заодно с теми, кто нападает на ее итальянские владения. На это государь сказал: «О, у нас здесь немало трусов, которые думают так же и дрожат при мысли о войне и желают только одного, как можно скорее восстановить приятельские отношения с Австрией». Это верно. Атмосфера полна Deutsche Stromungen[118], как их остроумно называет великая княгиня Елена Павловна. Барон Петр Мейендорф, мнение которого имеет большое значение при дворе, его жена, сестра графа Буоля, военный министр Сухозанет[119], министр Чевкин[120], Панин, Долгорукий, — все они на стороне Австрии, все они твердят, что, владея Польшей, нельзя поддерживать права угнетенных народностей. Но Горчаков[121] теперь держит себя превосходно[122].

* * *

Был большой бал, на котором присутствовал дипломатический корпус и даже австрийцы. Карольи наивно сказал императрице, что он находит в Петербурге большую перемену, изменилась даже нравственная атмосфера. Я думаю! Он был здесь последний раз в те дни, когда император Николай благословлял императора австрийского, считал его своим пятым сыном, а на самого себя смотрел как на краеугольный камень общественного порядка. С тех пор времена изменились.

Сегодня получено известие, что герцоги Тосканский и Пармский бежали, в их столицах возникли временные правительства, а Виктор-Эммануил[123] объявлен диктатором

Италии. Дай Бог успеха моим дорогим итальянцам, и потом да поможет он возлюбленным славянам. Я поздравила Горчакова и сказала ему, что с радостью вижу, как он начинает заботиться о замужестве моей великой княжны; я намекала на шутливый разговор, который когда-то имела с ним; я ему тогда говорила, что буду ждать, какой выбор он предложит великой княжне, когда ей минет 16 лет: короля греческого, короля венгерского, принца сербского, черногорского, румынского или чешского и т. д., и т. д. Федерация славянских народов! Осуществится ли когда-нибудь это слово, так много осмеянное и так долго отвергавшееся?

* * *

Императрица страшно устала за последнюю неделю. Кроме двух поездок в Царское по случаю рождения маленького Николая Михайловича[124], ни одного дня не прошло без выхода аудиенций, обеда или бала. Я удивляюсь, как ее тщедушный организм выдерживает все эти геркулесовы труды. Мы сегодня рано переехали в Царское, где императрица-мать живет уже неделю.

Сегодня день моего рождения. Мне тридцать лет. Я провела день невыразимо утомительный: убирала, укладывала, забывала, вспоминала, приказывала, разрешала затруднения, принимала скучных посетителей, прощалась. Приехав сюда, пришлось все начинать сначала в обратном направлении: надо было устраиваться вновь, и среди всего этого маленькая девочка, которая требует, чтобы ее занимали. Мне очень хотелось в этот день повидать хоть немного своих, но не было никакой возможности, к тому же я была так задергана, что у меня не было места ни для малейшего чувства. Так проходят у меня все праздники между волнениями и одиночеством! Вечер, уложив свою девочку, я провожу одна в холодной и плохо меблированной комнате. Что за скверная жизнь — жизнь при дворе; тем более что так трудно удержаться от горького чувства к горделивым счастливцам, которые, поглощая наше жалкое существование, принимают это как должное, не задумываясь, вероятно, никогда над тем, что наше время, наши силы, наш ум, которыми они так бесцельно, расточительно пользуются, мы могли бы, быть может, употребить на то, чтобы дать счастье другим и себе. Печально, что столько существ должно быть стеснено для того, чтобы одному было хорошо, и так много людей должно страдать для того, чтобы один мог наслаждаться, да еще наслаждается ли он и хорошо ли ему? Это общий и роковой закон…

Маленькая великая княжна подарила мне, проснувшись, веточку fleur d'orange, которую она потом хотела непременно отнять у меня, когда я ей сказала, что это дают только невестам. В тридцать лет — это подарок, который уже не имеет значения.

* * *

Чудная погода, жара совершенно июльская. Мы сделали сегодня очень хорошую прогулку в Павловске вдвоем с моей маленькой княжной. Мы рвали цветы. Она их так любит, и спрашивала меня, есть ли красивые цветы в раю. Сегодня вечером у меня был Рачинский[125], который читал мне свои письма из Болгарии, и монах, который был миссионером на Алтае и собирается вернуться туда, как только его здоровье поправится Он провел восемь лет непрерывно верхом на лошади, питаясь одним чаем, в разъездах по этой дикой стране, чтобы обратить в христианство народы, поклоняющиеся дьяволу. Он собирает деньги для вновь обращенных и для основания монастыря, а Рачинский просит денег для основания школы в Кукуше, в Болгарии. Вот очень различные интересы, и тем не менее это все интересы России, великой России.

Австрийцы разбиты при Монтебелло, но они молчат об этом поражении. Последняя телеграмма из Англии определяет потери австрийцев в 500 человек. Французы говорят про 2000 человек.

* * *

Сегодня получена депеша о страшном поражении, понесенном австрийцами близ Новары. 15 000 человек убито или ранено. Подробностей еще нет. Императрица думает, что ее брат, принц Гессенский, участвовал в этом сражении. Очень грустно, что к удовольствию видеть австрийцев разбитыми у нее примешивается тревога за брата. В течение недели у нас стояла июльская жара; за неделю растительность произвела всю ту работу, которую она обыкновенно совершает в течение месяца. Затем пошел дождь, и температура упала с 20 в тени до 2, и от кисейных платьев мы перешли на ватные пальто. Меня беспокоит здоровье великой княжны. Во время этой жары она как бы впала в расслабленность, не разговаривала, не играла, не кушала и не спала. Лицо ее стало бледным до прозрачности и нервно осунулось. Она страшно растет, худеет, и у нее постоянное расстройство желудка. Я очень беспокоюсь, и Шольц, доктор

детей, не внушает мне никакого доверия. Это — пошляк, и, чувствуя, что я его не люблю, он всегда соглашается с моим мнением. Но я не доктор! Он был болен, и я обратилась к Гартману[126], который дал великой княжне порошки. Ей лучше с тех пор, как стало свежей. Тем не менее она так нервна, что сегодня плакала от сказки об аленьком цветочке. Она так любит цветы и так счастлива, когда может рвать те, которые растут в полях и лесах. Она мне говорила: «Я не люблю нарядных цветов». Она так называет садовые цветы.

* * *

Моя сестра Дарья[127] опасно заболела. Мы были на вечере у императрицы и разговаривали о мономании Натальи Бартеневой[128]; государь обратился к моей сестре, но она ему не ответила. Я взглянула на нее; глаза ее куда-то уставились; лицо совершенно исказилось. Она делала усилия что-то сказать, но издавала только нечленораздельные звуки. Я поспешила увести ее, думая, что это нервный припадок. Вернувшись к себе в комнату, она вдруг разразилась слезами и криками, а вскоре потеряла сознание. Когда она открыла глаза, с ней вдруг сделались судороги. Она не могла говорить, и совершенно неподвижные глаза как бы выходили из орбит. Знаками она объяснила мне, что хочет причаститься.

Я поняла, что у нее прилив к голове, и поспешила послать за докторами, но они все не являлись. Я велела поставить ей горчичники и послала за пиявками. Припадки становились все сильней и сильней, и я побежала к императрице за имевшимися у нее мощами, о которых, как мне казалось, просила сестра. Государь и государыня спустились к ней. Между тем прибыли Енохин[129], врач государя, и Жуковский[130], врач епархиального училища. Ей положили на голову лед, поставили пиявки, все тело покрыли горчичниками. Доктора сказали, что это прилив к голове, и были очень озабочены. Пришел священник, но так как она больше не требовала его, я не решилась его подозвать к ней. Вдруг она страшно заволновалась, из ее груди раздался глухой звук, который я и остальные присутствующие приняли за предсмертное хрипение. Доктора сказали, чтобы позвали священника. Никогда, никогда в жизни не испытывала я такого глубокого ужаса, тем более что все это совершилось в течение полутора часа. Я готова была убежать куда-нибудь в сад (у меня и была только одна мысль — бежать), если бы императрица не удержала меня силой, не поставила на колени перед образами и

не приказала мне молиться. Тогда я машинально стала повторять слова молитвы, которые она произносила, но так как во мне и вокруг меня был сплошной хаос, я ничего уже не видела и до моего сознания доходил только один этот голос, произносивший слова молитв.

Боже, сколько мыслей навеяла на меня впоследствии эта ночь о том крайнем легкомыслии, с которым мы проводим жизнь, из-за чего Господь находит нас совершенно не подготовленными, когда он приходит и стучит к нам в дверь! Когда священник подошел к сестре, она вдруг испустила крик такого неописуемого ужаса, что я пришла в себя. Тут ее начало непрерывно рвать потоками желчи. Доктора говорили, что это ее спасло, но она уже не могла причаститься.

Государь и государыня ушли в половине первого. Мое сердце не сумеет выразить той глубочайшей благодарности, которую мне внушила их доброта. Да воздаст им Господь тысячекратно! Судороги и рвота продолжались еще до пяти часов утра. Енохин ушел, Жуковский оставался всю ночь. В пять часов к Дарье вернулась способность речи, хотя она еще говорила одно слово вместо другого. Она заснула глубоким и покойным сном. На другой день она проснулась еще слабой, но в полном сознании, и совершенно ничего не помнила из того, что произошло.

В этот день из Москвы приехала Китти, которая должна была со мной вместе ехать в Гапсаль[131]. Наш отъезд, сначала назначенный на 13-е, был затем отложен до 16-го. Вдовствующая императрица в тот же день должна была ехать за границу. Доктора решили, что Дарье тоже нужно ехать за границу пить карлсбадские воды, и было решено, что ее перенесут на пароход, на котором императрица-мать должна была ехать в Германию. Мысль об отъезде и приготовления к нему так взволновали мою бедную сестру, что накануне дня, назначенного для отъезда, с ней сделался второй и еще гораздо более бурный припадок: она восемь часов была без сознания, все время в ужасных судорогах и с кровавой пеной у рта. На этот раз я сохранила самообладание, так что во все время припадка оставалась при ней, держа ее за голову и за руки. Это продолжалось восемь часов, после чего она пришла в себя достаточно, чтобы ощутить боль в языке, который она искусала зубами во время припадка. Но в течение суток не восстанавливались ни ее память, ни способность речи.

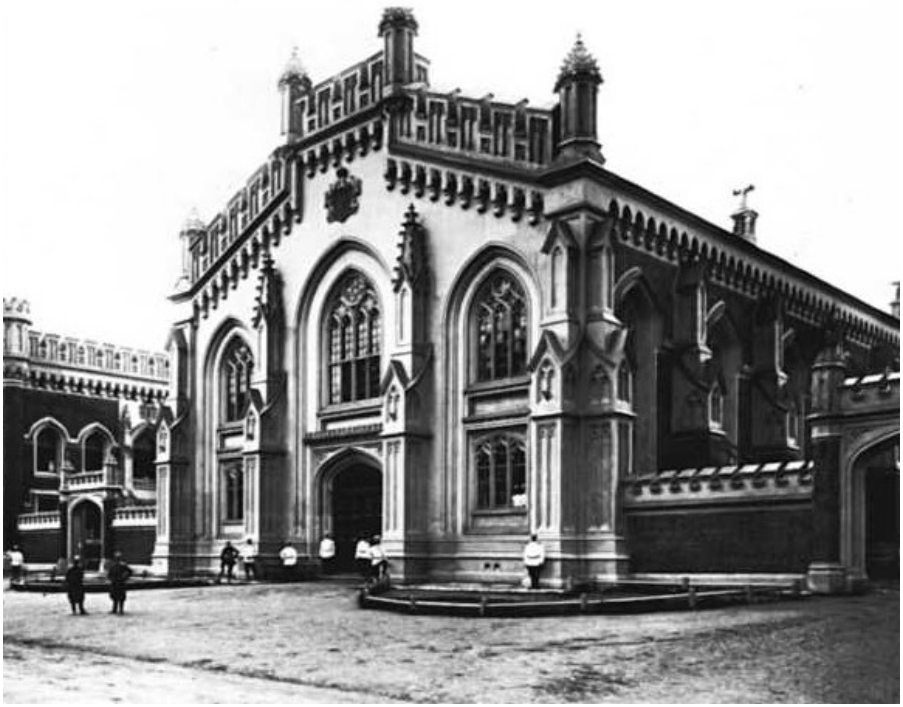
Я была вне себя при мысли о том, что на другой день я должна ехать, оставив ее в таком положении, казавшемся мне смертельным, тем более что Здекауэр[132], которого позвали на консультацию, сказал, что он ни за что не ручается, прежде чем не отдаст себе отчета в болезни. Я тогда особенно живо

почувствовала неприятную сторону зависимого положения; я должна была ехать якобы для здоровья ребенка, в сущности здорового, и покинуть свою умирающую сестру среди чужих. Я была вне себя и умоляла императрицу позволить мне остаться. Она была очень добра ко мне и, переговорив со Здекауэром, решила в тот же вечер, что великая княжна не поедет на другой день с великими князьями Алексеем и Сергеем, но что мы подождем парохода, который отвезет обратно в Гапсаль наследника после его приезда на торжество открытия памятника императору Николаю 25 июня. Это мне давало десять свободных дней. Императрица была так добра, что я никогда не буду в состоянии выразить своей благодарности не только за самое ее благодеяние, но и за то, как оно было оказано; мне трудно выразить также свой стыд и раскаяние в чувстве горечи, которые я испытала от своей зависимости по отношению к лицу, которое умело смягчать эту зависимость любовью и великодушием.

На этот раз моя сестра поправлялась очень медленно. Слабость была страшная, боли в голове и печени очень сильные. При дворе стали говорить, что у нее припадки эпилепсии, и хотя Здекауэр сказал, что мозговая болезнь, которой она страдает, совершенно другого рода, чем эпилепсия, никто не обратил на него внимания, и я убеждена, что как бы она ни поправилась, тем не менее при дворе она до конца дней своих будет слыть эпилептичкой. Сестра призналась мне за время своей болезни, что одна из причин, которая привела ее в такое состояние, были сплетни, переданные ей услужливыми друзьями, о ее флирте с государем. Она чуть не умерла от этого, так велико было огорчение, которому еще способствовала ее обычная ипохондрия — вот до чего доводят эти мелкие пересуды и на воздух сказанные вздорные сплетни, которые обыкновенно считаются такими забавными и невинными.

Все эти волнения, утомления и тревоги, вызванные болезнью сестры, вдобавок утомление от службы, которой я не могла и не хотела пренебрегать, столько бессонных ночей — все это на меня тоже сильно повлияло, и я чувствовала себя совершенно больной, когда поехала в Гапсаль. 25-го весь двор отправился в город для участия в торжестве открытия памятника. Великая княжна не присутствовала на торжестве, но мы потом ездили смотреть статую, которая показалась мне чрезвычайно безвкусной и совершенно не к месту. Двор в тот же вечер переехал в Петергоф. На следующий день, 26-го, государь и государыня поехали поздравить великую княгиню Александру Иосифовну с днем ее рождения, а мы должны были сесть на пароход в Стрельне. Я была смертельно грустна, расставаясь с сестрой; ей, правда, было

гораздо лучше, но она была еще очень слаба и 4 июля должна была ехать за границу на неопределенное время. Здекауэр послал ее на воды в Эмс, а затем в Швейцарию для лечения виноградом и советовал ей даже оставаться там целый год.



Петергоф в конце XIX века

Я расставалась с императрицей в первый раз за те семь лет, которые состою при ней, когда всякий день, проведенный вдали от нее, всегда казался мне величайшей пыткой. Государь и государыня проводили детей до Кронштадта, где мы пересели на «Гремящего». Я не могу сказать, до какой степени я чувствовала себя грустной все время этого переезда. Мне так хотелось услышать несколько хороших ободряющих слов со стороны императрицы, но она не сказала мне ни слова. Совершенно в ее духе выказывать холодность и равнодушие в серьезные минуты. Девочка горько плакала, расставаясь с матерью. Императрица, видимо, владела собой до последней минуты, но, спускаясь с «Гремящего», она расплакалась. Она расставалась второй раз с дочерью. Когда мы снялись с якоря, я увидела ее на палубе «Александрии», издали осенявшей крестным знаменем свою

дочку; крупные слезы струились по ее щекам. Девочка истерически рыдала. К счастью, на пароходе оказалась обезьяна, которая отвлекла ее от ее горя, и вскоре я увидела, что она играет и смеется, и могла сама свободно предаться своим слезам. Переезд был очень удачен. С нами ехало несколько генералов, приехавших из Эстляндии на торжество освящения памятника, которых наследник пригласил на свое судно, между прочим, Суворов, генерал-губернатор прибалтийских губерний. Вечером он подсел ко мне и долго говорил со мной об императрице с таким одушевлением и с такой восторженной любовью, что мне было очень приятно его слушать.

Мы приехали в Гапсаль 24-го. Это место унылое и некрасивое, а я была в таком настроении, что даже самое прелестное место в мире показалось бы мне некрасивым. Я нашла Сергея Александровича похудевшим и побледневшим от грязевых ванн.

Доктора, которых я созвала для установления лечения великой княжны, нашли, что ни грязевые, ни морские ванны ей не годятся ввиду ее крайней нервности и что ей нужны теплые ванны с отрубями, которые с таким же успехом можно было делать в Петергофе, если бы у императрицы не было страсти мучить себя и других ненужными жертвами. Первое ее письмо ко мне было полно упреков самой себе за то, что решилась расстаться со своей маленькой дочкой.

Мы помещались в самом лучшем доме местечка, принадлежавшем графине ла Гарди. Но и здесь нам было очень тесно и плохо, так как большинство комнат было необитаемо вследствие сильного запаха от уборной. Сад, принадлежавший дому, был обширный и нравился детям, которые собирали в нем всякого рода плоды и овощи. Мы вставали в семь часов, пили чай и отправлялись на целое утро в сад. Сергей Александрович оставался там до одиннадцати часов, когда он шел брать ванну. Две девочки Гримм, дочери инспектора классов великих князей, также приходили играть с великой княжной. Когда это мне удавалось, я немного читала со своей сестрой, но дети требовали такого напряженного внимания, которое при моем состоянии крайнего нервного возбуждения не давало мне возможности чем-либо заняться. Я мало помню в своей жизни периодов столь тяжелых, как эти несколько недель, проведенных в Гапсале. Я находилась целый день при великой княжне, не имея для отдыха даже тех часов, которые она обыкновенно проводила с императрицей. Болезнь сестры меня окончательно надорвала, я проводила совершенно бессонные ночи, и когда мне случалось заснуть, то немедленно просыпалась с чувством невыносимой

тоски. Я старалась самой себе не признаваться в своем горе от разлуки с императрицей, мне самой это представлялось смешным, но мне было тяжело на сердце, а в голове проносился целый ряд нелепых страхов относительно ее здоровья; если же проходило несколько дней без телеграммы или одна почта без письма, я впадала в отчаяние, тем более тяжелое, что я старалась скрыть его даже от самой себя, понимая его бессмысленность…

После этого регулярные записи с дневнике заканчиваются. В 1866 году Анна Тютчева стала женой публициста, поэта и общественного деятеля Ивана Сергеевича Аксакова, и на протяжении всей совместной жизни была его верным соратником и помощником. Когда она покинула двор, то небезызвестный Константин Петрович Победоносцев, будущий пост обер-прокурора Святейшего Синода и член Государственного совета при Александре III, писал ей: «Ах, Анна Федоровна, рад за вас, что вас теперь нет здесь, но для них столько раз приходится пожалеть, что замолкло около них ваше прямое и горячее сердце». Под «ними» он подразумевал императорскую семью.

Но связи с царской семьей она не прерывала: переписывалась с Марией Александровной и ее младшими братьями Сергеем и Павлом. Неожиданно интерес к этой переписке проявил цесаревич Александр Александрович, ставший наследником после смерти брата Николая и во многом на свой лад разделявший идеи славянофилов. По его просьбе Анна Федоровна посылала ему статьи своего мужа.

Она снова встретилась со своей воспитанницей в 1881 году, когда та, уже будучи замужем, приехала в Петербург на похороны Александра II, убитого народовольцами.

Из воспоминаний Анны Тютчевой

Мой муж и я приехали в Петербург; мой муж — по приглашению членов Славянского комитета, которые писали ему в Москву и просили его принять участие в чрезвычайном заседании комитета, посвященном памяти убитого государя; я же — по приглашению великой княгини Марии Александровны и великого князя Сергея. Я остановилась у сестры своей во дворце, мой муж в гостинице.

Это был двадцатый день смерти государя. Я присутствовала на обедне во дворце. В 12 часов служили панихиду в крепости для царской семьи и для лиц свиты. Государь и государыня отсутствовали. Баранов[133], только что вступивший в должность градоначальника, сказал моему мужу, что через иностранную полицию получены такие тревожные известия о новых готовящихся покушениях, что пришлось принять строгие меры предосторожности и не выпускать государя из ограды Аничкова дворца. Петербург, несмотря на оживление большой столицы, имеет очень мрачный вид. Дворцы Зимний и Аничков окружены канавами, около которых расхаживают патрули. Это производятся раскопки в поисках мин, которые, как предполагают, проложены около дворцов, хотя о реальности этих мин ходят только смутные и противоречивые слухи.

По возвращении из крепости великая княгиня и великий князь Сергей посетили меня в комнате моей сестры и оставались довольно долго. Все недавнее прошлое, протекшее с того момента, как я рассталась с ними после похорон их матери, все это прошлое, так печально ознаменованное, во-первых, злосчастным браком государя, доставившим столько горя его семье[134], а затем ужасной катастрофой его смерти, было таким предметом разговора, которого нам было чрезвычайно тяжело касаться; между тем наши сердца были слишком подавлены этими тяжелыми воспоминаниями, чтобы говорить о чем-либо другом. Поэтому, несмотря на грустную радость свидания с моими прежними воспитанниками, мы чувствовали себя неловко по отношении друг к другу.

Позднее я более откровенно говорила с великой княгиней. Она, со свойственной ей честной искренностью, сказала мне, что, покидая Россию в августе, она совершенно ничего не знала о вторичном браке государя, что из России никто ей ни слова об этом не писал, что фактически было и невозможно, ввиду перлюстрации переписки, пересылаемой как по почте, так и с курьерами. Великая княгиня не придавала никакой веры

иностранным газетам, которые говорили о браке государя как о достоверном факте. Только в ноябре великая княгиня получила письмо от самого государя, который объявлял ей о браке со своей прежней любовницей, опираясь, в виде оправдания, на полное одобрение сестры своей Ольги, королевы Вюртембергской, которая, оставаясь верной своему низкому и льстивому характеру, приняла сделанное ей сообщение об этом недостойном браке выражениями самой восторженной симпатии. Это письмо королевы Ольги было послано как бы в виде циркуляра великой княгине и ее братьям, как образец того, как они должны держать себя. Я не знаю, каков был ответ великой княгини; она мне только сказала: «Вы понимаете, что Россия для меня была закрыта навсегда. Впрочем, я просила своего мужа и всех близких мне людей никогда не касаться со мной этого вопроса, так что до кончины государя я никогда не имела никаких подробностей относительно его новых семейных обстоятельств». В этом молчании было много достоинства и дочерней любви.

Что касается молодых великих князей, то государь сообщил им о своем браке через их воспитателя Арсеньева[135], ссылаясь и в этом случае на авторитет своей сестры. Для них это был страшный удар; они питали культ к памяти своей матери, так недавно скончавшейся. Сергей Александрович знал о связи своего отца, но он поставил себе задачей помешать тому, чтобы младший брат его, великий князь Павел, что-нибудь узнал об этом. И когда этот юноша с душой чуткой и чувствительной узнал о том, что его отец не только женился вторично, но и то, что его теперешняя жена была его любовницей в течение пятнадцати лет и имела от него троих детей, признанных и узаконенных этим браком, он был так потрясен, что опасно заболел. Тем не менее эти молодые люди, точно так же, как и их сестра, наложили на себя по этому вопросу полное молчание. Великий князь Сергей не говорил со мной о браке своего отца. Вообще, он произвел на меня впечатление человека, глубоко сосредоточенного на своем горе и со страхом избегающего всякого разговора, имеющего какое-либо отношение к печальным событиям последнего времени. Великий князь Павел так плохо себя чувствовал, что ему пришлось уехать в Италию через два дня после похорон государя.

* * *

Состоялось заседание Славянского комитета в большом зале банка Взаимного кредита. На этом собрании присутствовало около 2000 человек. Сначала отслужили панихиду,

сопровождавшуюся довольно неудачной проповедью. Затем Бестужев-Рюмин произнес несколько вступительных слов. После этого на кафедру вступил Аксаков; его появление было встречено продолжительными рукоплесканиями, которые возобновлялись несколько раз во время его речи. Он говорил со своим обычным красноречием, но более горячо и страстно, чем когда-либо, клеймя своим мощным словом преступление, повергшее Россию в горе и позор, дописывал самыми потрясающими красками современное положение России и с большой убедительностью выступал против неразумных и преступных поползновений и стремлений лжелиберализма, который хочет толкнуть Россию на ложный путь конституционных реформ, чуждых ее национальному гению и истинным нуждам страны.

Его речь произвела грандиозное впечатление. Многие плакали, одни были красны, другие бледны от гнева — одним словом, сенсация была громадная. Было много представителей высших сфер общества, между прочим, генерал Игнатьев.

На другой день я встретила у великой княгини Марии Александровны великого князя Алексея[136]. Он мне сказал обычным своим насмешливым тоном, довольно неуместным: «Фурор, Анна Федоровна, фурор. Речь вашего мужа произвела фурор». Я ответила ему довольно сухо: «Я не знаю, произвела ли речь фурор; я знаю только, что были по достоинству оценены здравые мысли, талантливо выраженные». Великий князь сказал мне: «Что бы ни говорил ваш муж, а России придется в конце концов прийти к конституции». — «Какую конституцию желает ваше высочество: английскую, французскую, германскую, бельгийскую?» — «Само собой разумеется, конституцию, соответствующую стране…» — «А если страна не желает отнять у государя власть, которую она ему доверила, чтобы передать ее в руки партии так называемых петербургских либералов, совершенно чуждых народу? Вопрос такой важности не может быть решен в Петербурге при закрытых дверях. Прежде чем заносить руку на краеугольный камень социального и политического строя в России, нужно узнать, чего хочет страна, а чтоб страна могла высказать то, чего она хочет, нужно, чтобы она была правильно представлена. Но очень сомнительно, чтобы в настоящее время страна была достаточно зрела, чтобы иметь такого рода представительство».

Я не сильна в политике, но мне кажется, что великий князь еще менее меня силен в ней. У него есть смутная мысль, что нужно быть либеральным и сделать что-нибудь либеральное для страны. В этом отношении он таков, как большая часть петербургского общества, которое думает, что достаточно

заимствовать у Запада некоторые либеральные учреждения и применить их к России как непогрешимую панацею для того, чтобы все устроилось; никто из них ни на минуту не останавливается на том простом соображении, что Россия — совершенно своеобразный организм, обладающий очень определенной индивидуальностью, с присущими ему условиями существования, от которых зависит и закон ее развития.

Это была последняя встреча Анны Федоровны со своей бывшей воспитанницей. Мария Александровна вышла замуж за второго сына весьма многодетной королевы Виктории — его королевское высочество принца Альфреда герцога Эдинбургского — в 1874 году. В течение последующих четырех лет в семье родились три девочки: Мария, Виктория и Александра и долгожданный наследник — принц Альфред. В 1884 году герцогиня Эдинбургская родила еще одну дочь — Беатрис.

Отношения с мужем не ладились, и, вероятно, ей было очень одиноко, несмотря на то, что она часто ездила в Россию, встречалась со своей семьей. «Одной из самых частых гостей, — пишет великая княгиня Ольга Александровна, дочь Александра III, — была герцогиня Эдинбургская… Я любила тетю Марию; не думаю, чтобы она была счастлива. Но в Петергофе она отдыхала от всех забот».

Марии пришлось претерпеть немало притеснений от царственной свекрови, и она была только рада, когда в 1893 году Альфред стал герцогом Саксен-Кобург-Готским, унаследовав этот титул от своего дяди, и семья покинула Англию и переехала в Кобург.

Принц Альфред (1844–1900) — герцог Эдинбургский, граф Ольстерский и Кентский с 24 мая 1866 по 23 августа 1893 года, затем герцог Саксен-Кобург-Готский с 22 августа 1893 года. Сын королевы Великобритании Виктории и ее мужа Альберта. Известный филателист. Адмирал флота (3 июня 1893 года)

В том же году Мария выдала свою старшую дочь, тоже Марию, славящуюся редкой красотой, за наследного принца Румынии, Фердинанда Гогенцоллерна. 19 апреля 1894 года ее вторая дочь, принцесса Виктория Мелита (второе имя ей дали по острову Мальте, где она родилась, а в семье ее звали Даки —

«уточка»), вышла замуж за Эрнеста Людвига, великого герцога Гессенского. Третья дочь — принцесса Александра — обвенчалась 20 апреля 1896 года с принцем Эрнестом Гогенлоэ-Лангенбургским.

Но семью ожидало новое несчастье. Принц Альфред заразился сифилисом и покончил с собой в день 25-й годовщины свадьбы его родителей. Через год с небольшим после этого, в июле 1900 года, умер и супруг Марии Александровны.

Самая младшая дочь, принцесса Беатрис, вышла замуж 15 июля 1909 года за Дона Альфонсо, инфанта Испании, 3-го герцога Галлиерийского.

Саксен-Кобургский престол унаследовал 16-летний племянник Альфреда — принц Чарльз Эдуард, сын его младшего брата Леопольда. Регентом при нем назначили Эрнста Гогенлоэ, мужа Александры — третьей дочери Марии Александровны. Через три года принц Чарльз Эдуард вступил на престол. Но править ему пришлось недолго: по итогам Первой мировой войны Саксен-Кобург и Саксен-Гота стали отдельными государствами в составе Веймарской республики. Спустя некоторое время Саксен-Кобург отошел к Баварии, а Саксен-Гота — к Тюрингии.

Брак Даки оказался неудачным, но она не стала терпеть этого, как много лет терпела ее мать, а, как эмансипированная женщина нового времени, уехала от своего мужа. Когда Даки гостила у матери, то встретила своего кузена из России — великого князя Кирилла Владимировича — и влюбилась в него. Оказалось, однако, что первый муж Виктории приходился родным братом супруге правившего тогда императора Николая II императрице Александре Федоровне. Она настроила своего мужа против влюбленных. Впрочем, это было не сложно. Николай придерживался традиций, и развод, а затем близкородственный брак в семье Романовых его не устраивал.

Николай написал гневное письмо Кириллу, запретив ему даже думать о Даки. Но влюбленных было не остановить. 8 октября 1905 года они тайно обвенчалась в Кобурге. Из родных невесты на свадьбе присутствовали только Мария Александрова и ее младшая, тогда еще незамужняя дочь Беатрис.

В конце концов непокорной паре удалось добиться признания императора. В мае 1910 года семья великого князя Кирилла с двумя дочерями переехала в Петербург. Император Николай II восстановил Кирилла в правах члена Императорского Дома, которые он в гневе отобрал. Виктория приняла православие. Николай II признал этот брак именным указом и присвоил Виктории титулы великой княгини Виктории Федоровны и Императорского Высочества. Их дочери Мария и Кира получили

титул княжон императорской крови со всеми правами членов императорской фамилии, включая права на престол. Во время Первой мировой войны Виктория работала медсестрой Красного Креста и за помощь инвалидам-фронтовикам дочь была награждена Георгиевскими крестами всех степеней. После Октябрьской революции великий князь с семьей уехал из страны. В Финляндии у великой княгини Виктории Федоровны родился сын Владимир.

Мария Александровна скончалась 24 октября 1920 года и похоронена в фамильном склепе герцогов Кобургских.

Часть III
Дочери Николая II и Маргарет Игер Идиллия в детской и катастрофа в стране

Николай и Александра были влюблены друг в друга с детства. С того самого дня, когда Аликс приехала в Царское Село на свадьбу своей старшей сестры Елизаветы Александры Луизы Алисы Гессен-Дармштадтской (в семье ее звали Эллой) и дяди Николая, третьего сына царя Александра II — Сергея.

В тот день шестнадцатилетний наследник записал в своем дневнике: «Встретили красавицу невесту дяди Сережи, ее сестру и брата.

Все семейство обедало в половине восьмого. Я сидел рядом с маленькой двенадцатилетней Аликс, и она мне страшно понравилась». А несколькими днями позже: «Мы играли и бегали в саду. Мы с Аликс дарили друг другу цветы»; «Мы с Аликс написали свои имена на оконном стекле Итальянского дома (мы любим друг друга)».

Но бабушка Аликс, воспитывавшая ее после смерти своей дочери, категорически возражала против этого брака. А с бабушкой приходилось считаться: ведь это была не кто иная, как сама королева Виктория. Она писала своим родным: «Чем больше я думаю о замужестве нашей милой Аликс, тем более несчастной я себя чувствую. Я ничего не имею против жениха, поскольку он мне очень нравится. Все дело в стране, столь отличной от нашей, в ее политике и в ужасно опасном положении, которое ожидает это милое дитя… Напрасно Элла способствовала этой помолвке… Она сирота, а я ее единственная бабушка и полагаю, что у меня есть право голоса. Она для меня словно родное дитя… Мне кажется, что я ее уже потеряла». Виктория была категорически против того, чтобы Аликс принимала православие, а Александр III настаивал на этом.

На помощь Ники и Аликс пришла Мария Александровна, герцогиня Саксен-Кобург-Готская. Она много рассказывала экзальтированной Аликс о красоте и внутреннем содержании православия и убедила ее сменить религию.

Николай и Александра (такое имя приняла Алиса, перейдя в православие) обвенчались в соборе Спаса Нерукотворного в Зимнем дворце через неделю после похорон Александра III.

Уже через полгода после свадьбы молодая императрица

забеременела. Все ждали мальчика, но родилась девочка — Ольга. Своей сестре Элла императрица сообщила: «Тебе пишет сияющая от счастья мать. Ты можешь представить себе наше счастье: теперь у нас есть сокровище, которое мы лелеем и холим».

Элла поспешила сообщить королеве Виктории: «Радость огромная, и разочарование, что это девочка, меркнет от сознания, что все хорошо».

Вскоре после этого Николай и Александра поехали с визитом во Францию, взяв с собой дочь. Парижане с восторгом встречали молодую русскую императрицу и младенца. В тот год многих новорожденных девочке во Франции назвали Ольгами.

Аликс вскоре забеременела снова. И снова родилась девочка. Ее назвали Татьяной. Великий князь Константин Константинович так объясняет этот выбор в своем дневнике:

«Слышал от царя, что его дочери названы Ольгой и Татьяной, чтобы было, как у Пушкина в «Онегине»».

Он также записал в дневнике: «Утром Бог дал Их Величествам… дочь. Известие быстро распространилось, и все были разочарованы, так как ждали сына».

Из воспоминаний Анны Вырубовой, дочери главноуправляющего собственной Его Императорского Величества канцелярии Александра Сергеевича Танеева, фрейлины Александры Федоровны

Первое мое впечатление об императрице Александре Федоровне относится к началу царствования, когда она была в расцвете молодости и красоты: высокая, стройная, с царственной осанкой, золотистыми волосами и огромными, грустными глазами — она выглядела настоящей царицей. К моему отцу государыня с первого же времени проявила доверие, назначив его вице-председателем Трудовой Помощи, основанной ею в России. В это время зимой мы жили в Петербурге, в Михайловском Дворце, летом же на даче в Петергофе.

Возвращаясь с докладов от юной государыни, мой отец делился с нами своими впечатлениями. Так, он рассказывал, что на первом докладе он уронил бумаги со стола и что государыня, быстро нагнувшись, подала их сильно смутившемуся отцу. Необычайная застенчивость императрицы его поражала. «Но, — говорил он, — ум у нее мужской — une tete d'homme». Прежде же всего она была матерью: держа на руках шестимесячную великую княжну Ольгу Николаевну, государыня обсуждала с моим отцом серьезные вопросы своего нового учреждения; одной рукой качая колыбель с новорожденной великой княжной Татьяной Николаевной, она другой рукой подписывала деловые бумаги. Однажды, во время одного из докладов, в соседней комнате раздался необыкновенный свист.

— Какая это птица? — спрашивает отец.

— Это государь зовет меня, — ответила, сильно покраснев, государыня и убежала, быстро простившись с отцом.

Впоследствии как часто я слыхала этот свист, когда государь звал императрицу, детей или меня; сколько было в нем обаяния, как и во всем существе государя.

В 1899 году родилась третья дочь — Мария. Великая княгиня Ксения Александровна, сестра Николая, писала: «Какое счастье, что все кончилось благополучно, все волнения и ожидания, наконец, позади, притом жаль, что родился не сын. Бедная Аликс! Но мы рады все равно — какая к тому важность — мальчик или девочка».

Николай записывает в своем дневнике: «Счастливый день:

Господь даровал нам третью дочь — Марию, которая родилась в 12:10 благополучно! Ночью Аликс почти не спала, к утру боли стали сильнее. Слава Богу, что все окончилось довольно скоро! Весь день моя душка чувствовала себя хорошо и сама кормила детку».

Через два года — новая беременность. И новая запись в дневнике великого князя Константина Константиновича: «Она очень похорошела… все поэтому трепетно надеются, что на этот раз будет сын».

Но снова родилась девочка — Анастасия. Запись Николая в дневнике лаконична: «Около 3 часов у Аликс начались сильные боли. В 4 часа я встал и пошел к себе и оделся. Ровно в 6 утра родилась дочка Анастасия. Все свершилось при отличных условиях скоро и, слава Богу, без осложнений. Благодаря тому, что все началось и кончилось, пока все еще спали, у нас обоих было чувство спокойствия и уединения! После этого засел за писание телеграмм и оповещение родственников во все концы света. К счастью, Аликс чувствует себя хорошо. Малышка весит $11^1/_2$ фунта и рост имеет в 55 см».

А вот Ксения не скрывает досады. Она пишет: «Какое разочарование! Четвертая девочка! Ее назвали Анастасия. Мама мне телеграфировала о том же и пишет: «Аликс опять родила дочь!»».

Дядя императора, великий князь Константин Константинович — записал тогда же в дневнике: «Прости, Господи! Все вместо радости почувствовали разочарование, так ждали наследника и вот — четвертая дочь».

Посторонние же люди совсем не сдерживали злорадства. Некий кадет Обнинский писал: «Свет встречал бедных малюток хохотом… Оба родителя становились, суеверны… и когда умер чахоточный Георгий, у нового наследника был отнят традиционный титул «цесаревича» из суеверной боязни, как говорили, что титул этот мешает появлению на свет мальчика».

Юристы изучали возможности передачи власти в обход существующих законов старшей дочери царя — Ольге Николаевне. Александра Викторовна Богданович — жена генерала от инфантерии писателя Евгения Васильевича Богдановича — записала в дневнике 9 июля 1901 года: «Мясоедов-Иванов[137] говорил, что Витте[138] с Сольским[139]проводят мысль об изменении престолонаследия, чтобы сделать наследницей дочь царя Ольгу».

На имя императора в Министерство Императорского двора начинают приходить письма, авторы которых обещают открыть секрет гарантированного рождения мальчика. Письма поступают

не только из России, но буквально со всего света: из Англии, Франции, Бельгии, США, Латинской Америки и Японии. Некоторые авторы просят за секрет несколько десятков тысяч долларов. Большинство корреспондентов советует императрице сесть на особую диету, а некий фельдшер Н. Любский пишет: «Можно предсказать, какого пола отделяется яйцо у женщины в данную менструацию и, следовательно, можно иметь ребенка желаемого пола. Такую строгую последовательность в выделении яичек у женщин я осмеливаюсь назвать законом природы». Способ хоть и звучащий наукообразно, но абсолютно не имеющий никакого отношения к реальности, так как пол будущего ребенка определяет не яйцеклетка, а сперматозоид, участвующий в оплодотворении. А вот еще совет, столь же «научный» и «действенный»: «Попросите Государя, Вашего Супруга, ложиться с левой стороны или, иначе сказать, к левому боку Вашего Величества, и надеюсь, что не пройдет и года, как вся Россия возликует появлением желанного наследника».

Ольга Николаевна (1895–1918) — великая княжна, первенец императора Николая II и императрицы Александры Федоровны.

«Великая Княжна Ольга Николаевна представляла собою типичную хорошую русскую девушку с большой душой. На окружающих она производила впечатление своей ласковостью, своим чарующим милым обращением со всеми. Она со всеми держала себя ровно, спокойно и поразительно просто и естественно».

(Михаил Дитерихс)

Заведующий Канцелярией Министерства Императорского двора полковник А. А. Мосолов писал: «по установленному в Министерстве Императорского Двора порядку письма и ходатайства, заключающие в себе подобного рода советы, оставляются без ответа и без дальнейшего движения».

Но императрица постоянно чувствовала, что не оправдывает ожидания подданных. Нервы ее были так расстроены, что у нее развилась ложная беременность. Она располнела, ощущала все признаки беременности, но по вполне понятным причинам не торопилась сообщать о ней. Наконец скрывать изменения уже было нельзя, и о беременности объявили официально. Сергей Юльевич Витте писал: «Императрица перестала ходить, все время лежала. Лейб-акушер Отт[140] со своими ассистентами переселился в Петергоф, ожидая с часу на час это событие. Между тем роды не наступали. Тогда профессор Отт начал уговаривать императрицу и государя, чтобы ему позволили исследовать императрицу. Императрица по понятным причинам вообще не давала себя исследовать до родов. Наконец она согласилась. Отт исследовал и объявил, что императрица не беременна и не была беременна, что затем в соответствующей форме было объявлено России».

А вот отрывок из письма великой княжны Ксения Александровна княгине А. А. Оболенской, ближайшей фрейлине и подруге императрицы-матери Марии Федоровны: «Мы все ходим, как в воду опущенные со вчерашнего дня… бедная А.Ф. оказалась вовсе не беременна — девять месяцев у нее ничего не было и вдруг пришло, но совершенно нормально, без болей. Третьего дня Отт ее видел в первый раз и констатировал, что беременности никакой нет, но, к счастью, внутри все хорошо. Он говорит, что такие случаи бывают и что это происходит вследствие малокровия».

Великий князь Константин Константинович записал в своем дневнике 20 августа 1902 года: «С 8 августа ежедневно ждали разрешения от бремени императрицы… Аликс очень плакала. Когда, наконец, допущенные к ней доктор Отт и Гюнст[141] определили, что беременности нет, но и не существовало».

Факт ложной беременности было решено скрыть. 21 августа 1902 года было опубликовано сообщение: «Несколько месяцев назад в состоянии здоровья Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны произошли перемены, указывающие на беременность. В настоящее время, благодаря отклонению от нормального течения, прекратившаяся беременность окончилась выкидышем, совершившемся без всяких

осложнений при нормальной температуре и пульсе. Лейб-акушер Д. О. Отт. Лейб-хирург Гирш[142]. Петергоф, 20 августа 1902 года».

Разумеется, этому сообщению не верили. Государственный секретарь А. А. Половцев в августе 1902 года писал: «Во всех классах населения распространились самые нелепые слухи, как, например, что императрица родила урода с рогами». Другие обвиняли императрицу в неадекватном поведении. Тот же Витте называет ее «ненормальной истеричной особой».

Из воспоминаний великого князя Александра Михайловича[143]

Царь был идеальным мужем и любящим отцом. Он хотел иметь сына. От его брака с принцессой Алисой Гессен-Дармштадской у него родились в течение семи лет четыре дочери. Это угнетало его. Он почти что упрекал меня за то, что у меня в тот же промежуток времени родилось пятеро сыновей. Как это ни покажется малоправдоподобным, но мои отношения с императрицей были далеки от сердечности по причине той же разницы пола наших детей!

Однажды во дворце появился таинственный господин — «доктор Филипп»[144] из Парижа. Он был представлен царской чете «черногорками» — великими княгинями Милицей[145] и Анастасией Николаевной[146]. Французский посланник предостерегал русское правительство против этого вкрадчивого иностранца, но царь и царица придерживались другого мнения. Люди, которые хотят быть обманутыми, попадают впросак. Псевдонаучное красноречие д-ра Филиппа достигло цели.

Он утверждал, что обладает силой внушения, которая может оказать влияние на пол развивающегося в утробе матери ребенка. Он не прописывал никаких лекарств, которые могли бы быть проверены придворными медиками. Секрет его искусства заключался в сериях гипнотических пассов. После двух месяцев лечения он объявил, что императрица находится в ожидании ребенка. Все придворные празднества были отменены. Европейские газеты писали о приближении великого события в семье русского царя. Прошло шесть месяцев. Императрица вдруг заболела острым нервным расстройством, и, несмотря на упорные протесты д-ра Филиппа, к постели больной были приглашены врачи. Они быстро и решительно постановили диагноз; они не нашли и следов беременности у Александры Федоровны. Доктор Филипп уложил свои чемоданы и ухал в Париж.

Прошло два года. 30 июля 1904 года императрица разрешилась от бремени долгожданным сыном.

Трех лет от роду, играя в парке, цесаревич упал и получил ранение, вызвавшее кровотечение. Вызвали придворного хирурга, который применил все известные медицине средства для того, чтобы остановить кровотечение, но они не дали результата. Царица упала в обморок. Ей не нужно было слышать мнения специалистов, чтобы знать, что означало это кровотечение: это была ужасная гемофилия — наследственная болезнь мужского

поколения ее рода в течение трех столетий. Здоровая кровь Романовых не могла победить больной крови Гессен-Дармштадтских[147], и невинный ребенок должен был страдать от той небрежности, которую проявил русский двор в выборе невесты Николая II.

За одну ночь государь состарился на десять лет. Он не мог перенести мысли, что его единственный сын был обречен медициной на преждевременную смерть или же на прозябание инвалида.

— Неужели в Европе нет специалиста, который может вылечить моего сына? Пусть он потребует что угодно, пусть он даже на всю жизнь остается во дворце. Но мальчик должен быть спасен!

Доктора молчали. Они могли дать только отрицательный ответ. Они не могли вводить императора в заблуждение. Они должны были ответить, что даже самые известные мировые специалисты не в состоянии бороться против подтачивающей силы наследника гемофилии.

— Ваше Величество должны быть осведомлены, — сказал один из лейб-хирургов, — что наследник цесаревич никогда, не поправится от своей болезни. Припадки гемофилии будут время от времени повторяться. Необходимо принять самые строгие меры, чтобы предохранить Его Высочество от падений, порезов и даже царапин, потому что каждое незначительное кровотечение может для людей, страдающих гемофилией, оказаться роковым.

Громадный матрос получил приказание следить за безопасностью царевича и носить его на руках во всех случаях, когда мальчику предстояло оставаться продолжительное время на ногах.

Для его царственных родителей жизнь потеряла всякий смысл. Мы боялись улыбнуться в их присутствии. Посещая Их Величества, мы вели себя во дворце как в доме, в котором кто-то умер. Император старался найти забвение в неустанном труде, но императрица не захотела подчиниться судьбе. Она непрестанно говорила о невежестве врачей, отдавая явное предпочтение шарлатанам. Все свои помыслы обратила она в сторону религии, и ее религиозность получила истерический характер.

Будущая няня царевен, по давней традиции императорской семьи, должна была быть англичанкой. Первой воспитательницей юных принцесс стала мисс Орчи, которая когда-то по поручению королевы Виктории вырастила саму Алису Гесенскую. Мисс Орчи прибыла в Зимний дворец в середине декабря 1895 года. В помощь ей был выбран, как водится, целый штат нянечек. Мисс Орчи не учла только одного: ее воспитанница выросла и сама

хотела растить своих детей. В детской стали возникать конфликты. Аликс постоянно вмешивалась в то, во что, по мнению бывшей воспитательницы, ей вмешиваться не следовало: хотела сама купать детей, сама кормить их грудью. И няня стала весьма высокомерно поучать Аликс, забыв, что та стала Александрой Федоровной, повелительницей огромной страны, и с ней уже нельзя было разговаривать как с несмышленой девочкой. И вот Николай II пишет в дневнике: «Сегодня нас покинула несносная няня-англичанка; радовались, что, наконец, отделались от нее!».

Новая няня, которую порекомендовала сестра Аликс, тоже не подошла. Николай пишет: «Со вчерашнего дня при ней состоит новая няня — сестра Ксениной, с длиннейшим носом, взятая напрокат, пока не отыщется другая. Mrs. Coster».

И наконец в 1899 году в Россию приезжает англичанка (а точнее, ирландка) Маргарет Игер. Маргарет была родом из ирландского города Лимерика. В Белфасте она обучалась на медсестру, а также работала медсестрой в приюте. А опыт воспитания, вероятно, получила в семье: у нее было девять братьев и сестер.

Маргарет Игер
Шесть лет при российском дворе[148]

Вскоре после рождения царевича я сказала императрице, что я часто думала о том, чтобы написать мемуары. Она побуждала меня к этому, говоря, что уже было напечатано так много неправды, и было бы облегчением увидеть показания свидетеля, который был бы абсолютно честен. Так появилась на свет эта книга.

Глава I. О моем путешествии

Был конец 1899 года[149], когда меня пригласили в Россию для того, чтобы ухаживать за маленькими великими княжнами, и в начале следующего года я отправилась в земли русского царя.

Предполагалось, что мы встретимся с царским посланником в Берлине, и затем мы вместе отправились бы в Санкт-Петербург. Однако на случай каких-либо затруднений мой друг, который благородно решил смягчить все тяготы путешествия, дал мне телеграмму для канцелярии императрицы, чтобы меня ожидали на границе.

Прибыв в Берлин, я встретилась с человеком из посольства, который нес огромный белый льняной мешок, обвязанный красной лентой и запечатанный несколькими печатями. К моему ужасу, меня попросили забрать эту сумку и доставить ее представителю посольства в Санкт-Петербурге, который должен был встретить меня там.

Посол отправил мне письмо, в котором говорилось, что я не должна спускать глаз с этой сумки во время поездки и что ни в коем случае нельзя дать осмотреть ее ни таможне, ни полиции.

Перед тем, как я покинула Англию, мне сказали, что императрица пошлет кого-то на границу, чтобы встретить меня, присмотреть за моим багажом и помочь во время оставшегося путешествия, так что, будучи уверенной в том, что все мои проблемы окончатся там, я приняла эту сумку. Если бы я знала, какие неприятности она может мне доставить, я бы, наверное, отказалась от нее.

Мне дали документы на сумку, и когда я прибыла на границу, я подошла к мужчине в форме, показала паспорт и спросила, не должен ли кто-то меня встретить. Никого не было, однако джентльмен отправил ко мне служителя, приказав ему помогать мне, так что я шла за ним как домашняя собачка, отказываясь

расстаться с моей бесценной сумкой.

Я отправила телеграмму в Зимний дворец и начала проходить таможенный досмотр. Ох, что за это было за мучение! Все мои вещи вытряхнули из чемоданов, и таможенники даже заглянули в мои ботинки и перчатки. Затем мне потребовалось заплатить шесть пенсов за осмотр каждого чемодана. Наконец, я услышала свое имя, названное каким-то чиновником, так что я пошла к нему и получила свой паспорт, который также забрали на проверку.

После этого меня, наконец, отпустили на время, так что я взяла свою бесценную сумку и села в поезд. Я пообедала на границе, потому что в российских поездах нет вагонов-ресторанов и путешественники испытывают определенные сложности с питанием в пути. Сумка была тяжелой, но я не смела оставить ее в поезде без присмотра. Я не могла нести ее в буфет, так что я поняла, что мне придется ехать без еды.

К счастью, какая-то леди в поезде позаботилась обо мне и принесла чашку чая и бутерброд. Здесь я могу заметить, что русские — сочувствующие и добрые люди, всегда готовые помочь незнакомому путешественнику.

Затем охранник, взглянув на мой билет, пожелал, чтобы я сменила вагон, поскольку я находилась в вагоне второго класса, а билет у меня был для первого. В купе было очень тепло, а ночь — холодна, так что разница температур была довольно ощутимой. В одиночку я продолжила путь в Санкт-Петербург, куда в итоге и прибыла вместе с драгоценной сумкой. Меня встретила леди из Зимнего дворца.

Напрасно я искала кого-то, кто мог избавить меня от сумки. Прибыв в Зимний дворец, в соответствии с приказами императрицы я пообедала и отдохнула. Впрочем, мой сон был скоро прерван стуком в дверь, и я, подумав, что это мадам Г., сказала «Входите». К моему удивлению, в комнату вошел молодой человек, сказавший: «Я пришел за этой сумкой».

Я потребовала, чтобы он вышел, пока я не встану и не оденусь. У меня были сомнения, отдавать ему эту сумку или нет, но в итоге я согласилась. Причиной, по которой он пришел в мою комнату сам, было то, что слуга во дворце сказал ему, что англичанка прибыла, неся с собой огромную сумку, которую не хотела никому отдавать, так что его единственным выходом было прийти за ней самому.

Едва он ушел, появилась мадам Г. и сообщила, что пришла проводить меня к императрице. Я думала тогда, и продолжаю думать сейчас, что это прекраснейшая женщина, которую я когда-либо видела. Она высокая, статная, с правильными чертами лица

и красивой кожей.

Александра Федоровна (1872–1918) — российская императрица, супруга Николая II (с 1894 года).

«Смысл брака в том, чтобы приносить радость. Подразумевается, что супружеская жизнь — жизнь самая счастливая, полная, чистая, богатая.

Это установление Господа о совершенстве».

(Александра Федоровна)

Она носила лиловое платье, поскольку траур по королеве Дании еще не закончился. Также это было второе февраля, Очищение Девы[150], великий праздник в России, а русские никогда не носят черное во время праздников. Императрица приняла меня в будуаре — прекрасной комнате, обтянутой лиловой и серебряной парчой. Мебель в комнате была изготовлена из русского белого дерева.

Императрица сама отвела меня в детскую, где я увидела моих будущих подопечных, красиво одетых в честь праздника в белые муслиновые платья, обтянутые брюссельским кружевом. Такого же цвета пояса и ленты на плечах завершали костюм. Маленькой великой княжне Ольге к тому моменту было немногим больше трех лет. Она была прекрасным ребенком с большими сине-серыми глазами и длинными золотыми локонами. Великой княжне Татьяне было полтора года, и она была очень похожа на свою мать.

Зимний дворец — самое большое здание в Европе. Он был заложен Петром Великим[151] и завершен Екатериной II. Он построен из красного песчаника. С одной стороны есть небольшой огороженный сад, где в хорошую погоду дети играли в снежки и другие игры. Снег на севере России плохо лепится, он слишком сухой и порошкообразный.

Теперь этот сад окружен красной каменной стеной, увенчанной красивыми коваными железными перилами, которые показывали на Парижской выставке. Я никогда не видела сад свободным от снега, но мне сказали, что летом там цветут розы и сирень.

Глава II. О Зимнем дворце

Может быть, кого-то заинтересует описание прекрасного Зимнего дворца. Я упоминала, что это самое большое здание в Европе. Также оно содержит лучшие жилые комнаты. Помимо них, во дворце больше ста пятидесяти других помещений. Имперские детские очень большие, и когда я говорю, что одна из этих комнат достаточно большая, чтобы содержать «горку», с которой катаются дети, вы будете иметь какое-то представление о ней. В интерьере этой комнаты преобладают красные тона, и здесь царских детей учат танцам, а иногда двоюродные братья и друзья тоже присоединяются к урокам. Маленькие великие княжны уже хорошо танцуют и очень грациозны.

За этой комнатой следует еще одна — желтая. Здесь стены и мебель покрыты желтой парчой, и здесь хранятся игрушки детей. Из этой комнаты можно попасть в главную гостиную, с видом на

набережную и Неву, а также на сад. Комната была очень солнечной и светлой. Простой бархатный синий ковер покрывает пол, стены закрыты ситцем, украшенным васильками. Очень сладкая и обаятельная комната. Оттуда можно пройти в две спальни, обтянутые розовым и зеленым ситцем и украшены простыми бархатными ковровыми дорожками в зеленых тонах. В одной из них висит прекрасная «Мадонна с младенцем».

Над детскими находятся комнаты императрицы. О ее будуаре я уже рассказывала. С одной стороны от него — кабинет императрицы, где она каждый день трудится многие часы на благо империи. Эта комната обставлена простой и прочной мебелью. Окна выходят в сад.

С другой стороны находится спальня императрицы. Она также затянута тканью от потолка до пола. На стенах висят иконы, и здесь находится священная лампада, которая всегда висит перед иконами. Многие из окладов украшены золотом и драгоценными камнями. На некоторых — просто нарисованное лицо и одежда, состоящая из драгоценных камней. Это прекрасные образцы работы ювелиров, но не художников.

В этой комнате императрица держит свои украшения в витринах. Многие из ее украшений уникальны. Однажды император подарил императрице ее вензель из чайных роз, сделанных из желтых алмазов. Ветка состоит из полностью распустившейся розы с четырьмя или пятью почками и листьями, все в полный размер. Рубины и изумруды очень красивы, и, конечно, ее алмазы знамениты. Великая княгиня Елизавета, сестра императрицы, владеет сапфирами, которые считаются лучшими в мире. Они великолепны как по цвету, так и по размеру.

Из этой спальни мы входим в желтую комнату. Она заполнена прекрасными произведениями искусства, и здесь расположены знаменитые пасхальные яйца, которые были представлены на Парижской выставке. Это работа самого знаменитого ювелира в Европе — Фаберже. Затем находятся две другие гостиные, окнами выходящие на набережную Невы, а затем идет столовая, где хранится драгоценный сервиз из Чехии. За столовой — Малахитовая гостиная, длиной около сорока футов. Стены закрыты красивыми панелями, разделенными малахитовыми столбами. Мебель малахитовая и позолоченная, обтянутая малиновой парчой. Паркетный пол отполирован, как зеркало. Эти помещения никогда не показывают публике.

Затем идут парадные комнаты — большие высокие залы, освещенные электричеством. Большой белый бальный зал вмещает до пяти тысяч гостей.

Стены этих залов покрыты золотыми вензелями бывших императоров, а также двуглавыми орлами из драгоценных камней.

Раньше там были также золотые тарелки, с которыми членов императорской семьи встречали хлебом-солью при въезде в город. Когда императорский поезд останавливается на станции, представители властей, возглавляемые старостой или старейшиной, подносят императору хлеб и соль. Однако вскоре после начала своего правления Николай II обнаружил, что бедные деревни и общины не могут позволить себе расходы на золотую тарелку и не могут соревноваться с более богатыми деревнями. Так что он издал указ о том, что отныне хлеб и соль должны подаваться только на деревянных или фарфоровых тарелках. Это очень характерно для его образа мыслей и заботы о подданных.

Но вернемся в Зимний дворец. В другой комнате есть восемь пар дверей из черепаховых панцирей, украшенных золотом. После всех этих огромных залов — театр. Мои маленькие подопечные сидели и смотрели в течение получаса, пока слуги меняли сцены и включали различные электрические световые эффекты для их развлечения. Это они называли «ходить в театр». За театром расположены комнаты для министров, офицеров и их семей. Возвращаясь из театра, но по другой стороне дворца, мы попадаем в Эрмитаж со всеми его произведениями искусства. В картинной галерее представлена лучшая коллекция работ Рембрандта. На одной из них изображено посещение Авраама Троицей[152]. Однажды я смотрела на нее, пытаясь понять, что это значит, когда маленькая великая княжна Ольга подбежала и, прикоснувшись к моей руке, спросила, на что я смотрю. Я сказала ей; она серьезно посмотрела на картину и вдруг рассмеялась, воскликнув: «О, какая смешная картина — человек держит в руке баранью ногу и обрезает ее ножом, и птица сидит на столе». «Птица», разумеется, была одним из ангелов. Он показан спиной, и видно в основном только его сине-белые крылья. Было очень много красивых картин, но я всегда считала, что их плохо развесили. Они размещены в соответствии со школами: голландской школой и т. д., но все картины вместе. Таким образом, человек видит священные сюжеты вперемешку со многими другими изображениями.

Также там была большая коллекция картин Рубенса, но я не могу сказать, что восхищаюсь ими.

В музее много предметов, принадлежавших Петру Великому. Его токарный станок, большая часть его резцов, прессов, сундуков и т. д., а также лошадь, на которой он ездил в компании своих собак. Был также длинный посох, показывающий его рост. Он,

видимо, был около шести футов шести дюймов ростом. Поэтому он во многих отношениях заслужил титул «великого», но в то же время он был очень жесток. Существует кубок, который сделан так, чтобы выглядеть меньше, чем он есть на самом деле. Когда Петр желал «убрать» кого-то, он посылал за ним, льстил ему добрыми словами, а затем, наполнив бокал крепким вином, предлагал жертве выпить его за его здоровье. Когда человек выпивал содержимое кубка, он падал мертвым на пол.

В музее также есть великолепная коллекция драгоценных табакерок, подаренных бывшим императорам монархами, послами и другими великими людьми, драгоценные часы, мечи, ремни, мундиры и прочее. Есть также очень необычные портреты в виде мозаики, механические животные и птицы из серебра и золота. Маленькие дети любили ходить по этому музею. Когда великая княжна Ольга была совсем маленькой девочкой, она жалела, что не может там жить.

Кое-где среди парадных комнат есть зимние сады.

В одном из них есть вольер с сотнями канареек, которым умеют садиться на ладони. Есть также фонтаны с золотыми рыбками. Екатерина II любила музыкальные сюрпризы в различных формах, так что там есть письменные столы, которые, будучи открытыми, играют различную музыку. Это очень нравилось моим маленьким подопечным.

Глава III. О Санкт-Петербурге

Санкт-Петербург одновременно интересен и красив. По существу, новый — прошло всего двести лет с тех пор, как он был заложен, — он каким-то образом создает впечатление древности, и это учитывая тот факт, что улицы широки и красивы, здесь есть большие просторы, городские сады, бульвары. О средневековых городах напоминают только вывески: на каждом магазине висит изображение того, что можно купить внутри. Таким образом, военный портной вешает картинки с обмундированием, садовод — каких-либо растений и так далее. Овощи, кстати, в Санкт-Петербурге очень дорогое удовольствие зимой, когда капуста выращивается в теплицах. Крестьяне, однако, используют соленую капусту для своего любимого супа.

Русские говорят, что вывески предназначены для иностранцев, которые не знают языка. Это может быть правдой — в таком случае Санкт-Петербург во многом обязан своей живописностью иностранцам. И не только живописностью — большая часть торговли здесь находится в руках иностранцев. Кажется, что самих россиян мало заботит бизнес. Я иногда

думаю, что Санкт-Петербург также приобретает часть своей красоты из-за климата и своеобразных: костюмов. Воздух здесь очень чистый, и большую часть зимы преобладают ясные синие небеса, а также много солнечного света. Это холодный свет, но в любом случае лучше, чем вечные туманы Лондона.

Русский кучер носит большой шерстяной плащ, дотягивающийся до ног, подпоясанный ярким галуном, а также плоскую шапочку синего, желтого или красного цвета в зависимости от ранга. Сани сами по себе живописны. Обычно их тянет пара или тройка лошадей. Сани покрыты пологом красного или синего цвета, чтобы снег из-под копыт не летел в лицо пассажира.

Затем идут русские священники с их султанами, шляпами и длинными распущенными волосами, хотя и не всегда чистыми, но живописными. Так же живописны и крестьянки, одетые в национальные костюмы, ярко-красные, синие, розоватые, лиловые или желтые сарафаны, которые украшены серебряной или золотой тесьмой, и носящие «кокошник» — головной убор в форме полумесяца.

Однако Санкт-Петербург — самый антисанитарный город в Европе. Дренаж периодически ломается, а условия жизни нездоровые. Князь будет жить в особняке на первом этаже, а остальная часть дома не будет посещаться. В подвале живут бедные семьи. Иногда в одной комнате обитают до двадцати человек. Если среди них вспыхнет какая-то эпидемия, они скажут: «На все воля Божья». Оспа распространяется, так же как и брюшной тиф. Вода Невы абсолютно ядовита, и все же из Невы Санкт-Петербург получает большую часть водоснабжения. Выгодным предприятием является продажа питьевой воды с холмов Дудергофа или из Царского Села, расположенных где-то в двадцати милях от столицы, и там есть хорошая родниковая вода. Похоже, Петр Великий выбрал место для города, не заботясь о здоровье жителей.

Глава IV. О Царском Селе

Через несколько недель после моего прибытия в Россию мы отправились в Царское Село. Это довольно маленький городок, окруженный великими лесами, он имеет население в несколько тысяч душ. Леса по большей части вечнозеленые, хотя есть также и серебряная береза, и дуб, и ясень. В этом небольшом поселении есть два дворца: Великий, или Екатерининский, дворец, и Маленький, или Александровский, дворец, который Екатерина построила для своего внука, Александра I. Мы жили в последнем.

Это белое здание в греческом стиле с зеленой крышей. Он расположен в красивом парке и стоит недалеко от дороги. Состоит дворец из двух крыльев и основного корпуса. В одном крыле живут император, императрица и их дети вместе с прислугой. Когда я впервые приехала в Россию, детская была маленькой, хотя и красивой, но теперь детские в Царском Селе очень хорошие, состоящие примерно из одиннадцати комнат. В ванной находится стационарная ванна, используемая для больших детей. Также есть маленькая серебряная ванна, для любых детей. Имя каждого ребенка выгравировано на ней, поэтому она является историческим документом. По-видимому, куплена она была для Николая I. Также мы видим имена Александра II и Марии, впоследствии герцогини Эдинбургской. Последним добавили имя Алексея, родившегося в августе 1904 года.

Стены всех новых комнат окрашены выполненными масляными красками красивыми фризами тех же цветов, что ситцы на стенах, с узорами из золотых бабочек и птиц. В ванной нарисованы морские чайки. В конце этого комплекса находится игровая комната. В ней есть восемь окон с видом на парк. Все желтое и зеленое, как куча нарциссов, а на стенах нарисованы павлины, расхаживающие среди этой зелени. Ковер — бледно-зеленый, без узоров. Над каждым окном находится панель, на них — изображения животных или птиц. В комнатах два камина, но поскольку там есть отопление, огонь в них никогда не разжигают.

Екатерина II, должно быть, любила сирень, потому что парки Царского Села заполнены ею. Существует до восьми различных сортов сирени, а в летние вечера ароматы просто восхитительны. Мне сказали, что она посылала во все страны и покупала некоторые виды за невероятные деньги. Тем не менее эти цветы стоили всех неприятностей, связанных с их покупкой. В некоторых местах кусты выглядят как большие буквы «О» — полные, округлые, и есть несколько улиц, которые с обеих сторон украшены такими «шариками».

Царское Село в конце XIX века

Парк занимает пространство четырнадцати миль в диаметре. У Екатерины были очень хорошие идеи насчет того, как его можно украсить, и о том, как построить дворец. Есть в нем большие залы и комнаты, облицованные мрамором. Там очень много бледно-голубого мрамора, который встречается очень редко, а также розового и желтого мрамора. Человек, который «мечтает о жизни в мраморных залах», может найти свою мечту именно здесь.

В большом дворце находится знаменитая Янтарная комната. Все стены инкрустированы мозаикой янтаря разных оттенков. Из него же сделаны стулья, столы, украшения. Эта комната была изготовлена для одной из бывших императриц России по приказу ее отца[153].

Президент Лубе[154] имеет собственную комнату в этом дворце. Там много прекрасных картин. В этом дворце также есть большой банкетный зал с двадцатью восемью окнами и церковь, в которой молится императорская семья.

Между парками находятся Маленький Каприз и Большой Каприз. История гласит, что однажды Екатерина II, гуляя с любимым и доверенным министром в парке, пожаловалась на плоскую местность, сказав, что ей будет приятно выйти следующим утром и найти холм там, где она стояла. Желание государыни — закон, и поэтому министр немедленно приказал начать работы. Население этого поселка было привлечено, они трудились всю ночь, насыпь из земли и камня воздвиглась на

дороге, и холм действительно появился к утру. Позже он был засажен деревьями и кустами.

Екатерина II была самодержицей. Она возражала, когда члены ее окружения заключали браки без ее разрешения. Однажды мужчина и женщина из ее придворных решили пожениться. Долгое время Екатерина была против этого брака, но наконец дала разрешение и велела сыграть свадьбу как можно быстрее, на что все с радостью согласились. Церемония состоялась, после чего она отвела молодоженов вниз к замерзшей Неве, где по ее приказу был построен ледяной дом. В этой страшной темнице она и заключила новобрачных. Месяцы спустя, когда Нева оттаяла, их мертвые тела были найдены и погребены[155].

Большой Каприз увенчан китайской пагодой, а в парке находятся китайские мосты, модель китайской деревни и театр в китайском стиле. Даже царство Екатерины на Дальнем Востоке, казалось, было аттракционом для русского ума. Прошло больше ста лет с тех пор, как она умерла, и стоимость производства и доставки всех этих вещей из Китая должна была быть огромной. В Гатчине, доме вдовствующей императрицы на холмах Дудергофа, есть китайская галерея, все содержимое которой было собрано Павлом I, самым несчастным сыном Екатерины.

Павел был интересным персонажем. Некоторые из его законов вступили в силу только в последние десять лет и считаются хорошими и мудрыми. Он постановил, что только дети и внуки императоров должны иметь титул великого князя и иметь пособие от страны. Все остальные принцы и принцессы не должны получать денег от государства, но зато они свободны во вступлении в брак среди дворянства. С другой стороны, он имел настолько завышенное мнение о себе, что приказал, что когда его экипаж проходит мимо других карет, те должны останавливаться, а люди должны встать на колени на дороге независимо от возраста, пола или немощи.

Костюшко, польский мятежник, жил при его царствовании. Он был арестован, брошен в тюрьму, а затем Павел освободил его, взяв с него слово никогда не поднимать оружие против императора. Костюшко сдержал слово и отказался присоединиться к любому заговору, направленному на освобождение его страны[156].

Человек такого необычного характера, как Павел, едва ли мог быть исключительно хорош в домашнем кругу. Он дважды женился и имел большую семью. Двое его сыновей, Александр и Константин, решили свергнуть своего отца. С этой целью сыновья вошли во дворец ночью, каждый во главе своего полка военных.

Они расположились по обе стороны от спальни Павла и отправили делегацию, чтобы попытаться одолеть его и отстранить от власти в пользу старшего сына Александра. Вероятно, Павел был не совсем согласен с этим предложением, так что делегация решила, что подушка станет куда более удобным аргументом, чем слова, и задушила правителя. Когда они вышли из комнаты, был отдан приказ, чтобы Александр был немедленно провозглашен императором[157].

У Александра I не было детей. Его конец неясен — он внезапно скончался во время поездки. По неизвестной причине его тело не было найдено, и крестьяне по всей России считали, что он не умер, но отправился в паломничество в Сибирь, что его жизнь чудесным образом удлинилась, и во времена, когда Россия будет нуждаться в нем, он придет и победит своих врагов так же, как победил и Наполеона Бонапарта[158]. Есть теория, что он покончил жизнь самоубийством, и тело было слишком изуродовано, чтобы опознать императора.

Александра сменил младший брат Николай, против которого Англия сражалась в Крымской войне. По идее, на трон после Александра претендовал Константин, но он влюбился и женился на польской графине, поэтому отказался от своих претензий на трон.

Петр Великий и все его преемники, за одним исключением, находятся в Крепостной церкви Святого Петра и Павла в Санкт-Петербурге[159]. Эта церковь сохраняется в самом красивом порядке. Свежие цветы всегда там, и священные лампы продолжают гореть на гробницах. Сама церковь очень красива и содержит много работ Петра Великого, и, видя эти работы, мы невольно задаем вопрос: «Как он находил время для ремесла?».

Глава V. О пасхе

В этот год весна наступила необычно рано, и, когда мы вернулись в Санкт-Петербург на Пасху, река уже была открыта для навигации, так что мы не увидели церемонию[160].

Пасха — великий праздник в Святой России. Длительный суровый пост в семь недель закончился. Многие люди в России не питаются мясом, маслом, яйцами и молоком на всем протяжении Великого поста. Однако во дворце мы соблюдали его только три недели — первую, четвертую и последнюю. Многие из свиты также постились каждую среду и пятницу. Неделя до начала Великого поста называется «Масляная неделя».

Русские блинчики подаются два раза в день. Русские начинают обед или ужин с блинов, их едят с икрой и сметаной.

Во время шестой недели проходит великая ярмарка под названием Верба. Это слово означает «ива», и ярмарка называется так потому, что продаются большие пучки ивы, покрытые сережками. Эти палочки приносятся в церкви в Вербное воскресенье и благословляются священниками; затем их относят обратно домой и помещают в банки с водой так, чтобы их было видно в окна. Вскоре они пускают корни. Они остаются в домах до конца праздника, когда их отправляют в сельскую местность и сажают там.

На Вербе можно найти много хорошеньких и любопытных вещей — русские кружева и рукоделие можно взять по очень умеренным ценам. Есть также причудливые русские игрушки и всевозможные деревянные изделия. Они также продают маленькие фигурки в бутылках. Эти штучки забавно прыгают вверх и вниз, когда кто-то нажимает на кусок кожи в верхней части бутылки. Их называют «американскими чертиками», но в прошлом году имя было изменено на «японских чертиков». Есть также тысячи раскрашенных яиц, которые являются вечным атрибутом русской Пасхи. Мы красили пару сотен каждую Великую Пятницу. Это было очень приятной для детей, но довольно грязной работой. Однако Пасха, как и Рождество, приходит только один раз в год.

В четверг Великой Недели дети отправились на Святое Причастие. Это ежегодное Причастие всегда является великим праздником в России, потому что русская церковь проводит Таинство только один раз в год. Готовясь к этому, кандидат постится в течение недели и ходит в церковь утром и вечером в течение семи дней. Затем он исповедует свои грехи священнику, получает отпущение грехов и просит прощения у всех, кто мог затаить обиду на него в прошлом году. Утром торжественного дня он надевает специальный костюм; замужние женщины обычно сохраняют свое свадебное платье для этих случаев. Они также носят платки, в то время как незамужние женщины идут на Таинство с непокрытой головой.

По возвращении из церкви все друзья выходят вперед, поздравляют человека и дарят ему цветы и конфеты, а остальная часть дня отмечается как праздник. Обряд Причастия проводится сразу после крещения, а дети в возрасте до семи лет могут получать Причастие каждый месяц. После семи лет, прежде чем принять Причастие, необходимо исповедоваться и в течение недели посещать церковь.

Маленькая великая княжна Ольга совершила свое первое покаяние в Москве во время Великого поста 1903 года, и она получила подарок от детей Москвы икону Девы Марии,

украшенную жемчугом.

Полуночная Месса проводится в ночь между Пасхальной субботой и воскресеньем. Она длится около трех часов, начиная с одиннадцати ночи. В церковь помещается гроб, содержащий фигуру, изображающую мертвое тело нашего Господа. В Свято-Исаакиевском кафедральном соборе находится серебряный гроб, весящий несколько тонн, его охраняют казаки. Он движется на колесах. Каждый человек, приходя в церковь, целует расписанные руки и ноги, преклоняет колени и молится несколько секунд. Месса начинается. Церковь тускло освещена. В полночь священник запевает: «Христос воскрес», и хор отвечает: «Воистину воскрес». Каждый целует своего соседа, и через мгновение настроение меняется от печали и траура к радости и счастью. Мертвого Христа выносят из церкви. Все люстры снабжены специальными шнурами. Этот шнур поджигают, и через мгновение зажигаются все свечи. Горящие свечи вкладывают в руки людей, поется молебен, после чего все возвращаются домой и едят праздничный ужин.

Вся еда должна быть куплена в Пасхальную субботу, так как ничто из того, что было в доме во время Великого поста, не может быть съедено. Священник посещает дома зажиточных прихожан и благословляет еду, получая плату за это. Затем он выходит на рынки и благословляет все, что там продается.

Ужин обычно состоит из холодной жареной телятины, ветчины, цыплят, яиц вкрутую, различных видов пирогов, вина и «кваса», который является своего рода сидром. Русские говорят, что благословенная пища не может нанести никакого вреда, так что, возможно, именно их вера удерживает людей от проблем с желудком. Конечно, я видела, как люди с плохим пищеварением съедали этот ужин и не испытывали никаких неудобств. Кажется, что ум имеет большое влияние на тело, и еда съедается с большой радостью и не вредит. В мастерских хозяин готовит ужин и предлагает его своим работникам.

Греческая церковь распорядилась, чтобы в пасхальное воскресенье не было никакой службы. Однако церковные колокола звонят весь день. Многие русские люди отправляются на службу пасхального воскресенья в англиканскую и лютеранскую церкви.

На пасхальной неделе русские никогда не ходят без яйца в кармане. При встрече с знакомым он говорит: «Христос воскресе», тот отвечает «Воистину воскресе!» — потом они трижды целуют друг друга и обмениваются яйцами. Все магазины закрыты на эту неделю, открываются только на несколько часов утром, и у каждого — выходной. В пасхальный понедельник в Зимнем

дворце проходит церемония приветствия войск. В одном из больших залов составлены солдаты, насчитывающие около пяти тысяч человек. Император выходит, пожимает руки и говорит: «Христос воскресе», солдат отвечает; император целует его три раза, и тогда человек подходит к императрице, целует ее руку, предоставляет пасхальное яйцо и получает от нее расписное фарфоровое. Затем он выходит из комнаты, а другой занимает его место. Таким образом, это продолжается, пока все солдаты лично не поприветствуют императора и императрицу. Это очень утомительно[161]. В пасхальное воскресенье император целует всех своих придворных, и императрица целует всех женщин.

Однажды во время Пасхи мы ехали по Невскому проспекту, и маленькая великая княжна Ольга вела себя плохо. Я говорила с ней, пытаясь заставить ее сидеть тихо, а потом она неожиданно подчинилась, сложив руки перед собой. Через несколько секунд она сказала мне: «Ты видела этого полицейского?». Я сказал ей, что нет ничего необычного и что полиция не тронет ее. Она ответила: «Но он что-то писал, я боялась, что он мог написать: «Я видел Ольгу, и она была очень озорной»». Я объяснила, что это очень маловероятно, но она укоризненно напомнила мне, что однажды, ранее, она видела пьяную женщину, которую арестовывали на улице, и хотела, чтобы я сказала полиции, чтобы ей не навредили. Я отказалась вмешиваться, сказав, что женщина была непослушна, а полиция совершенно правильно задержала ее. Сейчас я объяснила, что нужно было быть большим и очень озорным, чтобы полиция посадила тебя в тюрьму. Вернувшись домой, Ольга спросила, приходил ли полицейский, когда она была в отъезде. Когда она пошла к своим родителям в тот же день, она поведала всю историю своему отцу, сообщив ему, что я сказала, что вполне возможно жить, не побывав в тюрьме. Она спросила отца, был ли он когда-либо заключенным, Император ответил, что он никогда не был достаточно озорным, чтобы попасть в тюрьму. Тогда она заметила: «О! Каким хорошим ты должен был быть тогда».

Мы пробыли около двух дней в Санкт-Петербурге, а затем вернулись в Царское Село. Весна приходит так быстро в Россию, что по возвращении вся местность была зеленой и прекрасной, птицы пели, и все вокруг великолепно отражало красоту весеннего времени.

Дореволюционная пасхальная открытка

Жена Александра II любила первоцветы. Она привезла несколько из Германии и посадила их в парке Царского Села. Они очень хорошо себя чувствуют и теперь растут в Петергофе, который находится примерно в тридцати милях по другую сторону от Санкт-Петербурга. Французы называют их «цветком кукушки», и французы, и швейцарцы любят этот симпатичный, ароматный желтый цветок. Швейцарец однажды сказал мне, что считает его самым поэтическим цветком. В России нет собственных первоцветов. Климат слишком сух для них. Были предприняты попытки культивировать их, но безуспешно.

Мы останавливались в Царском Селе до начала мая, когда мы отправились в Петергоф, летнюю резиденцию у Финского залива. Здесь много императорских резиденций и большой дворец, используемый для государственных мероприятий. Парк одной из своих сторон выходит на Балтику. На горизонте находится Кронштадт, окруженный его фортами. Кронштадт является второй по мощи крепостью в мире и до недавнего времени считался неприступным в течение полугода из-за льда, однако появившиеся ледоколы это изменили. Самое укрепленное место в мире — это, конечно же, Гибралтар.

Маленькие великие княжны регулярно посещали церковь с того времени, когда они были младенцами. Именно в этом году великая княжна Ольга начала замечать, что там говорят. Однажды она вернулась домой и сказала мне: «Священник молился о маме и папе, и о нас с Татьяной, о солдатах и матросах, бедных больных людях, яблоках и грушах, и мадам Г.»

Я удивилась в ответ на последнюю часть, и она пояснила: «Но я слышала, как они говорили «Мария Федоровна»». Я сказала, что думаю, что подразумевалась ее бабушка. Она возразила: «Нет, Амама зовется Амама или Ее Величество, но не Мария Федоровна». Я добавила: «А также Мария Федоровна», но она продолжала настаивать: «Никто не имеет более двух имен, и я совершенно уверена, что мадам Г. будет очень рада, если она узнает, что священники молились за нее в церкви».

В Петергофе в самую июньскую жару родилась маленькая великая княжна Мария. Роды были легкими, и я часто думаю, что на ней было меньше всего отпечатка первородного греха. Великий князь Владимир[162] назвал ее «добродушным ребенком», потому что она всегда была такой хорошей, улыбающейся и веселой. Она очень красивая и симпатичная, с большими, темно-голубыми глазами и темными бровями семьи Романовых. В последнее время, говоря о ребенке, джентльмен говорил, что у нее лицо одного из ангелов Боттичелли. Но, как оказалось в будущем, девочка была хороша не только внешне, но и душевно. Когда она была очень маленьким ребенком, однажды они со своей сестрой сидели в будуаре императрицы, где император и императрица пили чай. У императрицы были крошечные вафли с ароматом ванили, которые дети особенно любили, но им не разрешали ничего просить с чайного стола. Императрица послала за мной, и когда я спустилась, маленькая Мария стояла посреди комнаты, ее глаза утонули в слезах, и что-то поспешно сглатывала. «Вот, я съела все это, — сказала она, — ты не можешь теперь отобрать их у меня». Я была потрясена и предложила отправить ее в постель сразу после подходящего наказания. Императрица сказала: «Очень хорошо, возьми ее», но вмешался император и умолял, чтобы ей разрешили остаться, сказав: «Я всегда боялся, что у нее отрастут крылья, и я рад видеть, что она всего лишь человеческий ребенок». Ее постоянно ставили в пример старшим сестрам. Они заявили, что она им не более чем сводная сестра. Тщетно я указывала, что во всех сказках именно старшие сестры были сводными, а младшая была родной дочерью своего отца. Они не слушали и не давали ей играть с ними. Я сказала им, что они не могут ожидать, что она будет терпеть такое обращение, и что когда-нибудь они будут наказаны. Однажды они сделали дом из стульев на одном конце детской и выставили из него бедную Марию, сказав ей, что она может быть лакеем, но что она должна оставаться снаружи. Я сделала еще один дом на другом конце детской для Марии, но она все смотрела на своих сестер. Неожиданно она бросилась через комнату, ворвалась в дом, дала каждой сестре пощечину и убежала в другую комнату. Вернулась

она, одетая в плащ и шляпу куклы, а в руках у нее было полно маленьких игрушек. «Я не буду лакеем, я буду доброй тетушкой, которая приносит подарки», — сказала она. Затем она раздала свои подарки, поцеловала своих «племянниц» и села внутри. Старшие девочки пристыжено переглядывались, а затем Татьяна сказала: «Мы были слишком жестоки к бедной маленькой Марии, и она действительно не могла не ударить нас». Они выучили этот урок — с того момента они уважали ее права в семье.

С самого раннего возраста ее любовь к отцу была всем заметна. Когда она едва могла ходить, она всегда пыталась убежать из детских, чтобы найти папу, и всякий раз, когда она видела его в саду или в парке, она звала его. Если он слышал или видел ее, он всегда ждал ее и немного катал ее на плечах.

Когда он заболел в Крыму, ее горе от того, что она не могла увидеть его, было чрезмерным. Я должна была держать дверь в детской запертой, иначе она убежала бы в коридор и потревожила бы отца. Каждый вечер после чая она сидела на полу своей комнаты, внимательно слушая любые звуки. Если она слышала голос отца, она обязательно протягивала свои маленькие руки и начала звать: «Папа, папа», и ее восторг, когда ей разрешили увидеть его, был невероятен. Когда императрица пришла, чтобы увидеть детей в первый вечер после того, как ее мужу поставили диагноз «брюшной тиф»[163], она надела миниатюру императора в виде броши. Императрица плакала, а маленькая Мари заметила украшение. Она залезла на колено императрицы и расцеловала нарисованное лицо, и ни разу она не легла спать, не целуя эту миниатюру.

Глава VI. О Петергофе

Петергоф чрезвычайно красив, но его красота — это главным образом работа человека. Есть хорошо устроенные парки, сады и знаменитые фонтаны, которые равны, если, как утверждают россияне, не превосходят по красоте Версальские. Балтийское море бессточно, и оно слишком замкнуто, чтобы быть чем-то большим, чем огромное озеро; Само место подходит для отдыха, хоть и не настолько, как приморский курорт.

Петергоф интересен и с исторической точки зрения. Петр Великий любил это место и построил здесь две резиденции. Его пожелания были очень скромными, а дома, которые ему нравились, — небольшими и простыми. Один из этих маленьких коттеджей в Петергофе построен в голландском стиле. Стены облицованы синим и белым. На кухне есть комод с голубым и белым фарфором, а также много латунных кухонных

принадлежностей. Там хранится много образцов резьбы и прочих работ самого Петра. Перед дверью находится рыбный пруд, в котором водятся карпы. Эти рыбы настолько приручены, что при звуке колокола они приплывают, чтобы их накормили[164].

Недавно одна из комнат в этом доме была сожжена. Двое джентльменов были там, один из них закурил сигарету и выбросил все еще горящий окурок. Древесина дома, естественно, очень старая и тщательно пропитана скипидаром и, конечно же, легко воспламеняется. Большой ущерб был нанесен до того, как огонь был потушен.

Второй дом Петра Великого называется «Эрмитаж». Вокруг него находится ров, а ко входу ведет разводной мост[165].

Ему не нравились слуги, ожидающие в комнате во время еды[166], поэтому он придумал большой круглый стол с гениальным расположением шкивов, с помощью которого каждую тарелку и блюдо можно заменить с нижнего этажа, не заходя в комнату. За столом может быть около двадцати человек, и каждое место снабжено колоколом, в который гость должен позвонить, когда он хочет сменить блюдо. Единственная проблема в том, что нельзя пользоваться скатертью, но, надо полагать, этот вопрос мало интересовал Петра Великого — в конце концов, он был тем еще варваром.

В большом парке находится «Монплезир»[167], летняя резиденция Екатерины Великой. В ее дни парк был лесом, и здесь она выслеживала оленей. Однажды бедный олень укрылся в доме и сорвал своим рогом кусок золоченого литья со стены. Это место все еще показывают посетителям. Перед домом есть прекрасный сад с несколькими фонтанами. Сторож вежливо просит гостей сесть на определенную скамейку. Если вы будете так неосторожны, чтобы сделать это, вы оказываетесь буквально под ливнем. Злой человек коснулся переключателя и включил фонтан, который расположен вокруг скамейки, и там вы должны оставаться, пока он не выключит его снова. Именно в Петергофе Екатерина ожидала известий об убийстве своего мужа. Некоторое время она была отделена от него. Он был слабым, распутным молодым человеком, и страна была на пороге революции. Екатерина заказала его убийство. Возможность была найдена в пьяной драке, и его заколол один из его друзей, который немедленно отправился в Петергоф, куда он прибыл рано утром. Екатерина взяла лошадь и поехала в Санкт-Петербург, объявила о смерти императора и о том, что с этого момента она будет править. Она завоевала доверие солдат, подавила восстания и правила сильной рукой[168].

Примерно в четырех или пяти милях от Петергофа находится

Собственная дача[169], небольшой дом в стиле рококо, построенный и оформленный в стиле Первой империи. Только мебель обеспечила бы очень значительную прибыль, будь она продана в Лондоне. Есть много очень ценных картин и действительно прекрасный фарфор, в том числе некоторые большие вазы из старого дрезденского фарфора. Дом окружен лесистыми и прекрасно сохранившимися парками и садами, среди которых есть красивый розарий. Он был построен по приказу Николая I, там давался бал в честь двадцать второго дня рождения его сына. Они танцевали на широком деревянном мосту, который находится на дороге.

Дети всегда с удовольствием ездили туда, проводили там день и пили чай, особенно во время сенокоса, когда они могли кататься в сене и бегать по зеленым склонам. Еще одной радостью было посетить ферму, увидеть, как доят коров, покормить птиц, собирать яйца и яблоки. Два года назад жена фермера, очень любезная женщина, принесла четырех котят, мать которых была убита. Когда маленькие великие княжны приходили утром, котят всегда раздавали им вместе с бутылками молока, и все оставшееся время на ферме они носили их в корзинках, периодически подкармливая.

Когда великая княжна Мария была ребенком, мы поехали на день в Ропшу[170]. В то время были маневры, наблюдать за которыми отправились император и императрица[171], так что однажды мы на экипаже с четырьмя лошадьми отправились в путь и через два часа быстрой езды добрались до Ропши. Дворец большой, но редко бывает занят, вокруг есть красивый сад. Затем мы провели несколько дней в Красном Селе, где также проходили маневры. «Красное Село» означает «красивая деревня» — неправильное название, и едва ли оно когда-либо было правильным. Это жалкое скопление грязных деревянных хижин, каждая из которых стоит немного в стороне от дороги и с бассейном стоячей воды, расположенным перед ней. На огороде не видно даже капусты. Есть, однако, довольно красивый парк с множеством рябиновых деревьев, и здесь мы каждое утро гуляли.

Когда Марии было две недели, она была крещена в церкви в Большом дворце в Петергофе. Церемония длилась не меньше двух часов. Императрица распорядилась, чтобы меня пропустили в церковь через какую-то отдельную дверь, и потом я должна была выйти тем же путем. В назначенный день, одетая в белое шелковое платье, я заняла свое место в карете и приехала в церковь. Казак, который был на страже, не позволял нам проехать. Я не говорила по-русски и подумала, что, возможно, он позволит мне пройти пешком. Поэтому я вышла из кареты. Но

нет! Он выставил штык и загородил путь. Так я и стояла в своем белом платье на дороге, и собравшаяся толпа смотрела на меня. Я не знала, как попасть туда, но наконец увидела офицера, которого уже встречала во дворце. Я направилась к нему, заговорила по-французски и рассказала ему о своей проблеме. Офицер был очень добрым и провел меня через охранников и в церковь, где собрались священники. Они расчесывали свои длинные волосы. Один из них подошел ко мне и на смеси разных языков спросил меня, насколько теплой должна быть вода. Я ответила ему по-французски и по-английски, но он, похоже, не понял. Тогда я показала ему на пальцах количество градусов, и священники подготовили купель для ребенка. Вскоре в церковь вошли все приглашенные гости — послы и их жены, все в национальных костюмах. Маленькая китайская леди выглядела очень милой. На ней было великолепное синее кимоно, и на голове была маленькая круглая синяя шапочка, красный цветок за одним ухом и белый — за другим. Римско-католическая церковь была представлена кардиналом с его красной шляпой и сутаной, а также присутствовал глава лютеранской церкви России в черном таларе[172]. Поляки представляли в основном римско-католическую, а также лютеранскую или реформатскую церковь. Были также люди из свиты различных дворов. Вдовствующая и молодая императрицы имеют пятьсот дам, принадлежащих к их двору, — «Demoiselles d'honneur», как их называют. Эти дамы одеваются одинаково для таких событий, в алые бархатные платья, вышитые золотом, с юбками из белого атласа, в то время как старшие дамы, «Les dames de la cour», носят темно-зеленый цвет, вышитый золотом.

Мария Николаевна (1899–1918) — Великая княжна, третья дочь императора Николая II и императрицы Александры Федоровны.

«Она умела и любила поговорить с каждым, в особенности с простым человеком. Во время прогулок в парке вечно она, бывало, заводила разговоры с солдатами охраны, расспрашивала их и прекрасно помнила, у кого как звать жену, сколько ребятишек, сколько земли и т. п.

У нее находилось всегда много общих тем для бесед с ними».

(Михаил Дитерихс)

Когда все собрались, маленькую героиню отнесла в церковь принцесса Голицына, старшая леди Двора[173]. Она несла подушку из золотой парчи, на которой покоилась маленькая Мария Николаевна во всем великолепии своих белоснежных кружевных пеленок, вышитых розовым шелком. Император, вдовствующая императрица, другие родители и все великие князья и герцогини, а также иностранные гости, следовали за ними. Согласно закону русской церкви, родителям не разрешается оставаться в церкви во время крещения, поэтому император, получив поздравления, покинул храм, возвратился впоследствии и принес орден Святой Анны для своей маленькой дочери. Затем ребенка раздели до рубашки, которая была такой же, какую император носил при крещении. К сожалению, она была в тот же день украдена из церкви. Затем Марию окунули три раза в купель, ее волосы были надрезаны в четырех местах, в виде креста. Пряди, что были отрезаны, залили воском и бросили в купель. Согласно российскому суеверию, хорошее или плохое будущее ребенка зависит от того, утонут волосы или будут плавать. Волосы маленькой Марии, как обычно, сразу утонули, поэтому ее будущее не вызывало беспокойства. Затем ребенка отнесли за ширму, где она была одета в совершенно новую одежду, расшитую серебром, и служба продолжалась. Ее снова принесли в церковь. Ее лба, глаз, ушей, рук и ног коснулись кистью, смоченной в масле. Вдовствующая императрица три раза обнесла ее вокруг церкви, поддерживаемая с каждой стороны крестными отцами[174]. Две служанки держали подол императрицы. Император, который снова вошел в церковь после церемонии крещения, вышел вперед и возложил на нее орден с бриллиантами, после чего процессия ушла в том же порядке, что и вошла в церковь. Ребенок был привезен в церковь в позолоченной карете, запряженной шестью белоснежными лошадьми, каждая лошадь велась конюхом в белой и алой ливрее с напудренным париком, и ее сопровождали казаки.

Когда я хотела вернуться тем же путем, что и пришла, солдаты не позволили мне пройти, поэтому я была вынуждена вернуться в церковь. Я не могла оставаться там, поэтому я пошла в сторону, куда отправилась процессия, через дворцовые комнаты, и мне повезло найти кого-то из дворца. Я объяснила свою проблему и осталась в распоряжении пожилой респектабельной женщины, в которой я впоследствии узнала одну из придворных дам. Мой проводник сказал, что он вызовет карету. Экипаж, однако, не прибыл, а о том, чтобы вернуться пешком, не могло быть и речи, с одной стороны, расстояние было слишком велико,

но с другой, я знала русский достаточно, чтобы спросить полицейского. Примерно в половине третьего женщина ушла, чтобы найти кого-то, кто мог бы помочь мне; Она скоро вернулась с человеком, который сказал: «Я не говорю по-английски, я говорю по-немецки». Я объяснила, что не говорю ни по-немецки, ни по-русски. Однако вопрос о языке не беспокоил моего доброго самаритянина. Он вызвал извозчика, посадил меня в карету и отправил домой, как он думал. Сначала меня отвезли во дворец вдовствующей императрицы по ошибке, и когда я наконец вернулась домой, я отсутствовала семь часов и теперь чувствовала себя довольно уставшей и голодной.

На следующее утро до Петергофа дошло известие о смерти царевича, Георгия Александровича[175]. Этот бедный молодой человек страдал от туберкулеза в течение многих лет. Некоторое время он жил в Египте и пробовал многие другие климаты, но только в Аббасе Тумане, на Кавказе, он мог нормально дышать. Его жизнь была одинокой и грустной. Его мать и сестры, великие княжны Ольга и Ксения, с детьми последней, посещали его каждый год, приезжая после Пасхи и оставаясь до тех пор, пока погода не становилось слишком жаркой для них. Климат здесь жаркий, и путешествие длительное и трудное, особенно для детей. В том году из-за рождения маленькой Марии путешествие было отложено на более позднее время, чем обычно, и бедный молодой великий князь с нетерпением ждал их прибытия. В письме, написанном незадолго до его смерти, он сказал, что жаждет услышать звуки женского голоса, прикоснуться женской руке и умоляет его мать прийти как можно скорее после крещения. Он был сильно разочарован тем, что Мария не была мальчиком, поскольку чувствовал, что бремя его наследства почти невыносимо.

По ошибке император назвал его царевичем вместо наследника. В России этот титул никогда не может быть отозван, за исключением случаев, когда его носителем становится император. После его смерти император назвал своего младшего брата Михаила наследником[176]. Он носил этот титул с большим достоинством и честью, но он был очень рад освобождению от него, когда 12 августа 1904 года родился крошечный наследник, великий князь Алексей.

Утром после крещения царевич встал раньше, чем обычно. Он чувствовал себя лучше, и, несмотря на то, что его камердинер сказал ему остаться, катался на своем велосипеде. Он спустился с холма, и, достигнув низины, неожиданно упал с велосипеда. Единственным свидетелем аварии стала старая крестьянка, идущая домой с молоком в сопровождении внука. Она поспешила

на помощь и обнаружила, что изо рта Григория льется кровь. Она отправила своего внука в селение за врачами, и, сидя на земле, взяла голову молодого великого князя на колени, но через несколько минут он был мертв. Таким образом, на обочине умер наследник русского престола, а рядом была только старая крестьянка. Так сбылась поговорка о Романовых, что никто из них никогда не умирает на своих кроватях. Насколько я знаю, Николай I был единственным, кто умер в постели, от пневмонии, через несколько дней после падения Севастополя. Хотя Александр III умер естественной смертью, он сидел в кресле на балконе, когда все закончилось.

Над местом, где Георгий испустил дух, была возведена церковь. Вдовствующая императрица со всей семьей отправилась в Крым, чтобы встретить его тело, которое они привезли в Санкт-Петербург и похоронили в соборе Святого Петра и Павла. На его могиле всегда появляются свежие цветы, и каждый год здесь проводится мемориальная служба. Эта месса будет проводиться до тех пор, пока кто-либо из его семьи жив. Таков обычай русской церкви. Говорят, что великий князь Георгий был женат на девушке-телеграфистке. История абсолютно неверна. Он жил один в своем доме на Кавказе со своими слугами, кроме случаев, когда его посещали его мать и семья.

Через несколько дней после его похорон крестили броненосец «Александр III». Император, императрица, вдовствующая императрица и другие члены семьи отправились на церемонию. По русской традиции, они носили белый траур, потому что никто не посещает какую-либо церемонию в России в черном. Началась внезапная буря, молния ударила по флагштоку. Он упал на головы офицеров, стоящих на палубе, убил трех из них и ранил семь или восемь. Корабль носил имя мужа вдовствующей императрицы, и она была ужасно расстроена этим. Она сказала, что он будет потоплен в первом же бою. Было еще одно любопытное пророчество: через три года с того момента, как он был введен в состав военного флота, считая один год за каждого убитого, корабль увидит конец семьи Романовых[177].

Глава VII. Об отце Иоанне

Осенью того же года мы уехали за границу. Покинув Петергоф, мы отправились на маленькой яхте «Александра» в Кронштадт, где пересели на «Штандарт»[178]. Отец Иоанн Кронштадтский[179] пришел на борт, чтобы благословить императора, императрицу и детей; он также благословил меня. Отец Иоанн — очень интересный человек; он своего рода святой

наших дней. Он написал книгу под названием «Моя жизнь во имя Христа», которая скорее напоминает «Подражание Христу»[180]. Он излечил многих людей, особенно от паралича, эпилепсии и других нервных заболеваний. Однако он знает свои собственные пределы, и, если его просят вылечить такие болезни, как скарлатина, дифтерия и т. д., он говорит: «Болезнь должна идти своим чередом, я могу только молиться за пациента». Однажды его вызвали к маленькому ребенку, который был болен пневмонией. Он привез с собой святую воду, и немного пролилось на пол. Позвали сестру маленького страдальца, и она должна была встать на колени и вылизать пролитые капли. Отец Иоанн сказал, что он может только молиться. Ребенок в конце концов выздоровел. Некоторые люди, особенно врачи, говорят, что он просто гипнотизер; другие — что он исцеляет с помощью веры. В любом случае он, безусловно, может помочь при нервных заболеваниях, особенно при таких, которые наиболее трудно излечить. Однажды я высказала предположение императрице, что он, вероятно, просто гипнотизер. Однако она не согласилась. И она, и император с серьезным подозрением смотрят на оккультные науки. Императрица говорит, что, если в этом вообще что-то есть, это работа дьявола, колдовство, о котором говорится в Библии.

Врач рассказал мне следующую историю: княжна Б., девочка четырнадцати лет, дочь богатых родителей, оставалась в Крыму, когда ее внезапно поразил паралич. Мой собеседник осмотрел ее, но он ничего не мог сделать. Тогда вызывали врачей из Санкт-Петербурга, Берлина и Парижа, попробовали многие методы лечения, но все безрезультатно, и медики потеряли надежду на исцеление. Потом мой друг решил, что можно обратиться к гипнотизеру, поэтому он отправился к родителям девочки, чтобы дать им совет. К его удивлению, он обнаружил, что родители отправились в Кронштадт, взяв с собой свою дочь. Через два дня после этого его пригласили поехать к его бывшей пациентке, и он с радостью узнал, что она нормально ходит. Это было более пятнадцати лет назад, и исцеление оказалось постоянным. Сейчас она замужняя женщина с маленькими детьми. Человек, о котором идет речь, является лютеранином, врачом, и он говорит, что сила отца Иоанна только в гипнозе. Я, в свою очередь, больше склоняюсь к тому, что он лечит верой, как древние апостолы. Многие люди боятся отца Иоанна, и о нем существует много любопытных историй. Говорят, что у него нет сочувствия, никаких чувств ни для кого, кроме людей из греческой церкви. Он не всегда спасает, как показывает следующая история. Молодой человек заболел, и его врач распознал болезнь сердца, которая

была неизлечимой. Этот человек проехал большое расстояние, чтобы увидеть отца Иоанна, который сообщил этому человеку откровенно, что его не спасти. Он сказал, что даст ему небольшой подарок, который он должен был открыть в определенный день. «В то же утро, — продолжал он, — вы получите по почте от меня еще один подарок». Отец Иоанн вышел из комнаты и вернулся с посылкой, которую он вручил больному со строгим наказом отложить эту посылку до определенной даты. Затем он помолился с бедным страдальцем и отослал его. Утром назначенного дня молодой человек открыл посылку и обнаружил, что в ней саван. Он был очень шокирован и все еще держал ужасный подарок в руке, когда ему передали обещанную вторую посылку. Он с нетерпением открыл ее и нашел внутри поминальные свечи — так в России называются свечи, которые зажигают вокруг тела. Несчастный молодой человек упал мертвым. Это, безусловно, жестокое злоупотребление своей властью. Я больше не видела отца Иоанна.

Мы отбыли из Кронштадта на красивой яхте «Штандарт». Она размером с океанский лайнер и управляется экипажем из пятисот человек. За нами последовала «Полярная звезда»[181] в качестве эскорта. Именно на этой яхте император совершил свое путешествие по всему миру, когда он был царевичем.

Было дано указание, что в случае тумана, который очень часто появляется в Балтийском море, оба судна должны идти с половиной крейсерской скорости. Начался туман, и «Штандарт» сбавил ход, но «Полярная звезда» этого не сделала. Она быстро настигла нас и была в нескольких дюймах от нашей кормы, прежде чем ее заметили. На борту обоих судов было большое волнение, и каждое из них быстро совершило маневр в разные стороны. «Полярная звезда» прошла мимо нас так близко, что мы могли пожать экипажу руки. Остальная часть нашего рейса прошла без приключений.

В порту Копенгагена нас встретил старый король Дании, тогдашняя принцесса Уэльская Виктория, король Греции и многие другие люди из правящей семьи. Мы поехали в замок Бернсторф, недалеко от Копенгагена. Это очень маленькая резиденция, и была она сильно переполнена. Существует при ней крошечный парк и розарий, который посадила покойная королева.

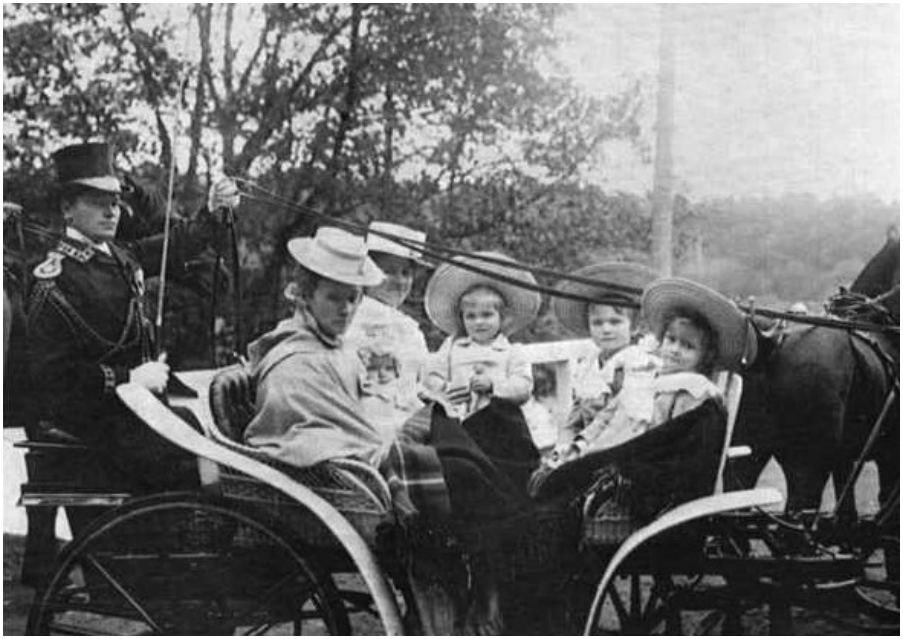
Принцесса Виктория восхищалась своими маленькими кузенами, и они, со своей стороны, проявляли большую привязанность к «тете Тории», как они ее всегда называли. Действительно, три маленькие девочки были предметом обожания всей семьи. Принцесса Уэльская спала в соседней комнате со мной.

В Копенгагене делают действительно красивый фарфор. Каждая чашка или тарелка расписана художниками и не похожа на другие. По большей части фарфор белый и синий, и каждый человек удивляется разнообразию узоров, которые могут быть выполнены с использованием только этих цветов. Я не видела нищеты в Копенгагене, но не видела и роскоши. Люди, насколько я могла судить, были хорошо образованы, и многие из них, даже среди слуг, говорили на датском, английском или немецком. Они, похоже, не стыдятся и не боятся работы, и они очень хорошие агрономы и садоводы.

Мы провели около шестнадцати дней в Дании, затем отправились в Киль, чтобы посетить сестру императрицы, принцессу Ирену[182]. В это время у нее было двое детей. Киль — довольно грязный, очень оживленный маленький городок с процветающим портом. Есть, однако, красивые магазины. Если вы спросите у кильца, что вы можете купить в качестве сувенира, он всегда будет предлагать копченую и вяленую рыбу. Эта рыба — основной товар, а также есть фабрика, на которой работают несколько сотен человек. Рыба очень ценится по всей Германии.

Мы пробыли два дня в Киле, а затем отправились на поезде в Дармштадт или, скорее, в Вольфсгартен. По пути я заметила поля шафрана, и мне сказали, что выращивание шафрана представляет собой важную торговую отрасль на юге Германии. Мы были встречены на станции в Вольфсгартене великим князем и герцогиней Гессенской и их маленькой дочерью, принцессой Эллой, и сестрой герцогини, кронпринцессой Румынии, очень красивой женщиной. Маленькой принцессе Элле было тогда четыре года, она была милая и симпатичная, с широкими серо-голубыми глазами и темными волосами. Она была похожа на мать не только лицом, но и манерами. Она очень интересовалась своими двоюродными родственницами и положила в их комнаты свои игрушки, и скоро все они стали отличными друзьями. Ей очень хотелось, чтобы у нее была сестра, и она умоляла, чтобы великую княгиню Татьяну усыновили ее родители. Она сказала, что мы не будем скучать по ней так, как будут Ольга и маленькая Мария. Когда эта попытка провалилась, она поспрашивала о младенцах и пришла к выводу, что она и мисс У. легко справятся с заботой о Марии. Она внимательно следила за тем, как малютку переодевали, пока не решила, что овладела этим искусством. Затем она попросила свою тетю о том, чтобы дать ребенка ей, и, конечно, ей отказали. Тогда она попробовала хитрость и постоянно уверяла нас, что это очень уродливый ребенок, и нам было бы намного легче без этой глупой мелочи. Наконец она подумала, что достигла цели, и предположила, что, поскольку

ребенок был настолько ужасен, я должна выбросить его!



Маргарет Игер с детьми царской семьи. 1898 г.

Мы провели около шести или семи очень счастливых недель в Вольфсгартене и наслаждались многими простыми радостями. Мы дважды ездили в Дармштадт, пили чай во дворце и ходили за покупками с детьми. Дармштадт — это хорошо построенный город с чистыми открытыми улицами и прекрасными магазинами. Мы привели детей в магазин игрушек, сказали им, что они могут выбрать то, что им нравится, для себя, а также для близких и друзей. Ольга посмотрела на игрушки и наконец выбрала самое маленькое, что могла найти, и вежливо сказала: «Большое вам спасибо». Тщетно продавцы показали ей более привлекательные игрушки; она всегда отвечала: «Нет, спасибо, я не хочу это брать». Я отвела ее в сторону и спросила, почему она не купит игрушки. Я сказала, что людям будет очень грустно, если она не возьмет больше и что она не сможет покинуть магазин, не купив еще что-нибудь. Но она возразила: «Но красивые игрушки принадлежат другим маленьким девочкам, я уверена, и думаю, им было бы грустно, если бы они пришли сюда и обнаружили, что мы взяли игрушки, пока их не было». Я объяснила ей, и после этого дети набрали много подарков.

Глава VIII. Беглый взгляд на Польшу

Нам было очень жаль покидать Дармштадт. По дороге в Польшу мы посетили Потсдам, навестив немецких императора и императрицу. По прибытии мы нашли войска, выстроенные в шеренгу, и сам император встретил нас на станции. Музыканты сыграли Государственный гимн России, и оба императора вместе устроили смотр солдатам. Император России пожал руку офицерам и поздравил их. Затем он и императрица отправились на обед во дворец, но нам пришлось остаться в поезде, пока за нами не прибыла карета.

Немецкий император очень похож на себя на портретах. Императрица — прекрасная женщина. Она была одета в костюм из зеленой ткани. Они оба восхищались моими маленькими подопечными и особенно интересовались их костюмами. Эта одежда была новинкой из Лондона. Это были толстые кремовые пальто, отделанные бобровым мехом, и у них были шляпы схожего цвета, и они выглядели очень изящно и мило. Под пальто были кремовые гипюровые кружевные платья поверх розового шелка и розовые пояса. Нас проводила наверх маленькая принцесса, дочь немецкого императора, очень милый и красивый ребенок. В детских комнатах все было зеленым и серебряным. Здесь мы пили чай с маленьким принцем и принцессой. В комнате не было слуг, и принц сам раздавал хлеб и масло. Когда чаепитие закончилось, нас отвезли в знаменитый парк Сан-Суси[183]. Затем мы вернулись в поезд и уложили наших подопечных в постель. Около десяти часов пришли император и императрица. Поезд, который был помещен на запасной путь, перегнали на вокзал. Под звуки оркестра мы отправились в Польшу.

В Польше мы остановились в небольшом дворце под названием Скерневице. Он расположен, кажется, в самом грязном и маленьком городе в мире. Почти все жители — евреи, красивые, меланхоличные люди. Дети и молодые девушки прекрасны, а пожилые женщины — толстые, грубые, неопрятные существа. Мне показалось, что они носили парики из конских волос, такие же грубые и неестественные, как и их волосы. Загородное имение было очень уродливым, мы даже не увидели никакой живой изгороди, только несколько деревьев. Поляки по большей части являются римскими католиками. На каждом перекрестке есть небольшая святыня или алтарь, огороженный железными прутьями. Кое-где на дереве висит святая икона, очень часто сильно поврежденная дождем и погодой. Проходя по дорогам,

время от времени можно видеть высокий черный крест с крошечной фигурой, длиной пять или шесть дюймов, Спасителя, висящего на этом кресте. Насколько я могла судить по моим трем визитам в страну, поляки — самые нечестные, самые лживые и самые грязные люди на земле. Их кражи были очень дерзкими: они даже пытались украсть императорский багаж, когда он был сложен на станции.

У Скерневице довольно романтичная история. У императора Павла было три сына — Александр I, Константин и Николай I. Константин был вице-королем Польши. Он влюбился в польскую графиню, которая была, по правде говоря, красивой и любезной женщиной и жила со своим дядей, архиепископом Польши, в Скерневице[184]. Чтобы жениться на ней, Константин отрекся от своих претензий на трон, хотя он и был наследником, так как его брат, Александр I, хотя и женился, не завел детей.

После смерти ее дяди обнаружилось, что он оставил своей племяннице Скерневице, с ее большими поместьями и обширными лесами. У Константина не было детей, и после его смерти он оставил престол своему брату Николаю I. Константин был популярен среди поляков, возможно, из-за его польской жены. Русские люди скажут вам, что и Александр I, и Константин бездетны, и это наказание от Бога за отцеубийство. Возможность жить в Скерневице была предоставлена Александром II принцу Барятинскому в знак признания за какую-то службу. После его смерти, незадолго до того, как мы поехали туда, это место было передано обратно императорской семье. Дом был в плохом состоянии, а парк превратился мрачное место с мелкими прудами. Были прекрасные маленькие черные олени с ветвящимися рогами, серны и лани. Также было множество фазанов и куропаток, не говоря уже о лисицах. За одну охоту часто убивали пять или шесть тысяч голов дичи! В России охотятся и на лисиц! Русские также стреляют в кроликов, хотя и не едят их, и выглядят удивленными, когда им говоришь, что кролики приятны на вкус. Мертвую дичь принесли домой и разложили прямо на газоне. Затем были зажжены факелы, и лесники играли музыку на рогах. Затем общество перешло в дом, где все могли обсудить сегодняшнюю добычу. Это было очень странное и красивое зрелище.

Мы пробыли там несколько дней, а затем вернулись в Царское Село, обратно к снегу и люду, где мы остались до Нового года.

Глава IX. Суровая жизнь российского крестьянства

Я пробыла около десяти месяцев в России и узнала многое о крестьянах. В большинстве случаев их браки организуют родители, и церемония обычно проводится до того, как мужчину призовут на военную службу. Венчают мальчиков и девочек, в возрасте соответственно шестнадцати и четырнадцати лет. Девушка затем живет со своей тещей и помогает с полевыми работами и т. д. Работа по дому, кажется, сокращена до самого минимального уровня. Мать готовит еду и греет воду для еженедельной бани, потому что все крестьяне ходят в баню каждую субботу вечером.

Русская изба состоит из двух комнат: в одной есть печь, стол, деревянная скамья и пара стульев, лампа (или нет, в зависимости от средств семьи). В случае отсутствия лампы зажигают свечу. Вторая комната часто лишена мебели.

Отец и мать спят на печи с детьми, которых могут взять к себе. Остальные дети берут подушки и спят прямо на полу в своей одежде.

Отец и мать обладают полной властью над сыновьями и дочерьми, невестками и внуками, и все они живут вместе. В одной избе я насчитала двадцать одного маленького ребенка, и мне сказали, что их часто бывает больше. Русский крестьянин получает от своего владельца кусок земли, более или менее соответствующий числу сыновей в семье. В свою очередь, он и его семья отдают много времени работе на собственника. Поэтому мальчиков очень ценят. Девочки важны куда меньше, хотя последние выполняют самую трудную часть работы. Я видела женщину, запряженную в плуг вместе с коровой, а правил ими мужчина. В России женщины косят траву и жнут рожь и делают много работ, которые в этой стране считаются мужскими.

То, что крестьяне живут в переполненных домах, является одной из причин страшной смертности среди российских детей. Во всех классах, вместе взятых, умирают около 35 % детей. Эта скученность часто приводит ко многим странным заболеваниям, о которых врачи знают мало или совсем ничего, поскольку их исследования проводятся в Санкт-Петербурге или Москве, где совершенно другие условия жизни. Но я должна здесь сказать, что, как правило, российские врачи очень добры и делают все возможное для больных людей. Но страна настолько заселена, что один врач должен выполнять свои обязанности в отношении трех или четырех деревень. Он живет в самой большой деревне и может посещать другие только раз в несколько недель. Если начнется эпидемия, врач телеграфирует в один из университетов или больниц, чтобы кто-то помог ему. Эта помощь не всегда появляется, так как часто накладывают «карантины». Затем

доктор отправляется в пострадавшую деревню, организует больницу и борется с болезнью, хотя и не всегда успешно. Недавно в деревне началась эпидемия дифтерии. Доктор умер, и 99 % детей также погибли.

Дети — большая проблема в России. Их смертность приближается к рождаемости, и выше всего у наиболее бедных классов. С этой точки зрения война на Востоке с потерями сотен тысяч — это страшное бедствие для России.

Из-за недостатка населения или, может быть, я должна сказать, из-за отсутствия надлежащего расселения людей многие природные богатства России остаются нетронутыми. Есть огромные территории страны, почти не занятые. Шахты на юге почти не разрабатываются. Бесчисленные леса, где водятся дикие животные, содержат огромные богатства. Русские крестьяне не будут жить по отдельности и не будут каждый день ездить за сорок миль на работу. Летом они просто запирают избу и отправляются в поля вместе с лошадьми. Осенью, когда посеяны рожь и овес, выпадает снег, и крестьяне возвращаются в свои дома на зиму.

Женщины занимаются самым изысканным рукоделием. Если в окрестностях деревни есть железнодорожная ветка, мужчины работают в течение нескольких часов каждый день, очищая железную дорогу от снега. Иногда молодые люди ходят в ближайший город, работают на фабриках или убирают улицы, но часто они живут довольно голодно.

В русской деревне нет магазинов. Каждое домашнее хозяйство самодостаточно, за исключением такой роскоши, как чай, сахар, парафин и т. д. Люди могут делать свои собственные ботинки из полосок коры, сплетенных вместе, вставляя туда деревянные подошвы. Вместо чулок они носят повязки из холста — «портянки», и они отлично умеют их делать. Во время войны даже офицеры носят эти портянки. Они говорят, что с ними проще совершать далекие переходы, и, если дыра появится на пятке, им нужно лишь немного поменять повязку, и все в порядке.

В свою очередь, предметы, которые нельзя сделать дома, покупают на ежегодной ярмарке, которая проводится в каждой деревне весной и осенью. Торговцы ходят в деревни два раза в год, чтобы купить разные кружева и вышивки. Потом эти красивые вещи отправляются в Санкт-Петербург и Москву и продаются с большой прибылью. Недавно императрица хотела установить в Лондоне и других городах своеобразные торговые пункты, что дало бы рабочим больше шансов продать результаты своего труда по лучшим ценам.

Глава X. В поисках волшебного цветка

Впрочем, всегда есть и другая сторона медали, и жизнь в русской деревне также имеет свою светлую сторону. В долгие зимние вечера приходит профессиональный сказочник. Его поят и кормят все жители деревни, а взамен он расскажет им замечательные сказки о гномах, пикси[185]и феях. Или он вспомнит какую-то историческое предание, или даже сам сочинит и расскажет стихи. Русская поэзия очень часто касается героических поступков. Русская фея, как и ее ирландский прототип, является, как правило, зловещим существом, всегда готовым сделать какую-нибудь неприятность людям. Но традиции, касающиеся этих существ, во многом отличаются. Ирландский крестьянин скажет вам, что после великой войны на небе, когда сатана был низвергнут, с ним также отправилось множество злых духов. Худшие из них упали сразу в ад, чтобы остаться там навсегда, но те, кто был менее грешен, получили еще один шанс и остались на земле, где они могут своими добрыми или злыми делами в конечном счете заработать свое спасение или погибель.

Иногда на теле появляются необъяснимые синяки, и они очень пугают крестьян. Они считают, это работа злых духов, которые хотят вытащить вас из дома. В Ирландии эти синяки называются «прикосновения мертвецов». Поэтому в обеих странах этих синякам приписывают мистическое происхождение. Один вид русских фей обитает в озерах и реках, и их особенно часто можно встретить в лесах. Русский крестьянин, блуждающий по лесу, слышит сладкое пение. Если он попытается различить слова, то услышит свое имя. Если он так неосторожен, чтобы ответить, злые феи бросаются к нему и кричат: «Ты мой возлюбленный». Он спускается в воду и больше не возвращается. В обеих странах, если вы чихнете три раза и при этом никто не скажет: «Да благословит вас Бог», вы окажетесь в опасной ситуации, так как феи вас наверняка поймают.

Два раза в год расцветают папоротники. Появляется большой золотой цветок, наделенный волшебной силой сделать, того кто его найдет, богатым. Одна из ночей, в которые появляется цветок, — летняя, другая — канун праздника Успения. Все эти две ночи крестьяне ходят по лесу в поисках волшебного цветка. Никто не сумел найти его, потому что феи всегда охраняют его, либо пуская пыль в глаза искателей, либо отвлекая их чем-нибудь и уничтожая растение.

Маргарет Игер со своей воспитанницей Ольгой Николаевной Романовой. 1897 г.

Как и следовало ожидать, огонь играет важную роль в их суевериях. В доме крестьянина огонь никогда не угасает. Если это случайно произойдет, есть большая опасность того, что маленький старичок, который живет за дымовой трубой, может

оскорбиться или даже замерзнуть и умереть. Если семья переезжает в другой дом, часть углей вместе с огнем берут с собой в маленькой кастрюле или горшке, упакованной в корзину, и отправляют со специальным посыльным до того, как приедет остальная семья. Когда огонь помещается на новый очаг, произносится следующие слова: «Отдыхай, дедушка, и будь уверен, что твое место всегда будет самым теплым в доме». Если огонь погаснет, это означает, что дух недоволен и можно ожидать всевозможных ужасных бедствий. Когда дом запирают на лето, огонь перевозится в тележке и тщательно оберегается.

Сны считаются очень важными, и понимающие их люди в большом почете. Многие не будут принимать важных решений, не посоветовавшись с картами. Гадалки зарабатывают огромное состояние на этом. Мне очень часто рассказывали мое будущее, и, как ни странно, все это всегда сбывалось. На Рождество вам предоставляется шанс увидеть ваше будущее. Подобные обряды я видела в Ирландии. На столе расположены семь блюдец. Под одним помещается кольцо, под другим — ничего, под третьим — кусок белой ткани, под четвертым — земля, под пятым — красная ткань, под шестым — пуговица, под седьмым — орех, и все блюдца накрыты тканью. Эти вещи означают «брак», «без изменений», «поп», «смерть», «солдат», «помолвка» и «долгий путь». Вы выходите из комнаты, пока блюдца меняют местами. Затем вы вслепую подходите к столу и кладете руку на одну из тарелок. Ваше будущее зависит от того, что вы найдете. Если вы заходите в комнату в полночь и сидите между двумя зеркалами, пристально смотря в одно из них, вы увидите призрачное лицо — это, скорее всего, ваша судьба на предстоящий год. В летнюю ночь все незамужние девушки выходят на поля и собирают семь разных цветов. Если спать с цветами под подушкой, можно увидеть во сне будущего мужа.

В России много цыган, и в Петергофе я часто встречалась с их самой необычной брачной церемонией. Ее обычно совершают в воскресенье. Цыгане выбирают место, где они могут двигаться по кругу. Невеста, великолепно одетая в новое муслиновое платье, пару белых хлопчатобумажных перчаток и кусок кружева в виде треугольного платка, завязанного сзади, с венком из искусственных цветов, и жених занимают свои места в маленькой телеге, запряженной пони. После них едут шаферы и подружки невесты, одетые как невеста, но без венка, по две в каждой тележке. Затем — старейшины, давно женатые люди в сопровождении нескольких детей и, наконец, холостяки и вдовцы. Эта странная процессия движется вокруг выбранного места три раза, и после этого брак заключен. Такие браки признаны

законом. Полагаю, присутствие стольких свидетелей делает их таковыми.

Есть много церемоний благословений, которые соблюдаются русскими. Я уже говорила о благословении пищи в пасхальную субботу. В первый день июля благословляют яблоки, и самый большой озорник в деревне не украл бы яблоко, пока оно не благословлено. После службы фрукты продаются на улицах и в лавках. После того, как лед тает, все рыбацкие лодки благословляют, прежде чем отправить их в море.

Глава XI. Российское рождество

Мы, как правило, проводили Рождество в Царском Селе. Этот праздник в целом менее важен, чем Пасха, но во дворце его все равно отмечали с размахом. В разных частях здания было не менее восьми елок. Императрица сама нарядила их и лично выбрала подарки для каждого члена своей семьи и офицеров охраны. Одну елку даже отправили казакам в школу верховой езды. У нас с детьми была своя ель. Она была закреплена в музыкальной шкатулке, которая играла немецкий рождественский гимн. Это было прекрасно. Все подарки были выложены на покрытых белыми скатертями столах, и дерево стояло в течение нескольких дней, вызывая неизменный интерес и восхищение у детей. Им было очень грустно, когда елку убрали незадолго до того, как мы отправились в Санкт-Петербург, но их утешило то, что им разрешили помочь раздать подарки прислуге.

Мы отправились в Санкт-Петербург в последний день старого года (по русскому летоисчислению). В Новый год в дворцовом соборе прошла великая церемония. Император, императрица и вдовствующая императрица пошли в церковь в сопровождении их собственных дворов и всех великокняжеских дворов. Мы видели императрицу в ее праздничном наряде. Они великолепно выглядела в своем придворном платье из белого атласа с длинным шлейфом из парчи. Не ней были семь цепочек бриллиантов на шее и пояс из таких же искрящихся драгоценных камней, его концы падали на край ее платья. На голове она носила кокошник — головной убор в форме полумесяца — также из белой парчи, богато украшенный крупными одиночными бриллиантами. Сзади у него была кружевная вуаль, которая падала не спину почти до колен.

Маленькие девочки были в восторге от того, что она так великолепно одета. Они обнимали ее с безмолвным восхищением, и вдруг великая княжна Ольга хлопнула в ладоши и горячо воскликнула: «О, мама, ты такая красивая, как

рождественская елка!».

Великие княжны Ольга и Татьяна Николаевны любили слушать рассказы. Однажды Татьяна рассказала Ольге историю, конец которой был следующим: «Итак, моя маленькая девочка и моя племянница вошли в лес, и большой волк съел мою маленькую девочку, поэтому она отправилась на небеса». Ольга была в ужасе от такого богословия. «О нет! — воскликнула она. — Она не могла уйти на небеса, потому что волк съел ее, и Бог не позволяет волкам идти на небеса! Она идет по лесу внутри волка!» Татьяна спокойно приняла эту замечательную поправку.

Я обнаружила, что должна быть осторожнее, рассказывая им что-нибудь. Однажды я рассказала Ольге историю Иосифа и его братьев. Она была очень заинтересована ею и воскликнула: «Какой позор!». Я сказала: «Да, это был ужасный позор для них — быть такими ревнивыми и такими жестокими с их молодым братом». Но она воскликнула: «Я имею в виду, что это был позор отца. Иосиф не был старшим, и красивую одежду следовало отдать старшему сыну, другие братья знали это, и, возможно, именно поэтому они посадили его в яму». Объяснения были бесполезны: все ее симпатии были на стороне Рубена. Она злилась на царя Давида, потому что он убил Голиафа, и сказала: «Давид был намного моложе и меньше, а бедный Голиаф никак не ожидал, что в него будут бросать камни». «Джек — Покоритель великанов» не доставлял ей удовольствия. Однажды во дворце устроили показ кинематографа для девочек и их друзей. В одной сцене были два маленькие девочки, играющие в саду, перед каждой из них стоял большой стол, забитый игрушками. Вдруг старшая девочка схватила игрушку у маленькой, которая, однако, крепко держалась за нее и отдавать не собиралась. Взбешенная, старшая схватила ложку и стукнула ее. Малышка отпустила игрушку и начала плакать. Татьяна тоже плакала, увидев бедную малютку, с которой так плохо обошлись, но Ольга была очень спокойна. После окончания показа она сказала: «Я не думаю, что мы видели всю эту картину». Я ответила, что надеялась, что в конце эту старшую сестру наказали, добавив, что мы видели достаточно, потому что никто не хочет видеть такое непослушание. Затем Ольга возразила: «Я уверена, что ягненок сначала принадлежал старшей сестре, и она была доброй и отдала ее своей маленькой сестренке, а затем она хотела его вернуть, а младшая сестра не отдавала, поэтому старшей пришлось побить ее».

Глава XII. Жизнь в Кремле

В начале января в Зимнем дворце прошел большой бал[186]. Присутствовало более пяти тысяч человек, и это было действительно занимательное зрелище. Императрица носила белый шифон, вышитый синелью и сверкающими блестками, а также множеством бриллиантов. Великая княгиня Елизавета Федоровна носила розовато-лиловый шифон. Она сестра императрицы, а великий князь, ее муж, был дядей императора. У них нет детей. Великая княгиня Елизавета — очень красивая женщина, некоторые даже считают ее красивее императрицы. Императорская семья все еще была в трауре по великому князю Георгию, так что все носили либо белое, либо лиловое. Бал был открыт полонезом. Церемониймейстер шел перед императором и императрицей, прокладывая им путь через толпу. За ним шла княгиня Голицына, старшая леди Двора, затем — император и императрица, великие князья и княгини, князья и княжны королевской крови[187], послы и их жены, все двигались медленно и попарно. По окончании полонеза начались общие танцы. Император и императрица ходили среди своих гостей и перебрасывались несколькими словами с большинством из них. Там был посол Японии и его жена. Он был в европейском фраке, и она была одета в розовое атласное кимоно с длинными рукавами.

Столовые были оформлены как сады. Там были пальмы, цветущая сирень, черемуха и т. д., растущие из покрытых травой клумб, в которых росли крокусы, нарциссы и другие первоцветы. Проходы покрыли коврами песочного цвета. На деревьях висели электрические лампы, а под ними были установлены столы. Для ужина были предоставлены триста пятьдесят блюд из курицы — каждое содержало трех цыплят с салатом и желе; триста пятьдесят крупных омаров с майонезным соусом; триста пятьдесят языков и столько же блюд из холодного мяса, а также мороженное, кремы, желе и т. д. Также было подано несколько сотен галлонов различных супов. Для салатов сварили две тысячи пачек спаржи. Было также множество фруктов и вина. Бал во дворце — радость для торговли в Санкт-Петербурге. Меня пригласили на кухню, чтобы посмотреть на приготовления, и мне было очень интересно взглянуть на это. Графы, бароны, владельцы дворцов и т. д. — все пришли встретить шеф-повара и договориться с ним об остатках этих деликатесов. Повару так много заплатили за ужин. Он покупает продукты в больших количествах и посылает за границу за некоторыми из них. Он заказывает то, что ему нравится, обеспечивает ужин, получает деньги от императора, а потом еще от знати.

Каждый сезон дается пять или шесть балов с торжественными обедами, и два раза в неделю в дворцовом театре идет

представление: опера или спектакль, сопровождаемый ужином. Далеко не всем известно, что во дворце есть оперная и актерская труппы и императорский балет.

6 января проходит церемония водосвятия. В Соборе Зимнего дворца проводится служба, на которую все приходят в придворных платьях. Когда она заканчивается, священники в великолепных облачениях, за которыми следуют император, великие князья и дворяне, отправляются в павильон, возведенный над рекой, и там священники торжественно благословляют воды, и в прорубь опускают крест. Затем они проходят через толпу, которая всегда собирается, и обрызгивают людей кистью, которую погружают в святую воду. Часть воды затем отправляется во дворец и помещается в специально отведенные для нее сосуды, а затем ее выпивают после многих молитв и благословений.

Раньше некоторые люди ныряли в прорубь, а потом шли от двери до двери, показывая свою мерзкую одежду как доказательство их святости, и просили милостыни. Но время от времени один из этих самозваных мучеников тонул, и было много злоупотреблений, поэтому власти положили конец погружениям. Дамы Двора прежде участвовали в процессии, но их платья с оголенными плечами были опасны для здоровья, когда термометр показывает двадцать градусов ниже нуля, и поэтому такая практика тоже была прекращена.

Мы оставались в Санкт-Петербурге до конца Великого поста.

Однажды принц Сиама приехал навестить императрицу[188], и все дети тогда были в ее комнате. Мне тоже было интересно увидеть его смуглое высочество, так как я встречала его раньше на небольшом приморском курорте на западе Ирландии[189]. Его пригласили провести летние каникулы со школьным товарищем. Там устраивались благотворительные балы и принцу и его друзьям было предложено помочь. Они устроили живые картины с музыкой. Молодой принц был глубоко заинтересован во всем и наконец попросился сам принять участие в этом. Ему под разными благовидными предлогами пытались отказать, но наконец, к нашему ужасу, он заявил: «Я знаю, почему вы не хотите принимать меня. Это потому, что я с востока. Хорошо, я сделаю все сам». Он ушел и вскоре вернулся с охапкой штор, скатертей и т. д. Бросив их в угол зала, он снова вышел, а пришел уже со всеми поддельными украшениями, которые могли предложить сельские магазины, и объявил, что собирается изобразить царицу Савскую, когда она увидела великолепие царя Соломона. Он быстро украсил платформу, чтобы изобразить восточный интерьер, и, закутавшись в шаль, присел на корточки в середине сцены. Это было очень эффектно. Эта сцена в итоге была

сочтена самой лучшей в представлении. Мальчик был в восторге от себя и своих зрителей. Когда я увидела его в Зимнем дворце, он был одет в российскую форму и оглядывался по сторонам с таким же любопытством, как и в Ирландии. Естественно, он не узнал меня. Мои маленькие подопечные выбежали вперед и рассматривали его с большим интересом, медленно ходя вокруг него и одаривая счастливыми улыбками. Императрица сказала великой княжне Татьяне: «Пойдем, пожмем руку этому джентльмену». Но девочка рассмеялась и ответила: «Это не джентльмен, мама, это только обезьяна». Императрица в ужасе заметила: «Ты сама обезьяна, Татьяна», но принц только рассмеялся. Девочки и принц впоследствии стали хорошими друзьями.

Мы отправились в этом году в Москву на Пасху и остановились в историческом Кремле. Из всех городов, что я видела, Москва обладает самым выраженным характером. По большей части он отчетливо современен, но в то же время успешно производит впечатление древности. Кремль и вся эта часть города очень старые. В Кремле есть большая комната с троном, задрапированным горностаем. Все стены ее расписаны фресками. Там есть история Иосифа и его братьев. Они одеты как русские крестьяне, в рубашках и сапогах. Жена Потифара одета в ярко-синее платье и белую нижнюю юбку. На ней кринолин, а также туфли с высокими каблуками и белыми чулками.

Дореволюционный Кремль, так поразивший воображение

Другой сюжет представляет собой блуждание детей Израиля в пустыне, также одетых в русские костюмы. Следующая роспись посвящена князю Владимиру. Он был первым христианским правителем России. История гласит, что еврей угнетал христианскую женщину, которая обратилась к Владимиру за помощью. Вердикт был вынесен против еврея, который немедленно отдал всю свою собственность жене и детям, а затем сказал, что ему нечем заплатить. Владимир приказал, чтобы его побрили, посадили на ослика и провезли по городу со связанными руками. Это было исполнено, но процессия не продвинулась очень далеко, когда еврей предложил возместить все, что он несправедливо вымогал, и даже больше. Мухи и кусачие насекомые, которые изобилуют в России, наказывали его по-своему, садясь на его бритую голову.

На полу этой комнаты есть ковер, сделанный в монастыре. На него ушли годы работы, и он сделан из кусков ткани, сшитых вместе и окаймленных красивым шитьем из золотой нити. На каждой части вышита эмблема какого-либо полка. Я думала, что это уродливо и неприятно для глаз, но я слышала, как великие княжны им восхищаются. В верхней части комнаты, прямо под потолком, есть окно, искусно устроенное так, чтобы быть невидимым снизу. Из него жены и дочери царей могут наблюдать за торжествами внизу. Здесь бедные молодые великие княжны обычно высматривали будущих мужей. Комнаты, в которых они жили, все еще можно увидеть. Они были пустыми и некомфортными, с окнами, расположенными очень высоко. Бедняжки! Их жизнь, должно быть, была очень печальной. Они занимались рукоделием, и большая часть их гобеленов и вышивки все еще хранится в Кремле. В церкви в Кремле есть ковер, созданный придворными дамами одной из цариц. Во дворце в Гатчине представлены гобелены, показывающие историю мира, начиная с Эдемского сада и заканчивая Соломоновым судом; это тоже работа придворных дам.

Королева Елизавета подарила Ивану Грозному несколько великолепных серебряных тарелок и чашек очень искусной работы, я думаю, гораздо красивее любой современной посуды. Это серебро также выставлено в большой комнате, которую я описала.

Музей стоит посетить. Стоят по кругу все короны, принадлежащие различным императорам и императрицам, теперь мертвым. У Екатерины Великой все драгоценности для ее короны были выбраны ею лично, и там висит ее корона, из которой

вынуты все украшения — памятник ее характеру. Екатерина I, которая была служанкой, не умевшей читать, была в то же время куда благороднее.

Есть ряд тронов, от небольшого кресла из слоновой кости, который раньше принадлежал какому-то царю Грузии, до серебряного, который привезли из Киева. Я посидела во многих из них, к большому ужасу некоторых русских. У части тронов через ручки переброшены шнуры, чтобы предотвратить такое святотатство.

Здесь висят в витринах одежды, которые носили император, императрица и вдовствующая императрица по случаю их коронаций. Все элементы этих костюмов, даже перчатки и обувь, выставлены там. Я хотела бы что-то сохранить, хотя бы перчатку, в память о такой знаменательной церемонии. В стенах другой комнаты хранятся коронационные одежды бывших государей.

Ли Хунчжан[190] привез императору резного орла, а императрице — ширму. Орел был высотой около пяти футов и стоял на резном стволе дерева. Каждое перо вырезано отдельно и может быть извлечено из тела птицы. Сделан он из слоновой кости и черного дерева. Замечательная работа. Сначала я подумала, что ширма была нарисована, но это не так. Она состоит из четырех панелей с вышивками, на каждой из которых разные морские виды, а на обратной стороне — чайки летают, плавают и кормят птенцов — поистине чудесное произведение искусства. Его создание заняло восемь лет у самой профессиональной швеи Китая.

В музее есть коллекция старых царских карет — прекрасные экипажи, все золоченые и бархатные, с красиво расписанными деревянными панелями. Здесь есть карета Екатерины. Она длинная и широкая, и непонятно, как она может развернуться. Она больше обычного трамвая или омнибуса. Действительно, я не верю, что в Москве есть улица, по которой можно было бы ехать на такой карете. Маленькая великая княжна Ольга посидела в каждой из них. Наконец она выбрала самую большую и красивую и сказала: «У меня будет такая». Затем она очень серьезно распорядилась, чтобы экипаж был отправлен в Царское Село для нее. Ей сказали, что этого не может быть, поэтому она приказала, чтобы карета была готова к ежедневной езде. Я была рада, что ее распоряжения по поводу перевозки не были выполнены.

В Москве много картинных галерей и достопримечательностей, и сам город настолько интересен, что стоит его посетить. Под Пасху Москва особенно красива. Что-то в атмосфере этого места делает его подходящим для этого праздника. Говорят, что Святая Москва содержит семьдесят семь

церквей. По сути, их еще больше, почти каждое пятое здание — церковь. Кто их финансирует и как живут священники, я никогда не могла узнать. Многие из этих церквей очень красивы и интересны.

Как и в Санкт-Петербурге, здесь есть большая английская колония и англиканская церковь. Улицы по большей части вымощены булыжниками, поэтому ездящие по ним экипажи сильно гремят. Некоторые из церквей очень старые, поскольку они избежали пожара[191]. Многие из святых икон избежали уничтожения только чудом. В одной из церквей в Кремле есть вышивка с царапинами от штыка на холсте и какими-то следами на обратной стороне, однако ткань не разрезана. Говорят, что она была выброшена из окна французскими солдатами, отправлена в огонь, но каким-то образом уцелела.

Иван Грозный, который был современником королевы Елизаветы, построил церковь, которой все очень восхищались. Семь маленьких церквей открываются одна за другой, каждая в форме круга, шесть из них вокруг центральной. Они очень красивые и интересные, но очень темные внутри. Легенда гласит, что Иван был очень доволен этой церковью и послал за архитектором, чтобы вознаградить его. Когда этот человек пришел, император схватил его и связал, и велел выжечь ему глаза, чтобы он никогда не смог воспроизвести церковь или придумать что-то, превосходящее ее по красоте. Но история вызывает сомнения. Такое рассказывают о строителях многих известных зданий, в том числе собора в Страсбурге.

В стенах Кремля также находятся семь церквей, многие из которых очень интересны. В одной из них император был коронован. Сам император кладет корону себе на голову, затем он венчает императрицу, которая стоит перед ним на коленях. Одна из церквей в Кремле имеет самую высокую колокольню в России[192]. С этой башни упал самый большой колокол в Москве и раскололся от удара. Сейчас он стоит на пьедестале на земле, по меньшей мере сорок человек могут стоять под ним[193]. С тех пор колокола крепятся к полу с помощью навесных замков и цепей. Я была на вершине колокольни и была очень рада снова спуститься. Незадолго до нашего визита туда поднялись два так называемых джентльмена. Придя наверх, один из них вынул из кармана маленькую кошку и сбросил ее за парапет. Бедный маленький зверек несколько раз перевернулся в воздухе, упал, затем встал и убежал, видимо, совершенно невредимый. Конечно, это было сделано для пари, но это было жестоко.

Иван Грозный был женат шесть раз. Русская церковь допускает только три брака, и в одной из церквей есть место за

пределами освященной части, где он должен был сидеть, чтобы услышать богослужение со своими тремя последними женами.

Я думаю, что в этой церкви лежат останки Дмитрия Мученика[194]. Он был сыном четвертой жены Ивана Грозного и стал царем в девять лет. У Ивана было три сына[195]. Старший, которого он убил ударом железного слитка[196]. Второй сын стал эпилептиком, и поэтому по русскому законодательству он не мог царствовать[197]. Маленький Дмитрий был третьим сыном, сыном четвертой жены. Шурин Федора, второго сына, стал регентом; его звали Борис. Он нашел власть очень привлекательной и попытался, прежде всего, узурпировать престол, объявив, что Дмитрий, будучи сыном четвертой жены, был незаконнорожденным[198]. Но люди были слишком привязаны к старой династии, чтобы это стало возможным. Поэтому он подговорил сопровождающих ребенка оставить его без свидетелей на полчаса в одном из дворов Кремля. Когда они вернулись, все следы мальчика исчезли. Борис дал понять, что ребенок был эпилептиком и помещен под наблюдение, что казалось вполне правдивой историей, и у Ивана больше не было прямых наследников, чтобы противоречить Годунову, так как его сестра была бездетной[199], поэтому он узурпировал трон и принял титул царя.

В последующие годы появился ложный Дмитрий[200], утверждавший, что убежал из тюрьмы. Внешне он был очень похож на члена императорской семьи, и его призыв был воспринят с большим жаром, особенно в Польше, куда он, по своим словам, сбежал и где нашел много могущественных сторонников, которые снабдили его солдатами и деньгами. Ему удалось победить Бориса, которого он убил, и захватить трон. Он не правил ни хорошо, ни мудро, и наконец был осужден кем-то, кто, похоже, хорошо его знал. Дворянство встало против него, и его армия потерпела поражение. Он бросился из окна в Кремле, когда дворяне и их солдаты вошли, чтобы взять его в плен. В одной из церквей Кремля хранятся останки маленького Дмитрия, эксгумированные и перевезенные сюда[201]. Русская церковь канонизировала маленького мученика чужого властолюбия.

Вскоре после смерти Бориса солдат, который убил ребенка, и горничная, видевшая, как это произошло, признались во всем. Михаил Романов, тогда шестнадцатилетний мальчик, был избран дворянством как их правитель[202]. На его отца Борис смотрел с подозрением и неприязнью и в итоге заставил его уйти в монастырь[203].

Михаил был мудрым правителем и вскоре принес порядок и стабильность на место хаоса. На трон у него были также

семейные притязания, так как две из бывших цариц принадлежали к дому Романовых.

За воротами Кремля находится небольшая церковь или святыня, в которой хранится «чудотворный» образ. Он охраняется днем и ночью. Если кто-то болен и отправляется за этим образом, он помещается в экипаж, охраняемый двумя священниками, и доставляется в дом, где его оставляют на час или два. Образу молятся и просят выздоровления пациента, что иногда происходит. Нет никакой конкретной платы за использование этого образа, но те, кто желает проведения обряда, должны пожертвовать или подарить что-либо, согласно их средствам[204].

В Кремле есть пять ворот[205], каждые из которых охраняются двумя покрытыми медью башнями. Медь стала зеленой с возрастом и под влиянием погоды, и выглядит это очень живописно. Одни из этих ворот — это знаменитые священные ворота. На них висит икона нашего Спасителя, и все, кто проходит под ним, делают это с непокрытой головой. Русские — очень религиозные люди и не стыдятся внешних обрядов. В этом они напоминают католиков Ирландии.

На небольшом расстоянии от города находится дворец, в котором Наполеон спал во время оккупации Москвы[206]. В одном из дворов Кремля находятся сотни французских пушек, брошенных во время поспешного отступления Великой армии из Москвы. Толстой говорит в своей великой книге «Война и мир», что французы были побеждены не человеческой силой, а волей Бога, и смеется над той точкой зрения, что полководец[207], который отступил и заставил москвичей сжечь свои дома, делал это под влиянием тактических соображений. Он говорит, что это была судьба. Я не уверена, но почти все россияне отдают этому полководцу должное за дальновидную политику, и, безусловно, результаты оправдывали его действия.

К югу Москва заканчивается большими воротами, известными как «Красные ворота»[208]. Санкт-Петербург также ограничен воротами, за которыми остальная страна. Это единственные два города, которые, как я знаю, так закрыты. На некотором удалении за Красными воротами — красивый дом и парк, принадлежащий императору, называемый Нескучным[209]. Это означает «sans souci»[210]. Буквально «без печали». Мы часто ездили туда и пили чай в доме или в саду. Подснежники и другие цветы растут здесь в траве. Коровы тоже живут здесь припеваючи.

Пока мы были в Москве, императрица решила, что хотела бы, чтобы были нарисованы портреты детей, с этой целью был нанят художник. Девочкам было тогда четыре года, два с половиной года и два месяца соответственно. Он начал с того, что сделал

бесчисленные фотографии детей, затем собрал коллекцию всех существующих подобных портретов, а затем обнаружил, что не может писать с фотографий. Он объяснил мне, что это не будет художественно. Я умоляла его вспомнить, какими маленькими были дети, и работать с фотографиями. Но нет! Даже нарисовать платья он не мог просто так, настаивая на том, чтобы они сидели перед ним три или четыре часа каждый день. Конечно, бедные дети были очень нетерпеливы, и однажды маленькая великая княжна Ольга вышла из себя и сказала художнику: «Ты очень уродливый мужчина, и я не люблю тебя». К моему удивлению, он был очень недоволен и ответил: «Ты первая леди, которая когда-либо говорила, что я уродлив, и более того, я не мужчина, я — джентльмен!». Он не мог понять, почему я рассмеялась.

Глава XIII. В Беловежье

Из Москвы мы вернулись в Царское Село и оставались там, пока не отправились в Петергоф.

Императорское имение в Петергофе принадлежит царствующей императрице. Оно будет принадлежать ей всю жизнь, и она должна передать его жене следующего императора. В настоящее время оно в руках вдовствующей императрицы. После ее смерти она перейдет к императрице Александре Федоровне.

Нескучный сад — любимое место прогулок москвичей

История Петергофа такова: когда Николай I был молодым, он посетил немецкий двор. Был организован турнир, и молодой великий князь отважился поучаствовать в нем. Впоследствии все, кто принимал участие в турнире, подъехали к балкону, где сидели дамы из знатных семей. Молодая принцесса Пруссии бросила ему венок из роз, который он поймал на свой меч. Между молодыми людьми быстро возникла симпатия, и вскоре они поженились. Когда он стал императором, он купил земли, на которых теперь размещается парк Петергофа, и построил там резиденцию, которую он назвал «Коттедж». В память о своей первой встрече императрица сказала, что все в доме должно быть украшено венками из роз, надетых на мечи[211].

Вдовствующая императрица — очень привлекательная женщина. У нее красивый голос и чрезмерный такт, который обычен для датской семьи, а также полученная от нее же моложавая внешность. Этот последний факт не должен удивлять нас, поскольку, согласно старой легенде, у них есть камень молодости. Граф Лимерик однажды отправился в Копенгаген, где ему было очень комфортно — люди соперничали друг с другом в попытках сделать его счастливым. Когда он уезжал, он сказал тем, кто развлекал его: «Скажите мне, что я могу сделать для вас, и я сделаю это». Они сказали ему, что в определенном месте на поле в графстве Лимерик[212] была погребена урна с золотом. Если он выкопает урну, он найдет каменное кольцо. Это кольцо его попросили отправить в Копенгаген, но за его неприятности он мог сохранить золото.

По прибытии в свою страну ирландец сразу же отправил людей на поле и быстро раскопал сокровище. Он отправился в Копенгаген, держа в руках горшок с золотом. Он просил своих добрых друзей взять золото, но они настаивали на том, чтобы получить только каменное кольцо, которое они затем положили в безопасное место. Затем они обратились к нему так: «Несчастный негодяй, вы предали и разрушили вашу страну. Все было хорошо, пока кольцо молодости оставалось в ней, но отныне вся нищета покинет Данию, и ее женщины будут всегда молоды и красивы, в то время как Ирландия будет нести двойное бремя бедности, ее дети будут вынуждены уйти в другие страны, ничто не будет процветать там».

Из Петергофа мы отправились в Беловежье, недалеко от границ Польши, на охоту. Там есть большой лес размером со всю Ирландию, почти без дорог; люди часто теряются там и бродят по кругу, вырезая насечки на деревьях, когда они проходят мимо

них. Там часто встречаются мертвые тела. За несколько недель до того, как мы прибыли, труп путешественника был найден всего в нескольких минутах ходьбы от кордона.

Покойный император очистил почти три с половиной квадратных мили и построил небольшой дворец на возвышенности. Есть благоустроенные сады, и само здание довольно живописно. Внутри дворец богато украшен, и одна комната порадует филателиста: стены, мебель, — все покрыто старыми почтовыми марками. Это выглядит как какая-то мозаика. Мне сказали, что многие марки — очень ценные и редкие экземпляры. Должно быть потребовалась огромная работа, чтобы разместить их все.

В лесу бродят лоси, бизоны, большие красные олени и дикие кабаны. Лось — самое нежное животное, даже если оно ранено, он никогда не пытается атаковать нападавшего. Зубр, однако, свирепствует, как и дикий кабан. Лось очень уродлив, как будто рогатый осел. Мы никогда не ходили в лес без проводника, это было слишком опасно. Пожары здесь очень часты, поэтому лесники строго следят за кострами, которые разводят цыгане и другие люди, проходящие через лес. Лесные пожары гасят путем вырубки деревьев и выкапывания канавы на пути огня, но иногда пожары длятся несколько дней. В лесу также много ядовитых змей, поэтому нужно быть особенно осторожным. Я поняла в Беловежье, как может быть страшна природа, когда вы гуляете в одиночку. Лес пугал меня своими неизвестными опасностями. Я считаю, что бродяг здесь боятся больше, чем диких зверей. Это люди, которые были лишены паспортов и отправлены в сельскую местность.

Как раз перед тем, как мы отправились в Беловежье, в деревне и прилегающей к ней территории произошла вспышка оспы. Ей противостояли так называемым шведским методом: каждый пациент был вакцинирован семь раз в последующие дни. Лечение было наиболее успешным. Было двести пятьдесят больных, и четверо из них были детьми в возрасте до года, но ни один пациент не умер и ни один из них не был изуродован этой страшной болезнью.

Из Беловежья мы отправились в Спалу, в Польшу, на охоту. Здесь есть немного крупной дичи, и лес намного меньше, чем Беловежский, только размером с Йоркшир. Там более открытая местность; есть красивая река, по которой можно кататься на лодках.

Для детей были организованы различные сюрпризы. В маленьком саду был построен чайный домик, и вокруг него оказалось около десятка ручных оленей, ручные фазаны, зайцы и

т. д. Эти существа приходили и ели из наших рук, а олени следовали за мной повсюду, кладя свои хорошенькие головы на мою руку и смотря вопросительно мне в лицо, похоже, прося лакомства. Великая княжна Татьяна назвала их «милые создания», и это имя к ним пристало. За стенами, окружавшими эту сказочную страну, текла река, в которой плавали всевозможные водоплавающие птицы, приходившие за кормом. Поэтому это был настоящий рай для детей.

Еще один сюрприз ожидал их в виде маленькой коляски, запряженной парой коз, каждую из которых вел мальчик в польском костюме, в длинной куртке из белого домотканого сукна, украшенной черной каймой, и в высокой черной войлочной шляпе, украшенной полосками из черной бархатной ленты, бумажными цветами и розеткой из разноцветных лент. Отделка была закреплена на шляпе!

Глава XIV. Молодой офицер и куклы

Мы отправились в Крым, оставив Спалу. Мы проехали Альму[213] как раз перед сном, и я была разочарована, так не увидела этого знаменитого поля битвы. Проснувшись утром, я была рада обнаружить, что мы все еще находимся на вокзале, поэтому я смогла изучить его из окон. Мы отбыли около восьми часов и вскоре ехали через красивейшую сельскую местность. Высокие горы, как будто одетые в леса, прекрасные в их осеннем наряде. Я никогда не видела такой листвы. Вскоре мы подъехали к Инкерману[214]. Здесь замечательный монастырь, высеченный прямо в огромном утесе. Природа сделала большую часть пещер, которые использовались как комнаты, но и сами монахи выдолбили большие ниши. Монастырь хорошо обставлен и красив.

Вскоре после отъезда из Инкермана мы прибыли в Севастополь. Русские называют его «Севастополь», с ударением на третий слог[215]. Здесь нас ждала яхта, и мы взошли на борт. Я очень люблю яхты, пока они стоят на якоре, но когда они начинают двигаться, это совсем другая история.

Расположенный на высоких бесплодных скалах, поднимающихся прямо из воды, Севастополь казался неприступным. Невольно я задалась вопросом, как союзные армии вообще смогли высадиться. Я смотрела на крепость, гадая об этом, когда барон М., генерал казачьего полка, спросил меня, о чем я думаю. Я сказала ему, и с блеском в глазах он ответил мне: «Понимаете, бедные россияне очень проголодались, а повар приготовил особенно вкусный ужин. Они убежали, когда

услышали обеденный гонг, и англичане спокойно вошли в город, и когда русские вернулись, их уже ждали. Это был большой шок для русских». Я вежливо поблагодарила его за урок истории, и он сказал мне, что всегда будет очень рад пополнить мое образование, но если его знания отличаются от того, что я слышала раньше, мне стоит самой решить, кому верить.

Мы остановились в Севастополе только на один день, после чего отправились морем в Ялту. Черное море обычно очень бурное, и это время не было исключением. Путешествие из Севастополя в Ялту занимает около четырнадцати часов. Мы плыли ночью, так что прибыли только на следующий день. Было большим облегчением снова оказаться на твердой земле.

Ялта — маленький городок с большим количеством отдыхающих; но в межсезонье здесь очень мало людей. Магазины закрываются, а их владельцы отправляются на Кавказ или в более отдаленные районы России и торгуют там. Многие лавочники — евреи; некоторые — армяне. Один магазин, который я знала, держат маленькая армянка и ее муж. Она была спасена английскими миссионерами и училась в школе миссии, где она научилась говорить по-английски. Она обожала г-на Гладстона[216]. У нее был хороший магазин со всякими восточными изделиями, кавказским серебром и симпатичными вещами, подходящими для подарков. Некоторые из этих мелочей имели разумную цену, в то время как другие дороже, чем в Лондоне. Серебро, однако, дешевое и очень качественное.

Ливадия, как называется императорское имение, находится на полпути к горе и окружена огромными виноградниками, спускающимися к морю. Виноград там вкусный. Черное море, как и Балтика, неприливное. В Ливадии есть каменистый пляж, где каждое утро играют дети. Они снимают свои туфли и заходят в солнечную воду, где собирают гальку. Однажды я везла их домой, когда мы встретили молодого офицера со «Штандарта». Он спросил их, что у них было в руках, и дети показали маленькие кусочки зеленых камней, которые они подобрали, и серьезно попросили его оставить их себе, если он захочет. Он взял маленький камень у каждого ребенка, и когда я встретила его снова, эти камни были вставлены в золотые оправы и прицеплены к его цепочке для часов. Он сказал, что не расстанется с ними ни за что, ведь дети сами нашли их и подарили их ему. Действительно, было очень забавно видеть, как люди смотрели на этих маленьких девиц. Однажды мы садились в карету в Петергофе, когда подошел офицер, чтобы сказать доброе слово. Маленькие великие княжны, которые были дружелюбными существами, начали с ним разговаривать, и одна из них достала

из кармана маленькую деревянную игрушку и спросила, хочет ли он эту игрушку. Он был очень доволен, а потом повернулся ко мне и сказал, что у него проблемы, и, увидев, как мы остановились, он подумал, что, если он успеет дойти до коляски, чтобы поклониться детям, он найдет выход из своей ситуации. «И видите, — сказал он, — я не только поклонился им, но и поцеловал их руки и получил игрушку от одной из них. Я буду хранить ее до тех пор, пока буду жив». Когда я встретила его снова, он рассказал, что загаданное сбылось: он нашел решение своей проблемы.

В гвардии был высокий молодой немецкий офицер, и он просил великую княжну Ольгу подарить ему куклу. Маленькую, которую он мог бы держать в кармане и играть с ней, пока стоял в дозоре, это бы его очень порадовало, так он сказал. Бедная маленькая Ольга Николаевна не знала, шутит ли он или говорит всерьез. Я сказала ей, что уверена, что кукла доставит офицеру удовольствие, только это должна быть очень маленькая кукла. Вскоре она принесла мне пару таких кукол, одетых как мальчики, одна без ноги, а другая — без руки. Я сказала, что думаю, что было бы лучше дать не сломанную куклу, и она ответила: «Да, но это мальчики, и он мужчина, я боюсь, что ему не понравится маленькая девочка-кукла». Затем я попросила ее спросить офицера, когда она его увидит.

На следующее утро она положила куклу в карман, и в ходе нашей прогулки мы встретили капитана С., который сразу начал упрекать ее за то, что она забыла, насколько ему нужна кукла, чтобы скрасить его одиночество. Она засунула руку в карман и достала куклу, держа ее за спиной. «Что бы вы предпочли, — серьезно спросила она, — куклу-мальчика или девочку?» Он также серьезно ответил: «Маленькая кукла-девочка будет похожа на вас, и я ее очень любил бы, а мальчик будет хорошим товарищем». Она была в восторге и отдала ему куклу, воскликнув: «Я рада, я так боялась, что вам не понравится». Он аккуратно положил куклу в карман.

Вскоре после этого молодой офицер отправился на отдых. Когда он вернулся, в первый же день он увидел маленькую великую княжну, которую он сразу же попросил о новой кукле. Она укоризненно спросила: «Неужели ты уже сломал милую куклу, которую я тебе дала?». Он вежливо объяснил, что маленькая куколка в порядке, но хотела себе спутника; так что через несколько дней Ольга подарила ему еще одну куклу.

Согретое солнцем море выглядело очень заманчиво, и я подумала, что должна искупаться в нем, но у меня не было купального костюма. Поэтому я отправила одну из младших

служанок в Ялту, чтобы получить либо готовый костюм, либо материал, чтобы сделать его. Когда она вернулась, она поведала, что единственное, что она может найти, это красная хлопчатобумажная рубашка русского крестьянина, и предположила, что мне это не понравится. Мое мнение было таким же, но я спросила, смогла ли она получить ткань, из которых я могла бы сделать костюм. Она сказала мне, что пошла в магазин и спросила что-нибудь для купального костюма. Женщина спросила ее, берет ли она для себя, и она ответила, что это для другого человека. Лавочник презрительно посмотрел на нее и сказал: «Купальники — французская мода! Скажи ей, чтобы она пошла и купалась в своей коже, как это делала ее бабушка».

В Массандре, на полпути к горе на другой стороне Ялты, находится восхитительный розарий[217]. Розы стоят как стены по сторонам дорожки. Сзади — ползучие розы, обвивающие шпалы. Они достигают высоты в семь или восемь футов. Перед ними — карликовые экземпляры всех цветов и оттенков, вплоть до крошечных розовых и белых кустиков высотой не более фута. Вся земля у подножия этих розовых кустов покрыта фиалками. На заднем плане стоят кипарисы, как будто часовые. Я люблю кипарис, когда он зеленый, но ни одно дерево не выглядит так похожим не призрак, когда оно мертво. В этом прекрасном саду есть много тропических растений и деревьев. Кедры из Гималаев, араукарии, такие же большие, как лесные деревья, великолепные магнолии и многие другие, имен которых я не знала. Выше по склону горы — второй розарий. Здесь розы растут вдоль веревок, натянутых горизонтально в футе над землей. Там есть великолепная клумба и французских роз, еще одна из желтых роз всех оттенков, а также еще одна из красных, розовых и белых роз вперемешку. Эти клумбы составляли по меньшей мере сто футов в длину, возможно, семьдесят в ширину. Этот сад также окружен величественными кипарисами, похожими на стражу.

Массандровский дворец императора Александра III расположен в Верхней Массандре на Южном берегу Крыма. Ныне это дворец-музей — филиал Алупкинского дворцово-паркового музея-заповедника.

В Алупке, на Ливадийской стороне Ялты, находится красивая резиденция[218]. Существует проспект магнолий протяженностью около мили, прекрасный, когда деревья покрываются белыми цветами, аромат которых восхитителен.

Вход в дом очень внушительный, большие пролеты белых мраморных лестниц с красивыми скульптурными львами на каждом углу. Территория вокруг этого прекрасного дома, однако, в ужасном состоянии. Я никогда не видела ничего подобного. Там одни сорняки и камень, хотя совсем рядом — хорошо обработанные поля и табачные плантации, отлично окупающие себя.

Кажется, владелец Алупки все еще несовершеннолетний; он унаследовал все это, когда был ребенком. Его мать и попечители продавали землю крестьянам, которые ею не занимаются. Молодой владелец живет за границей, и мне говорят, что он не знает ни слова по-русски.

И внутренняя часть дома, и сады находятся в относительно нормальном состоянии. Мне сказали, что мальчик обладает большими имениями в Черноземье, поэтому, когда он вырастет,

он сможет вернуться в Россию и познакомиться с ее народом.

Следующее место рядом с Ливадией — Ореанда[219]. Раньше она принадлежала великому князю Константину, но император недавно купил ее. К сожалению, дом был сожжен семь лет назад. Я ожидаю, что он будет подготовлен для наследника, когда он вырастет. От дворца остался только фундамент.

На территории есть небольшая церковь, колокольня которой — большой дуб. Колокола подвешены на сучья. Большой колокол звонит только в случае пожара.

Ореанда очень красива, и мы часто пили там чай. В саду есть мелкий бассейн с золотыми рыбками. Когда мы вернулись в Крым через два года, золотые рыбки исчезли. Я спросила, что с ними стало. Человек объяснил: «Увы, мы хотели очистить маленькое озеро, поэтому с большой осторожностью мы захватили золотых рыбок и поместили их в большой пруд, в котором живут лебеди, но мы не смогли найти их снова». «Нет, — сказала я, — конечно, нет, лебеди съели их». Он поднял руки и в ужасе воскликнул: «О нет, мисс, эти лебеди особенно приручены, его величество знает их, они никогда не будут есть ничего, что принадлежало императору».

За Ореандой находится Ай-Тодор[220], или «место святого Феодора», резиденция великого князя Александра, который женат на сестре императора, великой княгине Ксении Александровне. У них пять сыновей и дочь, все — красивые и умные дети. Ай-Тодор — очень приятное место, и они проводят много времени в Крыму.

Прогуливаясь по Ялте, вы слышите так много разных языков и видите так много национальностей, что это напомнило мне о моем путешествии в Иерусалим.

Здесь вы встречаетесь с турецкой семьей, женщины все прячутся за вуалями, так, что видны только глаза, которыми они пристально изучают вас. Потом вы встретите татар — оживленных людей, высоких и, как правило, атлетического телосложения. Они должны выглядеть так, поскольку они обычно строят свои деревни на вершине неприступных скал. Все окрашивают свои волосы в яркие красные тона, а замужние женщины зачерняют зубы и раскрашивают ладони. Говорят, что дома татар самые красивые.

Незамужние женщины-татарки красят волосы, носят на голове небольшую круглую бархатную шапочку с вуалью. Эти вуали расшиты золотом и серебром.

Есть много греков, которые, похоже, ничего не делают, только спят. Однако им удается жить, и я считаю, что они очень искусны в торговле. Они, похоже, довольны жизнью вообще, хотя постоянно оборваны и грязны. Армяне, греки, русские, все в

местных костюмах, составляют очень забавную картину.

В Одессе и Крыму есть также караимы. Это татары, исповедующие иудаизм, — небольшое племя, всего около десяти тысяч во всей России. Они очень хорошие граждане, самые лучшие среди инородцев в России. Они почитают Ветхий Завет и полностью отвергают Талмуд, но для западных умов их идеи являются своеобразными и очень неправильными. Их женщины не исповедуют никакой религии, и они могут надеяться только на то, что будут спасены молитвами своих мужей; поэтому их девочки женятся очень рано.

Они физически превосходят евреев, но, похоже, медленно растут. Я была знакома с караимской семьей: это хорошо образованные и воспитанные люди, и очень красивые. Они говорят даже в своих собственных домах на русском, а не на татарском языке и считаются во всех отношениях, кроме религии, русскими.

Когда мы были в Крыму, император слег с брюшным тифом. В то время эпидемия бушевала везде. В Ай-Тодоре было шестнадцать или семнадцать случаев. В некоторых татарских горных деревнях было и вовсе все очень плохо.

Эти пять недель, пока император лечился, были очень тревожным временем для семьи, и велика была радость, когда он выздоровел.

Маленький друг детей, Павел, заболел в то же время пневмонией. Врачи сказали, что выздоровление едва ли возможно. Императрица сказала мне поехать туда с детьми и взять для бедного маленького Павла несколько роз и все, что может разжечь его аппетит. Мы срезали несколько роз, упаковали корзину с деликатесами и отправились к нему. Вся семья была в отчаянии; в тот день они посетили специалиста, и его прогноз был неутешителен. Мы видели английскую гувернантку, и она была очень грустна, рассказывая мне о бедном маленьком Павле. Она взяла розы и корзину и сказала Павлу, что императорские дети принесли эти вещи и ждут в саду, чтобы узнать, как он. Павел поблагодарил детей, а затем попросил: «Пошлите Дарью ко мне». Маленькую сестру послали за ней. «Дарья, — сказал умирающий ребенок, — вы видите, что императорские дети думают намного больше обо мне, чем о вас, и когда вы простужались, они даже не звонили. Они пришли сами и принесли мне все эти прекрасные блюда, я собираюсь есть их и поправляться». Утешившись этой мыслью, он заснул и в конце концов выздоровел.

Глава XV. Маленькая освободительница

Мы проводили Рождество в Крыму и украшали дом плющом и остролистом. Остролист вообще не растет на севере России; климат для него слишком суровый.

Дети были очарованы украшениями и побежали под омелу, чтобы поцеловаться[221]. Обильный снегопад заблокировал железнодорожные линии, и мы опасались, что не будет никаких рождественских посылок ни из Англии, ни из Гатчины. Однако специальные курьеры взяли сани и проехали через горы, поэтому все подарки были доставлены в канун Рождества. У нас была наша рождественская елка, как обычно, и маленькая Мария была в восторге от нее, так как не могла вспомнить ничего подобного. Она спросила императора: «Папа, ты когда-нибудь видел что-то такое красивое?».

Был уже январь, когда мы уехали из Крыма. Мы все спали на борту «Штандарта», когда появился специальный посланник, сообщивший о смерти королевы Виктории. Телеграмма не открывалась до следующего утра. Императрица была очень огорчена. Долго искали траурную одежду, и, к счастью, у каждого было что-то черное с собой.

Мы приехали в Санкт-Петербург в субботу, и мне поспешили найти подходящую шляпу для церкви в воскресенье. Церковь была переполнена, и все там были одеты в траур, некоторые даже носили креп. Я в жизни не видела ничего настолько печального и меланхоличного.

Разумеется, в этом году не было балов из-за глубокого траура. Наследный принц Австрии приехал в гости. Он особо не афишировал свое присутствие, но в его честь были даны несколько обедов. Однажды в Зимнем дворце был большой званый ужин. Мажордом нес рыбу на блюде и начал раздавать ее; внезапно он споткнулся, и рыба упала на ковер и платье императрицы. В смятении он вышел из комнаты и вошел с другим блюдом. Часть рыбы, видимо, осталась на ковре, и несчастный человек снова упал и добавил императрице еще и то, что он нес. Два раза подряд было перебором — вся компания расхохоталась.

Несмотря на отсутствие балов, дети стали много выезжать и устраивать маленькие вечеринки дома.

Однажды маленькая великая княжна Мария смотрела из окна на полки солдат, марширующих мимо, и воскликнула: «О, я люблю этих дорогих солдат, я хотел бы поцеловать их всех!». Я заметила: «Мари, милые девочки не целуют солдат». Но она, казалось, не обратила на это внимания. Через несколько дней у нас была детская вечеринка, и дети великого князя Константина были среди гостей. Один из них, достигший двенадцати лет, учился в кадетском корпусе и пришел в форме. Он хотел

поцеловать свою маленькую кузину Марию, но она положила руку ему на губы и отстранилась от объятий. «Уходи, солдат, — сказала она с большим достоинством. — Я не целую солдат». Мальчик был в восторге от того, что его назвали настоящим солдатом, и в то же время он немного разочарован.

В этом году я увидела большую часть Санкт-Петербурга и посетила, среди других интересных мест, Монетный двор. Я считаю, что это самое большое из подобных заведений в мире. Когда я была там, они как раз чеканили золото[222]. Они делают это в огромных печах, работающих на дровах. Я не знаю, как истопники могут стоять перед ними. Там хранятся золотые слитки, которые были выплавлены при великом князе Владимире. По сравнению с ним даже английский соверен выглядит как медь. Один из рабочих придумал таблицу, по которой золото можно считать очень быстро. Эта таблица разделена на маленькие квадраты. Одна тысяча рублей точно заполняет каждый квадрат. Они могут посчитать около двадцати тысяч рублей золотом в невероятно короткий промежуток времени. Некоторые из используемых машин имеют очень тонкую и деликатную настройку. Они работают здесь для всей Российской империи и еще производят медали и украшения, используемые в России.

Я также видела Казанский собор. В русских церквях всегда много молящихся. Одна бедная женщина ползла по церкви на коленях. В самой церкви торговали иконами. Леди, которая была со мной, предложила купить мне одну из них в память об этом посещении. Я согласилась, но сказала, что тоже хочу купить икону для нее. Она выбрала Мадонну с младенцем. Я заплатила за это сорок копеек, что составляет примерно десять фунтов наших денег. Это включало в себя благословение, поэтому все это было достаточно дешевым удовольствием. Теперь настала моя очередь выбирать, и мне понравилась картина с изображением Святого Георгия и дракона. Она показалась мне просто прекрасной, я поставила ее в угол гостиной. Позже старый священник, который учил закону Божьему великую княжну Ольгу, пришел ко мне обедать. Он посмотрел на эту икону и спросил: «Но ваше имя ведь не Джорджиана, не так ли?». Я ответила: «Нет, отец, но ее подарил мне друг». «О! — сказал он. — Это его зовут Джордж!» — и закивал. Так получилось, что мою подругу зовут Лилиан. Но я не стала углубляться в эту тему.

Мы также посетили Исаакиевский собор. Это, конечно, не библейский Исаак, а более современный святой. За исключением Вестминстерского аббатства, я не знаю ни одной церкви, которая понравилась бы мне больше, чем эта. Здесь есть красивая золотая ширма и столбы из малахита, лазурита и итальянского мрамора.

Я особенно восхищалась бронзовыми дверями; их украшения очень красивы. Лично я редко восхищаюсь медальонами; они любопытны, но не так уж прекрасны для меня; но в Исаакиевском содержатся прекрасные экземпляры. Я стояла под куполом и, подняв глаза, увидела огромного посеребренного голубя. Затем мне сказали, что размах его крыльев — двенадцать футов.

Дети отправились в Царское Село в начале этого года, а император и императрица остались в Санкт-Петербурге. Мы вернулись в город на Пасху, потом снова поехали в Царское Село, и затем — в Петергоф. Как раз перед тем, как мы отправились в Петергоф в этом году, великая княжна Ольга заболела брюшным тифом. Она болела в течение нескольких дней, но погода была необычайно жаркой в течение года, и мы думали, что это может быть причиной и что более прохладный воздух на побережье, вероятно, будет полезен для нее, поэтому путешествие не стали откладывать. Но когда мы приехали в Петергоф, она чувствовала себя очень плохо, и ее сразу отправили в постель. Она лежала там пять долгих печальных недель. Я ухаживала за ней день и ночь, и в какой-то момент она была так больна, что я боялась, что она не поправится; но, слава Богу, она выздоровела. Она хотела увидеть сестру Татьяну, и была очень довольна, когда доктор сказал, что Татьяна может побыть с ней пять минут. Я спустилась и пригласила ее к Ольге. Она стояла рядом с кроватью и очень любезно разговаривала с маленькой больной сестрой. Я была удивлена ее манерами, и когда пять минут прошли, я сказала ей, что я снова отведу ее в детскую. Когда она вышла за дверь, она воскликнула: «Ты сказала, что приведешь меня к Ольге, но я ее так и не видела!». Я сказала ей, что маленькая девочка в постели действительно была ее сестрой. Она заплакала от ужаса. «Этот маленький, бледный, худой ребенок — моя дорогая сестра Ольга?! О нет, нет, я не могу в это поверить!» Она горько плакала, и ее было трудно убедить, что вскоре Ольга снова станет собой.

Ольга все еще лежала в постели, когда родилась маленькая Анастасия. Анастасия означает «разрушающая оковы», «освободительница», а на иконе эта святая всегда представлена со сломанными оковами позади нее[223]. Маленькую великую княжну назвали этим именем, потому что в честь ее рождения император помиловал студентов, которые были заключены в тюрьму за участие в беспорядках в Санкт-Петербурге и Москве зимой. Увы! Многие из них вскоре участвовали в революции[224].

Анастасия Николаевна Романова (1901–1918) — великая княжна, четвертая дочь императора Николая II и Александры Федоровны.

Я не могу сказать, почему студенты так беспокойны в российских университетах. Они должны знать, что ни в одной стране правительство не заботится так о молодых людях, изучающих разные профессии. Мне говорили, что здесь мало или вообще нет вступительных экзаменов, нет возрастных цензов, и

плата за обучение очень низкая. У каждого профессора есть определенное количество бесплатных учеников. Многие из этих студентов были неудачниками в других сферах жизни, и, естественно, они также являются неудачниками в университетах. Когда они не сдают экзамены, они говорят, что экзаменаторы предпочли того-то, потому что он богат, независимо от того, что провал на экзамене не влияет на получение этих бесплатных стипендий.

Анархисты, которых можно найти в университетах под видом учеников, находят этих недовольных молодых людей и говорят им, что они всегда будут преданы своему делу до тех пор, пока все люди не станут равными и т. д. Сипягин[225] и Плеве[226] были убиты студентами.

Убийца Сипягина был повешен, потому что для того, чтобы приблизиться к своей жертве, он надел форму офицера и представлялся адъютантом княжны Елизаветы Федоровны, которая отправила его с письмом в университет; он отказался давать какие-либо сведения о себе и, следовательно, был судим военным трибуналом, ведь только он может приговорить к смертной казни в России. Не существует смертной казни, кроме как для военных преступлений.

Грустно думать о том, какой вред наносится делу образования и работе более серьезных студентов, а также какая это большая потеря времени, когда университеты закрыты на три или даже шесть месяцев.

Недавно студенты организовали митинг протеста против чего-то и провели его на Невском, главной улице в Санкт-Петербурге. Они выбрали фронтальную часть Казанского собора, чтобы выступить с речами. В то время совершалось богослужение, и, естественно, полиция приказала им очистить территорию. Они отказались это сделать, поэтому казаки стали разгонять их, активно применяя нагайки. Одна студентка бросила кусок железа и убила молодого казачьего офицера на месте. Это разгневало казаков, которые стали действовать еще агрессивнее. Последний студент укрылся в церкви; казаки погнались за ним, а священник получил удар по голове и был тяжело ранен. Несколько сотен студентов, включая многих женщин, были арестованы. Они говорили, что были избиты казаками без причины, ведь они только защищались.

Власти посчитали, что лучше отправить их в сельскую местность на некоторое время, а зачинщиков посадили в тюрьму.

Великая княжна Анастасия Николаевна была крещена, когда ей было две недели. Я не присутствовала на церемонии, так как великая княжна Ольга еще не совсем оправилась от лихорадки.

Но церемония была точно такой же, как и при крещении великой княжны Марии.

Многие люди выразили удивление, что одну из маленьких великих княжон не называли Виктория или Александра. Русская церковь допускает только имена, существующие в русском языке. Виктории не существует, хотя Виктор есть; Александра же считается очень неудачным именем для члена семьи Романовых.

У императора Павла была дочь по имени Александра. Ее жизнь была короткой и несчастливой. Когда ей было около семнадцати лет, ее бабушка, Екатерина II, устроила для нее брак с королем Швеции. Пришел день свадьбы, невеста была одета, столы приготовлены к празднику, собрались гости и священники. И тут жених внезапно объявил своим господам, что не может и не будет заключать брак. Тщетно они умоляли его не оскорблять свою невесту и великий русский народ. Он был непреклонен. Невеста и ее семья ждали его. Вскоре очень испуганный и дрожащий придворный робко заглянул в комнату и бросился на землю перед Екатериной. Он сообщил ей ужасные новости. Она уже была зла из-за задержки, и ее гнев после этих новостей был ужасен.

Король Швеции и его свита как можно быстрее покинули Зимний дворец. Для бедной униженной молодой великой княжны быстро устроили брак с австрийским великим князем, но она так и не оправилась от шока и умерла в девятнадцать лет[227].

У Николая I была очень красивая дочь по имени Александра. Она была замужем за сыном Наполеона Бонапарта. Она умерла от скарлатины до того, как ей исполнилось двадцать лет. В Царском Селе есть красивая статуя, а также небольшая мемориальная церковь в ее честь.

Александр II имел дочь с тем же именем. Она умерла в детстве; она, судя по ее портрету, была довольно красивым ребенком. Маленькое синее шелковое платье, которое она носила, все еще хранится в Зимнем дворце.

В других ветвях семьи также были Александры, но они тоже не доживали до двадцати одного года.

Глава XVI. Моя первая встреча с королем

В этом году мы отправились в Данию. Там был большой сбор представителей различных царских дворов. Там были король[228] и королева[229] Англии, принцесса Виктория[230] и ее сестра, принцесса Шарлотта Датская[231], император и две русских императрицы, король Греции[232] с одним из сыновей и многие другие.

В то время мы остановились в Фреденбурге. Он находится в стороне от Копенгагена, и он намного больше, чем Бернсторфф. Там есть большой парк.

Король Эдуард VII прибыл вскоре после нас, и в тот день, когда его ожидали, королева Александра вошла в детскую и сказала, что он прибывает, и попросила меня принарядить детей. Я показала ей платья, которые я приготовила, и она восхищалась ими. Она часто говорила, что все русские принцессы всегда так хороши и отлично одеты. Когда мы уезжали, королева дала мне фотографию, где были она, король и его маленький внук, на обратной стороне были такие добрые и любезные слова, какие только она могла написать.

Король часто говорил со мной и называл меня «моя ирландская подопечная». У него очень хорошие манеры и чудесная память. В этом году он послал мне, на память о рождении царевича, брошь зеленого цвета, потому что я ирландка. Говорят, он никогда ничего не забывает, и я знаю, что он никогда не забывает быть добрым.

В этом году мы видели много членов семьи императрицы, так как ее старшая сестра, принцесса Виктория Баттенбергская[233], ее муж и вся семья остались с нами в Петергофе летом.

Принцесса Виктория Баттенбергская имеет четырех красивых детей. Я думаю, что ее две дочери — одни из самых красивых молодых принцесс Европы. Самая старшая, принцесса Алиса, вышла замуж за принца Андрея Греческого в прошлом году; она очень красивая, но мне больше нравится ее младшая сестра. Они обе — очаровательные молодые девушки, и еще в семье есть два прекрасных мальчика.

Несколько лет назад корабль принца Луи[234] пришвартовался в Шенноне. Он отправился в Килки, чтобы провести там ночь и увидеть это место. Недалеко от станции есть отель, очень красивый и удобный, но не первоклассный. Принц снял комнату в этом отеле, оставил сумку и отправился на прогулку. Он заметил, что в комнате две кровати. Когда он вернулся с прогулки, он с удивлением обнаружил, что одна

кровать занята другим путешественником — коммерсантом. Он послал за консьержкой и попросил отдельную комнату. Та очень разозлилась и накричала на него: «Кто вы такой, чтобы считать себя лучше, чем другие путешественники?». Принц ответил, что все это, может быть, очень верно, но он хотел бы комнату только для себя. После чего женщина сказала ему, что может дать ему комнату в небольшом коттедже, который находится за пределами отеля. Принц, соответственно, отправился в маленький коттедж и лег спать.

Утром принц Луи написал свое имя в книге посетителей, и ужас женщины сложно было представить. Она была абсолютно уверена, что королева арестует ее за то, что она была столь дерзкой по отношению к ее зятю.

Я была в Килки в то время, когда произошел этот инцидент, и вряд ли поверила бы в такую историю, но сам принц заверил меня, что все так и было, и был очень удивлен встречей с кем-то из столь отдаленного места, как императорский дворец в Петергофе.

Глава XVII. Заблудившаяся в лесу

Но вернемся в Риель, к нашему путешествию в Спалу. Как правило, когда час для отъезда был поздним, мы с детьми спускались к поезду вечером, в то время, когда в него грузили багаж, и нас тогда отправляли на запасной путь, и я укладывала детей спать в нормальное время, и они спали до утра.

В этот раз не было никакого запасного пути, на котором можно было держать поезд достаточно долго, поэтому нашему поезду было дано указание, чтобы он медленно двигался туда-сюда, и были приняты меры, чтобы он не мешал движению других составов.

Только мы зашли в поезд, как он сорвался с места, развив потрясающую скорость — восемьдесят пять миль в час, как мне потом сказали. Через несколько минут нас начало страшно раскачивать. Бедные дети были в ужасе. Я боялась, что в любой момент состав перевернется. Слуги молились на коленях; все были напуганы.

С большим трудом я добралась до инженера, чтобы попросить его уменьшить скорость. Ему было очень жаль, он сказал, что не знал, что последствия его действий будут такими ужасными, но теперь он не мог снизить скорость, так как риск столкнуться с другим поездом был слишком велик. Наш поезд был слишком длинным и тяжелым, и он не мог остановить его сейчас даже на пять минут. Он хотел попробовать двигатели,

сказал он, и подумал, что это хорошая возможность. Почти четыре часа мы ездили взад и вперед в темноте, через Германию, с огромной скоростью. К счастью, я заставила детей лечь, и они все-таки заснули, измученные испугом и плачем.

Я ушибла оба локтя, и теперь они болели, и мое лицо также пострадало от того, что я упала на кресло, а затем на пол. Император и императрица были потрясены нашим внешним видом, и император был очень зол, когда услышал, что случилось. Даже через неделю я чувствовала боль и головокружение; это было хуже, чем морское путешествие.

Императрица подарила мне красивую сумку. Она была со мной в вагоне, и я видела, что ее доставали на станции в Спале; однако она так и не попала в дом. Она была украдена, вероятно, одним из торговцев, и хотя мы предлагали награды, но так ничего и не узнали. Священник даже говорил во время службы, что если ее вернут, то никого обвинять не будут, но ее не нашли. Мне было очень жаль ее, потому что у меня там было много мелочей, которые я очень ценила, а также дневник, который я вела, записывая все о детях. Полиция даже провела обыск в соседнем городе, но все это не помогло.

Я уже говорила про лес в Спале, и, пока мы были там, маленькая девочка, родившаяся в тот же день, что и великая княжна Мария (соответственно, ей было около двух лет и четырех месяцев), потерялась в этом лесу. Она была младшей дочерью одного из лесников и играла рядом с матерью, пока та готовила обед. Дверь была открыта, и она выбежала и исчезла. Мать подумала, что она играет в саду, и не обратила на это внимания.

Когда отец пришел домой к обеду, девочку не удалось найти. Вскоре каждый человек искал потерянного ребенка. Император не пошел на охоту в тот день, и охранники, полицейские, лесники и другие — все были отправлены на поиски пропавшего ребенка. Некоторые с ужасом предполагали, что ее унес дикий зверь.

В двадцати милях от леса было выставлено оцепление, и внутри этого периметра все тщательно искали девочку. Соседи остались с бедной расстроенной матерью, и поддерживали огонь, грели воду, суп и т. д. Затем выпало много снега, что еще сильнее осложнило задачу. Всю ночь и почти весь следующий день поиски продолжались, но безрезультатно, пока солдат, который всю ночь без перерывов искал, не увидел, что кто-то шевелится под кустом. Приблизившись, он нашел там маленькую девочку, мокрую и без сознания. Он быстро принес ее домой. Ее раздели и уложили в постель, а вечером она уже спокойно играла и довольно быстро забыла всю историю. Хорошо, что она была такой молодой, иначе, возможно, ей не удалось бы так легко поправиться.

Раньше мы совершали долгие поездки по Спале в маленькой карете с кучером. Я начала опасаться, что это было не совсем безопасно, так как несчастный случай может произойти с пони, а никто из нас не знает ни слова по-польски, и было бы невозможно отправить кого-то за помощью, если бы что-то произошло, поэтому я попросила, чтобы казак всегда ехал позади нас верхом.

Это было сделано. В первый же день мы ехали по деревне, когда увидели человека, который бежал к нам. Он был одет только в свою ночную рубашку. Я думала, что он, должно быть, сбежал из постели, в бреду, и что он может страдать от оспы или брюшного тифа, поэтому была довольно напугана. Однако, как только он увидел казака, он повернулся и побежал в другом направлении, не нападая на нас.

На следующий день его нашли в том же костюме в лесу на некотором удалении от деревни. Полиция спросила его, кто он. Он заявлял, что удивляется их невежеству, и назвал себя королем Польши. Одна из полицейских поинтересовалась: «Где ваш паспорт?». «Как! — удивился он. — Вы полицейский, и не знаете, что король не нуждается в паспорте?» Он оказался опасным сумасшедшим, очень любящим кидать камни.

Когда мы оставались в Польше, мы обычно принимали определенное количество местных жителей в дом в качестве слуг, не потому, что это было необходимо, а просто чтобы дать им работу.

Я никогда не видела таких грязных людей; они бегали по дому босыми ногами, часто покрытыми грязью. Их костюмы состояли из полосатой шерстяной юбки, черной тряпочной куртки длиной в три четверти, полосатого шерстяного фартука и полосатого платка на плечах. Они говорили только по-польски и заявляли, что не понимают, когда к ним обращались на русском языке, хотя впоследствии я узнала, что, когда разговор заходит о получении денег, они не только прекрасно понимали все сказанное, но и могут, за редким исключением, читать и писать по-русски. Русские, которые платили им, только рассмеялись, услышав, как они отвечают по-русски и подписывают свои имена в книге.

Маргарет Игер со своими воспитанницами: Татьяной, Анастасией, Ольгой и Марией. 1897 г.

Некоторое время назад в Санкт-Петербурге леди, которую я знала совсем немного, встретила меня и сказала: «Я отдала тому человеку, которого вы прислали, двенадцать рублей, но я боюсь, что он самозванец». Я очень удивилась, спросив ее, что она имела в виду.

Она сказала мне, что к ней обратилась женщина, которая сказала, что она полячка и мой большой друг и очень близко знала меня в Царском Селе; что я помогла ей, насколько могла, и затем, очевидно, послала ее к моим друзьям и знакомым, чтобы

они ей тоже помогли. Мисс К. предложила ей пять рублей (около десяти шиллингов), но она сказала, что это будет бесполезно для нее; ей нужно двенадцать, чтобы заплатить за аренду, или она и ее пятеро детей будут выгнаны на заснеженные улицы. Если бы дело не было срочным, я бы не послала ее и так далее. Излишне говорить, что я ничего не знала об этой женщине.

Через пару дней она пришла в Зимний дворец, но не ко мне; она знала, что лучше этого не делать. Она посетила мадам Г. и попросила дать ей работу. Тщетно г-жа Г. заверяла ее, что вакансий нет. «Вы могли бы легко устроить одну», — заявила она. Затем она просила десять рублей и отказалась уйти, пока не был вызван один из польских министров. Он позвал ее в свою комнату, и ее рассказ о пяти маленьких детях был так грустен, что он дал ей двадцать рублей и пообещал поискать ей работу.

По указанному адресу она не жила.

Затем ее обнаружили в доме великой княжны Ольги Александровны, откуда она ушла с деньгами и хорошей рекомендацией. Великая княжна была очень заинтересована ее судьбой.

Она появилась в доме великого князя Сергея в Москве и сказала, что она мадам Г., и ее внезапно вызвали на юг России, и ей нужно около тридцати рублей для поездки. Сможет ли мадемуазель Д. одолжить ей или она должна обратиться к губернатору?

Случилось так, что там присутствовала подруга г-жи Г., она была в восторге от перспективы увидеться с ней и спустилась вниз. К ее изумлению, она столкнулась с незнакомкой, которая объяснила, что она служанка мадам Г. и что ее мать была на юге и заболела, и мадам Г. получила телеграмму, в которой ее просили приехать как можно скорее. Мадам Г. поспешила туда, но у нее не было достаточных денег для оплаты поездки; она сказала женщине пойти в дом губернатора и попросить денег.

Эта женщина работала на мадам Г. в течение десяти лет, знала все о ее комнатах и говорила так убедительно, что получила эти деньги. Излишне говорить, что никто из придворных никогда больше не видел ни женщину, ни деньги.

Глава XVIII. О детях

Мы вернулись в Царское Село в начале ноября и остались там до Рождества, а затем, как обычно, отправились в Санкт-Петербург на Новый год.

В этом году был очень веселый сезон, много обедов и балов, в отличие от прошлого года, когда Двор был в трауре по королеве

Виктории.

Кронпринц Германии[235] посетил нас и очень сблизился со своими маленькими кузенами. Однако его визит был испорчен вспышкой гриппа.

В начале года все шло как обычно. Маленькая великая княжна Татьяна начала учиться читать и писать по-английски; образование Ольги, конечно, тоже значительно продвинулось. У нее были учителя музыки и русского языка. У обоих детей был очень заметен талант к музыке; императрица и некоторые из ее сестер тоже отлично музицируют, но император не играет и не поет. Он, однако, очень любит музыку. Он сказал мне, что не мог учиться, потому что его педагоги настаивали на том, чтобы он играл по нотам, а он предпочитал подбирать мелодии, которые нравились ему.

Однажды преподаватель арифметики, профессор алгебры из одного университета, попросил, чтобы Ольга что-нибудь написала; она попросила разрешения пойти к русскому учителю, который учил маленькую Татьяну в соседней комнате. Он сказал, что она может пойти, но спросил ее, что она хотела написать. Она объяснила ему, что не может написать «арифметика». Он рассказал ей, как это трудное слово пишется, и она с восхищением воскликнула: «Какой вы умный! И как много вы, должно быть, учились, чтобы быть в состоянии не только так хорошо считать, но и произнести такие очень длинные слова!». Она считала меня чудом образованности и признавалась учителю музыки, что думает, что никто во всем мире не знает так много, как я. Она думала, что я все знаю, кроме музыки и русского.

Хотя она в некоторых вещах превосходила большинство детей своего возраста, в других она была далеко позади. Причина этого, конечно, в том, что она всегда живет под защитой.

Однажды модистка принесла новые шляпы, которыми она была очень довольна; она сказала, что считает, что мадам Б. — самая добрая женщина в мире. «Она проделала весь этот путь из Парижа, — сказала она, — и привезла нам в подарок эти красивые шляпы». Я объяснила, что это бизнес мадам и что шляпы были куплены, а не подарены. Она выглядела немного озадаченной, а потом сказала: «Я боюсь, что вы ошиблись, вы не дали ей никаких денег, и я знаю, что она не ходила к маме за ними».

Единственное, что было ей известно про покупки, Ольга узнала в Дармштадте, в кондитерских и магазинах игрушек. Однажды она спросила меня, почему американцы говорят по-английски, а не по-американски. Я рассказала ей историю отцов-основателей и поведала, как они построили дома и магазины, а

также города. Она была очень заинтересована и спросила: «Где они нашли игрушки для продажи в магазинах?».

В последнее время я читала девочкам «Алису в стране чудес» и «Алису в Зазеркалье», и Ольга была в ужасе от манер черной королевы. «Нет королев, — сказала она, — которые были бы так грубы». Когда я читала о поездке Алисы по железной дороге, она была очень удивлена и ей было очень смешно, что Алису не посадили в отдельное купе. Я сказала ей, что каждый человек взял один билет и занял только одно место в поезде, и пояснила, что некоторые билеты стоят дороже, чем другие, и чем дороже билеты, тем лучше место в поезде.

Она выслушала и сказала: «А когда вы путешествуете, может ли кто-то с таким же билетом, как у вас, попасть в то же купе?». Я подтвердила. Тогда она заявила: «Если бы я была вами, я бы брала целое купе». Я возразила: «Но вы забываете, что другие люди могут не согласиться и сказать: «Я не буду сидеть рядом с этой женщиной»». «О нет, — сказала она. — Все во всем мире были бы рады сидеть рядом с вами».

В последнее время она читала небольшие рассказы об истории Англии; она читала о том, как англичане отрезали голову валлийского принца Лливелина[236] и отправили ее в Лондон. Она была ужасно потрясена и прочитала историю еще раз. Затем она воскликнула: «Хорошо, что он был мертв, прежде чем они отрезали ему голову, это было бы ужасно больно, если бы он был жив». Я сказала, что они не всегда такие добрые, иногда отрубают головы у живых людей, и позже она прочтет об этом. Она сказала: «Ну, я действительно думаю, что люди сейчас намного лучше, чем раньше. Я очень рада, что живу сейчас, когда люди такие добрые».

Глава XIX. Херсонес

На нашем пути в Крым осенью 1902 года мы проехали то место, где императорский поезд потерпел крушение шестнадцать или семнадцать лет назад[237].

Здесь была воздвигнута церковь, и император с императрицей, а также маленькая великая княжна Ольга, посетили там богослужение. Мне рассказывали многие любопытные истории о том, как люди спасались в этом крушении.

Электричество впервые использовалось в императорском поезде в тот день. В вагонах почему-то стало невыносимо жарко, и императрица подумала, что с электрическим отоплением что-то не так, поэтому она послала за инженером и попросила его выяснить, почему в поезде такая жара.

Взяв с собой своего помощника, инженер вошел в машинное отделение; там было очень жарко, и оба мужчины вскоре сняли свои шинели и стали работать в рубашках.

Было слишком жарко, и, несмотря на протест его помощника, инженер открыл окно. В следующее мгновение последовал первый удар, который встряхнул вагон, и двое мужчин вылетели из окна и покатились вниз по склону. Они прокатились около тридцати футов и упали невредимыми в снег.

Но многие были убиты и ранены; в одном купе два офицера положили свои сабли в сетку над их головами. Сабли выпали из этой сетки и упали на спины людям, убив их на месте. Секретарь тоже выпал в открытое окно, упал на голову и сломал себе шею.

Когда это произошло, императорская семья обедала. Слуга как раз подавал императору блюдо из телятины, когда внезапное сотрясение бросило их всех на землю. Большинство из людей, включая нынешнего императора, оказались под столом.

Император первым очнулся; он был потрясен, увидев, что слуга лежал, по-видимому, мертвым, его лицо было покрыто кровью и мозгами; он с ужасом воскликнул: «О, бедный парень, его мозги выброшены наружу!». Предполагаемый труп сел и начал говорить; оказывается, мозги принадлежали не ему, а теленку.

Маленькую великую княжну Ольгу Александровну тоже выбросило из окна вместе с нянькой. Она была вся в порезах и ушибах, а нянька получила внутренние травмы, но ничего серьезного; это было чудом. Всего погибло около тридцати человек, но ни один из членов императорской семьи не получил серьезных ранений.

Некоторые говорят, что это была работа анархистов. Если это так, они выбрали место для засады с осторожностью и изобретательностью, достойной похвалы, так как в этом месте поезд идет под уклон. На мили в обе стороны от этого места территория совершено ровная[238].

Другие говорят, что состав был разорван на стрелке, и поэтому поезд перевернулся. Менее чем за час до этого, однако, совершенно беспрепятственно прошел поезд, везущий багаж.

Несколько дней мы находились в севастопольской гавани и совершали несколько экскурсий в город и по окрестностям.

В то время как мы были там, был спущен на воду броненосец для Черноморской эскадры. Каждую ночь гавань и флот были освещены и выглядели очень красиво. Дети были в восторге от вида кораблей и очень озадачены тем, как это было сделано.

Город расположен на высоких скалах и выглядит неприступным со стороны моря; однако со стороны земли он

открыт. В городе по-прежнему есть отметины от обстрелов. Все дороги вымощены булыжником и, я уверена, являются самыми шумными в мире. Мы были там в начале октября, и жара была невыносимой. В летние месяцы дождь не выпадает, и все выглядит сухим и занесенным пылью.

Мы прошли через знаменитые окопы — там, где полегло много англичан и где было так много отчаянных боев. За этими окопами находятся кладбища, где лежат жертвы войны.

Чтобы понять, какие ужасные здесь шли бои, вы должны были побывать на поле битвы и увидеть могилы погибших, а затем подсчитать, какова была прибыль от этой войны. Я уверена, что потери человеческих жизней не окупятся.

Мы посетили английское кладбище. Кусок земли был куплен у России и окружен каменной стеной, вход красив, и все место хранится в образцовом порядке. Есть человек, русский, который стрижет растения и заботится о цветах и кустарниках. Стены украшены клематисом и вьюнком, которые чрезвычайно разрослись. Весной дерево Иуды[239]покрывается множеством фиолетовых цветков. На могилах растут более скромные цветы, такие как львиный зев, васильки и т. д. Но эти могилы! Надписи на них очень печальны.

На черной мраморной плите написано имя молодой женщины, а ниже — имя трехлетнего ребенка, очевидно, ее сына, но не более того — некому было узнать, чьей дочерью и женой она была и при каких обстоятельствах она погибла в свой двадцать один год со своим маленьким сыном на далекой земле, среди ужасов войны.

Один камень прикрывает останки четырех юношей-офицеров. Надпись рассказывает, что, хотя они не были знакомы друг с другом и служили в разных полках, они были похожи своей молодостью, героизмом и любовью к стране. Они пали в одной битве и были погребены в одной могиле. Их возраст составлял от семнадцати до двадцати одного года; сложив эти возраста, мы получили бы даже меньше восьмидесяти. Бедные мальчики! Кто может сказать, сколько надежд и страхов, честолюбия и любви покоятся вместе с ними.

В одной могиле лежат останки более четырехсот человек, которые умерли вместе. Я нашла могилу героя, про которого я много читала в юности, капитана Хедли Викарса. Он лежит у самой стены; его могила хорошо сохранилась. Ему было всего двадцать семь лет. В столь короткой жизни, казалось бы, нет места для героизма, но его имя будут долго помнить за его великое благочестие. «Он отдыхает от своих трудов, его деяния его прославили». Он был убит в окопах однажды ночью.

На другой стороне Севастополя лежит Херсонес[240], недавно раскопанный город. Он был основан в IV веке и сожжен в XIV ордой воинственных татар. Несколько лет назад кое-что было откопано на территории одного частного владельца, и он уверился, что погребенный город лежит под его домом. Раскопки начались и увенчались успехом. Археологи нашли останки того, что было главной улицей города. Дома были в руинах, а человеческие останки лежали во всех направлениях. Они собрали эти кости и похоронили их. Во многих домах, вероятно, готовили пищу, когда внезапная смерть настигла жителей. Из печей было извлечено много сожженных и обугленных хлебов. Есть также пять яиц, совершенно неповрежденных, которые были найдены в одном из домов. Этим яйцам более пятисот лет!

Император Николай II, императрица Александра Федоровна и сопровождающие их лица за осмотром развалин древней Херсонесской крепости. 1902 г.

Существует много прекрасных работ из камня; также найдены различные предметы из керамики и стекла. Многие экземпляры выглядят как старомодные серебряные светильники. Некоторые из них очень изящны по форме.

Есть также ювелирные изделия из золота и серебра с драгоценными камнями, цепи, броши и длинные тяжелые серьги, а также браслеты. Многие из них украшены бирюзой, которая прекрасно сохраняла свой цвет.

В челюсти одной найденной женщины все зубы были как-то украшены. Владелица, должно быть, была человеком из высших кругов, потому что, хотя были найдены сотни людей, эта женщина была единственной, у которой были так украшены зубы. Или, может быть, она первой придумала новую моду, а другие дамы Херсонеса ждали, что из этого выйдет, что об этом подумают их мужья, прежде чем делать такой шаг. Должна предположить, что она страдала от зубной боли. Одна вещь, которая поразила меня в этой челюсти, заключалась в том, что она была очень маленькой.

В одном из домов были найдены документы, содержащие, среди прочих ценных сведений, план города и церкви, которые были раскопаны непосредственно перед нашим визитом.

Церковь была окружена четырьмя колодцами, расположенными по четырем сторонам света. Вода в трех из них была солоноватой и горькой, но в четвертой была сладкой и пригодной для питья. Рядом с церковью были катакомбы, а на полу — мозаика.

За несколько дней до того, как мы посетили это место, был обнаружен четвертый колодец, тот самый, который содержал пригодную для питья воду. Это вызвало большое волнение, но ничто на земле не побудило меня выпить ее или позволить детям сделать это; я не люблю экспериментировать и не люблю пить воду, которая была заперта в течение пятисот лет.

Часть нашей группы спустилась вниз, чтобы увидеть катакомбы, и один из них споткнулся о череп, но я предпочла остаться на солнце в верхнем мире. Они нашли там человеческие останки. Лестница, ведущая к ним, находится в хорошем состоянии.

Стены церкви высотой около четырех футов, и они хорошо скреплены в верхней части. В одном конце церкви — полукруглое сиденье, где сидели священники; оно может легко вместить до двенадцати человек. Пол тоже в прекрасном состоянии. Мозаики самые необычные; есть изображения птиц, чаши, кресты и т. д., все они соединены в гармоничное целое и все выполнены из гальки с морского берега. Их терли и полировали ноги и колени ныне мертвых людей.

Церковь крестообразная. Легенда гласит, что она была построена Владимиром, первым христианским правителем России, в ознаменование его крещения, которое произошло в маленькой часовне, позже включенной в монастырь, построенный на вершине холма, на небольшом расстоянии от комплекса.

В Зимнем дворце есть картина, на которой изображены Владимир, Петр Великий и Александр II, потому что они дали

своей стране три великих дара: христианство, цивилизацию и свободу.

Джентльмен, проводивший эти самые интересные раскопки, спустился к императорским детям и показал им весь музей. Позднее он искренне поздравил меня; он сказал, что никогда не видел, чтобы такие маленькие дети проявляли столь большой интерес к древностям, и он был уверен, что я должна часто разговаривать с ними о таких вещах и т. д. Если бы он только знал, что это были их хорошие манеры, которые, кстати, он тоже отметил, ведь бедные маленькие дети даже не понимали, что они слышали. Они были слишком молоды для этого, а еще, в знак уважения ко мне, он говорил по-французски.

В этом году в Крыму мы увидели принцессу Елену из Сербии[241]. Она была очень милой, хотя и простой девушкой, с красивыми темными глазами, очень спокойной и с хорошими манерами. Маленькая великая княжна Ольга очень любила ее, и принцесса часто приходила на чай в детскую, приводя также ее юную тетушку, принцессу Веру[242] из Черногории и молодых кузенов, с которыми она жила большую часть времени. Принцессе Елене было около семнадцати лет. Ее мать была мертва уже долгие годы, и она жила главным образом с той или иной теткой в России. Что изменилось в ее жизни! Я часто вспоминаю ее с большой жалостью и состраданием. Она никогда не может расслабиться, окруженная убийцами покойного короля и королевы[243]. Бедная, нежная, любезная девушка! Какова будет ее судьба?[244]

Шах Персии послал своего заклинателя к императору в этом году, и он выступал для детей, которые привели много своих друзей, в том числе принцессу Елену, чтобы увидеть это. Он был действительно замечательным фокусником и показал множество необычных трюков. Мы поставили всех маленьких в первом ряду, и когда он выпустил пару живых голубей из торта, их радость не знала границ. Вскоре он достал морскую свинку, провел рукой по ней, и их стало две. Через мгновение на сцене оказались три девочки и закричали: «О! Пожалуйста, г-н Чародей, сделайте для меня морскую свинку!». Мои три старших подопечных смотрели на него умоляющими глазами. Я действительно верю, что он отдал бы им своих обученных морских свинок, но я побежала и остановила его, сказав детям, что маленькие животные любят своего хозяина и были бы недовольны, если бы их разлучили, после чего мне удалось снова рассадить детей в зале.

Ночи в Крыму, как правило, темные, а дороги очень плохие, поэтому, когда мы отправлялись куда-то, перед нашей каретой всегда ехала еще одна повозка, в которой были смоляные бочки и

факелы. Дороги, поднимающиеся в гору, являются самыми опасными.

Сезон 1903 года был исключительно блестящим; великим событием стал знаменитый костюмный бал[245], который был дан в старой части дворца и по просьбе различных посольств был повторен в новой части.

Все присутствующие были одеты в костюмы, которые носили при дворе царя Алексея, отца Петра Великого. Императрица оделась как его первая жена, а ее придворные дамы скопировали свои платья со старых картин тех времен. Платье императрицы действительно было великолепно. Оно было из золотистой ткани, вышитой жемчугами. Вся его передняя часть была расшита драгоценными камнями и имела нити жемчуга по бокам. Специально для этого случая была сделана корона, украшенная изумрудами.

Ее одежда и драгоценности стоили более миллиона рублей, более ста тысяч фунтов. Это было, однако, чрезвычайно тяжелое и жаркое платье. Все замужние дамы прикрыли свои волосы тканью, напоминающей вышитую салфетку; незамужние показали свои волосы.

В то же время мужской костюм не отставал от женского. Граф Бенкендорф, гофмейстер двора, носил белую сатиновую рубашку и бриджи до колен, отделанные горностаем, на плечах у него была черная бархатная накидка с меховым воротником и маленькая черная шляпа, тоже горностаевой. Он выглядел очень хорошо и держался с достоинством. Несколько мужчин были одеты как сокольничие, в дублетах и чулках и в желтых сапогах с высоко поднятыми носками. У них были соколы, прикованные к запястьям. Это была самая веселая сцена, которую я когда-либо видела. Они танцевали старомодные русские танцы, рассказывающие жестами историю ухаживания. Леди сначала притворяется, что не видит, как обожатель вертится вокруг нее, затем они сближаются, пока, наконец, не начинают танцевать вместе, рука об руку. Он, очевидно, очень доволен своей победой над девушкой, а она держит себя очень скромно.

Глава XX. Священник

Год прошел как обычно, мы ездили только в Москву на Пасху.

По возвращении в Царское Село у императрицы проявились симптомы коклюша. Дети тоже заразились. Я сказала детям, что они должны быть очень осторожны, чтобы не кашлять ни на кого, или этот человек может подхватить у них болезнь, и они были очень послушны. Однажды маленькая великая княжна Анастасия

сидела у меня на коленях, кашляла и задыхалась, когда к ней подошла великая княжна Мария и, положив руку на ее рот, сказала: «Малышка, дорогая, кашляй на меня». Я потрясенно спросила ее, что она имеет в виду, и дорогой ребенок объяснила: «Мне очень жаль, что моя дорогая маленькая сестра так больна, и я подумала, что если я смогу подхватить ее болезнь, ей будет лучше». Разве это не трогательно?

Но все заканчивается, даже коклюш, и однажды, когда мы все чувствовали себя более-менее хорошо, я отправилась в город, чтобы сделать покупки. Я разговаривала с торговцем, когда вошел какой-то священник. Хозяин спросил, чего он хочет, а тот повернулся ко мне и сказал: «Я услышал ваш голос, когда вошел, и уверен, что вы мой соотечественник. Вы ирландка, не так ли?».

Я ответила утвердительно на его вопрос, и он сказал, что так и знал, и спросил мое имя и из какой части страны я приехала. Сам он оказался из тех же мест и знал некоторых членов моей семьи.

Он сказал мне, что, хотя он был ирландцем, он работал в Глазго, в самой бедной части этого города — в доках. Время от времени бедные поляки приходили жить в его приход, и иногда его вызывали, чтобы совершать таинства для них, но из-за их взаимной неспособности понять друг друга он мало что мог сделать.

Из жалости к ним он решил поехать в Польшу и попытаться связаться с местными священниками, чтобы получить от них молитвенники, катехизисы и другие религиозные книги, которые могут быть помощью и утешением их соотечественникам в далекой стране во времена бедствий.

Когда я вернулась, я рассказала императрице о священнике и его заботе о своей пастве. Она просила меня поблагодарить его от ее имени за заботу и любовь к бедным польским иммигрантам, если я когда-нибудь увижу его снова. Мне жаль, что я потеряла его адрес. Слова императрицы могли бы поддержать его.

Если он случайно увидит эти слова, я воспользуюсь возможностью передать ему послание императрицы и сказать ему, что я часто думала и молилась за него, чтобы Бог благословил его в его тяжелом труде. Он хороший человек.

Глава XXI. Принцесса Элла

Был большой сбор семьи в Дармштадте в сентябре 1903 года, чтобы отпраздновать брак принцессы Алисы Баттенбергской (дочь сестры императрицы) и принца Андрея Греческого (племянник королевы Александры)[246].

Они были помолвлены более двух лет, но из-за их крайней молодости брак был отложен. Четыре Гессенских сестры[247] были в Дармштадте и на балу в их честь выглядели прекрасными. Среди других гостей были королева Англии[248], близкая родственница как невесты, так и жениха, и принцесса Виктория.

Мы останавливались в новом дворце, расположенном в Дармштадте. Он был построен, я полагаю, для принцессы Алисы. Это было хорошее, вместительное, комфортабельное здание с красивым садом, где был пруд, в котором росли лотосы, похожие на розовые кувшинки. Я никогда не видела их в Англии, но думаю, что они должны хорошо прижиться там.

Мои дети были рады увидеть свою кузину Эллу[249] еще раз. Это милое дитя было тогда в возрасте между восемью и девятью годами и очень напоминало свою прекрасную мать. Но, казалось, в глазах у этого ребенка можно было прочесть ее будущую судьбу. Глядя на нее, я гадала, что видят эти широкие серо-голубые глаза и почему они такие грустные.

Ее глаза напоминали мне глаза Младенца на руках у Мадонны. Несмотря на этот взгляд, маленькая принцесса была полна жизни и счастья. Я никогда не видела такого солнечного существа. Не бывало так, чтобы этот ребенок выходил из себя в спорах с моими четырьмя воспитанницами. Она всегда мирила всех с неизменной доброжелательностью и справедливостью, утешая одну и с большой мягкостью упрекая другую. Там, где была принцесса Элла, не было злобы и споров. Она говорила так мило и просто, что другие дети всегда прислушивались к ней. Оглядываясь на ее короткую жизнь, я часто удивляюсь, почему мы не видели, что она была слишком хороша для этого мира, ее место было среди ангелов. Она была прирожденной матерью и никогда не бывала так счастлива, как с «маленькой кузиной», как она называла Анастасию.

Мне очень нравилось смотреть на нее, когда она каталось верхом с двумя старшими кузинами в школе верховой езды; она сидела на большой белой лошади, а ее кузены — на маленьких пони. Она правила очень хорошо и хотела, чтобы малютку посадили перед ней на седло и дать им прокатиться вокруг школы.

Свадьба, ради которой мы приехали, проходила в двух церквях, лютеранской и греческой.

Невеста была одета в платье из крепдешина и атласа, с красивыми и старинными кружевами, ранее принадлежавшими ее бабушке, принцессе Алисе[250]. Это кружево носила и каждая из Гессенских принцесс на своих свадьбах. Великий герцог одолжил его своей племяннице на праздник.

Мои маленькие девочки и их родственницы были одеты в белые кружева платья из хонитона[251] и выглядели очень мило.

Церемония была очень долгой; как и в русской церкви, она длится около двух часов. Главной особенностью ее являлось то, что над головами жениха и невесты держали венцы, и их обводили три раза вокруг церкви.

Одна из малышек была ужасно огорчена, узнав, что кузине Алисе придется оставить мать и уйти жить с мужем. «Я никогда не выйду замуж, — сказала она. — Я не могу оставить мою дорогую мамочку». Я сказала ей, что каждой женщине, которая вышла замуж, пришлось перейти жить к мужу, а мужчина, когда женится, живет с женой, и что кузен Андре теперь будет жить с кузиной Алисой, но оба они будут часто видеться с их родителями. Она начала задаваться вопросом, почему женятся, если это означало разлуку, и я сказал: «Очень немногие люди могут оставаться навсегда со своим отцом и матерью, многие люди обязаны уйти и жить с незнакомыми людьми, не будучи замужем». Она была удивлена и сказала, что не знает никого, кто бы так поступил. Я назвала нескольких знакомых ей людей, в том числе и себя, и сказала, что все мы были очень счастливы. Она задумалась, а потом с сияющей улыбкой сказал: «Но это было другое, наша мама позвала вас».

Принцесса Алиса Баттенберг и ее муж Андрей, принц Греческий и Датский.

Когда свадьба закончилась и все гости разъехались, мы отправились в Вольфсгартен и наслаждались ясной осенней погодой. Императрица купила велосипеды для своих троих старших детей, и они катались со своей кузиной, собирали в лесу грибы и ездили на экскурсии.

Пока мы были в Вольфсгартене, произошел несчастный

случай, который мог иметь серьезные последствия. Императрица и ее сестра только что вернулась из поездки и готовились выходить, когда лошади вдруг испугались и побежали. Они метались по узкому двору и вдруг побежали в конюшню, дверь которой была закрыта. Лакей, старый слуга, думая, что катастрофа неизбежна, бросился, чтобы поймать лошадей. Однако он упал и получил удар в лицо от одной из лошадей. Однако его раны были незначительны, и он совершенно выздоровел через несколько дней.

Великий герцог Гессенский тоже бросился, чтобы поймать одну из лошадей под уздцы. Наконец их заперли в конюшне. Императрица и ее сестра сидели в карете очень тихо, как будто происшествие их совсем не встревожило. Великий герцог действовал с большой храбростью и присутствием духа.

К счастью, детей в тот момент не было во дворе, поэтому они были вне опасности. Но они видели все из окон и были ужасно напуганы.

Наше пребывание в Вольфсгартене подошло к концу, и мы отправились в Польшу вместе с великим герцогом Гессенским и его маленькой дочерью.

Ей всегда доставляло удовольствие движение, она бегала и каталась на велосипеде по старому мрачному парку и радовала всех, как солнечный лучик; но в это время она была поражена смертельной болезнью, хотя никто ничего не подозревал. Я попросила работников поставить качели и гигантский шаг для детей, а еще был сюрприз в виде маленькой кареты, запряженной парой прирученных оленей, так что утро проходило очень приятно. Во второй половине дня мы катались в экипажах.

Польша — это очень некрасивая страна, но девочка живо интересовалась всем, что она видела. Как и я, она была в ужасе, увидев людей на коленях в дорожной пыли, когда мы только приехали. Что касается меня, мне так и не удалось привыкнуть к этому и преодолеть чувство ужаса, смешанное с жалостью, которое я испытала, увидев это впервые. Маленькая великая княжна Ольга, которая была очень чувствительна, просила меня сказать им, чтобы они не делали этого.

Российское правительство учредило много школ в Польше, и молодое поколение теперь лучше воспитано.

Образа, часто висевшие на деревьях, маленькие часовни на перекрестке дорог, знаки из соломы, показывающие, что люди и лошади могли найти здесь ночлег, грязные бедняки на обочинах, — все это очень интересовало маленькую гессенскую принцессу.

Однажды она и Татьяна были очень заняты и таинственно

шептались, то вбегая в комнату, то выбегая из нее и заливаясь смехом. Вечером после того, как они легли в постели, Татьяна вытащила из-под подушки маленькую коробочку, которую ей подарила кузина Элла. В ней было несколько маленьких цветных камней, которые они собрали накануне, шведские спички[252], наждачная бумага и бумажные салфетки. Это были подарки, которые они подготовили друг для друга. Если Татьяне, когда она ляжет спать, будет одиноко и грустно, она могла сесть в постели, зажечь спичку, поджечь салфетки и при свете играть с камешками. К счастью, мы вовремя заметили эти приготовления, и бедная принцесса была потрясена, когда я ей объяснила, что они могли бы сгореть в своих постелях.

Однажды вечером, когда должны были вернуться охотники, мисс У., английская няня принцессы Эллы, сказал мне: «Мне так хочется показать это моей девочке, ей было бы интересно». У нас были одеяла и платки, и мы приготовили для нее теплое гнездышко у окна, привели ее из постели, завернув в халат и платок, чтобы она могла увидеть это зрелище. Она была очень рада, и все подходили к окну и разговаривали с ней. Утром следующего дня великая княжна Ольга была обижена тем, что ее оставили в постели на всю ночь, и сказала мне: «Элла всего лишь на восемь месяцев старше меня, и мисс У. взяла ее, чтобы увидеть все это, а вы оставили меня в постели, как ребенка». Маленькая принцесса сказала очень нежно: «Ах! Уважаемая Ольга, не сердитесь, вы часто будете видеть это, а я никогда больше не увижу». Она так часто используют это выражение: «я никогда больше этого не увижу», что я иногда задумываюсь, могла ли она предчувствовать свою судьбу.

Охотники перебрались в Спалу. В субботу они должны были вернуться домой раньше обычного, до того, как дети лягут спать, поэтому мисс У. и я подумали, что мы можем баловать наших маленьких подопечных. Они были в восторге. Маленькая принцесса была полна жизни и веселья. Я не помню, чтобы видела ее в лучшем состоянии, чем она была в субботу вечером. Она подшутила над своим отцом и императрицей: попросила меня уложить трех старших кузин в свою постели и оставить в их спальне только маленькую Анастасию. «Когда тетя Аликс и папа придут, — сказала она, — тетя Аликс будет везде искать детей, а папа не поймет, как так вышло, что теперь у него четверо». Все было сделано, и я вышла в коридор, чтобы попросить императрицу и великого герцога очень сильно удивиться. Они, конечно, старательно удивлялись, а императрица притворялась, что сильно напугана, к великому удовольствию девочки. Ее смех был слышен по всему дому, когда ее проделка открылась.

В воскресенье утром мисс У. позвала меня и сказала, что у ее воспитанницы очень болит горло. Тогда было около половины восьмого, и она только проснулась. Я немедленно послала за придворным врачом, и мы измерили температуру, которая оказалась нормальной, так что мы решили, что она может встать. Но тут проявились другие симптомы, и ее снова уложили в кровать. Пришел врач, но не нашел в горле изменений и сказал, что это, возможно, от перемены питания. Он не был встревожен, и поэтому не тревожились и мы. Я старалась держать моих воспитанниц подальше, чтобы дать покой больной. В четыре часа я вернулась с прогулки вместе со своими воспитанницами. Мисс У. сказала радостно: «О! Принцессе уже намного лучше, горло не болит уже пару часов, и она спокойно спит». Затем она пошла в комнату к больной.

Я навестила врача и поздравила его с улучшением здоровья маленькой пациентки. «Улучшение? — повторил он, — Ребенок умирает от сердечной недостаточности!» Я была ошеломлена на мгновение, затем напомнила ему, что девочка болеет в течение нескольких часов и что ей быстро стало лучше. Он, однако, остался при своем мнении.

Мне пришлось рассказать императрице и ее брату, что Элла очень больна и слаба и ее температура быстро поднялась до 104 по Фаренгейту[253]. Они оба спустились вниз, чтобы увидеть ее. Ни одному из них не показалось, что она очень больна и находится в опасности. Доктор сказал, что удары сердца едва уловимы. Великий герцог пощупал ее пульс и нашел, что он достаточно сильный. Все решили, что доктор напрасно тревожится, а на самом деле нет никакой опасности для ребенка. Они были в этом настолько уверены, что тем же вечером пошли в театр.

После того как они ушли, доктор сказал, что хотел бы слышать мнение другого врача. Я попросила его отправить сообщение для императрицы с просьбой позволить нам послать нарочного в Варшаву. Она велела отправить телеграмму и специальный поезд для того, чтобы привезти лучшего консультанта, которого можно найти, но добавила, что она и отец ребенка совершенно не беспокоятся. Мы отправили за специалистом. Прежде чем он пришел, императорская семья вернулась из театра. Императрица и великий герцог пришли, чтобы увидеть малышку, которая проснулась и заговорила с ними. Императрица посоветовала мне не нервничать и не бояться за ребенка, сказала, что утром все будет хорошо. Они легли спать, а ребенок быстро погрузился в полуступор. Я сказала мисс Уилсон, что не могу оставить ее наедине с ее маленькой

страдалицей и останусь с ней всю ночь.

В это время две маленькие великие княжны, Мария и Анастасия, начали кричать, и я побежала в свою комнату; я увидела их обоих, плачущих от страха. Они сказали мне, что приходил странный человек, который напугал их. В их комнату можно было войти только из столовой или из второй спальни. В эту спальню, в свою очередь, можно было войти только из комнаты, в которой находилась маленькая больная принцесса. Поэтому было ясно, что никто не мог войти в их комнату без нашего ведома. Врач и лакеи были в столовой всю ночь. Я подумала, что, может быть, девочки увидели какую-то тень, которая их напугала, и они решили, что кто-то был в комнате. Поэтому я хотела задернуть шторы, но дети испугались еще больше и сказали, что он прячется за занавесом. Я зажгла свечу и, взяв маленькую Анастасию на руки, понесла ее в комнату, чтобы доказать ей, что там не было абсолютно ничего, что могло бы спугнуть ее. Врач пришел к нам и попытался успокоить Мари, но это было бесполезно; она и Анастасия отказались вернуться в постель, поэтому я взяла их на руки и села, чтобы попробовать их убаюкать. Анастасия уткнулась лицом в мою шею и прижалась ко мне, вся дрожа. Я была поражена тем, что вижу ее в таком испуге. Врач сказал, что обязан идти, я зажгла свечу, оставила ее на столике рядом с кроватью Мари и села так, чтобы быть рядом с обоими детьми. Мари продолжала говорить о страшном человеке. Пришел доктор и рассказал, что приехал еще один врач и сделал маленькой страдалице укол кофеина, после чего ее сердце, казалось, стало биться сильнее, и он начал надеяться.

Когда Мари снова заговорила о таинственном незнакомце, я сказала: «Другой доктор пришел, чтобы помочь д-ру Х. лечить кузину Эллу, и, возможно, он мог подойти к вашей двери по ошибке, или вы, возможно, слышали, как он говорил».

Она заверила меня, что незнакомец был не врач и не входил в эту дверь, и не говорил. Вдруг она встала и посмотрела на то, чего я не могла видеть. «О! — сказала она, — он ушел в комнату кузины Эллы». Анастасия села мне на колено и сказала: «О! Бедная кузина Элла; бедная принцесса Елизавета!».

Она заснула почти сразу после этого, но прошло некоторое время, прежде чем я смогла разжать ее пальцы. Маленькая Мари тоже спала. Как можно скорее я уложила их в кровати и вернулась в комнату Эллы.

Приезжий доктор сказал мне, когда я вошла в комнату: «Девочке не лучше». Я спросил его, что случилось, и он сказал: «Паралич сердца». Он сделал ей много уколов кофеина и камфоры, но безрезультатно.

Потом ей стало, кажется, немого лучше, и мы начали надеяться, что спасем ее.

Внезапно она села в своей постели и посмотрела на нас с широко открытыми, испуганными глазами. Она вскрикнула: «Я умираю! Я умираю!». Мисс У. уговорила ее снова лечь.

Девочка повернулась ко мне и озабоченно сказала: «Пошлите телеграмму к маме». Я пообещала ей, что сделаю это, и она добавила: «Немедленно».

Мы послали наверх и позвали великого герцога и императрицу, которые спустились, не теряя времени. Телеграмма была послана в Кобург к матери. Увы! Было слишком поздно; когда от нее был получен ответ, девочка уже скончалась.

Мы продолжали раздувать слабый огонек жизни, но он мог погаснуть в любой момент. Она начала говорить с кузенами, и казалось, что она играла с ними. Она позвала Анастасию, и я принесла малышку в комнату. Умирающая взглянула на нее на мгновение, и Анастасия сказала: «Бедная кузина Элла! Бедная принцесса Елизавета!». Я забрала ребенка из комнаты.

Мисс У. стояла на коленях возле кровати. Умирающая девочка повернулась и поцеловала ее; еще минута, и все было кончено, яркая молодая жизнь оборвалась. Было вскрытие, которое проводили немецкий и два польских врача, и еще судмедэксперт.

Они обнаружили, что она умерла от тифа, который начался двенадцать дней назад, но она никому не показывала своего нездоровья.

Она умерла в детских комнатах, и было решено увезти оттуда других детей, чтобы можно было провести уборку и дезинфекцию. Тогда мы уехали в Царское Село в тот же вечер. Император и императрица собирались пойти на похороны, но у императрицы началось воспаление уха, так что она лежала в Скерневице в течение шести недель, а мы были в Царском Селе. Это было печальное и мрачное время, императрица лежала больная в Польше, а дети жили в Царском Селе. Даже Рождество было омрачено, так как, хотя император и императрица возвратились, у императрицы начался грипп, а праздники без нее были лишены половины их прелести. Императрица была больна до середины января. Дети много говорили о кузине Элле и как Бог взял ее душу. Они полагали, что позже Бог возьмет и ее тело на небеса.

Рождественским утром, когда Ольга проснулась, она сразу воскликнула: «Разве Бог забрал тело кузины Эллы ночью?». Я очень удивилась такому вопросу в рождественское утро, но ответила: «О нет, дорогая, еще нет». Она была сильно разочарована, и сказала, «Я думала, что он послал за ней, чтобы

она отпраздновала Рождество с ним».

Однажды Мари смотрела на фото Нидии, слепой девушки из Помпей; она спросила меня, почему она была слепа. Я ответила, что иногда Бог сделает людей слепыми, но никто не знал почему. Тогда она сказала: «Я знаю, кто знает». Я сказал: «Нет, дорогая, я думаю, что никто не знает». «Кузина Элла знает, — последовал ответ, — она находится на небе, сидит и разговаривает с Богом, и он рассказывает ей, как он это сделал, и почему».

Татьяна Николаевна (1897–1918) — Великая княжна, вторая

дочь императора Николая II и императрицы Александры Федоровны.

«У нее были красивые, правильные черты лица, она была похожа на своих царственных красавиц родственниц, чьи фамильные портреты украшали дворец. Темноволосая, бледнолицая, с широко расставленными глазами — это придавало ее взгляду поэтическое, несколько отсутствующее выражение, что не соответствовало ее характеру».

(София Буксгевден)

Глава XXII. Начало войны

Мы вернулись в Санкт-Петербург в конце января, и начался сезон балов. В этом году ему суждено было оборваться из-за внезапного начала войны на Востоке[254].

Как обычно, было около шести больших балов и какие-то театральные развлечения, но потом все внезапно прекратилось.

Также прошло несколько детских праздников, но ничего особенного. Маленькая Анастасия была в восторге от суеты городской жизни, ее очень интересовало все, что она видела. Дети полюбили маленькие воздушные шарики, которые продаются на улицах. Когда они вели себя очень хорошо, я дарила им по одному такому шарику. Но Анастасия иногда хотела, чтобы я остановила карету и купила их у торговцев, и, конечно, я не могла так поступить. Я всегда ей и говорила, что я просто не могу остановить экипаж. Она, очевидно, думала, что должна испробовать все способы, чтобы получить желаемое. Однажды она увидела несколько маленьких детей, гулявших на Дворцовой набережной, каждый с шариком. «Смотрите, смотрите! — воскликнула она. — Маленькие дети с воздушными шарами! Выйди, возьми шарики у них и дай их мне». Я объяснила, почему не буду этого делать, и она сказала: «Ну, выйди и попроси их вежливо, и, может быть, они дадут их мне».

После того как началась война, дети, даже маленькая Анастасия, научились работать на вязальной раме[255]. Они делали шарфы для солдат, а Ольга и Татьяна без устали вязали шапки. Императрица устраивала швейные вечеринки для более пяти тысяч дам, работающих вместе с ней.

Некоторые работы были весьма своеобразны: одна девушка сшила рукава рубашки и пришила их к воротнику; еще была пара штанин, пришитых к поясу в двадцать дюймов. Это было очень смешно, но в то же время я сомневаюсь, что какая-нибудь придворная дама из любой другой страны справилась бы лучше.

Группа девушек пришла к императрице и подала ей прошение о том, чтобы отправить их на войну, ухаживать за

ранеными. Их просьба была отклонена, но императрица сказала им: «Если вы действительно хотите помочь, вы можете работать в больницах Санкт-Петербурга, тогда уже обученные сестры смогут уехать на фронт». Все они, без исключения, пошли и сделали то, что она предложила. Одна девушка, первая красавица Санкт-Петербурга, в возрасте девятнадцати лет стала ночной сиделкой.

Однажды вечером, придя в больницу, она нашла молодую женщину из крестьянского сословия, которая заняла ее место. Она пошла к старшей сестре, и та сказала: «У меня была вакансия, которую я предназначала для моей племянницы. Вы заняли ее, но, так как уход за больными для вас только развлечение, я все же послала за племянницей и отдала это место ей. Она будет работать как профессиональная медсестра. Вы можете делать все что угодно, но моя племянница останется здесь».

Девушке было досадно, поэтому она ушла. Она спустилась с лестницы и тут подумала о мотивах, которые сначала привели ее в больницу, и сказала себе: «Моя любовь к моей стране немногого стоит, если я не проявлю немного смирения». Она вернулась и всю ночь работала под руководством этой крестьянки, которая попала на ее место.

Когда врачи обнаружили это, они нашли для девушки другое место, где она честно трудилась и приносила большую пользу.

Мне было очень грустно наблюдать, как мои воспитанницы заражаются всеобщим гневным и мстительным духом, которые война пробудила в обществе. В одной из иллюстрированных газет была фотография детей наследного принца Японии. Мари и Анастасия прибежали, чтобы увидеть картину, и спросили, кто эти странные маленькие дети. Я сказала им, Мари ударила картинку ладонью с выражением ненависти, столь неподходящим к ее милому личику. «Ужасные люди, — сказала она; — они пришли и уничтожили наши бедные корабли и утопили наших моряков». Я объяснила ей, что это только дети, и они моложе, чем Анастасия. Тогда она сказала: «Да, маленькие детки это сделали. Мама говорила мне, что япошки — это маленькие люди».

Ольга, которая работала очень усердно, однажды сказала мне: «Я надеюсь, что русские солдаты убьют всех японцев и не оставят в живых никого».

Я сказала ей, что в Японии много маленьких детей и женщин, которые не могут сражаться, и спросила, действительно ли она хочет, чтобы русские солдаты убили их. Она задумалась на мгновение, а потом спросила: «А в Японии есть император?». Я ответила: «Конечно». Она задала множество других вопросов, на которые я отвечала; потом она задумчиво сказала: «Я не знала,

что япошки — такие же люди, как мы. Я думала, они похожи на обезьян». Больше она никогда не говорила, что ей приятно слышать о гибели японцев.

Один человек разговаривал со мною о моих воспитанницах и сказал так: «Ольга грациозна, остроумна, и миловидна; Татьяна очень красива; Мари так добра и услужлива, что невозможно не любить ее; но маленькая Анастасия имеет больше обаяния, чем любой ребенок, которого я когда-либо видел».

Это был хороший итог, но чем дальше, тем больше я убеждаюсь, что у всех детей характеры глубже и сильнее, чем это кажется на первый взгляд. Я часто задаюсь вопросом, как они распорядятся всеми способностями, которые дал им Бог, и уверена, что яблоко недалеко падает от яблони, так что с такими хорошими родителями мои дорогие маленькие воспитанницы никогда не собьются с пути.

Глава XXIII. Русские солдаты

Русских солдат сейчас легко увидеть. Много раз я видела их марширующими под полковой оркестр, а когда он перестает играть, они запевают бодрые и энергичные песни.

Казачьи полки самые живописные; они великолепные всадники и могут на всем скаку наклониться и подхватить с земли какую-нибудь вещь. Лично я всегда считала их костюмы немного театральными, хотя их лица выглядят достаточно мужественными.

На праздниках они носят длинные алые плащи почти до щиколоток и сапоги. Их повседневная униформа — темно-синяя шинель с подкладкой алого цвета. Они вооружены саблями, часто передающимися от отца к сыну, и носят кинжалы за поясом, а еще у них есть винтовки. Патроны они перекидывают через плечо. Когда они сидят на лошадях, винтовки переброшены через седло. Казаки — опытные снайперы и могут поразить цель на полном скаку. Они верны императорской семье.

Российский солдат получает еду, жилье, униформу и стирку, а также карманные деньги — примерно один шиллинг в месяц. Этой суммы ему должно хватить на все. Он может, конечно, заработать побольше, выполняя поручения начальства или работая как слуга в офицерской семье. Я часто видела, как дети офицеров прогуливались под присмотром солдат. Они были очень услужливы и любезны и всегда, казалось, полностью посвящали себя малышам. Солдат получает свои карманные деньги каждую неделю, но откладывает немного: обычно шестипенсовик или восемь пенсов. Когда ему удается скопить какую-то сумму, он

нанимает коляску и едет кататься. Очень смешно и торжественно он выглядит, катаясь взад-вперед по Невскому.

Ни одно должностное лицо не может жить на ту зарплату, которую платят в России. Капитан получает около двадцати фунтов в год, их не хватает даже на одежду.

Я сама знала одного генерала; он рассказывал, что, когда был подполковником, его доход составлял всего тридцать фунтов в год, а у него были жена и дочь. В молодости он писал акварели. Он продавал их в магазинах или своим друзьям, но его картины не имели практически никаких достоинств, и становилось все труднее сбывать их. Когда он стал полковником, ему стало неудобно продавать свои картины, и поэтому он купил фотоаппарат и попытался зарабатывать фотографией. Фотографы-любители тогда были редкостью, и какое-то время он преуспевал. Он пользовался возможностью путешествовать с императорской семьей и посылал свои фотографии в газеты; но потом он стал старым, устал от такой жизни и был вынужден выйти в отставку. Император дал ему квартиру, и этот храбрый старый солдат живет теперь с женой и дочерью на свои тридцать фунтов в год — жалкая жизнь, в самом деле! «Он выбрал не ту профессию», — так можно было бы сказать, но он до сих пор уверяет меня, что для него нет иной жизни, кроме жизни солдата, пусть даже без собственных средств.

Я однажды поспорила с военными в Царском Селе. Императрица и дети ходили на службу в воскресенье утром. Императрица сказала мне, чтобы я прошла в церковь через маленькую боковую дверь, которая приведет меня прямо к их месту. Мария Николаевна был тогда настолько мала, что могла начать плакать во время службы. Я пошла и нашла солдата, который охранял дверь; но он отказался меня пропустить. Я очень плохо говорила по-русски, и я пытался объяснить, но все без толку. Так что я ждала, и он стоял и смотрел на меня, пока кто-то из великих князей не пришел, и тогда я объяснила ему ситуацию. Он повернулся к солдату и сказал ему, чтобы меня пропустили. Солдат снова отказался, и великий князь сказал ему, кто он такой. Но солдат не знал его и ответил: «Да хоть бы и сам император». Великий князь спросил его, кто его командир, а солдат ответил: «Мой капрал, и без его разрешения я не позволю никому пройти через эту дверь».

Тогда великий князь попросил меня подождать несколько минут, а сам пошел и нашел капрала. Тот пришел и был в страшной ярости. Он схватил несчастного солдата за плечи и начал трясти его, но великий князь вмешался и сказал капралу, что этот человек всего лишь выполнял свой долг, повинуясь

приказу, и, переходя к другой крайности, начал его расхваливать, сказав, что был рад узнать, что солдаты настолько послушны и верны приказам. У бедного солдата были слезы на глазах, когда великий князь закончил говорить. Приказы были отданы, и отныне я смогла проходить беспрепятственно.

Однажды дети великого князя Павла[256] приехали в Царское Село[257]. Часовой в саду не узнал их и, вероятно, перепутал час, когда их ждали. Он был ошарашен, когда дети прибежали и начали играть в священные гигантские шаги и качаться на священных качелях. Он подошел и сказал им самым суровым тоном: «Что вы там делаете? Разве вы не знаете, что эти сады и все в них принадлежат Дмитрию Павловичу и Марии Павловне?». Дмитрий представился, и солдат ответил с негодованием: «Это очень легко сказать, что ты — великий князь Дмитрий, но ты лжец!» — он так и обратился к нему на «ты». Его горе было очень велико, когда он обнаружил, что дети действительно принадлежали к императорской семье.

Когда началась война на Востоке, было очень грустно видеть, как солдаты маршируют. Их готовили для такого длинного пути, но поезда, которые им предоставили, были чрезвычайно комфортными. Пересечение озера Байкал, кажется, было худшей частью путешествия. Лед был недостаточно надежен, поэтом солдат пересаживали из поездов в сани. Через каждые несколько миль были возведены приюты, где солдаты получали горячий кофе или суп и могли согреться у огня перед очередным этапом. Но даже с этими мерами предосторожности некоторые замерзли насмерть.

Император заказал много тысяч форм для писем, и дети и я раскладывали их по конвертам. Там было написано: «Мои дорогие родители, я сражаюсь в…», или «…я был ранен в …», или «…я болею, и лежу в больнице», или «…я в добром здравии». Далее стояло: «Как …? Передавай привет …». Бланки могли заполнить их товарищи, которые умели писать, или медсестры. Многие тысячи из этих писем вселяли потом радость в сердца взволнованных родственников.

Я получила много пожертвований для передачи императрице на нужды армии. Один джентльмен дал мне пять тысяч рублей, а некая леди послала мне пятьсот фунтов мыла и такое же количество корпии для солдат. В отдельном помещении Зимнего дворца упаковывали посылки в армию. Их отправляли каждую неделю, и нам было радостно знать, что мы, возможно, кому-то поможем. Но много странных историй рассказывали про посылки, которые отправляли другие благотворительные общества. Одна из великих княжон была главой общества Красного Креста. Она

слышала, что, когда ящики достигли своей цели, оказывалось, что они были наполовину заполнены мусором. Однажды вечером, незадолго до того, как поезд должен был уйти на Восток, она и одна из ее дам пошли на станцию и велели вскрыть коробки. Она обнаружила, что они были наполовину заполнены камнями и мусором. Я не ручаюсь за истинность этой истории, но такие слухи ходили по Санкт-Петербургу и никто их ни разу не опроверг.

Императрица хотела, чтобы каждый солдат получал особый подарок на Пасху: одну рубашку, один платок, одну пару носков, портянки, вязаную шапку, табак и сигаретную бумагу, кусок мыла и пакли для мытья, чай, кофе, сахар, почтовую бумагу и конверты с марками и распечатанными бланками.

Почти все во дворце отправили по меньшей мере один из таких пакетов, с указанием имени и адреса дарителя внутри, и получатели прислали много благодарственных писем.

В начале войны на фронт отправляли только тщательно подготовленных медсестер, но позже, когда возникла необходимость отправить больше сестер, стали принимать почти всех, кто вызывался, если они были здоровы. Девушки заканчивали только шестинедельные курсы в военном госпитале. Я видела одну из этих учениц, когда она готовилась в отъезду. Она сообщила мне, что она научилась читать по-латыни и могла бы выписывать для пациентов рецепт, а также ухаживать за ними! Все это в течение шести недель, а до того она была служанкой. Думаю, несколько дней в госпитале на фронте научили ее более трезво оценивать свои возможности.

Глава XXIV. Покушение на жизнь царя

Императрица Александра Федоровна (сидит справа) и ее дочери Великие княжны Ольга (слева) и Татьяна после завершения полного курса сестер милосердия и получения дипломов от Международного Красного Креста. 1914 г.

Много лжи распространяется о покушениях на жизнь императора, но тем не менее такие попытки действительно предпринимались. Я уже говорила об одной из них: о крушении императорского поезда, когда нынешний император был цесаревичем. Затем, когда он путешествовал в Японии, фанатик напал на него с дубинкой[258]. Принц Георг Греческий, его двоюродный брат, который ехал с ним, предотвратил удар, но, несмотря на это, император получил неприятный порез и был прикован к постели в течение нескольких дней. На лбу остался шрам, он виден и по сей день. В годовщину этого дня проводятся благодарственные молебны по всей России.

Первый год, когда мы были в Крыму, был составлен дьявольский заговор против императорской семьи, однако полиция успешно раскрыла его. Если бы не она, весь двор был бы мертв и похоронен.

Территорию Ливадии открывают для публики во время отсутствия императорской семьи. В Ялте был священник, который любил гулять среди виноградников и садов, он был очень приветлив и добр и выказывал большое любопытство к повседневной жизни императора и его семьи. Он спрашивал о водоснабжении и даже проник в деревянный погреб. Перед приездом императорской семьи полицейские делали запросы обо всех подозрительных происшествиях на месте. По этому случаю всех посетителей парка легко опознали, за исключением этого священника. Сотрудник полиции телеграфировал в город, откуда он приехал, и получил ответ, что все священники города находятся в ведении церкви. Никто не отсутствовал, и никто не знал этого священника. Однажды, когда он бродил около Ливадии, полиция вошла в его номер. Они нашли много планов дворца, документы, взрывчатые вещества и даже яды. Взрывчатка предназначалась для деревянного погреба, а яд — для водоснабжения! К счастью для нас, источники в самой Ливадии пересохли, и воду привозили издалека. Псевдосвященник был арестован и строго наказан.

Еще одна попытка была сделана накануне моего отъезда из Россию. Маленькая церковь в Царском Селе была перестроена и официально открыта для массовых молебнов. Перед началом службы солдаты обнаружили бомбу под занавесом позади места императора и императрицы. Если бы она взорвалась, сотни людей погибли бы.

Человек, который собирался совершить это ужасное преступление, был молодым студентом. Его мать рано осталась вдовой с одним ребенком на руках. Она была почти без гроша в

кармане, когда горничная во дворце услышала о ней, была тронута состраданием и устроила ее работать белошвейкой. Во дворце узнали о ее тяжелом положении, хорошо платили ей за ее работу и много помогали.

Вскоре она смогла организовать мастерскую и стала хорошо зарабатывать. Но когда она начинала, она брала с собой ребенка во дворец, а потом, когда он вырос, он стал ходить сам, чтобы носить ей работу. Таким образом, он хорошо узнал все во дворце и охранники пропускали его без проблем. Он получил хорошее образование и поступил в университет. Здесь он связался с тайным обществом и, благодаря своему хорошему знанию дворца, был выбран для столь ужасного преступления. Он был арестован и признался, но не выдал имена сообщников. Он был сослан в Сибирь на всю жизнь. Это убило его бедную мать. В день, когда он был арестован, она умерла, как она сама сказала, из-за разбитого сердца и стыда за низость и неблагодарность ее сына.

Последнее покушение на императора было самым тонким. Ему было послано письмо из Суэца с надписью «лично». Он получил его, сидя за чаем с императрицей. В конверте был обнаружен кусок грязной ткани, по-видимому, вырезанный из старых штанов. Он воскликнул в изумлении при виде этой вещи. Императрица схватила щипцы и, забрав грязную одежду, унесла ее из комнаты. Было установлено, что в ней было полно микробов чумы!

В последнее время много было написано о конституции для России. Но, насколько я могу судить, люди еще не готовы к этому, может быть, один из десяти тысяч понимает смысл этого слова. Женщина, достаточно хорошо образованная, говорила мне однажды, что России нужно больше свободы. Я сказала ей, что она могла быть намного более свободной в Англии, чем в России, но там даже женщины обязаны работать и зарабатывать на жизнь. Я сказала, что единственная вольность там может быть только в соблюдение законов и в следовании им. Она был поражена и спросила меня, есть ли у нас законы в Англии. Я ответила: «Конечно; и те, кто нарушает, их быстро оказываются в тюрьме». «Как? — воскликнула она. — Тюрьмы в свободной Англии?!» Она спросила, что запрещают законы людям в Англии, и была сильно поражена, когда я дала ей список. Она сказала мне, что не будет больше встречаться с теми людьми, которые говорили ей, что она всего лишь рабыня.

Работодателям в России во многих случаях приходится нанимать поденных работников[259]. Российские работники не любят выходить на работу по целой неделе. Не важно, что работы еще много, — они вдруг объявляют, что они устали и хотят

праздника, и уходят на два или три дня, даже не закончив работу.

Владелец ряда нефтяных скважин на Кавказе рассказал мне эту историю. Он был призван, чтобы прекратить забастовку, и приехал из Лондона для этой цели. Он встретился с рабочими, которые предоставили список требований. Более короткий рабочий день, более высокая плата и запас воды для питья были главными требованиями. Последним пунктом в списке стояло: «Долой самодержавие!». Он сказал им, что водопровод будет построен как можно быстрее. Он добавил пять копеек (один фартинг) в день к их зарплате, сократил рабочий день на час. А насчет последнего пункта сказал: «Это мое самое искреннее желание». Это было довольно загадочной фразой, но для него также осталось загадкой, чего эти бедные рабочие ожидали от него и кто их надоумил выступать за конституцию.

С тех времен, как Александр II освободил рабов, прошло немногим больше сорока лет. Это был благородный поступок, но это было бы более выгодно, если бы это было сделано иначе. Конечно, очень легко быть мудрым потом, и в этом случае никто не мог предвидеть всех последствий.

Бедные крестьяне, которые были рабами утром, вдруг стали свободными людьми вечером[260]. Все слуги были изгнаны, работники разбрелись и совершили самые ужасные бесчинства. Многие из слуг вернулись к своим хозяевам и попросили принять их обратно в свой дом[261]. По сей день в некоторых семьях есть старики и женщины-рабыни, не получающие никакой заработной платы, но работающие за свое содержание и получающие одежду из рук своих хозяев и хозяек.

Вследствие крайней нищеты и голода, который обрушился на страну из-за безумств этих несчастных освобожденных рабов, были приняты законы, привязывающие крестьянина к земле. Крестьянин мог покинуть свою землю только после соблюдения очень строгих правил выплаты определенной суммы старосте[262]. Два года назад император провозгласил, что эти крестьяне были отныне вольны покидать свои деревни и идти туда, где им понравилось. Я не знаю, однако, многие ли воспользовались этим разрешением.

У России есть своего рода местные власти[263], но до тех пор, пока люди не станут лучше образованны, мне кажется, что конституция не в их интересах. Они не способны руководить собой. Дети так же способны организовать вечеринку и даже свою повседневную жизнь в Царском Селе без помощи «взрослых», как и россияне в целом.

Что им нужно, и очень сильно, это чистые руки исполнительной власти.

За последние сорок лет Россия сделала огромный шаг вперед к цивилизации. В вопросе высшего образования для женщин она также идет в ногу со временем. В Санкт-Петербурге и Москве, и, по сути, во всех больших центрах, трудятся сотни женщин-врачей, химиков, дантистов. Они даже находят работу в банках. Российские предприятия находятся под защитой высокого тарифа. Вы покупаете станки в Англии, и когда их привозят, вы видите, что вы должны платить таможенные пошлины, и цена вырастает в две раза.

При такой системе российская промышленность быстро развиваются. Льняные ткани почти так же хороши, как и в Ирландии, но хлопок и шерсть очень далеко отстают от нашей продукции и в то же время очень дороги и недоступны для людей с ограниченными средствами. Я сама видела, как обычный английский пике[264] продается в России за четыре и шесть пенсов за аршин (около трех четвертей ярда), в то время как российские пике стоят примерно десять пенсов.

Глава XXV. Общественная жизнь в России

Общественная жизнь здесь гораздо проще, чем в Англии. В театрах и на обедах, в общественных местах, гостиницах, ресторанах и так далее дневное платье является хорошим тоном. Никому не придет в голову появиться в декольтированном платье. Это будет считаться очень дурным тоном. В театрах, правда, как утром, так и вечером шляпы снимают, как знак вежливости по отношению к тем, кто сидит позади. Но на всех небольших светских развлечениях, будь то ужин, танцы, или музыка, или спектакль, можно придти в шелковом, батистовом или полотняном платье.

Однако на всех больших приемах носят парадное платье. На придворные обеды надевают платье с глубоким вырезом и шляпы. Мужчины, если у них нет формы, носят фраки. Учитель музыки дает уроки во фраке. Это выглядит очень смешно.

Первого января все ездят к своим знакомым в вечернем платье, поздравляют дам и, возможно, выпивают за их здоровье. Визиты начинаются рано утром, поэтому гости выглядят довольно своеобразно. Бедолаги! Они возвращаются домой вечерами, как правило, уставшие, очень голодные, с головной болью из за выпитой в течение дня водки.

Девять часов вечера — любимое время для посещений. В это время россияне пьют чай, очень сладкий, как правило, без сливок или молока, но с кусочками лимона, плавающими в стакане. Иногда в стакан добавляют ложку варенья. Они смотрели на меня как на язычницу, потому что я не кладу сахар в чай.

Однажды моя сестра была в гостях на ферме в Северной Ирландии и сказала хозяйке: «Мне, пожалуйста, чай без сахара». Она выглядела удивленной, но ответила ободряюще: «О, миссис Х., у нас есть много сахара в доме!». Хорошо, что это не случилось со мной в России, но мало кто там разделял мои пристрастия. Россияне иногда держат кусок сахара в пальцах и откусывают небольшие кусочки, прежде чем выпить глоток чаю. Они говорят, что так вкуснее.

К чаю всегда подают пирожные различных видов, некоторые из них особенно противные. Я иногда думала, что они были ароматизированы маслом для волос и щедро посыпаны тмином и маком. Еще к чаю подают фрукты и конфеты.

Чайный сервиз, как правило, очень изящен; стаканы ставятся в серебряные подстаканники с ручками, так, что их легко взять. Они часто украшены позолотой или эмалью. Скатерти из самого лучшего белого российского льна. У каждого россиянина есть

свой собственный набор постельного белья, так же как и нижнее белье, и я слышала много раз, как они удивлялись, как можно спать на простынях, которые принадлежат другим людям. Даже служанка приносит постельное белье с собой.

В приданое девушкам готовят простыни, полотенца и т. д., всегда в комплекте. У каждого ребенка тоже есть свой набор, и если вы кладете белье одного ребенка на постель другого, это считается большой небрежностью. В гости люди берут с собой простыни и т. д., если собираются ночевать, а потом отдают его в стирку. Англичане, однако, освобождаются от этого из-за их непонятной привычки использовать семейное белье. Но если у русской гувернантки или у гостя нет своего белья, они получат презрительные взгляды от слуг.

В поезда для ночных поездок можно взять с собой постельное белье, одеяла и подушки или купить их у проводника за один рубль — около двух шиллингов. Но мыло или полотенца не предоставляются.

Следующая история произошла с англичанином, который в первый раз приехал в Россию. Он встретил русского, который говорил на всех языках, и рассказал ему, что он не взял с собой полотенце и вынужден теперь обтирать лицо носовым платком, так как не может объяснить проводнику, чего он хочет. Русский объяснил, что достаточно только сказать: «Polotiensa», и его желания будет исполнено. Англичанин выучил это слово, позвал проводника, и, как он думал, попросил полотенце.

Проводник помахал рукой и поклонился, но не принес полотенца, и англичанин сдался. Позже он снова встретил своего русского друга, и рассказал ему о своей неудаче. «Глупый человек! — сказал он. — Не может понять собственного языка». Россиянин позвал проводника и заговорил с ним. Потом он повернулся к англичанину и попросил его повторить то, что он сказал. Тот ответила: «Palatinski, конечно». Представьте его удивление, когда он услышал, что он на самом деле просил проводника говорить с ним по латыни. Последний ответил, что он говорит только на русском и немецком языках, и извинился за то, что не знает латыни, сказав, что на этом языке редко говорят в русских поездах.

Дуэли — это хорошо известный обычай в России. Один из офицеров при дворе, как говорят, дрался на дуэли трижды и каждый раз убивал своего противника. Я всегда чувствовала ужас, слыша об этом человеке, но возможно, что, несмотря на свою кровавую летопись, он был смирным и даже добродушным.

Однажды молодой офицера казачьего полка пригласил двух девушек из кафешантана провести день за городом. Вечером все

трое, выпив немало вина, приехали на станцию; женщины вошли в поезд, а молодой человек стоял на перроне и разговаривал с другом. Женщины уселись напротив джентльмена, на лице которого был ужасный шрам от виска к подбородку.

Две женщины начали дерзко и оскорбительно высказываться о его внешности. Они были француженками и говорили на своем родном языке. И наконец он сказал им по-французски: «Дамы, когда вы сели в поезд, я думал, что вы родом из Франции, теперь я понимаю, что ошибался. Французские дамы слишком деликатны и слишком вежливы, чтобы издеваться над шрамом, полученным в честной битве. Теперь я вижу, что вы не кто иные, как грубые крестьянки». Он встал и пошел в другую часть поезда, оставив женщин онемевшими от его заслуженной отповеди.

Мария, Татьяна, Анастасия и Ольга Романовы. 1913 г.

Когда офицер сел в поезд, женщины рассказали ему, что они были оскорблены, описали внешность джентльмена и требовали, чтобы он вызвал того на дуэль. Офицер разыскал его и дал ему свою визитку, сказав: «Вы оскорбили дам и должны драться на дуэли».

Тот джентльмен был отставным военным, который участвовал в англо-бурской войне[265] и в турецких войнах и получил семнадцать ран. После войны в Южной Африке он вернулся в Россию и стал журналистом. Он не хотел драться на дуэли и ответил, что он видел реки крови, получил семнадцать

ран и поэтому никто не может поставить его мужество под сомнение. Он не станет драться ради развлечения подобных женщин.

Офицер вернулся к своим приятельницам. Когда поезд прибыл в Санкт-Петербург, журналист выходил из вагона последним. Его враги ждали снаружи. Когда он приблизился, одна женщина толкнула свою спутницу на него. Он схватил ее за руки и удержал ее, иначе она упала бы. Когда он попытался пройти дальше, офицер преградил ему путь и потребовал удовлетворения. Но журналист вновь отказался сражаться и сказал, что офицер должен извиниться. Офицер, конечно, отказался. Сейчас офицер не может драться на дуэли без разрешения генерала, и в тот момент последний находился в Красном селе в присутствии императора, который был там на маневрах[266].

Когда генерал вернулся, он оказался не в состоянии прийти к какому-то решению, и дело было передано императору, который дал разрешение на дуэль. Место встречи было недалеко от Петергофа, где мы проживали в то время. Была проведена жеребьевка, и офицеру достался первый выстрел. Он целился в шрам на лице журналиста, но промахнулся на волосок. Журналист, желавший слегка ранить своего противника, держал пистолет низко, намереваясь нанести ранение в бедро; но пистолет подбросило отдачей, и пуля вошла в живот. Рана оказалась смертельной. Журналист, полный ужаса, бросил свой пистолет и, подойдя к своему недругу, просил у него прощения, говоря, что он не имел намерения столь сурово наказывать его. Умирающий отказывается пожать руку и проклял его. Вскоре после этого он скончался.

Его младший брат послал вызов журналисту, но не было абсолютно никаких оснований для второй дуэли, и в разрешении было отказано.

Зимой журналиста нашли на улице в бессознательном состоянии и доставили в больницу. Он был страшно изранен. Он собрал последние силы и сказал, что младший брат офицера, которого он застрелил, проник к нему в квартиру после полуночи в сопровождении трех друзей и выбросил его из окна. Он умер через пару дней. Брат офицера и его друзья клялись, что в этой истории нет ни капли правды, и заявили, что в доме журналиста играли в карты в тот вечер; возник спор, и он был выброшен из окна собственными друзьями. Но никаких доказательств этого не было, и слуга журналиста ничего не знал об игре в карты в тот вечер. В комнате несчастного журналиста были обнаружены следы страшной борьбы. Но власти не стали проводить следствие,

поверив брату офицера на слово, и тем дело и кончилось.

Еще одно очень страшное происшествие случилось, пока я была в России. Немецкий окулист поселился в Санкт-Петербурге. Он был умным и умелым и быстро получил отличную практику. Он был холостяком, и его сестра вела хозяйство в его доме. Оба были среднего возраста, и все отзывались о них очень хорошо.

Вскоре окулист познакомился с офицером, у которого была красивая жена. Это знакомство скоро превратилось в близкую дружбу, и семьи стали часто навещать друг друга. Однажды утром во время врачебного приема офицер пришел к врачу домой и попросил о короткой встрече. Слуга, зная его как близкого друга своего господина, помог ему проскользнуть в кабинет, как только ушел очередной пациент. В приемной было полно пациентов, которые были поражены, услышав из кабинета выстрел, а затем еще один. Слуга ворвался в комнату и нашел своего хозяина лежащим на полу.

Офицер, спокойно сказав: «Я стрелял в твоего хозяина, найдете меня в моем собственном доме, если я буду нужен», ушел. Полиция вскоре приехала и арестовала офицера. Умирающий окулист был в полном сознании и рассказал следующую историю: когда офицер вошел в комнату, он сразу же обвинил своего друга в слишком близких отношениях с женой; однако он добавил, что если окулист обещает на ней жениться и даст потерпевшему мужу значительную сумму денег, он даст своей жене развод, чтобы не было никаких препятствий для того, чтобы она могла быть свободной и снова выйти замуж за человека, которого выбрала. Доброе имя жены и ее счастье были самым дорогим для этого человека. Окулист отказался принять эти условия. Тогда офицер предложил денег, если он оставит его жену, она ему так дорога, сказал он, что он простил бы ей все.

Окулист заявил, что у него не было никаких отношений с женой офицера, и предложил провести дознание.

Тогда офицер без предупреждения выхватил из кармана револьвер и выстрелил в друга через стол. Тот был ранен в бедро и упал на землю; офицер выстрелил во второй раз в распростертое тело, и тут слуга вошел в комнату.

Офицер рассказал, что он вызвал окулиста на поединок. Тот отказался, и тогда офицер выстрелил в него, что позволялось дуэльным этикетом в России. Окулист прожил еще два или три дня и до последнего часа утверждал, что был невиновен. Санкт-петербургские священники просили оправдать офицера, убившего человека, который осквернил его дом, так что не было никакого расследования, и офицер был отпущен на свободу.

Но, видно, воздух Санкт-Петербурга был нехорош для жены, и

они с мужем уехали из столицы. На новом месте чета быстро завела знакомство с очень состоятельным молодым человеком, который скоро стал «l'ami de la maison»[267]. Доверчивый офицер, часто приглашал его в дом, чтобы развлечь жену, пока он находился на дежурстве или в своем клубе. Мадам была очень увлекающейся. Ей нравились многие вещи в местных магазинах. Их было так много; а их молодой друг так хорошо знал город, он не мог бы сопровождать ее и показать ей магазины? Конечно, он сделал это. Мадам никак не могла найти кошелек, и молодой человек, как правило, выписывал чек на свое имя.

Однажды вечером, когда офицер и его жена были дома, полиция нанесла им визит и просила их уехать. Они так и сделали, к великой радости всех нормальных жителей этого города. Они попробовали ту же игру в другом городе, но их снова навестила полиция.

Некоторые дома в Петербурге содержат сорок или пятьдесят квартир, и вы можете получить квартиру любого размера — от двух комнат до пятнадцати или шестнадцати. В каждом доме служит человек под названием «дворник»; он является своего рода местным полицейским. Он содержит в порядке дорогу перед домом, знает всех, кто выходит из дома и входит в него, сообщает полиции, если кто-то должен прийти в дом с визитом, и отвечает за безопасность всех в доме.

Если в доме случится грабеж или убийство, дворника выгоняют с должности. Я должна сказать, что они делают свою работу очень хорошо, и о краже или убийстве, совершенных в Санкт-Петербурге, можно услышать реже, чем в Лондоне. В течение шести лет, пока я жила в российской столице, было совершено одно двойное убийство. Средь бела дня, в одном из самых лучших районов города, совсем недалеко от Зимнего дворца, пожилая дама и ее слуга были убиты, а квартира была ограблена. Преступников так и не нашли.

Глава XXVI. Причуды почтовых отделений в России

Государственные службы в России, как мне кажется, остро нуждаются в реформе. В маленьких сельских почтовых отделениях всем заправляют почтмейстеры, которые являются здесь высшей властью. Конечно, у них много работы, но они также могут сами себе доставлять неприятности, читая письма, которые вручило их заботам правительство.

Я пишу очень неразборчивым почерком и всегда жалела их, когда они пытались расшифровать мою писанину, да еще и на иностранном языке. Прошлой осенью одна придворная дама

написала письмо к императрице, когда она была в Польше. Она запечатала его и написала имя адресата на конверте, и это должно было обеспечить прохождение без проверки.

Через пару дней после этого письмо вернули из почтового отделения, написав, что оно открылось сама собой на почте. Печать была цела, но письмо вскрыто, вероятно, с помощью ножа. Конечно, причиной этого было самое вульгарное любопытство. Как правило, полиция открывает одно из каждых пятнадцати проходящих через почтовое отделение писем. Если они повреждают конверт, они сразу кидают письмо в огонь. Если в стране беспорядки, то гораздо больше писем открываются и прочитываются. Опять же, судя по историям, которые я слышала, их могут уничтожать и сами почтальоны. Одна моя знакомая рассказывала мне, что однажды она увидела почтальона, открывшего печку в прихожей и спокойно запихнувшего в нее стопку писем. Я спросила, почему она не сообщила об этом, а она ответила, что у нее не было доказательств. Она обладает обостренным чувством справедливости и полагала, что в доносе без доказательств не будет ничего хорошего, но я думаю, что я все равно бы обязательно это сделала.

В этом году моя старая подруга прислала мне по почте из Ирландии брошку; она вложила записку в свою посылку. Эта записка была доставлена мне без марки и сургучной печати. Я сразу послала запрос, но мне ответили, что письмо пришло таким, как я его получила, прямо из графства Корк, без марки и печати; но мне казалось, что это не имеет смысла, ведь тогда бы они не смогли взять плату за пересылку! На конверте не было никаких пометок. Кто-то в почтовом отделении, видимо, восхитился узором на печати и срезал ее. Перчатки или любые мелкие вещи также пропадали, если отправитель предусмотрительно не помещал в письмо опись вложений.

В среднем я недополучала около двадцати писем в год. Мне сказали, что все письма, которые посылают из дворца, обязательно вскрываются, поэтому я посчитала, что будет лучше бросать мои письма в почтовые ящики на улице. В поездках, конечно, я не могла этого сделать, но иногда я посылала письма в Петербург, чтобы их отправили оттуда. Однажды я написала на письме адрес в Корнуолле; и у меня ушло не менее недели на то, чтобы отправить это письмо, так как чиновники в провинциальном почтовом отделении были абсолютно уверены, что Корнуолл в Америке, и не брали мое письмо, потому что я написала на нем «Англия». Наконец я попросила просто отправить письмо в Санкт-Петербург, чтобы оттуда его отправили в Лондон, а там уже почтальоны разберутся, где Корнуолл.

Но в этом мне тоже было отказано; тогда почтмейстер предложил мне написать официальную бумагу о том, что я абсолютно уверена, что Корнуолл в Англии; наконец он взял письмо и зарегистрировал его, но сказал, что если оно не придет по назначению, то он не будет нести никакой ответственности за это. Через десять или двенадцать дней они прислали мне сообщение, что письмо было получено. В почтовом справочнике, должно быть, было ошибочно написано, что Корнуолл в Америке.

Однажды лондонская фирма отправила посылку по почте великим княжнам; но она не была получена. Я сделала запрос, но оказалось, что посылка потеряна. Я рассказала императрице, и она послала запрос от своего имени.

Чиновника вызвали во дворец. Он увидел императрицу, которая послала его ко мне. Он начал уверять меня, что он — англичанин и дал мне слово чести, которому я могла поверить, так как англичанин никогда не врет. Затем он начал рассказывать мне, что я нажила себе врагов в берлинском почтовом отделении и что эти монстры беззакония украли мои письма. Но дело в том, что я никогда не останавливалась даже на ночь в Берлине и никого не знала в этом городе. Я сказала ему об этом и попросила поклясться, что письма не были утеряны в России; так как он был англичанином, я могла бы поверить ему! Я заметила, что многие англичане подкупали чиновников в почтовых отделениях, чтобы те доставляли их письма, не извещая об этом полицию, или по крайней мере они рассказывали об этом и вполне открыто говорили о том, что в России невозможно ничего получить без взяток. Почему-то в России к этому относились совсем по-иному, чем в Англии, и мне это было смешно, потому что я всегда считала, что мораль одинакова для всех стран и что если человек нарушает закон в одной стране, он нарушил бы его и в другой. И не важно, что в одной стане за такой поступок наказывают, а в другой — нет.

Я сказала этому англичанину, что он может читать мои письма, если он этого хочет, если потом он будет присылать их мне, там как в них не было ничего важного, только семейные новости, не интересные никому, кроме меня. Он пришел в ужас от этого моего предложения и воскликнул: «Не дай Бог! Сам император указал, что мы не должны касаться ваших писем!». Тогда я сказала: «Бог и император запретили тебе трогать мои письма, но все равно они пропали» — и добавила, что из него получится хороший игрок в покер. Еще я сказала ему, что большинство моих писем пришли из Англии и Ирландии, и поэтому они под охраной международного почтового законодательства, и я очень сомневаюсь, что у него было

законное право трогать их. Он сказал, что я затронула очень интересный юридический момент, на который он обязательно обратит внимание, и откланялся; но письма все равно продолжали пропадать. Может быть, мне лучше было бы посылать их открытыми или слабо закрытыми, тогда большая часть их доходила бы до места назначения?

Однажды я заказала копию «Истории России» Морфилла[268], так как эта книга меня заинтересовала. Представьте себе мое изумление, когда я узнала, что эта книга была запрещена к распространению в России. Однако я попросила специальное разрешение и получила книгу после небольшой задержки, но без каких бы то ни было проблем. Цензура иногда задерживает книги в течение нескольких месяцев. Мой друг прислал мне книгу в подарок на Рождество, но я получила ее на Пасху, и похоже, что с ней играл какой-то ребенок, потому что на ней были каракули, сделанные красным и синим карандашами.

«Письмо». Художник — Даниэль Герхартц. 2000-е гг.

Государственная цензура в прессе — это очень хорошая вещь, и, по моему мнению, английской и американской прессе она тоже пошла бы на пользу. Это не закон, который запрещает что-то конкретное, но методы, которыми она регулируется и которые

также подходят и для свободной прессы.

Однажды в Санкт-Петербурге цензор обнаружил, что в продаже есть открытки с видами Исаакиевского собора, Невского проспекта, или Зимнего дворца, но без волшебных слов «разрешено цензурой» в углу каждой карточки; он немедленно запретил продажу этих ужасных открыток на десять дней. А я как раз захотела купить несколько открыток и пошла в магазин. Хозяин вежливо сказал мне, что он не может их продать. Сильно удивившись, я воскликнула: «Но почему? Они тут, в окне!». Он был чрезвычайно разгневан и сказал мне о запрете цензора. Я подумала, естественно, что этот мужчина слишком подозрительный, и покинула магазин. Я пошла в другой, и там повторилась та же история, в третьем продавцы предложили продать мне их sub rosa[269], умоляя не отправлять их, пока их продажа запрещена. Однако я отказалась от покупки при таких обстоятельствах и никогда больше не ходила в этот магазин. Странно, при всей работе цензуры можно увидеть совершенно неприличные рисунки на открытках или на театральных афишах и нужно быть осторожным, когда идешь в театр, так как некоторые пьесы нарушают все каноны хорошего вкуса, приличий и скромности.

Но со временем таких казусов научатся избегать; когда образование распространится среди людей и они возвысятся над невежеством, они сами увидят, что такие вещи не подобают такому великому христианскому народу, и они будут преданы забвению, как и многие другие вещи, которые должны осуждать все патриоты.

Глава XXVII. Подлинная история погрома в Кишиневе[270]

Многое из того, что писали о безобразиях в Кишиневе, абсолютно не соответствует действительности. Это, однако, не значит, что я собираюсь отрицать факты.

Зверства, которые не снились даже испанской инквизиции, были совершены по отношению к беззащитному и безоружному населению, но ни император, ни правительство России не были в этом виноваты.

Первые известия об этих событиях я нашла в «Лондон Таймс». Я читала отчеты с глубочайшим ужасом и спросила своих российских друзей, может ли это быть правдой, но никто, казалось, не знал ничего об этом, хотя одна из них искала сообщения в русских газетах. Она не смогла найти никаких упоминаний об этом. Несколько дней спустя статьи, полные

возмущения, были опубликованы и в российских газетах; было проведено следствие, и виновные были жестоко наказаны.

Двое россиян в городе Кишиневе были опекунами своего племянника-сироты, мальчика примерно четырнадцати лет. Он был богат, и его дяди, которые были его наследниками по закону, попав в трудное финансовое положение, решились на убийство, чтобы присвоить его состояние. Однажды днем мальчик вернулся из школы, и больше его никогда не видели живым. Это было как раз во время Еврейской Пасхи, и опекуны сообщили в полицию об исчезновении племянника, добавив свои предположения о том, что евреи использовали его кровь для ритуальных целей, ибо в этот старый миф в России многие верят.

Полиция начала поиски в еврейских кварталах и с помощью опекунов вскоре в одном из садов, принадлежащих евреям, обнаружили тело, которое было совершенно обескровлено.

Христианское население было сильно возмущено и ополчилось против несчастных евреев, которые, конечно, не могли доказать своей абсолютной непричастности к этому преступлению.

* * *

Еврейские погромы — это вид спорта, очень распространенный в России, и местные жители начали готовиться страшной расправе. Эти новости дошли до всех евреев в округе. Богатые евреи Кишинева пошли к губернатору и просили его защиты. Они дорого заплатили ему за свою безопасность.

В пасхальное воскресенье утром полиция вышла на улицы, но они были предупреждены, что не должны мешать погромщикам и также не должны оказывать никакой помощи или защиты бедным евреям, чьи дома были разграблены, их дети были выброшены из окон и их головы разбивались вдребезги о стены и тротуары. Один молодой человек был пригвожден к кресту прямо на улице и ему отпилили все конечности. Самые страшные зверства, совершенные в Средние века, меркли по сравнению с тем, что творили эти люди.

Конечно, губернатор должен был вызвать военных и защитить евреев, но он пожелал заработать больше денег, поэтому он намеренно отключил все телефоны, заперся в своем кабинете и никому не отвечал. Военные власти несколько раз ездили в его дом за разрешением, чтобы подавить беспорядки, но не могли получить ответ. Как глухой аспид, он не слышал и не отзывался. Многие люди в Санкт-Петербурге и во всей России верили, что

они исполняли желания императора. Вечером россияне вернулись в свои дома, довольные собой и своей работой; и можно представить себе их ужас, когда они обнаружили, что будут привлечены к ответственности за свои страшные деяния, ибо они возомнили, что они исполняют волю Бога и императора.

Расследование этих безобразий длилось долго; полиция провела обыск в доме опекунов, и в погребе нашли много доказательств того, что бедняга был убит в собственном доме: одежду, которую он носил в школе в последний день его жизни, оружие, с помощью которого было совершено убийство, и много других немых свидетелей. Преступники были справедливо наказаны и отправлены в Сибирь на всю жизнь. Зачинщики нападения на евреев были приговорены к различным срокам тюремного заключения, от двух лет до нескольких месяцев, в зависимости от степени их вины, но страшнее всех был наказан тот, кто был виновен во всем, — губернатор. Все его имущество было конфисковано, и он был лишен паспорта и отправлен жить в деревню; другими словами, он был вне закона, и он, в глазах закона, умер[271]. Он не имеет права ни писать, ни получать письма, и, чтобы поддерживать свою жалкую жизнь, он должен работать, как простой крестьянин.

У этого человека нет земли и нет прав. Его хозяин дает ему пищу и овечий тулуп на зиму, он спит на полу и не может выйти за пределы примерно мили от деревни в любом направлении. Если хозяин хочет, он может наказывать его, как ему заблагорассудится. Для человека, привыкшего к роскошной жизни, невозможно придумать никакого худшего наказания, чем это. Такая мера применяется очень редко; я слышала, что такие приговоренные часто убегают, прячутся в лесу и становятся «дикими людьми». Конечно, лишенные паспортов, они не могут попасть в любую другую деревню или город, и поэтому они иногда убивают целые семьи для того, чтобы украсть этот драгоценный документ, который часто оказывается для них совершенно бесполезен, так как описание внешности владельца есть в каждом российском паспорте.

Глава XXVIII. Русское духовенство

Греческая церковь, которая создана в России, должна занимать место между протестантской и римско-католической церквями; однако в ритуалах и доктрине больше сходного с последней, чем с первой, хотя православные россияне, как правило, предпочитают протестантов католикам. Греческая церковь отрицает главенство папы, браки духовенства, службы

проходят на русском языке, и они не поддерживают доктрину непорочного зачатия[272].

Многие из священников — прекрасные люди, они тяжело работают на благо своего народа, ведут очень скромную жизнь и являются настоящим украшением христианского мира и своей профессии. С другой стороны, многие из них кажутся лишенными всякой морали. Во многом их жизнь очень печальна, они как бы отделены от всех остальных людей. Они ведут жизнь, похожую на жизнь младших сыновей крестьян, и не вписываются ни в какое общество. Их образование и сан поднимают их выше уровня простого земледельца, который по воскресеньям смотрит на попа с каким-то суеверным трепетом, но на чью жизнь тот не оказывает никакого влияния. Старший сын священника или молодой человек, рукоположенный на священство, не подлежат военному призыву, но младшие сыновья священников часто служат в солдатах. Мальчик-грум, который водил ослика маленькой Анастасии Николаевны, был сыном священника, и никого не удивляло, что он должен служить в конюшне. На самом деле считалось, что ему очень повезло, что для него нашлось такое хорошее место. Он служил рядовым в армии и умел читать и писать.

Священник обязан жениться, прежде чем он получает место; жену во многих случаях для него выбирает епископ; если она умрет, он должен отказаться от своих обязанностей, покинуть своих детей и идти в монастырь, второй брак абсолютно запрещен для них, и священнику без жены не позволено жить в приходе. Что за жизнь в монастырях, я не могу сказать, но она, должно быть, очень однообразная. Монахи часто занимаются резьбой по дереву, некоторые из их работ очень красивы. Во всех монастырях можно купить за несколько пенсов маленькие деревянные ложки, вырезанные монахами; они все «благословленные» и на них особый знак: правая рука вытянута, указательный и средний соединены с большим, а оставшиеся два пальца подогнуты. У меня хранится несколько таких ложек, и я всегда жалела, что такие образованные люди, которые могут трудиться на благо своих ближних, заперты в монастыре и тратят свои жизни на то, чтобы вырезать из дерева ложки, но в русской церкви изменения происходят очень медленно. Пока я была в России, там прошла конференция для обсуждения целесообразности изменения календаря, который на тринадцать дней отстает от остального мира, но церковь не желала даже слышать об этом, утверждая, что христианские праздники, такие как Пасха, не должны приходиться на тот же день, что и Еврейская Пасха!

Дочери священников учатся в специальных, очень хороших школах и выходят замуж за священников[273].

По завершении обучения фотографии дочерей священников из всех школ, кроме тех, кто уже помолвлен, помещают в общий альбом. На обороте написаны полные сведения о ней: рост, возраст, происхождение, состояние, количество братьев и сестер и т. д. Если у будущего священника еще нет никаких матримониальных планов, то, сдав экзамены, он берет такой альбом и выбирает двух или трех подходящих кандидаток на супружеское счастье, пишет отцам избранниц и просит о встрече. Когда выбор сделан, но сообщает об этом отцам остальных невест. Когда отец жены умирает, зять забирает к себе в дом свекровь.

В то время, как я была в Санкт-Петербурге, один из священников умер и оставил четырех незамужних дочерей. В соответствии с обычаем, епископ назначил на вакантную должность молодого человека, который еще не был ни с кем помолвлен, и предполагалось, что он женится на одной из дочерей и обеспечит их мать. Но одна за другой эти отважные девушки отказались от его предложения. Не то чтобы они имели что-то против человека, но они сказали, что они хотели бы иметь хоть какой-то выбор и не хотели выходить замуж за того, кого не любят.

Они ушли из дома своего отца, взяли мать с собой и нашли работу в школе, где у них все сложилось хорошо. Я глубоко сочувствовала им и, разговаривая с одной русской дамой, восхищалась их мужеством поступать вопреки закону и устраивать свою жизнь по своему разумению. Она, однако, придерживалась совсем других взглядов и сказала, что «они были воспитаны и обучены для того, чтобы стать женами священников; это была их обязанность, а я терпеть не могу людей, которые не выполняют свои обязанности. Где священникам искать жен, если дочери священников отказываются выходить замуж за них?».

Если у священника есть только дочери и ни одного сына, он должен воспитать молодого человека для своего прихода, чтобы он женился на одной из его дочерей. Если же у него совсем нет детей, он берет приемного сына.

Императрица делает все, что в ее силах, чтобы укрепить престиж священников и обеспечить им больший доход.

Когда русская семья посещает Святую Москву, они считают своим долгом нанять попа, чтобы служить утреннюю службу — «заутреню»; для этого слуга отправляется на рынок, чтобы нанять священника. Священники стоят там, каждый с караваем хлеба в руках. Слуга выбирает попа, а потом начинается ужасный торг,

без которого, кажется, невозможно заключить ни одну сделку. Священник просит, наверное, пять или шесть рублей; слуга старается сбавить цену. Если священнику не удается сторговаться, он может сказать: «Если ты не дашь мне мою цену, я съем кусок хлеба и потом ничего не смогу сделать», потому что он должен поститься перед службой. Если слуга неопытен, тогда он скорее всего сдастся и заключит сделку; но если он не растяпа, он ответит что-то вроде: «Если на то пошло, можешь все это съесть. Есть еще много попов на рынке». Но предположим, что сделка заключена. По завершении утренней службы священник держит крест, и верующие подходят, чтобы поцеловать его и руку священника, который затем отправляется на кухню, чтобы позавтракать со слугами.

Покойным императором было заведено, что, когда он бывал в армии, на маневрах он посещал богослужения в деревенских церквях. Однажды по завершении службы он подошел, чтобы поцеловать крест и руку священника. Последний убрал свою руку, говоря: «Ваше Величество не должны целовать руку своего покорного слуги». Император упрекнул его: «Ты дурак, это не твою руку я целую, а руку церкви, частью которой ты являешься. Я делаю это не для тебя, но для моего народа».

«Под Благовест». Художник — Михаил Нестеров. 1897 г.

Святые образа и реликвии занимают большое место в русской церкви. В соборе Зимнего дворца хранится высушенная человеческая рука. Традиция говорит, что это рука Иоанна Крестителя![274]

Святые образа могут быть написаны или вырезаны из дерева. Не всегда они изготовлены вручную и могут стоить несколько копеек. Русские никогда не говорят о покупке или продаже этих реликвий. Они всегда обмениваются. «Обмен на деньги — это не

то же самое, что покупка», — говорят они.

Родители благословляют иконой своих детей во время обручения. Для этого обычно используют икону святых Гурия, Самона и Авива[275]. Если еще не обрученному человеку подарят такую икону, он или она уверены, что в этом году будет свадьба. Я дала копию иконы одной девушке три года назад, но это не подействовало, она все еще живет одна. Я сказала ей, что она, должно быть, не верит в силу иконы. В самом деле, она очень стеснялась и спрятала икону в свой сундучок, а не поставила ее на киот, чтобы ее все видели. Ей было стыдно, что она спрятала мой подарок, и она не могла понять, говорю я всерьез или шучу.

Некоторые из русских нянек обручились в то время, пока я жила во дворце. Когда мы были последний раз в Москве, та девушка, которой я подарила копию, пришла ко мне и рассказала, что ей приснилось, что ангел пришел к ней и сказал: «Если ты хочешь быть счастлива в браке, ты должна получить икону Гурия, Самона и Авива». Она сказала ангелу, что у нее много икон, но нет ни одной Богоматери.

Но ангел был другого мнения и настаивал на том, чтобы она сделала то, что он указал.

Конечно, я сказала ей, что, если ее семейной счастье зависело от этого, она должна исполнить приказание ангела. Поэтому она оделась и ушла.

Вскоре после этого императрица пришла в детскую и позвала эту девушку. Я сказала ей, что она ушла, чтобы купить то, что ей требуется. Тогда императрица попросила меня отправить девушку к ней, как только она вернется. Затем она дала мне копию этой иконы: мол, «она должна принести удачу и счастье невесте, я увидела ее в церкви и принесла образок домой для нее». Это было странное совпадение.

В 1903 году в русский календарь был добавлен новый святой — Серафим[276]. Он был монахом и был известен великой кротостью и благочестием. Он жил в монастыре, расположенном в лесу. Его, как правило, изображают с большим медведем, которого он приручил и который следовал за ним, как собака. Он ходил сгорбленным после того, как на него в лесу напали разбойники, избили его и сломали ему спину, но он поправился и прожил еще несколько лет. Много необычных историй связанны с ним. Он умер около семидесяти пяти лет назад, но из-за его чрезвычайной набожности он был причислен к лику святых гораздо раньше, чем обычно.

Император и императрица отправились в паломничество[277]. Они приехали в монастырь, и оказалось, что их могут разместить либо в конюшне, где были поставлены кровати, или в палатках.

Но по большей части паломники, численностью около полутора миллионов в год, спали в лесу или на территории монастыря под открытым небом. Монахи вовсе не были готовы к такому количеству людей, и там не хватало хлеба и другой пищи. Было зарегистрировано много исцелений, по-видимому, подлинных: слепые прозревали, хромые начинали ходить, но я не могу сказать, был ли этот эффект постоянным.

Императорская семья говорила с русским врачом; он сказал, что не сомневался в истинности некоторых из этих исцелений, но он заметил, что все это были заболевания нервной системы. Но зато заболевания нервной системы сложнее всего вылечить. Одной из исцеленных была молодая девушка, страдавшая от тифа, чьи родственники снимали летний дом неподалеку отсюда. Однажды утром ее мать с ужасом обнаружил ее кровать пустой. Стали искать по всему дому и в саду, но не могли найти ее. Вдруг она вошла в дом и попросила завтрак. Она рассказала следующую историю.

Ночью в ее комнате появился старичок и сказал ей, чтобы она встала, пошла и искупалась в роднике в нескольких милях от дома. Она запротестовала, сказав, что она лежит в постели в течение нескольких недель и у нее недостаточно силы, чтобы идти так далеко, но призрак сказал: «Только повинуйся, силы будут даны тебе, только имей веру». Она встала, пошла к роднику, искупалась и почувствовала себя здоровой.

Когда об этих замечательных случаях стало известно, было принято решение причислить преподобного Серафима к лику святых, и я уверена, что он заслуживает такой чести.

Библия говорит нам, что если мы имеем веру, то все возможно для нас, поэтому я верю, что эти чудеса были ответом на веру. Многие шли из Архангельска на Белом море к монастырю, который расположен на юге России, в течение шести месяцев, словно апостолы.

Два брата несли свою парализованную сестру на носилках. Они шли пять месяцев, начав свой долгий, тяжелый путь в марте, когда земля еще была покрыта снегом. Их вера была вознаграждена: их сестра выздоровела. Отзывчивые люди помогли им вернуться домой на поезде. У них было три величайших вещи в мире: вера, надежда и любовь, и они были вознаграждены.

Глава XXIX. Еще о крестьянах и о детях

Российские крестьяне питаются в основном рожью. Если случается неурожай, разорение и голод смотрят им в лицо.

Мне рассказали о том, что случается, когда едят испорченную рожь. Описанные эпизоды происходили в деревне недалеко от Москвы. Самые бедные люди собирали недозрелые и гнилые зерна и пекли из них какую-то пародию на черный хлеб. Этот хлеб словно опьянял бедные существа, которые становились на некоторое время абсолютно безумными. Они танцевали голышом на улицах, нападали друг на друга с ножами, орали, как дикари[278]. Даже маленькие дети были как пьяные. Многие умирают, внезапно падая, в самый разгар их безумств. Но обычно после двух часов таких метаний бедняги впадают во внезапный и глубокий сон, от которого они просыпаются трезвыми и здоровыми. Но многие — увы! — вообще не проснулись.

Русские крестьяне не любят одиночества и всегда живут в деревнях. Иногда их дом может быть в сорока милях от поля, на котором они работают. Летом, как правило, крестьянин, его жена и остальная семья запирают избу и едут в телеге на свое поле.

Они обычно пашут плугом, порой запрягая туда быков или даже женщин, а мужчина правит этой необычной упряжкой. Я часто говорил: если бы я была теми женщинами, я бы побила таких мужчин. Мой племянник говорит, что это не по Писанию, ибо запрещено впрягать в одно ярмо вола и осла![279] Однажды я сказала бабе, что ее положение мне кажется ужасным, и она засмеялась и сказала: «Eta nichivo» — то есть «это неважно».

Во время сбора урожая они работают до поздней ночи, на севере России дневной свет задерживается долго[280]. Можно читать в десять часов вечера без искусственного освещения, и они работают: косят траву в лунном свете, вяжут снопы и т. д. Наконец, урожай везут домой в хранилища, скот загоняют в стойла, и начинается долгая унылая зима. Лето, проведенное вне дома, конечно, хорошо для детей, которые бегают вокруг крепкие, загорелые, полуголые, как дикари.

У одной из нянек во дворце была подруга, которая жила в деревне с матерью; она умела прясть очень тонкие нити. Однажды я увидела ее работу и сделала заказ. Я показала ее нитки некоторым знакомым, и получила новые заказы. Я даже послала нитки в Англию и Ирландию, и их покупали по более высокой цене, чем она получила от магазинов, для которых раньше работала. Она вскоре нашла пару учениц, и организовала небольшую мастерскую. Теперь она и ее мать жили в достатке, которого не знали прежде. Но однажды нянька пришла сказать мне, что ее подруга вышла замуж и теперь не может работать. Мне было очень жаль, что она отказалась от работы, так как русские зимы длинные, и я полагала, что она найдет время для того, чтобы ткать, и так и сказала няньке. Девушка ответила, что

ее подруга не могла работать, так как она слишком устает по вечерам, когда заканчивает пахать. Я была удивлена и сказала, что никогда не слышала, чтобы женщина управляла плугом, а она ответила, что ее подруга тащит его вместе с коровой.

Я сказала, что она, должно быть, очень любит своего мужа, раз стольким пожертвовала ради него. Я узнала, к моему удивлению, что он был семнадцатилетним мальчиком! Брак был устроен «посредником». Жених был младшим из четырех братьев, все остальные были уже женаты. Всего в семье было одиннадцать взрослых и около двадцати пяти детей, живущих в маленькой избушке. Новая жена была вынуждена отдать свой дом ее свекру, который не платил ей арендную плату, и у нее даже не было свечи, чтобы работать зимними вечерами. Я была очень удивлена, но моя собеседница удивилась мой реакции еще больше и сказала: «Но она была старой девой; и русским не нравится быть старыми девами».

Крестьянки, которых я знала, хотели сосватать меня! Боюсь, мне не удалось бы ужиться в их обществе.

Горничные и няньки в детских пользовались любым поводом, чтобы похвастаться мне, если какой-то человек уделял им внимание. Тогда я, как заботливая мать, расспрашивала всех знакомых о его характере и положении и о том, был ли у него собственный дом, в котором могла бы поселиться его семья.

Если с этим все было в порядке, я предупреждала девушек, но позволила продолжить ухаживания. Однако я никогда не позволяла женихам увозить своих невест в деревню, чтобы пахать на них, как на скотине. Одна из нянек вышла замуж в прошлом году. Она пришла во дворец прямо из школы, в семнадцатилетнем возрасте, и проработала там почти семь лет. Она, естественно, была очень сильно привязана к детям и в последний день проливала потоки слез, и дети тоже были ужасно огорчены, увидев ее в таком горе. Маленькая великая княжна Татьяна сказала няньке, что она может остаться, если так их любит, что мы все тоже любим ее и будет жалко расставаться с ней, а потом она прибежала ко мне, чтобы просить меня не отправлять дорогую Феклу. Я ответила, что она может остаться, если ей здесь понравилось, но она обещала выйти замуж за Владислава; это было ее собственное желание, и я не думаю, что она хотела бы нарушить свое слово.

Другие девушки устроили небольшую вечеринку, чтобы отпраздновать ее отъезд, и ее жених пришел в гости. Когда девушка услышала, что он приехал, то снова не смогла сдержать слез. Она поняла, что пришло время расставания. Маленькая Татьяна Николаевна взяла лист бумаги и карандаш и с большим

трудом написала такое послание: «Владислав, будь хорошим с Феклой. Татьяна». Она положила письмо в конверт, написала большими буквами: «Письмо для Владислава» — и отдала горничной, попросив передать ему. Я пришла позже, чтобы поговорить с женихом и пожелать ему счастья. Он вытащил письмо из кармана и со слезами на глазах просил меня, чтобы я поблагодарила маленькую великую княжну и передала ей, что он никогда не забудет, что должен быть хорошим мужем Фекле, потому что это было желание Татьяны Николаевны. Это письмо всегда будет с ним. Фекла приезжала к нам несколько раз после свадьбы и была очень счастлива. Всякий раз, когда она пишет мне, она всегда посылает специальное сообщение для Татьяны и рассказывает, что Владислав очень добр к ней, а малышка очень довольна и говорит: «Хорошо, я рада».

Дети привыкли делать самостоятельно на Рождество и дни рождения подарки для родителей, как правило, какое-то рукоделие. Однажды маленькая великая княжна Ольга, несмотря на мои протесты, решила сделать прихватку для чайника для императора. Она хотела пришить по краю синюю ленту. Я сделала для нее рюши из ленты со всех сторон, и она восхищалась ими безмерно.

Когда наступило Рождество, она подарила свою работу отцу, говоря: «Няня боится, что для вас не будет большой пользы от этой прихватки, но вы можете положить ее на стол, на коврик или повесить на стену, как картину. Просто нужно найти очень маленькую рамку для нее».

Однажды дети гуляли со мной в саду Зимнего дворца. У императора живут несколько очень красивых собак породы колли, и они тоже были на прогулке в саду. Одна из них, молодая и необученная, прыгнула на спину Татьяне Николаевне и сбила ее с ног. Ребенок испугался и горько заплакал. Я подняла ее и сказала: «Бедная Шейла! Она не хотела тебя обидеть; она только хотела сказать: «Доброе утро»».

Ребенок посмотрел на меня и сказал: «Это все? Я не думаю, что она очень вежливая; она могла бы сказать мне это в лицо, а не в спину».

Однажды, вскоре после того, как я приехала в Россию, маленькая великая княжна Ольга была очень непослушной. Я сказала ей: «Я боялась, что ты сегодня встала не с той ноги». Она выглядела немного озадаченной, но ничего не сказала. Следующим утром, не вставая с постели, она позвонила мне и попросила, чтобы ей показали ее правую ногу.

Я выполнила ее просьбу, и она осторожно спустила ее на пол. «Теперь, — сказала она, — левая нога не заставит меня

капризничать!»

Теперь стоило только напомнить ей об этом, и весь день она была очень послушна.

Я не думаю, что в мире существует кто-то более немузыкальный, чем я. Мое пение никого не сможет побудить нарушить вторую заповедь[281], ибо оно не восхитит никого ни в небесах, ни на земле, ни в водах ниже земли. Я могу разве что намурлыкать весьма фальшиво две английских песни: «Вечная скала»[282] и «Уильям и Дина»[283]. Когда великая княжна Татьяна была больна и не могла уснуть, она всегда просила меня спеть для нее, и я пела «Вечную скалу», пока бедная страдалица на возмутилась и не отказалась наотрез слушать эту песню; так мне остался только «Уильям». Баллада очень ее заинтересовала, но она все время спрашивала: «Почему бедная Дина выпила яд холодным?». Я отвечала: «Он даже не успел согреться, дорогая; теперь иди спать». Однажды ночью она решила продолжить расспросы: «Почему она не попросила свою няню согреть яд? Вы бы согрели его для меня, не правда ли?».

Зимний дворец в конце XIX века.

Я получила из Англии препарат для детских волос и втирала его в голову маленькой Анастасии. Она возражала, и я сказала: «От этого ваши волосы будут хорошо расти, дорогая». Следующим вечером я пошла за пузырьком из шкафа, а малышка убежала в соседнюю комнату. Она вернулась, волоча за ноги уродливую куклу с отклеившимися волосами, без одного глаза и руки. Она серьезно взяла маленький кусочек мочалки и начала натирать

бальзамом голову куклы. Я возразила, сказав ей, что мне пришлось послать в Англию за этим средством и я не хочу, чтобы его тратили без толку. Она посмотрела на меня укоризненно и сказала: «Моя бедная Вера! У нее нет кудрей; это заставит ее волосы расти». Конечно, она была по-своему права.

Глава XXX. Образование в России

Среднее и высшее образование очень хорошо организованы в России. Есть много университетов, и плата за обучение, книги и т. д., невысока, всего около двадцати фунтов в год, и нет ограничений по возрасту. Я думаю, университету пошло бы на пользу, если бы в него было сложнее поступить, так как туда попадают многие студенты, которые по чести должны были бы быть отсеяны. Есть очень много стипендий для неимущих.

Однажды одна молодая женщина просила меня похлопотать за нее перед одним профессором, которого мне довелось знать. Ей было тридцать лет, и она бросила школу в семнадцать, хотя получила очень хороший аттестат. Она научилась кройке и шитью и работала в провинции. Она скопила несколько сотен рублей и захотела приехать в Петербург, чтобы изучать медицину[284]. Я сообщила ей, что необходимо будет знание латыни. Она уже давно ушла из школы и теперь жила в провинции, где у нее был ограниченный доступ к книгам. Она была успешна как портниха, и я думала: почему бы ей не оставить все как есть? Но она была амбициозна и не слушала меня. Она была совершенно уверена, что она может выучить все, что потребуется, и твердо решила поступить в медицинский институт.

Мне было очень жаль женщину, приехавшую в Санкт-Петербург, чтобы жить в подвале и тратить свои деньги без толку. Однако она поступила в институт в качестве бесплатной студентки. Конечно, она ничего не достигла и заняла место, которое могло быть отдано более молодому ученику, только что вышедшему из школы, потеряла своих клиентов, испытывала терпение своих профессоров, и все без толку.

Есть много учебных заведений в Санкт-Петербурге, финансируемых государством; в них дается прекрасное образование, главным образом в разных областях современной науки. Иностранные языки хорошо преподаются, и трудно найти образованного русского, который не говорил бы свободно на трех или четырех языках. Русский язык ужасно трудный, я никогда не знала его достаточно хорошо. Камнем преткновения были цифры. Даже в десятичной системе, которая настолько проста, что мы

могли бы освоить ее за полчаса, они должны использовать в магазинах специальные счеты, и даже с их помощью они часто сбиваются. Как получается, что они понимают нашу сложную денежную систему, я не знаю.

Есть много стипендий в государственных школах. Император и императрица имели право предоставления их ученикам. Родители или родственники ребенка могут платить только небольшую сумму. Одна из русских нянечек во дворце недавно таким образом отправила своего ребенка в школу. Девочке было двенадцать лет, и она умела читать, но не писать. Она была взята на восемь лет и была обеспечена едой и одеждой. Ее учили также работе по дому и рукоделию. Возможно, через восемь лет ей захочется поступить в университет. И все, что было заплачено за ее обучение, — это около пяти фунтов в год. В двенадцать лет она была грубой крестьянкой в лаптях и с головой, повязанной платком. Она даже ни разу не видела поезда, и самое прекрасное, что она когда-либо видела за всю свою жизнь, была статуя одного из императоров на одной из улиц Санкт-Петербурга. Она не понимала, что такое магазины, и никогда не слышала о покупках.

Во многих высших учебных заведениях существует ценз по рангу отца. Туда не могут поступать сыновья и дочери, чьи отцы имеют ранг ниже майора. В самом престижном институте из всех учатся дочери генералов и иностранных правителей. Королева Италии и ее сестры получали образование здесь. Во всех этих заведениях учащиеся и учителя носят форму. Она часто очень уродливая, самых невзрачных оттенков синего, которые только можно себе представить.

В России каждый человек имеет воинское звание. Учителя маленькой великой княжны Ольги должны были быть генералами, их называли «ваше превосходительство». Они носили генеральские мундиры, но маленькая пуговица на их воротниках была не такой, как у настоящих военных генералов.

Иностранцам не дают воинское звание. Они приходят, чтобы давать уроки, даже ранним утром одетые во фраки — это своего рода униформа.

Начальных школ очень мало, гораздо меньше, чем средних. Очень часто единственный, кто дает среднее образование беднякам, — это деревенский священник. Бедняга должен наставлять их, но, кажется, и жизни не хватит для этого, и у него много других обязанностей, кроме преподавания своим варварам. Он имеет свой собственный маленький участок земли, и он должен заниматься венчаниями, крестинами, похоронами… Бедняга действительно должен справляться с этим в одиночку.

Россияне ценят образование очень высоко и считают его

очень полезным. Одна крестьянка однажды спросила меня, могу ли я читать и писать. Я ответила утвердительно, но заметила, что я не могу читать по-русски, а только на моем родном языке и по-французски. Она взглянула на мою комнату и на мои книги и спросила меня испуганно, правда ли, что я все их прочитала. Я сказала, что все. Тогда она воскликнула: «О! Какие хорошие родители у вас были! У меня тоже были очень хорошие родители, они отправляли меня в школу каждый день в течение четырех лет, и я могу прочитать практически любую книгу, и даже газеты, и умею писать письма».

Следующую историю рассказала мне императрица. Однажды утром приехала на поезде с Кавказа маленькая девочка в возрасте одиннадцати лет. Она подошла к слуге и попросила отвести ее к министру образования. Он стал возражать; но девочка сказала с нажимом: «Я приехала с Кавказа, путешествовала десять дней, чтобы поступить в школу; пожалуйста, вызовите извозчика и отправьте меня к министру». Ребенок держал себя так серьезно, что слуга исполнил ее распоряжение. Прибыв в дом министра, она с большим трудом убедила швейцара, что он должен ее впустить. Но ей это удалось, и он пообещал доложить своему хозяину, что маленькая девочка с Кавказа хочет увидеть его.

В то время министр беседовал с секретарем императрицы, но он сказал, что хочет увидеть ребенка. Она изложила свое дело, и министр, с большим трудом удерживаясь от смеха, заверил ребенка, что у него нет вакансий. Но малышке было невозможно отказать. «Вы — министр образования! — воскликнула она. — Я приехала с Кавказа, чтобы поступить в школу; вы должны пристроить меня куда-нибудь!» Министр был очень озадачен и попытался объяснить ей, что мест нет; но она ничего не желала слушать. Секретарь перебил министра и предложил платить за эту маленькую путешественницу до тех пор, пока не появится свободная вакансия. Министр написал письмо хозяйке школы, и ребенок был отправлен в школу в сопровождении лакея. Ее радости не было предела. Секретарь немедленно отправился в Петергоф и попросил, чтобы ему позволили увидеть императрицу по неотложному делу. Он рассказал ей о ребенке, так страстно желавшем получить образование. Императрица послала запрос о девочке и подарила ей место в одной из своих школ.

Оказалось, что две ее старших сестры поступили в местную школу, но там не было места для этой малышки. Она приняла это очень близко к сердцу и даже заболела от огорчения. Священник и врач сделали все возможное, чтобы успокоить ее, но не преуспели. В отчаянии они купили ей билет в Санкт-Петербург, думая, что если она поймет, что это было невозможно, она

примириться с «волей Бога». Но она решила, что «на Бога надейся, а сам не плошай», и оказалось права, хотя, действительно, мы можем увидеть Божью волю в том, что произошло. Она теперь находится под покровительством императрицы, и если я не ошибаюсь, мир еще услышит о ней когда-нибудь. Ее не так-то легко обескуражить или прогнать.

Император основал много школ и учредил много стипендий в честь дня рождения цесаревича Алексея Николаевича. Я не думаю, что мог быть более благородный подарок ко дню рождения царевича, чем школа его имени.

Глава XXXI. Рождение наследника

12 августа 1904 года родился цесаревич — маленький великий князь. Это случилось в мой день рождения, и когда я пошла, чтобы увидеть новорожденного принца и поздравить, императрица сказала мне: «Вы видите, какой хороший подарок я приготовила для вас».

Его окрестили, когда ему было двенадцать дней от роду. Я уже описывала церемонию крещения маленькой Марии, а его крещение было чуть более церемонным. В его золоченую карету запрягли восемь лошадей, а не шесть, и он был одет в голубой и белый, а не розовый; также орден, который он получил от императора, был выше[285].

Младшие сестры были в восторге от появления на свет брата и высказали много забавных замечаний о нем. Они были на крещении, одетые в русские придворные платья из голубого атласа, парчи, серебра и украшенные серебряной тесьмой и пуговицами, а еще они носили серебряные туфли. Их головные уборы были из синего бархата, расшитого жемчугом; они выглядели очень мило и необычно.

Крестными отцами ребенка были король Дании, король Англии, император Германии, великий князь Алексей Михайлович[286], дядя императора, а среди его крестных матерей была принцесса Виктория Уэльская[287]. Он получил имя Алексея; он был третьим царевичем в династии Романовых, носившим это имя. Так же звали Алексея Михайловича, сына первого из Романовых, и старшего сына Петра Великого, который тоже родился царевичем, поэтому младенец тоже должен был получить это имя[288]. Имя это означает «несущий мир»[289]. Я надеюсь, что это будет правдивым предзнаменованием.

Он очень красивый мальчик. В середине церемонии крещения, когда он был помазан в первый раз, он поднял руку и протянул пальцы, как будто произнося благословение. Конечно,

все говорили, что это был очень хороший знак и что он будет отцом своему народу.

Когда мы вышли из церкви, шел сильный дождь, который, как мне сказали, также был очень хорошим знаком, но это было не так приятно для моего белого атласного платья.

Платье и костюмы придворных на этой церемонии намного превзошли по красоте и величию все, что я когда-либо видела.

Это была первая большая церемония для маленьких девочек, и вы можете себе представить, как они были ей рады.

Вскоре после рождения цесаревича я уехала из России. На то были личные причины. Мне было очень жаль прощаться с дорогими детьми, которых я так любила.

Мисс Игер подвела традиционная английская увлеченность политикой. Великая княжна Ольга Александровна, сестра Николая, рассказывает: «…Я помню мисс Игер, няню Марии, которая была помешана на политике и постоянно обсуждала дело Дрейфуса. Как-то раз, забыв о том, что Мария находится в ванне, она принялась спорить о нем с одной из своих знакомых. Мария, с которой ручьями лилась вода, выбралась из ванны и принялась бегать голышом по коридору дворца. К счастью, в этот момент появилась я. Подняв на руки, я отнесла ее к мисс Игер». Но есть и другая версия: няню-англичанку уволили по политическим мотивам. Россия готовилась к войне с Японией, а Британия Японию поддерживала.

29 сентября 1904 года Николай записал: «Сегодня после многих недель колебаний Аликс, сильно поддержанная мною и княг. Голицыной, наконец, решила уволить англичанку — няню детей мисс Игер, что и было ей объявлено Марией Михайловной!». На следующий день он пишет: «Сегодня англ, няня уехала к себе на родину».

Новая английская бонна не приехала на смену мисс Игер. Теперь за принцессами присматривали только русские няни. Из них выделялась Мария Ивановна Вишнякова (дети звали ее Меричка), выпускница школы нянь Воспитательного дома, растившая великую княжну Ольгу. Отношения между императрицей и ее воспитанницей не всегда были гладкими, но родители старались внушить детям уважение к няне. В январе 1909 года императрица пишет Ольге (девочке 11 лет): «Подумай о Мари, как она вынянчила всех вас, как делает для вас все, что может, и когда она устала и плохо себя чувствует, ты не должна еще и волновать ее». На следующий день Ольга отвечала матери: «С Мари бывает не всегда легко, потому что она иногда сердится без всякой причины и поднимает шум из-за пустяков».

Но потом Мария Ивановна оказалась в центре скандала.

Михаил Владимирович Родзянко, гофмейстер Высочайшего Двора, в феврале 1912 года сообщил царю, что Распутин «соблазнил нянюшку царских детей… она каялась своему духовному отцу, призналась ему, что ходила со своим соблазнителем в баню, потом одумалась, поняла свой глубокий грех и во всем призналась молодой императрице, умоляя ее не верить Распутину, защитить детей от его ужасного влияния, называя его «дьяволом». Нянюшка эта, однако, вскоре была объявлена ненормальной, нервнобольной, и ее отправили для излечения на Кавказ». Тем не менее Марии Ивановне была назначена пенсия в размере 2000 рублей в год и предоставлена квартира в Комендантском корпусе Зимнего дворца.

Михаил Владимирович Родзянко (1859–1924) — русский политический деятель, лидер партии Союз 17 октября (октябристов); действительный статский советник (1906), гофмейстер Высочайшего Двора (1899)

Воспитание подросших девочек было поручено Софье Ивановне Тютчевой — внучке великого поэта (она была дочерью его сына от второго брака и, следовательно, приходилась Анне

Федоровне внучатой племянницей). Здравомыслящая, как все Тютчевы, Софья Ивановна никак не могла взять в толк особых отношений царской семьи с Распутиным.

Дело закончилось ссорой императрицы с воспитательницей и удалением последней из дворца.

Из дневника Александры Викторовны Богданович — жены генерала от инфантерии писателя Евгения Васильевича Богдановича

20 марта 1912 года.

Рассказывал также Джунковский[290], что великая княгиня Елизавета Федоровна[291] с грустью говорила, что ее племянницы очень дурно воспитаны.

10 июня 1912 года.

Шамшина сказала, что в городе говорят, что вместо Тютчевой к царским детям будет назначена Головина, которая возила Распутина по домам и с ним путалась, а над ней главной — Вырубова. Это прямо позор — назначение этих двух женщин.

20 июня 1912 года.

Был у нас Ломан. Сказал он, что тяжелое впечатление выносишь от близости ко двору. Вот как он объясняет выход в отставку С. И. Тютчевой. Она не подчинялась требованиям старших, вела с царскими детьми свою линию. Возможно, что ее воспитательное направление и было более рациональным, но оно было не по вкусу, а она упорствовала, как все Тютчевы, была упряма и стойка, верила, как все ее однофамильцы, в свои познания и свой авторитет, так что детям приходилось играть две игры, что приучило их лгать и проч. Являлась всегда Тютчева на все сборища и приемы не в духе. Она говорила, что не все разговоры можно вести при детях. В этом с ней не соглашались, и вот развязка — пришлось ей покинуть свой пост. Мое соображение: из этого видно, что при дворе правду не любят и не хотят слушать. При этом Ломан вспомнил, как воспитательница вел. кн. Марии Александровны Кобург-Готской, тоже Тютчева, после катастрофы на Ходынском поле при встрече со своим бывшим воспитанником вел. кн. Сергеем Александровичем не подала ему руки, обвиняя его в случившемся. Такова и С. И. Тютчева.

Отныне Александра Федоровна воспитывала дочерей сама.

Что было дальше, хорошо известно всем. Во время Первой мировой войны императрица и две старшие принцессы — Ольга и Татьяна — трудились в Царскосельском лазарете, помогали на операциях княжне-хирургу Вере Игнатьевне Гедройц. Но это не

улучшило репутацию Александры Федоровны, ее называли «немкой», бранили, винили во всех военных поражения.

После Февральской революции Николая лишили престола и его семью поместили под домашний арест в Царском Селе. Потом Керенский приказал перевести их в Тобольск. После Октябрьской революции большевики поняли, что слишком опасно оставлять кого-то из членов царской семьи в живых. Их перевезли в Екатеринбург и, когда к городу начали приближаться войска Чешского легиона, царскую семью расстреляли в подвале Ипатьевского дома. Династия Романовых, правившая Россией с 1613 года, прекратила свое существование.

Литература

Часть 1

Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны 1825–1846. Сон юности [Электронный ресурс] // URL: http:// dugward.ru.

Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989.

Николай I. Молодые годы. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: Издательство «Пушкинский фонд», 2008.

Часть 2

Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. М„2000.

Часть 3

Танеева (Вырубова) А. А. Страницы моей жизни. М.: Благо, 2000.

Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. // «Иллюстрированная Россия», 1933.

Зимин И. В. Повседневная жизнь Российского императорского двора. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М: Центрполиграф, 2010.

Три последних самодержца. Дневник А. В. Богданович. М.: Издательство Л. Д. Френкель, 1924.

Игер Маргарет. Шесть лет при русском дворе [Электронный ресурс] // URL: http://www.alexanderpalace.org/eagar/eagar. html

Иллюстрации

«Гувернантка». Художник — Ричард Редгрейв. 1844 г.

«Портрет двух девушек и гувернантки». Художник — Абрахам Соломон. 1850-е гг.

«Гувернантка». Художник — Александр Кабанель. 1865 г.

«Приезд гувернантки в купеческий дом». Художник — Василий Перов. 1866 г.

«Наем гувернантки». Художник — Эмилия Шанкс. 1913 г.

notes

Примечания

1

Полностью воспоминания Ольги Николаевны опубликованы в книге: Быть принцессой. Повседневная жизнь при руссом дворе. М.: Алгоритм, 2017.

2

Сестра Николая I, тетя Ольги.

3

1835.

4

1844.

5

Карл Карлович Мердер (8 января 1787–24 марта 1834) — генерал-майор, генерал-адъютант, воспитатель императора Александра II.

6

Сочинения И. И. Голикова: «Деяния Петра Великого» (М., 1788–1789. Т. 1–12); «Дополнения к деяниям Петра Великого» (М., 1790–1797. Т. 1–18).

Поверенной (фр.).

8

Генриетта Гертруда Вальпургис Зонтаг, в замужестве — графиня Росси; немецкая оперная певица (колоратурное сопрано), с большим успехом выступала в Петербурге и в Москве в 1830–1837 годах.

Весьма критически оценивал педагогические способности Жуковского и сам Александр II.

10

58-летний Жуковский обвенчался в 1841 году в Дюссельдорфе с 19-летней Елизаветой Евграфовной Рейтерн, дочерью его давнишнего приятеля, живописца Е. Р. Рейтерна, и больше 12 лет прожил со своей новой семьей в Германии.

11

Из заграничной поездки императорской семьи в 1835 году на Сицилию в связи с болезнью Александры Федоровны.

12

Косынка, шейный платок.

13

Баронесса Ева Аврора Шарлотта Шернваль — из рода финских шведов, фрейлина и статс-дама русского императорского двора, общепризнанная красавица, адресат стихов Баратынского.

14

Екатерининский институт благородных девиц — место обучения дочерей нетитулованных дворян. Здание института размещалось на наб. реки Фонтанки (д. 36). О Екатерининском институте см.: Смольный институт. Дневники воспитанниц. М.: Алгоритм, 2017.

15

Императрица Мария Федоровна, жена Павла I и мать Николая I, была патронессой Екатерининского института.

16

Зауервейд Александр Иванович (1782–1844) — немецкий и русский художник, профессор батальной живописи Императорской Академии художеств. При Николае I был преподавателем рисования при великих князьях.

17

Барон Фридрих Вильгельм Генрих Александр фон Еумбольдт — немецкий ученый-энциклопедист, физик, метеоролог, географ, ботаник, зоолог и путешественник. Почетный член Петербургской академии наук. Побывал в России в 1829 году по приглашению российского министра финансов, для того чтобы посетить уральские рудные месторождения. Побывал в Санкт-Петербурге, Москве, Владимире, Нижнем Новгороде, Казани, Екатеринбурге, Перми. Осмотрел месторождения железных, золотоносных руд, самородной платины, малахита. Побывали на известных уральских заводах, в том числе Невьянском и Верхнетуринском. Был в Тобольске, Барнауле, Семипалатинске, Омске, Миассе, по Южному Уралу с осмотром Златоуста, Кичимска, Орска и Оренбурга. Посетил Илецкое месторождение каменной соли, прибыл в Астрахань, а затем совершили небольшую поездку по Каспийскому морю. По результатам поездки издал трехтомный труд «Центральная Азия».

18

Сэр Джеймс Кларк Росс (1800–1862) — британский военный моряк, исследователь полярных районов, именем которого названы море и ледник, два острова в Антарктике (Остров Росса и Остров Джеймса Росса), вид тюленей, вид бабочек и др.

19

Альфред Виктор де Виньи (1797–1863) — французский писатель-романтик, автор сборников стихов, исторических романов, пьес и поэм, в числе которых была одна, посвященная женам декабристов.

20

Петр Александрович Плетнев (1791–1866) — критик, поэт пушкинской эпохи, профессор и ректор Императорского Санкт-Петербургского университета. Был учителем словесности в женских институтах, кадетских корпусах и в Санкт-Петербургском Благородном пансионе. По рекомендации В. А. Жуковского, с 1828 года Петр Александрович преподавал литературу наследнику престола Александру II и великим княжнам. Был близким другом Пушкина и Гоголя, редактировал вместе с бароном Дельвигом литературный журнал «Северные цветы», а в 1838–1846 годах, после смерти Пушкина, вел его журнал «Современник».

21

Борис Семенович Якоби разработал так называемый «пишущий телеграф», в котором электромагнит при помощи системы рычагов приводил в движение карандаш. Запись сигналов производилась на фарфоровой доске, которая двигалась на каретке под действием часового механизма. Телеграфный аппарат Якоби в течение нескольких лет успешно работал на «царских» линиях: Зимний дворец — Главный штаб — Царское Село. Позже разработал новую конструкцию стрелочного синхронного аппарата с горизонтальным циферблатом, электромагнитным приводом и прямой клавиатурой. А в 1850 году Якоби изобрел первый в мире буквопечатающий телеграфный аппарат, работающий по принципу синхронного движения.

22

Муж Марии Николаевны, Максимилиан Иосиф Евгений Август Наполеон Богарне, второй сын Евгения Богарне (сына Жозефины и пасынка Наполеона Бонапарта) и Августы из Виттельсбахов, принцессы Баварской, дочери короля Баварии Максимилиана I. По условию невесты и ее отца согласился после свадьбы остаться в России и поселился в женой в Мариинском дворце на Исаакиевской площади. Внес большой вклад в развитие горного дела в России (был главноуправляющим Горным институтом с 1844). Родоначальник русского аристократического семейства Лейхтенбергских, или Романовских.

23

С начала XIX века в доме, принадлежавшем полковнику В. В. Энгельгардту (современный адрес: наб. канала Грибоедова, 16/Невский пр-т, 30), проходили концерты Петербургского филармонического общества. В Филармоническом зале выступали Г. Берлиоз, Р. Вагнер, И. Штраус, Ф. Лист, К. Шуман, М. И. Глинка, А. Г. Рубинштейн, Полина Виардо.

24

Мария Тальони (1804–1884) — итальянская танцовщица, прославившаяся исполнением главных ролей в балетах «Бог и баядерка», «Сильфида», «Зефир и Флора», поставленных ее отцом.

25

Великая княгиня Елена Павловна, урожденная принцесса Вюртембергская, жена великого князя Михаила Павловича.

26

Митрополит Макарий (в миру Михаил Петрович Булгаков) (1816–1883) — епископ Православной российской церкви, историк церкви, богослов. С 8 (20) апреля 1879 — митрополит Московский и Коломенский. Ординарный академик Академии наук (1854).

27

Митрополит Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов; 1782–1867) — епископ Православной российской церкви; с 3 июля 1821 года архиепископ (с 22 августа 1826 — митрополит) Московский и Коломенский. Действительный член Академии Российской (1818); почетный член (1827–1841) Императорской академии наук и впоследствии ординарный академик (1841) по Отделению русского языка и словесности. Крупнейший русский православный богослов XIX века.

28

Алексей Федорович Львов (1798–1870) — русский скрипач-виртуоз, композитор, дирижер, музыкальный писатель и общественный деятель. Создатель музыки гимна «Боже, Царя храни!» (1833) и других сочинений.

29

Херувимская песнь (греч. Χερουβικος Υμγος; кратко по первым словам — «Иже херувимы») — в византийском обряде (православие и грекокатолицизм) песнопение, которое поется на Литургии.

30

Прокимен (грен. προκειμενον — букв, «лежащий впереди») — в православной церкви неоднократно повторяемая песнь, состоящая из одного стиха псалма (чаще всего, хотя есть прокимены, взятые из Евангелия, Апостола и даже апокрифических текстов), каждое из этих повторений предваряется «стихом» в менее торжественном исполнении. Исполняется перед чтением Апостола или Евангелия.

31

Карл I (1823–1891) — кронпринц, а затем король Вюртембергский, супруг великой княгини Ольги Николаевны с 1 (13) июля 1846 года.

32

Принцесса Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария Гессенская и Прирейнская, приехала в Россию в 1840 году, приняла в православии имя Марии Александровны. Супруга цесаревича, а затем императора Александра II.

33

Елизавета Алексеевна (урожденная Луиза Мария Августа Баденская) — супруга Александра I.

34

Великие князья Константин Николаевич, Николай Николаевич и Михаил Николаевич.

35

Женские епархиальные училища, созданные по Уставу 1843 года, находились в ведении Св. Синода и были предназначены в основном для дочерей лиц духовного звания. В 1896 году существовало 51 женское епархиальное училище. Об участии Ольги Николаевны в их организации см.: Переписка Великой княгини Ольги Николаевны с высокопреосвященнейшим Филаретом, митрополитом Московским // Чтение в Обществе любителей духовного просвещения. 1893. № 10. С. 1–6. См. также: Епархиалки. Воспоминания воспитанниц женских епархиальных училищ. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

36

В то время императорская семья отдыхала в Италии, в Палермо.

37

Монреале (Monreale) — южный пригород Палермо, расположен в живописной горной местности. Знаменит своим собором XII века.

38

Для госпожи (ит.).

39

Константин намекает на несколько помолвок сестры, не состоявшихся из-за различных политических осложнений.

40

Видимо, один из приближенных кронпринца. Род фон Шпитценбергов относился к знатнейшему Вюртембергскому дворянству и находился отдаленном родстве с герцогами Вюртембергскими.

41

Барон Петр Казимирович Мейендорф (1796–1863) — русский дипломат, действительный тайный советник.

42

Исторический роман Вильгельма Гауфа, посвященный истории Вюртемберга XVI века.

43

Великая княгиня Екатерина Павловна (1788–1819) — четвертая дочь Павла I Петровича и Марии Федоровны, прозванная «красой России», была в юности выдана замуж за Петра-Фридриха Ольденбугского, чтобы избежать сватовства со стороны Наполеона. После смерти первого мужа вышла замуж по страстной любви за короля Вильгельма Вюртембергского. Супруги были двоюродными братом и сестрой, будучи внуками Фридриха Евгения Вюртембергского, отца Марии Федоровны. Во втором браке прожила всего три года, умерла 9 января 1819 года от рожистого воспаления. У нее от Вильгельма Вюртембергского были две дочери. Карл — сын Вильгельма от третьего брака с Паулиной Вюртембергской.

44

Отказ от прав на императорскую корону как со стороны самой Ольги, так и ее будущего потомства.

45

Мемуары Анны Тютчевой см. в книге: В царском кругу. Воспоминания фрейлин дома Романовых. М.: Алгоритм, 2016. Они также выходили отдельной книгой: Тютчева А. Воспоминания. М.: Захаров, 2000.

Красавицы (фр.).

47

Екатерина Васильевна Салтыкова — статс-дама, гофмейстерина двора цесаревны Марии Александровны.

48

Трен — задний конец женского платья, тянущийся в форме длинного шлейфа.

49

Старшая дочь Николая I.

Вполголоса (ит.).

51

Парюра (фр. parure — убор, украшение) — набор ювелирных украшений, подобранных по качеству и виду камней, по материалу или по единству художественного решения.

52

Подавление восстания декабристов. М. А. Корф, директор Императорской публичной библиотеки и главноуправляющий Вторым отделением, писал по этому поводу: «Со времени происшествий 14 декабря 1825 года император Николай неизменно праздновал их годовщину, считая всегда это число днем истинного своего восшествия на престол. Все лица, принимавшие прямое или косвенное участие в подвигах достопамятного дня, были собираемы ко двору, где, в малой церкви Зимнего дворца или в церкви Аничкова, совершалось благодарственное молебствие, при котором, после обыкновенного многолетия, были возглашаемы сперва вечная память «рабу Божию графу Михаилу (Милорадовичу) и всем, в день сей за веру, царя и отечество убиенным», а в заключение — многолетие «храброму всероссийскому воинству». Затем все присутствовавшие допускались к руке императрицы и целовались с государем, как в Светлый праздник. Много лет сряду государь приезжал еще в этот день в Конногвардейский и в Преображенский полки, которые, как известно, прибыли первыми на площадь к охранению правого дела, и эти царственные посещения он прекратил тогда лишь, когда в составе упомянутых полков не осталось уже никого из ветеранов 14 декабря. В прежнее время в это число бывал всегда и маленький бал в Аничковом дворце».

53

Во время Крымской войны великий князья Николай и Михаил Николаевичи находились в Севастополе. Из-за ухудшения здоровья императрицы Александры Федоровны они вернулись в Гатчину, где тогда находился двор.

54

Долгорукая Александра Сергеевна — княжна, фрейлина Марии Александровны.

55

Фредерикс Мария Петровна — фрейлина императрицы Александры Федоровны, ее записки см. в книге: В царском кругу. Воспоминания фрейлин дома Романовых. М.: Алгоритм, 2016.

56

Гудович Евдокия Васильевна — фрейлина императрицы Александры Федоровны.

57

Жена великого князя Константина Николаевича.

58

Блудова Антонина Дмитриевна — камер-фрейлина, дочь А. Н. Блудова, действительного тайного советника, в то время главноуправляющего Второго отделения.

59

Екатерина Федоровна Тизенгаузен, камер-фрейлина.

60

Вдова великого князя Михаила Павловича.

61

Орлов Алексей Федорович — шеф жандармов и главный начальник III отделения.

62

Адлерберг Владимир Федорович — министр двора. Брат статс-дамы Ю. Ф. Барановой.

63

Долгорукий Василий Андреевич — военный министр.

Вильгельмина фон Рорбек, камер-фрау Александры Федоровны.

65

Меншиков Владимир Александрович, свиты его величества генерал-майор, сын Александра Сергеевича, главнокомандующего во время Крымской войны.

66

Варвара Аркадьевна Нелидова, фрейлина, любовница Николая I.

67

«Прекрасная ночь, мадемуазель Тютчева, прекрасная ночь» (фр.).

68

Ж. И. Ганналь (1791–1852), известный французский химик и фармаколог, занимавшийся также вопросами бальзамирования и использовавший для этой цели квасцы алюминия.

69

Василий Дмитриевич Олсуфьев, обер-гофмейстер двора.

Блудова (см. выше).

71

Алексей Степанович Хомяков (1804–1850) русский поэт, художник, публицист, богослов, философ, основоположник раннего славянофильства.

72

Цесаревна — титул дочерей императора Петра I, позже титул «цесаревны» был воссоздан Николаем I в день венчания цесаревича Александра (будущего Александра II) и Марии Александровны, но уже как звание жены цесаревича. После Марии Александровны этот титул носила только Мария Федоровна, жена цесаревича Александра Александровича (будущего Александра III). Николай Александрович и Александра Федоровна обвенчались непосредственно перед коронацией Николая, а Александра Федоровна сразу получила титул императрицы.

73

Великий князь Константин Николаевич.

74

Великие князья Николая Николаевич (старший) и Михаил Николаевич.

75

Толстая Елизавета Андреевна — воспитательница принцессы Евгении Максимиллиановны Лейхтенбергской, светлейшей княжны Романовской, дочери Максимилиана Лейхтенбергского и Марии Николаевны.

76

2 декабря 1852 года в результате плебисцита была установлена конституционная монархия во главе с племянником Наполеона I Луи Наполеоном Бонапартом, принявшим имя императора Наполеона III. Ранее Луи Наполеон был президентом Второй республики (1848–1852).

77

Макаров Иван Кузьмич (1822–1897) — русский живописец-портретист, автор портретов Марии Александровны и ее придворных, в том числе фрейлины императрицы Екатерины Федоровны Тютчевой, младшей сестры Анны.

78

Бартенева Надежда Александровна (1821–1901), фрейлина императриц Александры Федоровны и Марии Александровны.

79

Екатерина Александровна Чавчавадзе (1816–1882), сестра Нины Чавчавадзе, вдовы Ерибоедова. Вдова владетельного князя Мегрелии Давида I Дадиани, правительница Самэгрэло (Мегрелии) (при несовершеннолетнем сыне Николозе (Николае), 1853–1866). Во время Крымской войны Турция отправила в Мегрелию свои войска, сумевшие занять значительную территорию княжества, несмотря на помощь, оказанную Россией. Правительница переехала в Лечхуми, где вскоре получила от турецкого командующего Омера Лютфи-паши предложение перейти под покровительство Турции. Оставив письмо без ответа, Екатерина Александровна встала во главе мегрельских войск и повела их в наступление на турок. В плену у Шамиля была не она, а ее золовка: в июне 1854 года Шамиль, имам теократического государства — Северо-Кавказского имамата, в котором объединил горцев Западного Дагестана, Чечни и Черкесии, напал на Цитандали, родовой замок князей Чавчавадзе и захватил семью князя Давида, брата Екатерины, в плен. Нина Грибоедова и ее дочь Елена пленения избежали, так как гостили в Мегрелии у Екатерины.

В марте 1856 года, после заключения Парижского мира, получила приглашение на коронацию императора Александра II, куда прибыла с детьми и сестрой Ниной. Как свидетельствует мемуарист К. Бороздин, «она со свитою производила эффект чрезвычайный. Сохранившая блеск своей красоты… в роскошном и оригинальном костюме… она была чрезвычайно представительна, а рядом с нею все видели прелестную ее сестру, Грибоедову, дорогую для всего нашего русского общества по имени, ею носимому. Все были в восторге от мингрельской царицы, ее сестры, детей и свиты».

80

Воронцова Екатерина Ксаверьевна (1792–1880) — жена князя Михаила Семеновича Воронцова.

81

Тортом (нем.).

82

Дочь Николая I, тетка маленькой великой княжны.

83

Тетя Свинка (англ.).

84

Екатерина Михайловна (1827–1894) — дочь великого князя Михаила Павловича.

85

Кинбурн (тур. Kilburun) — турецкая крепость XV века на Кинбурнской косе в устье Днепра. В 1855 году принадлежала России (перешла к ней по результатам Русско-турецкой войны 1768–1774 годов) и подверглась обстрелу в ходе Крымской войны.

86

Долгорукая Александра Сергеевна (1834–1913) — фрейлина Марии Александровны.

87

Нессельроде Карл Васильевич (1780–1862) — дипломат, государственный канцлер.

88

Адлерберг Николай Александрович (1844–1904), сын графа Александра Владимировича, ровесник и товарищ великого князя Николая Александровича.

89

Мейендорф Феофил Егорович (1838–1919) — сын генерала от кавалерии, барона Е. Ф. Мейендорфа, товарищ великого князя Николая.

90

Олсуфьев Александр Васильевич (1843–1907) адъютант и друг цесаревича Александра Александровича.

91

«Мари очень устала, Мари хочет уйти, Мари хочет в кроватку» (англ.).

92

В Зимнем дворце.

93

Великий князь Сергей Александрович родился в 1857 году.

Константин Константинович (1858–1915) — сын великого князя Константина Николаевича, будущий поэт К.Р.

95

Александр II с императрицей и свитой ехали в Москву, на вторую годовщину коронации.

Баронесса Тизенгаузен Матильда Карловна, происходила из остзейского рода Тизенгаузенов.

97

Александр Николаевич Муравьев (1792–1863) — участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии 1813–1814 годов, один из основателей декабристского движения, впоследствии генерал-лейтенант, Нижегородский военный губернатор, сенатор.

98

Эммануил Сведенборг (1688–1772) — шведский ученый-естествоиспытатель, христианский мистик, теософ, изобретатель. Идеи Сведенборга распространяет и развивает религиозное движение «Новая церковь» или «церковь Нового Иерусалима», одно из ответвлений которой считает писания Сведенборга «Третьим заветом».

99

Исаков Николай Васильевич (1821–1891) — генерал, попечитель Московского университета.

100

Бобринский Александр Алексеевич (1823–1903) — граф, обер-гофмейстер, член Государственного совета.

101

Екатерина Федоровна Тютчева (1835–1882) была фрейлиной императрицы Марии Александровны, позже занималась журналистикой, переводами. Организовала в селе Новые народные школы и писала учебники для крестьянских детей.

102

Двор переехал в Гатчину.

103

Антон Григорьевич Рубинштейн (1829–1894) — русский композитор, пианист, дирижер, музыкальный педагог.

104

Елена Павловна (1806–1873) — великая княгиня, супруга великого князя Михаила Павловича.

105

Фон Мирбах Эрнст Иванович — флигель-адъютант.

106

Кавелин Александр Александрович (1793–1850) — генерал-лейтенант, член Государственного совета.

107

Огарев Николай Александрович (1811–1867) — генерал-лейтенант.

108

Кушелев Сергей Егорович (1821–1890) — флигель-адъютант.

109

Львов Николая Михайлович (1821–1872) — писатель и драматург. Его комедия «Свет не без добрых людей» (шла на имп. сцене в СПб. в 1857 году, тогда же напечатала в «Отечественных записках») обратила на себя внимание обличением темных сторон чиновничьего быта. Две другие комедии Л., «Предубеждение, или Не место красит человека, а человек место» (СПб., 1858) и «Кампания на акциях» (шли в следующий сезон), успеха не имели.

110

Шольц Василий Богданович (1798–1860) — медик, хирург и акушер, действительный статский советник. Лейб-акушер в 1844–1855 годах.

111

Дэниел Данглас Хьюм (1833–1886) — шотландский медиум-спиритуалист, выступавший перед императором Наполеон III, императрицей Евгенией, Александром II, кайзером Вильгельмом I и т. д.

112

Алексей Аркадьевич Столыпин (1816–1858) — родственник и друг М. Ю. Лермонтова. Известен под прозвищем «Монго».

113

Гримм Август Теодор (1805–1878) — педагог и беллетрист, воспитатель детей Николая I и Александра II.

Гримм написал роман «Die Fürstin der siebenten Werst» («Княгиня седьмой версты») (СПб., 1858), рисующий жизнь петербургского высшего общества.

115

Свекрови (фр.).

116

Карольи Алоизий — австрийский дипломат.

117

Петр Григорьевич, принц Ольденбургский (1812–1881) — сын принца Георгия Петровича Ольденбургского и супруги его великой княжны Екатерины Павловны.

Немецких течений (нем.).

119

Сухозанет Николай Онуфриевич (1794–1875) — генерал-адъютант, член Государственного совета.

120

Чевкин Константин Владимирович (1802–1875) — генерал-адъютант, главноуправляющий путями сообщения.

121

Горчаков Александр Михайлович (1795–1883) — русский дипломат, с 1856 года — министр иностранных дел, государственный канцлер.

122

В 1859 году шла Австро-итало-французская война, которая была для Италии национально-освободительной. Александр II (не простивший Австрии предательство во время Крымской войны, когда она выступила против России, несмотря на подписанные ранее соглашения) заключил с императором Франции договор, по которому Россия должна была соблюдать дружественный нейтралитет. Также Александр пообещал Наполеону, что сосредоточит у границы с Австрией несколько российских корпусов, чтобы сковать часть австрийских войск на востоке.

123

Виктор-Эммануил II (1820–1878) — король Сардинии. В 1861 году принял титул короля Италии и в 1871 перенес свою столицу в Рим.

124

Николай Михайлович (1859–1919) — сын великого князя Михаила Николаевича.

125

Рачинский Александр Викторович (1826–1877) — писатель, историк-балканист, участник Крымской кампании, был вице-консулом в Варне.

126

Гартман Карл Карлович — лейб-медик.

127

Тютчева Дарья Федоровна (1834–1903) — вторая дочь поэта Ф. И. Тютчева от первого брака с Элеонорой Ботмер, фрейлиной императрицы Марии Александровны. Известно, что она лечилась в клинике для душевнобольных от нервного потрясения, вызванного безответной страстью к императору Александру II. Ее сестра Анна Федоровна упоминает в своем дневнике за 1858 год о болезненных припадках сестры, вызванных сплетнями о ней и императоре. Об этом см.: А. А. Толстая. Записки фрейлины. Печальный эпизод из моей жизни при дворе (в кн. В царском кругу. Воспоминания фрейлин дома Романовых. М.: Алгоритм, 2016).

128

Бартенева Наталья Арсеньевна (1829–1893) — фрейлина императриц Александры Федоровны. Дочь Арсения Ивановича Бартенева и Феодосии Ивановны Бартеневой. В семье Бартеневых было три брата (Сергей, Ипатий, Арсений) и четыре сестры (Надежда, Вера, Мария, Наталья и Прасковья). Все сестры были фрейлинами разных членов императорской семьи.

129

Енохин Иван Васильевич (1791–1863) — лейб-медик, главный инспектор медицинской части при армии.

130

Жуковский-Волынский Федор Федорович (1804–1879) — лейб-хирург.

131

Хаапсалу (эст. Haapsalu, старое русское название — Гапсаль, Хапсаль (швед. Hapsal, нем. Hapsal) — город на северо-западе Эстонии, административный центр Ляэнемааского мааконда (уезда).

132

Здекауэр Николай Федорович (1815–1897) — врач, в 1860 году назначен лейб-медиком, консультантом при Александре II.

133

Баранов Николай Михайлович (ум. 1901) — бывший флигель-адъютант, позже губернатор Ковенской губернии, после гибели Александра II по рекомендации Победоносцева был назначен петербургским градоначальником, но не справился со своими обязанностями.

134

После смерти жены, не дожидаясь истечения годичного траура, Александр II заключил морганатический брак с княжной Долгоруковой, получившей титул светлейшей княгини Юрьевской. Венчание позволило императору узаконить их общих детей.

135

Арсеньев Дмитрий Сергеевич (1832–1915) — вице-адмирал, состоял попечителем младших сыновей Александра II Сергея и Павла.

136

Великий князь Алексей Александрович (1850–1908) — четвертый сын императора Александра II и императрицы Марии Александровны.

137

Виктор Андреевич Мясоедов-Иванов (1841–1911) — русский строитель, инженер-путеец, сенатор, член Государственного совета, товарищ министра путей сообщения.

138

Сергей Юльевич Витте (1849–1915) — русский государственный деятель, министр путей сообщения (1892), министр финансов (1892–1903), председатель Комитета министров (1903–1906), председатель Совета министров (1905–1906).

139

Дмитрий Мартынович Сольский (1833–1910) — русский государственный деятель, Статс-секретарь Его Императорского Величества (с 19 февраля 1864 года). Государственный секретарь в 1867–1878 годах, действительный тайный советник 1-го класса (с 12 мая 1906 года), Государственный контролер России (7 июля 1878 до 11 июля 1889 года), председатель департамента законов (11 июля 1889–1 января 1893) и государственной экономии Государственного Совета (1 января 1893–24 августа 1905), председатель Государственного Совета (24 августа 1905–9 мая 1906).

140

Дмитрий Оскарович Отт (1855–1929) — российский и советский акушер-гинеколог; лейб-акушер (1895) в царствование императора Николая II.

141

Евгения Конрадовна Гюнст, акушерка императрицы.

142

Густав Иванович Гирш, лейб-хирург.

143

Великий князь Александр Михайлович (1866–1933) — российский государственный и военный деятель, четвертый сын великого князя Михаила Николаевича и Ольги Федоровны, внук Николая I.

144

Низье Антельм Филипп (1849–1905) — спирит, маг-медиум, мартинист и предсказатель, был советником русского царя Николая II до Распутина, занявшего его место.

145

Милица Николаевна (1866–1951) — великая княгиня, супруга великого князя Петра Николаевича. Урожденная черногорская княжна из династии Петрович-Негош. Дочь черногорского князя Николы I Петровича и Милены Вукотич.

146

Анастасия (Стана) Петрович-Негош, также известная в России как Анастасия Николаевна (1867–1935) — принцесса черногорская, герцогиня Лейхтенбергская и русская великая княгиня. Супруга герцога Георгия Максимилиановича Лейхтенбергского, затем — великого князя Николая Николаевича. Дочь короля Николы I Черногорского и его жены Милены Вукотич.

147

На самом деле гемофилия передалась младенцу от его бабки — королевы Виктории, несколько сыновей которой тоже были больны этой болезнью.

148

Перевод Алексея Первушина.

149

В императорской семье было в то время две дочери: Ольга (род. 1895) и Татьяна (род. 1897).

150

В православной традиции Сретение Господне или Принесение во Храм — Очищение Марии после родов и принесение в Иерусалимский храм младенца Иисуса Христа его родителями состоялось на 40-й день после Рождества и на 32-й день после Обрезания. В Иерусалимском храме Святое семейство встретил Симеон Богоприимец (отсюда — Сретенье, то есть встреча).

151

На самом деле строительство Зимнего дворца было начато при Елизавете Петровне. При Петре на этом месте стоял лишь небольшой дворец, позже частично разрушенный (то, что сохранилось от него, стало частью фундамента Эрмитажного театра).

152

«Авраам и три ангела» — картина Рембрандта Харменса ван Рейна. Поступила в эрмитажную коллекцию между 1763-м и 1773 годом. Происходит из собрания Екатерины II.

153

Янтарный кабинет был изготовлен для дворца в Литценбрге (с 1709 — Шарлоттенбург). При встрече Петра I с Фридрихом-Вильгельмом I в ноябре 1716 года в связи с заключением союза между Россией и Пруссией прусский король преподнес российскому императору подарки, среди которых был и Янтарный кабинет. Петр I писал тогда императрице Екатерине: «К(ороль) подарил меня изрядным презентом — яхтою, которая в Потсдаме зело убранная, и кабинетом Янтарным, о чем давно желали». Документально подтверждено, что императрица Елизавета Петровна вскоре после вступления на престол нашла применение драгоценному подарку из Берлина в строившейся для нее новой зимней резиденции — Третьем Зимнем дворце, где в 1743 году и было приказано разместить янтарный убор. В июле 1755 года Елизавета Петровна приказала Растрелли создать новую Янтарную комнату в Большом Царскосельском дворце.

154

Эмиль Лубе — французский политический деятель, президент Франции (Третья республика; 1899–1906). Посещал Россию в 1902 году.

155

История ледяного дома относится ко времени Анны Иоанновны, а не Екатерины. Дом был построен для шутовской свадьбы князя М. А. Голицына и Е. И. Бужениновой. Голицын «был разжалован» в шуты из-за перехода в католичество и брака с католичкой. Буженинова была калмычкой и шутихой Анны Иоанновны. По сведениям современников, «молодоженов» в самом деле продержали всю ночь в «ледяном доме», но наутро все же выпустили оттуда. Евдокия Ивановна прожила после свадьбы еще два года, а Голицын — целых 35, был помилован и успел еще раз жениться.

156

Анджей Тадеуш Бонавентура Костюшко или Косцюшко — военный и политический деятель Речи Посполитой, руководитель польского восстания 1794 года, национальный герой Польши. В октябре 1794 года в сражении при Мацеёвицах главные силы повстанцев были разбиты российскими войсками, а сам Костюшко взят в плен. В 1796 году, после смерти российской императрицы Екатерины II, Костюшко был помилован ее преемником Павлом I, подписал «Присягу на верность» с обязательством защищать интересы императора и его наследника Александра и эмигрировал в США. Через два года, 4 августа 1798 года, приглашенный в Париж для формирования польских легионов, Костюшко написал императору, что не считает возможным выполнять присягу, данную под давлением, и возвратил пожалованные ему деньги. Спустя два месяца по приказу императора во всех приходских церквях западных губерний во время воскресной службы зачитывалось распоряжение, согласно которому в случае появления на российской земле Костюшко должен был быть арестован.

Легенда о том, что в 1796 году император поселил Костюшко в Мраморном дворце «на правах гостя», не находит подтверждения в исторических документах.

157

Ни Александр, ни Константин не участвовали в заговоре против Павла, хотя, возможно, и знали о нем. По показаниям заговорщиков, Павел был задушен шарфом (входившим в военную форму), а не подушкой.

158

Так называемая «Легенда о старце Федоре Кузьмиче».

159

Петропавловский собор.

160

Церемония водосвятия по традиции проходила на льду Невы перед Зимним дворцом.

161

Ср. с воспоминаниями великого князя Гавриила Константиновича, служившего флигель-адъютантом у Николая II: «Во время христосования я стоял возле двери зала, в который входили христосовавшиеся. Они подходили к государю, останавливались и кланялись. Государь протягивал им руку со словами «Христос воскресе!». Они отвечали: «Воистину воскресе!» — и государь христосовался с ними. Они опять отвешивали поклон и шли дальше к государыне, которая стояла позади государя, в некотором отдалении, и раздавала им яйца, каменные или фарфоровые. При этом ей целовали руку.

Через некоторое время государь вышел в большой зал, в котором были выстроены представители тех частей, шефом которых был государь. Государь их обходил и с ними христосовался и некоторым говорил два-три слова. Христосование продолжалось несколько часов подряд. Я все время был подле государя и, сознаюсь, порядком устал, хотя и не христосовался. Как мог он выдержать христосование с таким количеством людей! Это было на второй день Пасхи, накануне он также христосовался со множеством народа и, кажется, также и на третий…

После христосования государь должен был идти мыть лицо и бороду — вода становилась черной, а рука государыни темнела и опухала. В приказах по частям, представители которых являлись на Пасху, писалось, чтобы нижние чины не фабрили усов и бороды».

162

Владимир Александрович (1847–1907), сын Александра II, дядя Николая II.

163

Николай болел брюшными тифом в 1900 году.

164

Дворец Марли был построен в 1720–1723 годы. Он был назван в память о посещении Петром I в 1717 году резиденции французских королей в Марли-ле-Руа под Парижем. Здесь долгое время хранился гардероб Петра I (впоследствии большая часть его передана в Эрмитаж) и другие личные вещи. В 1899 дворец был полностью разобран для постановки на новый фундамент. Необходимость радикальных работ возникла из-за того, что пошли трещины по стенам дворца. Руководил реставрационными работами инженер А. Семенов; все подлинные детали отделки были сохранены, а точность воссоздания была превосходной.

165

Эрмитаж построен по проекту архитектора И. Браунштейна. Работы начались в 1721 году и завершились уже после смерти Петра.

166

Андрей Нартов в своей книге «Достопамятные повествования и речи Петра Великого» проводит такие слова императора: «Не должно иметь рабов свидетелями того, как хозяин ест и веселится с друзьями; они переносчики вестей, болтают, чего и не бывало».

167

Любимый загородный дворец Петра I — «Монплезир» (.фр. mon plaisir — «мое удовольствие») был построен в 1714–1723 годах по проекту архитектора Андреаса Шлютера (1660–1714) при участии Иоганна Фридриха Брауншейна, Жан-Батиста Леблона (1679–1719) и Николо Микетти (1675–1759). Перед своим восшествием на престол Екатерина жила в расположенном неподалеку Екатерининском корпусе (он был назван в часть жены Петра I и построен по приказу императрицы Елизаветы Петровны в 1747–1754 годах).

168

На самом деле Петр III был арестован в Ораниенбауме и убит через несколько дней после дворцового переворота в Ропшинском дворце.

169

Собственная дача — дворцово-парковый ансамбль в Старом Петергофе (Санкт-Петербург). Строительство каменной дачи началось в 1727 году, во время правления императора Петра II. После долгих перестроек в 1741 году оно было подарено Елизавете Петровне. После смерти императрицы Елизаветы Собственная дача пришла в запустение. В 1843 году Николай I подарил Собственную дачу наследнику князю Александру Николаевичу. Александр II провел здесь медовый месяц.

170

Ропша — поселок недалеко от Петергофской дороги, где при Петре I был построен небольшой дворец. В 1714 году Петр I пожаловал Ропшу своему сподвижнику Федору Ромодановскому. Позже имение вернулось в казну, и при Елизавете Петровне здесь был построен пышный дворец по проекту Растрелли. Именно в этом дворце был убит Петр III.

171

Ежегодные маневры в Красном селе.

172

Талар (лат. tunica talaris — платье длиной до пят) — так в старину в Западной Европе называлось одеяние католического духовенства, а затем и одежда протестантских пасторов, судей и др.

173

Княгиня Мария Михайловна Голицына, урожденная Пашкова (1834–1910), дочь генерал-лейтенанта Михаила Васильевича Пашкова и Марии Трофимовны Барановой; кавалерственная дама ордена Св. Екатерины (1879), статс-дама и обер-гофмейстерина Двора императрицы Александры Федоровны. Генерал А. А. Мосолова, автор книги воспоминаний «При дворе последнего императора» пишет о ней: «Трудно было бы найти особу, которая могла бы лучше, чем княгиня Голицына, воплощать все то значение, которое присваивалось высокому званию обер-гофмейстерины… Она имела особо развитое чутье на все, что не соответствовало этикету. Одевалась она не иначе как по моде позапрошлого века, а шляпы ее считались «произведением придворно-экипажного ведомства»… Чтобы сделанное ею замечание не оставалось без последствий, она никогда ничего не говорила молодым фрейлинам, считая их мелкой сошкой: она вступала в пререкания только с такими солидными дамами, которых фрейлины боялись пуще огня».

174

Восприемниками от купели великой княжны Марии Николаевны были императрица Мария Федоровна, великий князь Михаил Александрович, королевич Георгий Греческий, великая княгиня Елизавета Федоровна, великая княгиня Александра Иосифовна, принц Генрих Гессенский.

175

Великий князь Георгий Александрович (1871–1899) — третий сын Александра III и Марии Федоровны, младший брат Николая II. После 1894 года как первый в очереди на наследование российского престола носил титул цесаревича. 28 июня 1899 года, в возрасте 28 лет, скоропостижно скончался от туберкулеза по дороге от Зекарского перевала обратно в Абас-Туман «на велосипеде с бензиновым двигателем». Во время езды у великого князя открылось кровотечение из горла, он сошел с велосипеда и лег на землю. Ему пытались оказать помощь посредством искусственного дыхания, однако безрезультатно.

176

На самом деле Михаилу не стали присваивать титул цесаревича из суеверных опасений, что именно это задерживает рождение сына в семье Николая II.

177

«Император Александр III» — русский эскадренный броненосец. Был спущен на воду 3 августа 1901 года. 13 мая 1905 года прибыл к Корейскому проливу. Днем 14 мая принял участие в Цусимском сражении. После выхода из строя флагманского броненосца возглавил боевую колонну русских кораблей. Вскоре сам получил серьезные повреждения в носовой части и переместился в центр эскадры, уступив «Бородино» место головного. Последние полчаса перед гибелью находился под сосредоточенным огнем броненосных крейсеров «Ниссин» и «Кассуга». Затонул 14 (27) мая 1905 года в 18:50. Никто из команды броненосца не спасся. Последнее предсказание не сбылось.

178

Яхта императорской семьи. Была заложена 1 октября 1893 года на датской верфи «Бурмейстер и Вайн» по указу Александра III. В 1933–1936 годах была переоборудована в минный заградитель.

179

Иоанн Кронштадтский — настоящее имя Иван Ильич Сергиев (1829–1908) — священник Русской православной церкви, митрофорный протоиерей; настоятель Андреевского собора в Кронштадте; член Святейшего правительствующего синода с 1906 года (от участия в заседаниях уклонился), член Союза русского народа. Проповедник, духовный писатель, церковно-общественный и социальный деятель правоконсервативных монархических взглядов.

180

«О подражании Христу» (лат. De Imitatione Christi) — католический богословский трактат Фомы Кемпийского (XV век).

181

«Полярная звезда» — императорская яхта Александра III и Николая II, затем плавбаза подводных лодок в Советском флоте.

182

Ирена Луиза Мария Анна (11 июля 1866–11 ноября 1953) была замужем за своим кузеном Генрихом Прусским, младшим из выживших сыновей императора Фридриха III и Виктории Великобританской. В браке с Генрихом Ирена родила троих сыновей.

183

Сан-Суси (от фр. sans souci — без забот) — самый известный дворец Фридриха Великого, расположенный в восточной части одноименного парка в Потсдаме. Дворец был возведен в 1745–1747 годах по проекту самого короля. Практическая сторона осуществления королевского замысла была поручена близкому другу короля — архитектору Георгу Венцеслаусу фон Кнобельсдорфу.

184

Второй женой великого князя Константина была дочь графа Антония Грудна Грудзинского и Марианны Дорповской Иоанна (Жанетта) Грудзинская, получившая от Александра I титул ее светлости княгини Лович. Для великого князя Константина Павловича и его супруги дворец архиепископа в Скерневице, построенный в XVII веке, был перестроен в стиле неоренессанса. Во второй половине XIX века — охотничье угодье русских императоров. В сентябре 1884 года здесь прошла известная встреча трех императоров — Александра II, Франца-Иосифа I и Вильгельма I.

185

В английской и ирландской мифологии — маленькие проказливые волшебные создания, разновидность эльфов.

186

Так называемый Большой бал в Николаевском зале Зимнего дворца или «Большой бал Николаевской залы». На этом балу собиралась вся родовая, военная и бюрократическая аристократия Петербурга, а не только три первых класса Табели о рангах, как на большинство придворных балов.

187

Князь (Княжна) Крови Императорской (обычно титул употреблялся с более естественным порядком слов, или сокращенно: «Князь крови», «Князь» с именем и отчеством) — в широком смысле — все члены императорского дома; согласно Табели о рангах, они имеют при всяких случаях председательство над всеми князьями и «высокими служителями российского государства», в более узком и чаще употребляемом значении — с 1885 года титул более дальних потомков российских императоров, нежели их внуки (правнуки, правнучки, праправнуки, праправнучки и, теоретически, далее).

188

19 июня (1 июля) 1897 года король Сиама (Тайланда) Чулалонгкорн прибыл в Российскую империю. Они с Николаем II познакомились шестью годами ранее — во время визита цесаревича в Сиам. Между двумя странами были установлены дипломатические отношения, и было решено, что в Россию приедет сын сиамского короля принц Чакрабон для получения военного образования. Летом 1898 года принц Чакрабон прибыл в Санкт-Петербург. Он был определен в Пажеский корпус, где учился четыре года. Сиамский принц стал лучшим учеником российского Пажеского корпуса. 10 (23) августа 1902 года принц Чакрабон был выпущен в звании корнета в лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк и остался в России еще на некоторое время для прохождения стажировки. В 1904 году молодой гусарский офицер познакомился с 18-летней Екатериной Десницкой (1886–1960) — дочерью статского советника Ивана Степановича Десницкого. Екатерина уже побывала на Дальнем Востоке: она была медицинской сестрой во время русско-японской войны. В 1907 году он обвенчался с Екатериной Десницкой в Константинополе.

189

В 1896 году Чакрабона, завершившего курс начального образования в Сиаме, отправили учиться в Великобританию.

190

Ли Хунчжан (15 февраля 1823–7 ноября 1901) — один из самых влиятельных сановников Цинской империи XIX века. Представитель маньчжурского клана Айсин Гёро. В последние десятилетия XIX века уже тяжело больной Ли фактически заведовал внешней политикой Китая. Именно он подписал Симоно-секский мирный договор с Японией (1895) и Союзный договор между Российской империей и Китаем (1896), вследствие чего его имя стало в китайской истории синонимом унижений эпохи неравных договоров. Согласно мемуарам Э. Э. Ухтомского, согласие Ли подписать договор стоило российскому правительству трех миллионов рублей.

К визиту Ли Хунчжана в Москву был оформлен в китайском стиле Чайный дом на Мясницкой.

Вероятно, имеется в виду пожар 1812 года.

192

Колокольня Ивана Великого — церковь-колокольня, расположенная на Соборной площади Московского Кремля. В основании колокольни располагается церковь преподобного Иоанна Лествичника. После надстройки до высоты 81 м. в 1600 году (при Борисе Годунове) колокольня являлась самым высоким зданием России до начала XVIII века.

193

Царь-колокол — памятник русского литейного искусства XVIII века. Был отлит по приказу Анны Иоанновны. Высота с перемычкой составляет 6,24 м, диаметр — 6,6 м; масса 202 тонны. По назначению никогда не использовался. Треснул прямо в литейной яме во время пожара 29 мая 1737 года. Установлен в Московском Кремле возле колокольни Ивана Великого.

194

Царевич Дмитрий (1582–1591), младший сын Ивана Грозного. Погиб в детстве (по одной из версий, зарезал себя в припадке эпилепсии, по другой — его убили люди Бориса Годунова).

На самом деле — пять. Самый старший, также названный Дмитрием, погиб во младенчестве. Также младенцем умер и Василий (сын от Марии Кученей).

196

Иван Иванович (28 марта 1554–19 ноября 1581), по одной из версий, погиб во время ссоры с отцом, по другой версии, умер в результате болезни 19 ноября. Был женат трижды, потомства не оставил.

197

Федор I Иоаннович (11 мая 1557–7 (17) января 1598). Был женат на Ирине Годуновой, но детей не имел. В конце 1597 года Федор смертельно заболел и 7 января 1598 года скончался. На нем пресеклась московская линия династии Рюриковичей. Был канонизирован православной церковью как «святой благоверный Феодор I Иоаннович, царь Московский».

198

Дмитрий был сыном Ивана от Марии Федоровны Нагой, шестой или седьмой его жены (незаконной, так как брак не был благословлен церковью). После смерти отца в 1584 году и восшествия на престол Федора (причем еще до церемонии венчания на царство 24 мая) мальчик с матерью регентским советом был удален в Углич, получив его в княжение. Обстоятельства смерти царевича до сих пор остаются спорными и не до конца выясненными.

199

Ирина Годунова, жена Федора.

200

В 1603 году в Польше явился Лжедмитрий I, выдававший себя за чудесно спасшегося Дмитрия. В июне 1605 года Лжедмитрий вступил на престол и на протяжении года официально царствовал как «царь Дмитрий Иванович»; вдовствующая царица Мария Нагая признала его своим сыном. После гибели Лжедмитрия I царем стал Василий Шуйский, который пятнадцать лет назад расследовал гибель Дмитрия, а затем признавал Лжедмитрия I истинным сыном Ивана Грозного. Теперь он утверждал, что царевич был убит по приказу Бориса Годунова. В том же 1606 году в Польском городе Самборе объявился новый «Дмитрий», который на самом деле был московским дворянином Михаилом Молчановым, который, однако, в Россию под царским именем так и не явился, но уже в 1607 году в Стародубе явился Лжедмитрий II (Тушинский вор), а в 1611 году в Ивангороде — Лжедмитрий III (Псковский вор, Сидорка).

201

3(13) июля 1606 года «святые мощи страстотерпца царевича Димитрия были обретены нетленными». После канонизации его останки были перенесены в Архангельский собор московского Кремля и стали почитаться как реликвия.

202

Михаил Федорович Романов (1596–1645) — первый русский царь из династии Романовых (правил с 27 марта (6 апреля) 1613 года), был избран на царствование Земским собором 21 февраля (3 марта) 1613 года.

203

Патриарх Филарет (в миру Федор Никитич Романов; ок. 1553–1633) — церковный и политический деятель Смутного времени и последующей эпохи, Патриарх Московский и всея Руси (1619–1633). Первый из рода Романовых, носивший именно эту фамилию; двоюродный брат царя Федора Иоанновича. Вместе с другими Романовыми, подвергшимися опале при Борисе Годунове, который рассматривал их как своих соперников в притязаниях на московский престол, в 1600 году был сослан. Он сам и его жена Ксения Ивановна Шестова были насильно пострижены в монахи под именами Филарет и Марфа, что должно было лишить их прав на престол. Единственный выживший их сын — Михаил Федорович — впоследствии в 1613 году был избран русским царем. По традиции, всякий идущий на Красную площадь или в Кремль перед входом в ворота прикладывался к иконе, под воротами мужчинам полагалось проходить без шапки. Часто Иверскую икону в особых каретах возили по домам москвичей, просивших отслужить молебен у постелей больных или просто под своим кровом. Чтобы часовня не пустовала, был сделан точный список с иконы, который замещал ее во время отсутствия.

204

Вероятно, речь идет об Иверской иконе, список которой хранился в церкви у Воскресенских ворот Китай-города, через которые традиционно совершались въезды русских царей на Красную площадь.

Спасские, Троицкие, Никольские, Боровицкие, Тайницкие. Наиболее почитаемыми были Спасские ворота. Их название было дано в 1658 году царским указом — по образу Спаса Смоленского, написанного над воротами отводной стрельницы со стороны Красной площади в память освобождения русскими войсками города Смоленска. Эта древняя фреска до сих пор сохраняется под специальным защитным слоем в белокаменной раме над воротами башни. Это были парадные ворота Кремля. В старину их называли «святыми», и они очень почитались в народе. Через эти ворота в Кремль въезжали великие князья и цари и выезжали на Красную площадь к Лобному месту для оглашения государственных грамот; через них прибывали иностранные послы и посланники с многочисленной свитой, а начиная с XVIII века вплоть до Октябрьской революции торжественно въезжали российские императоры. В дни больших церковных праздников через Спасские ворота на Красную площадь к Лобному месту и к храму Василия Блаженного проходило церемониальное шествие высшего духовенства, совершались крестные ходы. Через Спасские ворота не разрешалось проходить с покрытой головой и проезжать верхом на лошади; даже цари, подъезжая к воротам, спешивались и шли пешком, сняв шапку.

Никольская башня с проездными воротами была названа еще в древности по имени иконы Николая Чудотворца, помещенной в белокаменной раме над воротами отводной стрельницы со стороны Красной площади.

206

Петровский путевой (подъездной) дворец на Тверском тракте (ныне Ленинградский проспект Москвы) — путевой дворец на въезде в Москву со стороны Петербурга; образец русской неоготической архитектуры. Построен по приказу Екатерины II в 1776–1780-х годах. Во время Отечественной войны 1812 года после начала великого пожара в Москве и поспешного отвода французских частей император Наполеон некоторое время держал ставку в Путевом дворце. Наполеон прибыл во дворец 3 сентября и находился в нем четыре дня.

207

Вероятно, имеется в виду Кутузов.

208

Красные ворота — триумфальная арка в стиле барокко, существовавшая в Москве с начала XVIII века до 3 июня 1927 года. Память о ней сохранилась в названии площади Красные Ворота.

209

«Нескучное» — обширная загородная усадьба князя Н. Ю. Трубецкого, располагавшаяся к югу от Москвы, на правом берегу Москвы-реки. К концу XVIII века название «Нескучное» распространилось и на усадьбы, соседние с имением Трубецких. В начале царствования Николая I все участки были выкуплены дворцовым ведомством и на этих землях разбит Нескучный сад.

210

Без забот (фр.).

211

Речь идет о парке Александрия, названному так по имени своей первой владелицы — императрицы Александры Федоровны, супруги Николая I. Одна из резиденций российских императоров с 1830 года до 1917 года (Собственная Его Императорского Величества дача). В 1826 году последовало распоряжение царя «строить на месте, где Меншикова руина, сельский домик, или так называемый «котичь» со всеми хозяйственными заведениями, с присоединением парка». С этого года и началось устройство парка, строительство летнего, в английском стиле дворца, который назвали «Коттедж». Работы возглавил архитектор Адам Менелас.

Строительство дворца продолжалось до 1829 года. Дворец, выполненный в готическом стиле, представлял двухэтажное здание небольшого размера с тройным делением фасадов, украшенных балконами и террасами. На фасадах Коттеджа был помещен герб Александрии — щит с обнаженным мечом, пропущенным через венок белых роз. Этот романтический рыцарский герб был придуман поэтом В. А. Жуковским и присутствовал практически на всех постройках Александрии.

212

Лимерик — город-графство в Ирландии, находится на границах графств Лимерик (провинция Манстер) и Клэр.

213

Альма — река в Крыму. Название в переводе с крымско-татарского означает «яблоко» (по берегам реки много яблоневых садов). Во время Крымской войны 1853–1856 в сражении на Альме русские войска были разбиты англо-франко-турецкими войсками 8 (20) сентября 1854 года. Французы отпраздновали победу сооружением моста Альма через Сену в Париже.

214

Инкерман — город на юго-западе Крымского полуострова. Возник в VI веке нашей эры, когда византийцы возвели на Монастырской скале крепость Каламита для защиты подступов к Херсонесу. В VIII–IX веках в Каламите возник монастырь, от которого сохранились комплекс пещерных храмов в обрыве скалы (базилика, крещальня и др.) и многочисленные кельи, расположенные в несколько ярусов. Монастырь действует и по сей день.

215

Название города состоит из двух греческих слов: «себа́стос» — «высокочтимый, священный» и «по́лис» — «город». Таким образом, по правилам грамматики ударение нужно было ставить Сева́стополь или Севастопо́ль.

216

Уильям Юарт Гладстон (1809–1898) — английский государственный деятель и писатель, 41-й (декабрь 1868 — февраль 1874 года), 43-й (апрель 1880 — июнь 1885 года), 45-й (февраль — август 1886 года) и 47-й (август 1892 — февраль 1894 года) премьер-министр Великобритании.

217

Никитский ботанический сад, был основан в июне 1811 года по указу императора Александра I.

218

Воронцовский дворец и парк созданы в 1824–1851 годах для генерал-губернатора Новороссийского края графа М. С. Воронцова. Расположен в г. Алупка у подножия горы Ай-Петри. Дворец был построен по проекту английского архитектора Эдварда Блора. Пейзажный сад в оссиановском стиле разбит талантливым немецким садоводом-ботаником, главным садовником Южного берега Крыма Карлом Антоновичем Кебахом.

219

Ореанда — имение в 5 км от Ялты. В 1852 году в Ореанде было закончено строительство роскошной царской резиденции Николая I (по проекту А. И. Штакеншнейдера), окруженной прекрасным парком. После смерти царя дворец достался по наследству его второму сыну Константину Николаевичу, который очень любил эти места.

220

Ай-Тодор — мыс на юге Крыма, в 8,5 км к юго-западу от Ялты. Замыкает с запада Ялтинский залив. Название Ай-Тодор означает в переводе с греческого языка «Святой Федор». В 1869 году сын императора Николая I великий князь Михаил Николаевич приобретает земли в удивительной по красоте Гаспре для своей супруги, великой княжны Ольги Федоровны (1839–1891), урожденной принцессы Цецилии Баденской. В короткие сроки на территории он возводит Малый дворец, разбивает парк и называет свое имение Ай-Тодор по названию близлежащего мыса. Позже его владельцами были великий князь Александр Михайлович и великая княгиня Ксения Александровна.

221

В Британии верят, что поцелуй под висящей на потолке омелой гарантирует вечную любовь и пророчит скорый брак.

222

В 1895–1897 годах Николай II и С. Ю. Витте провели денежную реформу и снова ввели в обращение золотые монеты. До этого использование золотой валюты было разрешено только во внешнеторговом обороте.

223

Святая великомученица Анастасия Узорешительница (ум. ок. 304) пострадала во время правления римского императора Диоклетиана (284–305). Тайно заботилась об узниках-христианах, за что была казнена римским воинами. Дочь Николая II получила это имя (прежде не встречавшееся в царской семье) в честь Анастасии (Станы) Петрович-Некгош, княжны Черногорской. Само по себе имя Анастасия в переводе с греческого означает «без ощущения» ср. «анестезия».

Имеется в виду революция 1905 года. (Анастасия родилась в 1904 году.)

225

Министр внутренних дел Дмитрий Сипягин был убит 2 (15) апреля 1902 года. Ему был вынесен «смертный приговор», и приговор этот привел в исполнение Степан Балмашёв, член боевой организации эсеров, явившийся в помещение Государственного совета в офицерской форме, якобы с пакетом от великого князя Сергея Александровича на имя Сипягина. Когда Сипягин взял пакет в руки, Балмашёв произвел пять выстрелов, от которых Сипягин через час скончался. Похоронен на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге.

226

Вячеслав Константинович фон Плеве (1846–1904) — российский государственный деятель. Сенатор (1884), статс-секретарь (1895), действительный тайный советник (1899). Убит эсером Егором Созоновым, который бросил бомбу в его карету.

227

Историю сорванной помолвки (не свадьбы) великой княжны Александры Павловны и ее последующего брака см. в книге: Сбежавшие принцессы. М.: Алгоритм, 2017.

228

Эдуард VII (англ. Edward VII; 9 ноября 1841, Букингемский дворец, Лондон — 6 мая 1910, там же) — король Великобритании и Ирландии, император Индии с 22 января 1901, австрийский фельдмаршал (1 мая 1904), первый из Саксен-Кобург-Готской (ныне Виндзорской) династии.

229

Александра, принцесса Датская (1 декабря 1844–20 ноября 1925), сестра русской императрицы Марии Федоровны (Дагмар). От этого брака было шестеро детей.

230

Виктория Александра Ольга Мария (англ. Victoria Alexandra Olga Mary; 6 июля 1868, Мальборо-хаус, Лондон, Великобритания — 3 декабря 1935, Коппинс, Бакингемшир, Великобритания) — член британской королевской семьи, дочь короля Эдуарда VII и Александры Датской; младшая сестра Георга V; замуж не выходила.

231

Мод Шарлотта Мария Виктория (англ. Maud Charlotte Mary Victoria; 26 ноября 1869, Мальборо-хаус, Лондон — 20 ноября 1938, Эпплтон-хаус близ Сандрингемского дворца, Норфолк) — младшая дочь короля Великобритании Эдуарда VII и Александры Датской; первая за 600 лет королева Норвегии как самостоятельного государства, супруга принца Кристиана Фредерика Карла Георга Вальдемара Акселя Датского, позже — норвежского короля Хокона VII и мать Улафа V; двоюродная сестра Николая II. О ней см. воспоминания Лив Нансен: Нансен-Хейер Л. Книга об отце. Л.: Гидрометеоиздат, 1973.

232

Георг I (1845–1913) — король эллинов в 1863–1913 годах, преемник Оттона I Баварского на греческом престоле по результатам референдума в Греции 1862 года, основатель династии греческих Глюксбургов. Второй сын короля Дании Кристиана IX. По рождению принц датский Кристиан-Вильгельм-Фердинанд-Адольф-Георг Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Глюксбургский. Был избран на греческий престол в 17-летнем возрасте. Был женат на племяннице Александра II Ольге Константиновне.

233

Виктория Альберта Елизавета Матильда Мария (1863–1950) — была замужем за Людвигом Александром Баттенбергом, маркизом Милфорд-Хейвен, от которого родила двух сыновей и двух дочерей. Вторая дочь Виктории, Луиза, была замужем за шведским королем Густавом VI Адольфом.

234

Людвиг IV, великий герцог Гессенский, муж Виктории Баттенбергской.

235

Фридрих Вильгельм Виктор Август Эрнст Прусский (Вильгельм III) (1882 1951) — кронпринц Германский и Прусский. Старший сын германского императора Вильгельма II и его супруги императрицы Августы Виктории. Последний наследник императорского трона в Германии из династии Гогенцоллернов. После смерти деда, императора Фридриха III, в возрасте шести лет стал кронпринцем Германской империи, сохранив за собой этот титул более 30 лет, до падения империи 5 ноября 1918 года.

236

Лливелин III ап Грифид (валл. Llywelyn ap Gruffydd), известный также как Лливелин Последний или Лливелин, наш последний правитель (Llywelyn Ein Llyw Olaf) (около 1223–11 декабря 1282) — последний независимый правитель Уэльса, при котором страна была окончательно завоевана Эдуардом I. Иногда его также называют Лливелином III Гвинедским или Лливелином II Валлийским.

237

Крушение императорского поезда — катастрофа, произошедшая 17 (29) октября 1888 года с императорским поездом на участке Курско-Харьково-Азовской (ныне Южной) железной дороги у станции Борки под Харьковом (в Змиевском уезде). Несмотря на многочисленные человеческие жертвы и сильные повреждения подвижного состава, в том числе царского вагона, сам император Александр III и члены его семьи не пострадали. Спасение императорской семьи в официальной печати и в церковной традиции интерпретировалось как чудесное; на месте катастрофы был воздвигнут православный храм.

Эта версия событий была изложена в воспоминаниях В. А. Сухомлинова и М. А. Таубе (сына инспектора императорских поездов). Согласно ей, крушение было вызвано взрывом бомбы, которую заложил помощник повара императорского поезда, связанный с революционными организациями. Заложив бомбу с часовым механизмом в вагон-столовую, рассчитав момент взрыва ко времени завтрака царской семьи, он сошел с поезда на остановке перед взрывом и скрылся за границу. Подтверждений версии не было получено.

239

Багрянник европейский, или церцис европейский, или иудино дерево (лат, Cercis siliquastrum) — деревья или кустарники, вид рода багрянник (Cercis) семейства бобовые (Fabaceae). Естественный ареал вида охватывает Средиземноморье, Ближний (без Африканской части) и Средний Восток.

240

Херсонес Таврический (в переводе с греческого: «полуостров»; в византийское время — Херсон, в генуэзский период — Сарсона, в летописях Древней Руси — Корсунь) — полис, основанный древними греками на Гераклейском полуострове на юго-западном побережье Крыма. Единственный античный полис Северного Причерноморья, городская жизнь в котором непрерывно поддерживалась вплоть до конца XIV века. На протяжении двух тысяч лет Херсонес являлся крупным политическим, экономическим и культурным центром Северного Причерноморья, где был единственной дорийской колонией.

241

Елена Петровна (1884–1962) — супруга князя императорской крови Иоанна Константиновича, урожденная принцесса Сербская, дочь сербского короля Петра I из династии Карагеоргиевичей и принцессы Зорки Черногорской (1864–1890). Сестра короля Югославии Александра I, племянница великой княгини Милицы Николаевны и великой княгини Анастасии Николаевны.

242

Вера Петрович-Негош, принцесса Черногорская (1887–1927) — черногорская принцесса, дочь короля Николы I, сестра итальянской королевы Елены и великих княгинь Милицы и Анастасии.

243

Неясно, о чем идет речь. Родители Елены мирно скончались, отец — в 1921 году, мать — 1890.

Супруг Елены Петровны и она сама были арестованы в 1918 году. В ночь с 17-го на 18 июля Иоанна Константиновича и его братьев живыми сбросили в шахту под Алапаевском и забросали гранатами. В конце июля 1918 года арестованная Елена Петровна была перевезена в Пермь. В судьбу принцессы вмешались сербское и норвежское (свекровью Елены Петровны была великая княгиня Елизавета Маврикиевна, урожденная немецкая принцесса, которая на тот момент уже находилась с детьми Елены Петровны в Норвегии и хлопотала за свою невестку) посольства, под их давлением в ноябре 1918 года Елена Петровна была переведена в Москву. Врач С. Мицкевич дал свое заключение: «Мною констатирован у нее психоневроз в стадии тяжелого психического угнетения… с приступами острой тоски, с мыслями о самоубийстве… Дальнейшее заключение может ухудшить ее психическое состояние и довести до тяжелой душевной болезни». 2 декабря 1918 года Президиум ВЦИК постановил передать ее норвежскому посольству и «не препятствовать ее выезду из пределов РСФСР». После освобождения Елене Петровне удалось перебраться в Стокгольм, куда переехали ее свекровь и дети. Детей она увезла в Сербию, затем некоторое время жила с ними во Франции, а потом переехала в Англию. Скончалась Елена Петровна 16 октября 1962 года в Ницце, похоронена на русском кладбище Кокад.

245

Костюмированный бал, состоявшийся в Зимнем дворце 11 (24) февраля и 13 (26) февраля 1903 года, — знаменитый маскарад, во время которого вся знать Российской империи присутствовала в чрезвычайно роскошных костюмах «допетровского времени». Эти костюмы дошли до нашего времени запечатленными в фотографиях, которые являются ценным историческим источником.

246

Принц Андрей, сын короля Георга I и королевы Ольги, урожденной великой княжны Ольги Константиновны Романовой, встретился со своей будущей невестой в 1902 году на коронация короля Эдуарда VII и Александры Датской. Алиса Баттенбергская была дочерью немецкого принца Людвига Александра Баттенбергского и Виктории Гессен-Дармштадтской, сестры Александры Федоровны и Елизаветы Федоровны. Через свою мать Алиса приходилась правнучкой королевы Виктории и родной племянницей императрице Александре Федоровне и великой княгине Елизавете Федоровне. Гражданская церемония бракосочетания состоялась 6 октября 1903 года в Дармштадте. На следующий день были проведены две религиозные церемонии: лютеранская и православная. В браке родилось четыре дочери и сын. Андрей стал греческим королем после смерти своего отца и правил в течение трех лет. В 1922 году с семьей был изгнан из Греции и поселился в Париже.

Виктория, Елизавета, Ирена и Алиса (Александра).

248

Эдуард VII, сын и с 1901 года преемник королевы Виктории, женился 10 марта 1863 года на Александре, принцессе Датской (1 декабря 1844–20 ноября 1925), сестре русской императрицы Марии Федоровны (Дагмар). От этого брака было шестеро детей, одной из дочерей была принцесса Виктория (6 июля 1868–3 декабря 1935).

249

Елизавета Мария Алиса Виктория Еессенская и Прирейнская (1895–1903) — единственная дочь великого герцога Гессенского Эрнста Людвига, брата Александры Федоровны, и его первой жены английской принцессы Виктории Мелиты (дочери великой княгини Марии Александровны).

250

Алиса Великобританская или Алиса Саксен-Кобург-Готская — мать Александры Федоровны.

251

Кружева, которые делают вблизи английского городка Хонитон, были традиционным материалом для свадебных платьев в королевских домах. Еще сама королева Виктория в день своей свадьбы записала в дневнике: «На мне было белое атласное платье с очень пышным воланом из хонитонского кружева, такого, как делали в старину. Я надела мое турецкое бриллиантовое колье и серьги, а также чудесную сапфировую брошь от Альберта».

252

В 1855 году шведский химик Йохан Лундстрем нанес красный фосфор на поверхность наждачной бумаги и заменил им же белый фосфор в составе головки спички.

253

40°C

254

Русско-японская война 27 января (9 февраля) 1904–23 августа (5 сентября) 1905 года — война между Российской и Японской империями за контроль над Маньчжурией и Кореей. После перерыва в несколько десятков лет стала первой большой войной с применением новейшего оружия: дальнобойной артиллерии, броненосцев, миноносцев.

255

Рамка, на которой с помощью крючка можно вывязывать полотнища ткани.

256

Павел Александрович (1860–1919), сын Александра II. Был женат дважды. От первого брака имел двоих детей: Марию и Дмитрия, во втором браке родились трое: Владимир, Ирина и Наталья.

257

В Царском Селе находится дворец княгини Ольги Валерьяновны Палей, морганатической супруги великого князя Павла Александровича.

258

Так называемый «инцидент в Оцу» — покушение на жизнь цесаревича Николая Александровича, осуществленное в японском городе Оцу 29 апреля (11 мая) 1891 года. Наследник престола, посетивший страну в рамках восточного путешествия, подвергся нападению полицейского Цуды Сандзо, когда вместе с двумя принцами — греческим Георгом и японским Арисутавой — возвращался в Киото после посещения озера Бива. Цуда кинулся к коляске, в которой рикша вез Николая, и саблей успел нанести два удара. Хотя полученные Николаем раны не были тяжелыми, программа пребывания в Японии была нарушена; 1 (13) мая Николай вернулся на крейсер «Память Азова», где отпраздновал свой 23-й день рождения, а еще через шесть дней отплыл во Владивосток. Члены японского правительства надеялись на вынесение полицейскому смертного приговора путем широкого толкования 116-й статьи Уголовного кодекса, предполагавшей данное наказание за осуществление преступления в отношении членов японской императорской семьи. Однако в условиях политического давления на судебную власть Цуда Сандзо был приговорен к пожизненной каторге, а уже через несколько месяцев после вынесения решения скончался в тюрьме на острове Хоккайдо.

259

Речь идет скорее всего о низкоквалифицированных работниках из деревень, которые должны были возвращаться к своим семьям на время сельскохозяйственных работ.

Мисс Игер преувеличивает. Крепостные крестьяне в течение как минимум двух лет находились в статусе временнообязанных и выполняли обычную работу на барских землях, вплоть до заключения выкупной сделки.

261

Земельные наделы многих крестьян были настолько малы, что не могли прокормить семью, и крестьяне были вынуждены снова наняться работниками к своему помещику. Крестьяне должны были платить за землю в казну выкуп, впрочем, весьма небольшой и с большой рассрочкой. Но многие помещики предлагали вместо этого отдать крестьянам только четверть их надела, но без выкупа и без обязательной отработки (закон это позволял).

262

Вероятно, имеется в виду так называемое «общинное землевладение» — одна из форм земельных отношений, принадлежность определенного земельного участка крестьянской (соседской) общине. В Российской империи в результате крестьянской реформы 1861 года оформилось как надельное землепользование. В ходе столыпинской реформы заменялось индивидуальным землевладением. Крестьяне поучили право выхода из общины без ее согласия. В Высочайшем рескрипте от 19 февраля 1911 года, подготовленном в связи с 50-летием освобождения крестьян, Николай II писал: «Я поставил себе целью завершение предуказанной еще в 1861 году задачи создать из русского крестьянина не только свободного, но и хозяйственно сильного собственника. В сих видах наряду с отменой круговой поруки, сложением выкупных платежей и расширением деятельности Крестьянского Поземельного банка, я признал благовременным отменить наиболее существенные стеснения в правах крестьян, облегчить их выход из общины, а также переход на хуторское и отрубное хозяйство».

263

Вероятно, подразумеваются земства (земские учреждения) — выборные органы местного самоуправления (земские собрания, земские управы) в Российской империи и Российской республике в 1864–1919 годах на уровне губернии, уезда и (с 1917 года) волости. Были введены земской реформой 1864 года.

264

Пике (фр. pique, от piquer — пристегивать, простречивать материю) — ткань, трикотажное полотно, вырабатываемое из хлопчатобумажной пряжи или химических волокон сложным переплетением.

265

Вторая англо-бурская война 1899–1902 годов — превентивная война бурских республик — Южно-Африканской республики (Республики Трансвааль) и Оранжевого Свободного государства (Оранжевой Республики) против Британской империи, закончившаяся победой последней. В Трансваале на стороне буров воевали голландские, немецкие, французские, русские добровольцы (225 человек).

Суровое отношение Николая I к дуэлям (он поставил их вне закона и наказывал дуэлянтов даже в случае бескровного окончания поединка) изменилось при его внуке. Закон от 13 мая 1894 года о разбирательстве ссор, случившихся в офицерской среде, практически легитимизировал поединки. А вскоре после смерти императора-миротворца вышла посвященная ему книга генерал-майора генерального штаба Меркулина «Беседы с офицерами», обсуждающая вопросы офицерской чести и регламентирующая поединки. Отчаявшись искоренить дуэли, законодатели постарались ввести их с рамки. Лояльно относился к поединкам чести и Николай II. Секунданты могли решить все вопросы регламента дуэли сами, но в спорных случаях могли обратиться в суды общества офицеров, которые должны были определить, что повод для дуэли основательный и секунданты выбрали не слишком жесткие условия.

267

Другом дома (фр.).

268

Уильям Ричард Морфилл (17 ноября 1834, Мейдстон — 9 ноября 1909, Оксфорд) — английский славист, профессор русского и славянских языков Оксфордского университета (с 1900). Член Британской академии (с 1903). Первый профессор русского языка в Великобритании. Автор «Истории России от рождения Петра Великого до смерти Александра II» (1902).

269

Тайно. Розу как символ молчания древние римляне часто вешали над столом во время пиршеств в знак того, что о сказанном под розой, во время застолья, следует молчать где бы то ни было. Впоследствии, в Средние века, с той же самой целью она изображалась на потолке комнат, где проходили важные, секретные совещания, встречи, переговоры, а также в решетке католической исповедальни. Символом молчания роза считалась потому, что Амур, получив ее в подарок от матери, богини любви Венеры, посвятил этот цветок Гарпократу, египетскому богу молчания, чтобы влюбленные не разглашали тайны своей любви.

270

Кишиневский погром — один из самых известных еврейских погромов в Российской империи, произошедший при попустительстве властей 6 (19) — 7 (20) апреля 1903 года в губернском городе Бессарабии Кишиневе (ныне столица Молдавии). Во время погрома было убито около 50 человек, искалечено около 600, повреждено около 1/3 всех домостроений города.

271

Губернатор Кишинева Рудольф Самойлович Раабен действительно был уволен со своего поста за бездействие во время погрома. Все остальное является, разумеется, вымыслом. После своего увольнения он состоял в причислении к Министерству внутренних дел. С 24 февраля 1904-го по 5 марта 1905 года состоял по Военному министерству. С 5 марта 1905 года — член Александровского комитета о раненых. Числился по генеральному штабу. 6 декабря 1906 года за отличие произведен в генералы от инфантерии.

272

В русскоязычной литературе словосочетание «непорочное зачатие» употребляется по отношению к двум совершенно разным доктринам: о непорочном зачатии Иисуса Христа и о непорочном зачатии Девы Марии. Непорочное зачатие Иисуса Христа — концепция христианского богословия, христианский догмат о бессемейном зачатии, означающий, что Иисус Христос свободен от первородного греха. Догмат о непорочном зачатии Иисуса Христа был утвержден в 431 году на III Вселенском соборе в Эфесе. Разделяется всеми христианскими конфессиями. Догмат о непорочном зачатии девы существует только в католицизме. Маргарет Игер употребляет термин Immaculata conceptio (лат.), относящийся именно к зачатию девы Марии.

См. выше рассказ Великой Княгини Ольги Николаевны о женских епархиальных училищах.

Так называемая «Десница Иоанна Крестителя», с 1799-го по 1918 год хранившаяся в России (в Санкт-Петербурге и Гатчине) и являвшаяся собственностью российской императорской семьи. Позже была вывезена из страны, полвека пребывала в Сербии и Черногории, считаясь утраченной, и была обнаружена лишь в 1993 году.

Мученики Гурий, Самой и Авив были покровителями супружества, «в любве и единомыслии сия утверждающе».

276

Серафим Саровский (в миру Прохор Исидорович Мошнин, в некоторых источниках — Машнин; 19 (30) июля 1754 (или 1759), Курск — 2 (14) января 1833, Саровский монастырь) — иеромонах Саровского монастыря, основатель и покровитель Дивеевской женской обители. Прославлен российской церковью в 1903 году в лике преподобных по инициативе царя Николая II.

277

Описание паломничества императорской семьи в Саров см. в воспоминаниях великой княжны Ольги Александровны: Воррес Й. Великая княгиня Ольга Александровна. Мемуары. М.: Захаров, 2004.

Описаны симптомы отравления спорыньей (род грибов семейства спорыньевых (Clavicipitaceae), паразитирующий на некоторых злаках, в том числе на ржи и пшенице). Склероций спорыньи содержит большое количество алкалоидов, наиболее ядовитый из которых — эрготинин, при употреблении в пищу вызывающий судороги и длительные спазмы гладкой мускулатуры; также при отравлении наблюдаются расстройства психики, нарушение глазодвигательной функции, а спустя несколько месяцев — осложненная катаракта, большие дозы приводят человека к гибели. В средние века такие отравления называли «Антонов огонь».

279

Второзаконие, 22:10.

280

Маргарет ошибается: белые ночи заканчиваются в июне, а урожай собирают в августе-сентябре.

281

В Синодальном переводе Библии: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им; ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои».

282

Псалом, написанный в 1776 году на слова английского проповедника Августуса Топлади. Положен на музыку Томасом Хастингсом в 1830 году.

283

Традиционная английская баллада о двух влюбленных, разлученных родителями, которые покончили с собой от горя и были похоронены в одной могиле.

В 1872 году по инициативе Анны Павловны Философовой, жены военного прокурора Владимира Дмитриевича Философова, при медико-хирургической академии были организованы женские врачебные курсы, просуществовавшие до 1887 года, сначала как курсы «ученых акушерок», затем с 1876 года как врачебные. Здесь читали лекции А. П. Бородин, А. Я. Красовский, К. А. Раухфус, М. М. Руднев, И. М. Сеченов, Н. В. Склифосовский, Ю. М. Гудновский и др. Однако девушки, закончившие курсы, получили лишь временные свидетельства, без указания профессии, и не были внесены в список врачей, имеющих право практики. В 1881 году они были закрыты по распоряжению военного министра П. С. Ванновского.

В 1897 году был открыт Женский медицинский институт в Петербурге, в здании на Архиерейской улице (ныне — ул. Льва Толстого, 6–8). В институт принимали девушек христианского вероисповедания в возрасте 20–35 лет, получивших среднее образование и выдержавших испытание по латинскому языку или на высших женских курсах, или непосредственно при поступлении. В 1904 году он был переведен на казенное содержание и приравнен к медицинским факультетам университетов: выпускницам присваивалось звание лекаря (врача), провизора, зубного врача, аптекарского помощника и право на соискание ученой степени магистра фармации, доктора медицины. Одновременно было снято ограничение, связанное с вероисповеданием студенток, но для девушек иудейского вероисповедания была установлена квота в 3 %. К началу 1905 года в институте обучалось 1500 человек.

В 1918 году институт был преобразован в 1-й Петроградский (с 1924 — Ленинградский) медицинский институт им. академика И. П. Павлова.

285

Все великие князья при крещении получали ордена Андрея Первозванного, Александра Невского, Белого Орла и ордена святой Анны и Станислава первой степени.

286

Возможно, Маргарет ошиблась, назвав в числе крестных отцов Алексея великого князя Алексея Михайловича (1875–1895) — шестого сына великого князя Михаила Николаевича и великой княгини Ольги Федоровны, внука императора Николая I.

287

Виктория Александра Ольга Мария (1868–1935) — дочь короля Эдуарда VII и Александры Датской; младшая сестра Георга V.

Имеется в виду, что Алексей Николаевич, так же как Алексей Петрович, были «багрянородными» то есть родились, когда их отец уже был царем или (как в случае Николая II) императором. Багрянородными были также все дочери Николая II.

289

Маргарет снова ошибается. Алексей — мужское имя греческого происхождения и в переводе с греческого означает «защитник».

290

Владимир Федорович Джунковский (1865–1938) — российский политический, государственный и военный деятель. Адъютант великого князя Сергея Александровича (1891–1905), московский вице-губернатор (1905–1908), московский губернатор (1908–1913), товарищ министра внутренних дел и командующий Отдельным корпусом жандармов (1913–1915), командир 8-й Сибирской стрелковой дивизии, генерал-лейтенант (апрель 1917).

291

Упоминавшаяся выше сестра Александры Федоровны, жена великого князя Сергея Александровича.